Н. М. Миркурбанов, Д. Т. Мирахмедова

ЛИТЕРАТУРА

Учебник для 10 класса
школ общего среднего образования
с русским языком обучения

Рекомендовано к изданию
Министерством народного образования
Республики Узбекистан

Ташкент–2022

скачано с сайта www.idum.uz

УДК 821.161.1(075.3)
ББК 83.3(2Рос=Рус)я72
М 63

Координатор проекта Турсуналиева Барно Убайдуллаевна

Рецензенты:

Т. Т. Кельдиев – профессор Ташкентского государственного экономического университета, член-корреспондент Российской академии педагогических и социальных наук;

З. Х. Абдураимова – учитель русского языка и литературы ГСООШ №250 г. Ташкента.

Литература 10 [Текст] : учебник для 10-класса / Н.М. Миркурбанов, Д.Т. Мирахмедова. –Ташкент: Республиканский центр образования, 2022. – 312 с.

Издано за счёт средств Республиканского целевого книжного фонда.

Оригинальный макет и концепция дизайна разработаны Республиканским центром образования.

ISBN 9978-9943-8454-0-4

© Республиканский центр образования, 2022

скачано с сайта www.idum.uz

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 6

ГЛАВА 1. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ДРЕВНЯЯ ЛИТЕРАТУРА

Устное народное творчество 8
Новеллистические сказки 8
Несказочная проза 14
Узбекский фольклор 17
«Алпамыш» 19
Древнерусская литература 23
«Повесть временных лет» 25
Махмуд Кашгари «Диван лугат ат-турк» 29
Литература античного периода. Гомер 33
«Илиада» 35

ГЛАВА 2. ЛИТЕРАТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

«Хождение за три моря» 50
З.М. Бабур 56
«Бабур-наме» 61
Лутфи. Лирика 68
Б. Машраб. Газели 73
Данте Алигьери 80
«Божественная комедия» 83

ГЛАВА 3. ЛИТЕРАТУРА XVIII-XIX ВЕКОВ

Классицизм. На пути к реализму 85
Д.И. Фонвизин 88
«Бригадир» 90
Реализм и русская проза второй половины XIX века 99
И.С. Тургенев 105
«Дворянское гнездо» 111
Ф.М. Достоевский 125

скачано с сайта www.idum.uz

«Идиот» 136
Л.Н. Толстой 155
«Воскресение» 171
А.П. Чехов 181
«Дядя Ваня» 190
Русская поэзия второй половины XIX века 204
Ф.И. Тютчев 206
А.А. Фет 210
Узбекская литература XVIII-XIX веков 214
М.Р. Агахи. Газели 215
Мукими 219
Фуркат 225
Мировая литература XIX века 229
Ч. Диккенс 231
«Приключения Оливера Твиста» 233
В. Скотт 241
«Айвенго» 242
О. де Бальзак 250
«Отец Горио» 253

ГЛАВА 4. ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XX ВЕКА

Тенденции развития русской и узбекской литературы начала XX века 262
А.И. Куприн 265
«Гранатовый браслет» 268
И.А. Бунин 279
«Господин из Сан-Франциско» 283
Фитрат 295
«Рассказы индийского путешественника» 300
Чулпан 305
Стихотворения (сборник «Мгновения любви») 309

скачано с сайта www.idum.uz

Дорогие десятиклассники!

У вас в руках учебник нового поколения, созданный в полном соответствии и на основе Национальной учебной программы по литературе для школ общего среднего образования с русским языком обучения. В учебнике русская классическая литература представлена наряду с соответствующими периодами узбекской и мировой литературы. В теоретических главах учебника излагаются основные историко-литературные, в том числе и биографические сведения о писателях и поэтах, даётся характеристика их творчества и анализ программных художественных произведений.

Расширить, закрепить и проверить свои знания вы сможете быстро, основательно и легко, так как перед вами не просто учебник, а собеседник и путеводитель в одном лице. Он проведёт вас по стране живых картин и чувств, каковой является мировая классическая литература. И это потому, что с лучшими фрагментами и отрывками из художественных произведений можно познакомиться на страницах учебника-хрестоматии, а QR-коды, при помощи которых путём наведения смартфона на штрихкод вы сможете не только прочитать полный текст, но и послушать аудиокнигу, посмотреть видео. QR-код в этом случае даст возможность познакомиться с творчеством того или иного писателя, поэта, страной и эпохой, где он жил и творил, гораздо шире и нагляднее.

Авторы надеются, что такой формат учебника поможет вам не только узнать и понять литературную и общественно-политическую жизнь эпохи, в которой жили и творили выдающиеся мастера художественной словесности, но и прочувствовать, а значит, полюбить их творения, вошедшие в сокровищницу мирового литературного наследия.

Ограниченный объём учебника не даёт возможности внести в книгу в полном масштабе все художественные произведения, анализируемые в теоретических главах. Думается, что после профессионального и увлечённого рассказа учителя вы непременно обратитесь к полным художественным текстам, которые найдёте в школьной, районной, городской библиотеках или же на просторах сети Интернет.

Завершает каждую главу учебника «Глоссарий», то есть словарь литературоведческих терминов, необходимых при изучении и анализе художественных текстов.

Член-корреспондент Российской академии педагогических и социальных наук,
профессор Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека
МИРКУРБАНОВ НАСИРУЛЛА МИРСУЛТАНОВИЧ

Литературу с полным правом называют летописью времён. Во все времена для неё придумывали бесчисленные своды правил, её пытались подчинить разнообразным строгим требованиям – напрасно. Литературу нельзя переписать заново, нельзя подправить и даже уничтожить. К сожалению, литература не всегда может плохого человека подвигнуть к добру и уж точно ей не под силу остановить войны и сделать всех людей счастливыми.

Художественная литература, как известно, по сути своей диалогична; имеется в виду не только диалог автора с читателем, но и то, что через литературу мы как бы общаемся с людьми, жившими в разные эпохи и представлявшими разные культуры. Талантливые произведения художественной литературы способны пробуждать в человеке добрые чувства, передавать искреннюю радость или пронзительную боль уже давно ушедших поколений миллионам новых читателей.

История литературы – это не просто хроника вымышленных людских судеб, а яркая и многоцветная панорама жизни человечества, и потому объектом литературы, как в прошлом, так и в наши дни была и остаётся, говоря словами А.С. Пушкина, «судьба человеческая, судьба народная».

Современный курс литературы в 10 классе представляет собой не отдельные темы уроков, а систему связанных друг с другом явлений и понятий литературного образования.

Данный учебник нацелен на то, чтобы помочь задать правильное направление литературному поиску учащихся в большом количестве разнообразных по жанру произведений русской, узбекской и зарубежной классики.

Знакомство с историей развития мировой литературы с древнейших времён до первых десятилетий двадцатого века даёт яркое представление об особенностях различных литературных эпох, о взаимодействии разнообразных литературных явлений.

Возможность проведения самостоятельной и совместной с одноклассниками исследовательской работы для подготовки сообщений и активного участия в проектной деятельности сделает обычные учебные занятия интересными и разнообразными.

Учебник «Литература» состоит из четырёх частей. В нём даётся анализ изучаемых произведений, историко-теоретические, литературоведческие сведения, биографический материал. Вопросы, предлагаемые для размышлений, помогут понять суть произведений, а глоссарий раскроет значение необходимых литературоведческих понятий.

Первая глава знакомит как бы с культурным фундаментом – фольклором, на котором основывались и благодаря которому возникали и развивались древние письменные памятники русской и узбекской литературы, а также выдающиеся литературные памятники античности.

Вторая глава посвящена чрезвычайно сложному периоду в развитии мировой литературы – Средневековью. Однако в этот период в узбекской и западноевро-

пейской литературах появились величественные произведения художественной словесности, вошедшие в золотой фонд всемирного литературного наследия.

В третьей главе учебника рассматриваются литературные произведения, появившиеся в русской, узбекской и западноевропейской литературах в течение трёх столетий. Это выдающиеся произведения русской художественной прозы девятнадцатого столетия, ставшие во многом эталонными для последующей мировой литературы, блистательная узбекская классическая поэзия. Завершают главу произведения, вышедшие из-под пера классиков мировой литературы, повлиявшие на развитие всемирного литературного процесса.

Четвёртая, заключительная глава учебника, наряду с русской литературой, в большей мере посвящена тенденциям развития узбекской литературы, драматургии и публицистики начала XX века, представленной на русском языке современными поэтами-переводчиками Узбекистана.

Но надо твёрдо усвоить – настоящий учебник не информационный справочник, а инструмент, который поможет сориентироваться в перипетиях художественного текста, путях и формах воплощения авторского замысла, восхититься мастерством художника слова, а также проникнуться чувствами, мыслями и переживаниями того или иного писателя, создавшего бессмертные произведения словесного искусства.

Однако следует понимать, что даже самый совершенный учебник или справочник не смогут заменить само художественное произведение. Ибо только прочитав художественный текст, вы сможете составить личное мнение о прочитанном, а учебник в этом случае исполнит роль путеводителя по художественному миру литературного произведения.

Совокупность литературных произведений, созданных на определённом языке или в определённых государственных границах, составляет ту или иную национальную литературу, в свою очередь, взятые вместе в их возрастающем взаимовлиянии национальные литературы образуют мировую или, как её ещё называют, всемирную литературу.

По завершении учебного курса литературы 10 класса вы вполне обоснованно сможете утверждать, что литература – это форма не только речевого, но и культурного взаимодействия людей. И у каждой из национальной литератур есть своё, очень значимое место в культурном мировом океане, именуемом «мировой литературный процесс».

На наших глазах, заметно вытесняя рукописную, печатную продукцию, приходит ей на смену электронная книга. Сегодня одним нажатием кнопки на любом из гаджетов вы становитесь обладателем знаний, которые были доступны только избранным людям в прошлые времена. Будем надеяться, что знания о литературе, полученные в школе, станут вашим надёжным ориентиром в этом всемирном водовороте литературы.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Общие сведения о фольклоре

Устное народное творчество зародилось в глубокой древности и развивалось на протяжении многих веков, отражая самые различные стороны жизни народа.

К понятию «народное творчество» долгое время применяли названия «народная словесность», «народная поэзия», пока в 40-е годы XIX века не появился термин «фольклор». Этот термин вбирает в себя такие понятия, как «народная мудрость», «народное знание», и обозначает различные проявления народной духовной культуры. Например, фольклор русского народа состоит из сказок, песен, пословиц, поговорок, загадок, былин, легенд, преданий, обрядовой поэзии, скороговорок и других жанров устного народного творчества.

В узбекском фольклоре встречаются трудовые, любовные, обрядовые песни, часть которых упоминается уже в XI веке. Широко представлено устное поэтическое творчество узбеков также пословицами, поговорками, сказками и дастанами. Кстати, дастан в Узбекистане является самым излюбленным и широко распространённым жанром устного поэтического творчества.

Фольклор – это искусство слова, художественное творчество народных масс, бытующее в устной форме и передающееся из поколения в поколение.

Устное народное творчество как в русской, так и в узбекской традиции в основном делится на три рода: эпос, лирику и драматическое искусство, но в узбекском фольклоре эпические произведения ещё в древности приобрели вокально-инструментальную форму и передавались благодаря исполнительским традициям. Виды, формы и жанры народного творчества не являются неизменными и закостенелыми. Фольклор постоянно находится в процессе эволюции и потому не всегда укладывается в какие-то застывшие определенные схемы. Важнейшей особенностью фольклора в отличие от литературы и современной книжной культуры является его традиционализм и ориентация на устный способ передачи информации.

Новеллистические сказки

Русский фольклор изобилует сказками, которые получили название бытовых. Однако быт говорит лишь о темах этих сказок. Неясность, содержащаяся в понятии «бытовая сказка», заставила учёных искать другие названия. Так появилась новеллистическая сказка, указывающая на близость бытовых сказок к новелле – литературному жанру.

В ранних образцах бытовых новеллистических сказок ясно прослеживаются пути формирования и формы сложения их в особую жанровую разновидность. Героем таких сказок становится дурак-неудачник, третий, младший брат, обма-

нутый старшими братьями при дележе отцовского наследства. Появление Ивана-дурака в сказках ознаменовало рождение нового художественного качества, которое превратило сказку в новое, совершенно иное по сравнению с волшебной сказкой явление народного искусства.

Младший сын в волшебной сказке был представлен как защитник старинного равноправия и этических норм. В новеллистической сказке он явился иным. Представление о младшем сыне-дураке, который вечно лежит на печи, устойчиво. Вспомните волшебную сказку «По щучьему велению», где печка возит на себе дурака по всему государству. «Всё на печке сидел да мух ловил», – говорится обычно в сказках.

Сторонник прежних взглядов, обычаев, носитель старой этики ставит себя всякий раз в смешное положение, когда пытается оценить жизненные явления с привычными для него нормами бескорыстия, благородства и уважения. Мир изменился, а герой остался прежним. Верность Ивана традициям старины стала смешной и передана в нарочито глупых сценах. В одном случае он, возвращаясь с ярмарки, глядя на верстовые столбы, решил: «Эх, мои братья без шапок стоят». Взял и надел на них купленные по наказу братьев горшки. В другом случае он выставил с телеги на дорогу стол: пожалел лошадёнку – такая неудалая, везёт не везёт: «Ведь у лошади четыре ноги, и у стола тоже четыре: так стол-то и сам добежит». В третьем случае, заметив, что над ним вьются вороны, и по-своему поняв их крики, Иван подумал: «Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!» Бросил он на дорогу всю говядину, что вёз, и начал ворон потчевать: «Сестрицы-голубушки, кушайте на здоровье!» Доехал Иван до реки, стал лошадь поить; она не пьёт. «Без соли не хочет!» – смекнул дурак и высыпал целый мешок соли в реку. (Следует отметить, что соль была самым дорогим продуктом).

Все эти действия Ивана со временем стали толковаться в народной сказке как черта неуступчивости времени и упорного отстаивания отживших порядков. Неумение приспособиться к современным условиям сделало его дураком в глазах всех окружающих.

Иван смешон, когда, встретив похоронную процессию, кричит: «Носить вам – не переносить, возить вам – не перевозить», а повстречав свадебный поезд, выкрикивает: «Канун да ладан!» Во всех случаях Иван расплачивается за свои ошибки боками. Он дурак «набитый», но Иван чужд корысти, праведен и чист душой, никого не обидит, ни у кого не украдёт, не совершит насилия. Эти черты внутреннего, душевного благородства возвышают Ивана над другими персонажами сказки. Народ одаривает его счастьем, делает удачливым. Иван-дурак не становится идеальным героем, но именно через него передаются идеалы добра и справедливости.

Новеллистическая сказка характеризуется тем, что показывает внутреннюю ложь, социальную неправду, обнажает глубокие внутренние социальные противоречия действительности.

Мир сказки-новеллы – быт, бытовые подробности, не исключающие грубых и уродливых моментов. Обращение сказок к бытовым подробностям и описанию низменных побуждений человека служит средством социальных оценок и многозначительных разоблачений.

Сказка-новелла любит занимательный сюжет, изобилующий комическими ситуациями. Она редко прибегает к использованию чудесного вымысла вне бытового плана. Вымыслу, обычному в волшебном повествовании, новеллистическая история противопоставляет ясный взгляд на действительность. Ирония вытесняет веру в чудеса. В новеллистических историях обычен и приём использования многозначности слов, которые по-своему понимают разные герои сказки.

Сказка-новелла рассчитана на непрерывность и единство восприятия. Она исключает вставные и параллельные эпизоды. Резкость ситуации и четкость обрисовки типов дополняются специфически сжатым интенсивным сюжетом. Предельно простая форма сказки-новеллы – повествование об одном событии. В этих случаях новеллистическая сказка превращается в анекдотический рассказ, в котором развязка следует неожиданно и тем не менее вполне естественно, в соответствии с характером персонажей и обстоятельствами.

В отличие от анекдота, новеллистическая сказка имеет и развёрнутое повествование, и более или менее развёрнутые характеристики персонажей, но ей, по её природе, присущи все свойства анекдота. Разница лишь в том, что эти свойства предстают в сказке-новелле не в столь концентрированном виде.

Красочнее и полнее всего представлена в сказках-новеллах народная разговорная речь. Вообще следует заметить, что народная речь, пронизанная иронией, насмешкой, в сказке-новелле, как и во всех других сказках, обнаруживает свои лучшие особенности.

Все виды русских народных сказок характеризуются своим отношением к реальности. Их исторически сложившийся традиционный вымысел со всеми сопутствующими ему образно-сюжетными и повествовательно-стилевыми формами и делает сказки особым поэтическим жанром. При всей невероятности событий, о которых говорится, в основе сказок не установка на вымысел является главной чертой жанра, а установка на раскрытие жизненной правды с помощью условно-поэтического вымысла, формы которого складывались как в древнее, так и в более позднее историческое время.

К наиболее распространённым новеллистическим сказкам относятся разнообразные сказки на семейно-бытовые темы. Крестьянин сталкивает злую жену в яму, в которой живут черти. Через некоторое время он хочет достать её и спускает туда верёвку. Вытянул верёвку, а за неё чертёнок уцепился: «Вынь меня, мужик! Твоя жена нас всех замучила, загоняла. Что ни прикажешь, всё буду делать!» Когда чёрт отказывался что-либо делать, мужик пугал его тем, что вернёт в яму («Злая жена»).

Споря с мужем из-за пустяков, жена даёт себя похоронить, но не соглашается с ним. Муж говорит, что поле кошено, а жена – что оно стрижено. Упав в реку, жена тонет, но продолжает показывать пальцами: стрижено. Упрямую жену-утопленницу муж ищет вверху по течению, так как при жизни она всё делала наперекор («Жена-спорщица»).

Комизм сказок-новелл проявляется в изображении нереальных ситуаций, порой самых нелепых. Новеллистическая сказка часто превращается в анекдот. Глупый мужик поехал в лес за дровами, стал рубить сук, на котором сидел. Мимо ехал цыган, говорит: «Мужик, упадёшь ведь!» Мужик не поверил, дорубил сук – и свалился. Он

решил, что цыган – колдун: всё знает. Догнал цыгана, стал спрашивать: «А скажи, колдун, как мою жену Матрёну зовут?» «Матрёной», – ответил цыган. Невдомёк мужику, что сам имя жены назвал: «Ну и колдун, уж это так колдун!» И ещё раз решился мужик доискиваться доказательства, что цыган – колдун, захотел узнать, когда умрёт. «Три раза чихнёшь и помрёшь», – сказал «колдун». Чихнул мужик раз, чихнул в другой раз, в третий раз! Сказал себе мужик: «Помер я». Сложил руки да в лесу на морозе и остался – замёрз. А дома у мужика остались жена и дети. Сказка передаёт мысль о вреде глупости. При дураке-муже страдают его близкие. Каждый эпизод этой сказки является анекдотом. Отличие новеллистической сказки от анекдота выражается и в объёме рассказа, и в композиции, и в самом смысле.

КЛАД

Русская народная сказка

В некоем царстве жил-был старик со старухою в великой бедности. Ни много, ни мало прошло времени – померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная.

Пошёл старик по соседям да по знакомым просить, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу; только и соседи, и знакомые, знаючи его великую бедность, все начисто отказали. Пошёл старик к попу; а у них на селе был поп куда жадный, несовестливый.

– Потрудись, – говорит, – батюшка, старуху похоронить.

– А есть ли у тебя деньги, чем за похороны заплатить? Давай, свет, вперёд!

– Перед тобой нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки! Обожди маленько, заработаю – с лихвой заплачу; право слово, заплачу!

Поп не захотел и речей стариковых слушать:

– Коли нет денег, не смей и ходить сюда!

«Что делать, – думает старик, – пойду на кладбище, вырою кое-как могилу и похороню сам старуху».

Вот он захватил топор да лопату и пошёл на кладбище; пришёл и стал могилу готовить: срубил сверху мёрзлую землю топором, а там и за лопату взялся. Копал, копал и выкопал котелок, глянул – а он полнёхонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался: «Слава тебе Господи! Будет на что и похоронить, и помянуть старуху». Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понёс домой.

Ну, с деньгами знамое дело – всё пошло как по маслу! Тотчас нашлись добрые люди: и могилу вырыли, и гроб смастерили; старик послал невестку купить вина и кушаньев и закусок разных – всего, как должно быть на поминках, а сам взял червонец в руку и потащился опять к попу.

Только в двери, а поп на него:

– Сказано тебе толком, старый, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!

– Не серчай, батюшка! – просит его старик. – Вот тебе золотой – похорони мою старуху, век не забуду твоей милости!

Поп взял деньги и не знает, как старика принять-то, где посадить, какими речами умилить:

– Ну, старичок, будь в надёже, всё будет сделано.

Старик поклонился и пошёл домой, а поп с попадьёю стал про него разговаривать:

– Вишь, говорят: беден, беден! А он золотой отвалил. Много на своём веку схоронил я именитых покойников, а столько ни от кого не получал...

Собрался поп со всем причётом и похоронил старуху как следует.

После похорон просит его старик к себе помянуть покойницу. Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что явилось: и вино-то, и кушанья, и закуски разные – всего вдоволь! Гость сидит, за троих обжирается, на чужое добро зазирается.

Отобедали гости и стали по своим домам расходиться; вот и поп поднялся. Пошёл старик его провожать, и только вышли на двор, поп видит, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать:

– Послушай, свет! Покайся мне, не оставляй на душе ни единого греха – всё равно как перед богом, так и передо мною: отчего так скоро сумел ты поправиться? Был ты мужик скудный, а теперь, на́ поди, откуда что взялось! Покайся-ка, свет! Чью загубил ты душу, кого обокрал?

– Что ты, батюшка! Истинною правдою признаюсь тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого; клад сам в руки дался!

И рассказал, как дело было.

Как услышал эти речи поп, ажно затрясся от жадности; воротился домой, ничего не делает – и день и ночь думает: «Такой ледащий [1] мужичишка и получил этакую силу денег. Как бы теперь ухитриться да отжилить у него котелок с золотом?».

Сказал про то попадье; стали вдвоём совет держать и присоветали.

– Слушай, матка! Ведь у нас козёл есть?

– Есть.

– Ну ладно! Дождёмся ночи и обработаем дело, как надо.

Вечером поздно притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру – со всем, и с рогами, и с бородой; тотчас натянул козлиную шкуру на себя и говорит попадье:

– Бери, матка, иглу с ниткою, закрепи кругом шкуру, чтоб не свалилась.

Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою.

Вот в самую глухую полночь пошёл поп прямо к стариковой избе, подошёл под окно и ну стучать да царапаться. Старик услыхал шум, вскочил и спрашивает:

– Кто там?

– Чёрт...

– Наше место свято! – завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать.

– Слушай, старик! – говорит поп. – От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с деньгами, не то я с тобой разделаюсь! Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал – думал: немного возьмёшь на похороны, а ты всё целиком и заграбил!

Глянул старик в окно – торчат козлиные рога с бородою: как есть нечистый! «Ну его совсем и с деньгами-то! – думает старик. – Наперёд того без денег жил и опосля без них проживу!».

---

[1] ***Ледащий*** – слабосильный, тщедушный, хилый.

Достал котелок с золотом, вынес на улицу, бросил наземь, а сам в избу поскорее. Поп подхватил котёл с деньгами и припустился домой.

Воротился.

– Ну, – говорит, – деньги в наших руках! На, матка, спрячь подальше да бери острый нож, режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал.

Попадья взяла нож, стала было по шву нитки резать – как польётся кровь, как заорёт он:

– Матка! Больно, не режь! Матка! Больно, не режь!

Начнёт она пороть в ином месте – то же самое! Кругом к телу приросла козлиная шкура.

Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли – нет, ничего не помогло: так и осталась на попе козлиная шкура.

(Из сборника А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки»).

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Назовите виды сказок. В чём разница между ними?

2. Почему социально-бытовые сказки принято называть новеллистическими? Чем они интересны?

4. Что в сказке «Клад» является вымыслом, а что можно считать показателем реального быта простого народа?

3. Выберите одну из новеллистических сказок, прочитайте её и назовите основные свойства жанра.

ГЛОССАРИЙ

Сказка – эпический жанр письменного и устного народного творчества, прозаический устный рассказ о вымышленных событиях в фольклоре разных народов. Это вид повествовательного, в основном, прозаического фольклора (сказочная проза), включающий в себя произведения, тексты которых опираются на вымысел.

Новелла – (итал. novella – новость) – повествовательный прозаический жанр, для которого характерны краткость, острый сюжет, нейтральный стиль изложения, отсутствие психологизма, неожиданная развязка. Иногда употребляется как синоним рассказа, иногда называется разновидностью рассказа. Генетические истоки новеллы – именно в сказке, басне, анекдоте.

Анекдот – фольклорный жанр, короткая смешная история, обычно передаваемая из уст в уста. Чаще всего анекдоту свойственно неожиданное смысловое разрешение в самом конце, которое и рождает смех.

Несказочная проза

Большое место в русском устном народном творчестве занимает несказочная проза, включающая в себя такие жанры, как предания, легенды, сказы, былички и бывальщины.

Несказочная проза отличается от сказки рядом признаков. И главный из них – установка на достоверность. Рассказчики этих жанров стремятся внушить слушателям веру в реальность или в допустимость существования изображаемых ими картин, событий и лиц, несмотря на их необычность, а порой и сверхъестественность.

Все жанровые разновидности несказочной прозы претендуют на воспроизведение исторических фактов из различных и несопоставимых сфер жизни: человек, космос, природа, общество и др. Такие произведения бытуют в народе не для развлечения, а как средство доступной информации о жизненно важных предметах и явлениях природы и общества.

Важное значение имеет и само искусство рассказчика – эмоциональность и образность его речи, умение импровизировать. Как правило, сюжетный мотив всегда устойчив и выделяется словесными формулами: «Сам не знаю, не видел, а вот люди сказывают...» или «Всякое говорят, а я вот знаю доподлинно» и т.п.

Предания – устные прозаические рассказы, повествующие о фактах далёкого прошлого и передающиеся из поколения в поколение. В основе их содержания лежит реальный факт, который за давностью лет вызывает различные слухи и толки, допускает разные толкования, благодаря чему возникает дополнительный интерес, приобретающий яркую эмоциональную окраску. Понятно, что предание не может говориться от лица очевидца.

Тематика преданий неисчерпаема, однако при внимательном наблюдении можно заметить, что они имеют типичные сферы отражения. Поэтому их можно разделить на следующие жанровые разновидности: топонимические, генеалогические и исторические.

Топонимические предания рассказывают об истории происхождения географических названий: гор, рек, озёр, городов, деревень и т.д.

Генеалогические предания – это устные прозаические рассказы, связанные с происхождением рода, племени, семьи. На такие предания опирались летописцы, рассказывая о процессе миграции русского населения, освоения им необжитых земель.

Исторические предания (предания об исторических событиях и лицах) – это устные рассказы, в которых воспроизводятся именно исторические факты. Наиболее популярными фигурами преданий являются государственные деятели (Иван Грозный и Пётр I), известные полководцы (Суворов и Кутузов), «народные заступники» (Степан Разин и Емельян Пугачёв) и др.

Легенды – устные народные рассказы, в основе которых, в отличие от преданий, лежит вымысел, преподносимый рассказчиком как реальное событие. Вымысел в легенде чаще носит религиозный характер, не имеющий библей-

ско-евангельского происхождения. Легенды восходят к древним дохристианским воззрениям людей и отражают их представления об устройстве мира, о начале человеческого рода, о предполагаемом «конце света». Следует отметить, что в устном бытовании многие библейские легенды наполнялись новым пафосом, приобретая иногда сатирическое антирелигиозное содержание.

Былички – устные рассказы о мнимых столкновениях человека с «нечистой силой» (лешими, упырями, домовыми, водяными, русалками и т.д.). Этот вид несказочной прозы отражает суеверные страхи людей перед непонятными явлениями природы, пережитки язычества в сознании рассказчиков, утверждающих, что будто это «было» с ними самими.

Религиозная функция быличек о вмешательстве в людскую жизнь сверхъественных сил из воображаемого мира несомненна. Существованием таинственных сил люди объясняли те бытовые события, настоящая причина которых была им малоизвестна.

Бывальщина – ещё один жанр несказочной прозы – отличается от сказки тем, что говорит о достоверном, реальном. Истина бывальщины удостоверяется личным опытом рассказчика либо свидетельством кого-нибудь из современников. Темы бывальщин разнообразны, как сама жизнь народа, его история, местные обычаи, быт и ремёсла.

Сказы – устные рассказы о событиях реальной жизни, происходивших на глазах повествователя или со слов реальных очевидцев. Сказы имеют много общего по содержанию с историческими преданиями, но отличаются объектом изображения и позицией рассказчика по отношению к описываемым событиям. В центре сказа – истории о золотоискателях, горняках, шахтёрах, резчиках по камню и т.п. Популярными героями сказов были выдающиеся местные умельцы, силачи, правдоискатели, благородные разбойники, которым противопоставлялись богачи-душегубы и заморские мастера.

Все сказы начинаются с указания на реальность и точную географическую отнесённость описания: «У нас в деревне Чёрной держал маслобойку Загудаев. Мой отец у него работал, Илья с Кубани тоже работал…» Вслед за этим идёт очень короткая и динамичная характеристика главных персонажей: «Оба они шибко здоровы – жом ворочали двое на сто пудов, масло жали шибко». Повествование строится на последовательном обострении конфликта. Без лишних авторских слов приводится столкновение героев в предельно лаконичном диалоге. Завершается сказ какой-либо риторической фразой: «Вот он какой был!» Фантастические мотивы и образы сказов чаще всего заимствовались из смежных жанров несказочной прозы. Устная сказовая традиция породила так называемый литературный сказ, широко представленный в творчестве некоторых русских писателей.

ТРУБКА СТЕНЬКИ РАЗИНА

За Волгой на Синих горах, при самой дороге, трубка Стенькина лежит. Кто тое трубку покурит, станет заговорённый, и клады все ему дадутся и всё; будет словно сам Стенька. Только такого смелого человека не выискивается до сей поры.

ПРЯНИЧНАЯ ГОРА

За Волгою, недалеко от границы Симбирской и Самарской губернии, возле слободы Часовни тянутся небольшие горы и в одном месте перерываются овражком. В старые годы, сказывают, на этом месте Пряничная гора была. Шёл один великан и захотел её скусить; взял в рот (а у него зуб-то со щербинкой был), откусил, а щербинкой-то борозду и провёл; так она и по сие время осталась.

ВОЛГА И КАМА

Кама с Волгой спорила, не хотела в неё течь. Сначала хотела её воду отбить; до половины реки отбила, а дальше не смогла. Поднялась Кама на хитрость, уговорилась она с коршуном:

– Ты, коршун, крикни, когда я на той стороне буду, чтобы я слышала; а я под Волгу подроюсь и выйду в другом месте.

– Ладно.

Вот Кама и начала рыться под Волгу. Рылась, рылась, а тем временем коршуна беркут заприметил и погнался за ним. Тот испугался и закричал, – как раз над серединой Волги.

Кама думала, что уж она на том берегу, выскочила из-под земли и прямо в Волгу попала.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Прочитайте произведения несказочной прозы разных жанров.

2. Укажите характерные жанровые особенности.

3. Почему в устном народном творчестве имели место «страшилки», запугивающие людей? В каких видах современного искусства сохранились подобные персонажи? Обоснуйте свой ответ.

УЗБЕКСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Многокрасочно, богато и самобытно устное творчество узбекского народа. Своими корнями оно уходит в глубокую древность, переплетаясь с устной поэзией других народов Востока, с которыми узбекский народ был связан общими историческими судьбами в течение многих столетий. Особенно показателен в этом смысле узбекский дастан.

На стадии становления и развития не только фольклора, но и письменной литературы понятие «дастан» было куда шире нынешнего понятия «поэма», ибо в его недрах возникли и развивались почти все повествовательные жанры. Само слово «дастан» употреблялось в значении «повесть», «рассказ», «приключение», «характеристика», «хвала». Тематическое и жанровое разнообразие дастанов сформировалось ещё в далеком прошлом в среде кочевых тюркоязычных племён на основе мифов, легенд, народных сказок, исторических и легендарных песнопений.

Содержание и форма дастанов основаны на традициях, сложившихся в течение веков; в широком плане они рассказывают о героизме, любви и быте народа. Отсюда и масштабность дастана.

Дастан рассчитан не просто на устное исполнение. Он – почти в равной мере – произведение и поэтическое, и музыкальное. Его читают и поют одновременно в сопровождении струнных музыкальных инструментов.

Развитие узбекского дастанного творчества представляет собой так называемый романический эпос, в котором, в свою очередь, выделяются дастаны воинские («Юсуф и Ахмед», «Алибек и Балибек»), дастаны героико-романтические («Одинокий Ахмед», цикл «Рустам», цикл «Гороглы», «Алпамыш»), дастаны любовно-романтические («Кунтугмыш», «Равшан», хорезмские дастаны), общественно-бытовые дастаны («Сахибкиран», «Арзигуль», «Ширин и Шакар») и, наконец, книжные дастаны («Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Бахрам и Гуландан» и др.). Содержание дастанов составляют многочисленные любовные похождения героев, рассказы о фантастических явлениях, очень близких по форме сказкам, – и вместе с тем всё это наложено на реальный пласт определённых жизненных событий.

Узбекский народный дастан прошёл длительный путь исторического развития. Эпоха становления древнего тюркского эпоса граничит где-то с эпохой саков и массагетов [2]. Эпические произведения тюркского фольклора, предшествующие «Алпамышу», вполне могли соседствовать и даже сосуществовать по времени с теми эпическими глыбами, от которых сегодня остались лишь отрывки и фрагменты. Это прежде всего древние эпические сказания, такие как «Томарис», «Ширак», «Сиявуш», лиро-эпическая поэма древних саков «Зариандр и Одатида», «Искандер» и другие литературные памятники, которые сегодня рассматриваются как общее персидско-тюркское наследие.

Дастаны – это пример широкого международного распространения эпического сюжета. Фольклорные дастаны активно собирались и записывались в Уз-

[2] ***Саки и массагеты*** – это предки узбеков, населявшие в древности территорию нынешнего Узбекистана. Сведения об их образе жизни и хозяйственной деятельности содержатся в трудах древнегреческих и древнеримских учёных.

бекистане, Таджикистане, Азербайджане, Турции и других странах. Например, существует более 80 сюжетов от 50 сказителей героического эпоса «Алпамыш», более 40 сюжетов героико-романтического эпоса «Гороглы», многочисленные варианты воинской повести «Юсуф и Ахмед» и другие романтические дастаны авантюрно-новеллистического и сказочно-фантастического содержания.

По времени создания и литературной форме дастаны подразделяются на фольклорные и книжные. Сюжеты книжных, как правило, заимствованы из классических произведений на арабском, персо-таджикском или староузбекском языках. Например, «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Юсуф и Зулейха» и др.

Исполнитель фольклорного дастана у узбекского народа называется бахши. Дастан излагается стихами, прозой или прозой со стихотворными вставками. При исполнении декламация обычно чередуется с музыкальными (вокальными) разделами. Стих поэтического дастана также бывает двух типов – 11-сложник и 7-8-сложник.

«Алпамыш» – большое и сложное произведение, в котором воспеты патриотические чувства, любовь к родной земле и народу. Основная идея дастана – верность в любви и дружбе, осуждение междоусобиц, призыв к сплочению, единству. Главный герой – мужественный и неуязвимый в бою Хакимбек, прозванный Алпамышем (от «алп» – богатырь), – отправляется на выручку своей невесты, отважной и доброй Барчин-ай, которая также играет в эпосе большую роль. Много привлекательного и в образах остальных положительных персонажей эпоса: калмыцкого богатыря Караджана, сестры Алпамыша Калдыргач-аим, табунщика-раба Култая и других.

Начинается дастан с рассказа о том, как поссорились два брата – Байбуры и Байсары, первый из которых был правителем Конграта, а второй, младший, управлял десятитысячеюртовым байсунским родом. Не желая платить подать-закят старшему брату, Байсары вместе с подвластным ему народом откочёвывает в страну калмыцкого шаха. Народ не согласен с этим решением Байсары; он не хочет расставаться с родной землёй – Байсуном. Пастухи понимают, что причина откочёвки [3] – в спеси Байсары, и осуждают его. Не хочет уезжать из родных мест и дочь Байсары – Барчин-ай. Не оставила она помыслов вернуться в родные края и позднее, оказавшись вместе с родителями на чужбине.

В первой части «Алпамыша» рассказывается о поездке героя в страну калмыков, куда перекочевала семья его наречённой невесты Барчин, о брачных состязаниях с калмыцкими богатырями, в которых ему помогает калмыцкий богатырь Караджан, ставший из соперника героя его другом и помощником в сватовстве.

Во второй части Алпамыш попадает в плен к калмыкам и проводит семь лет в зиндане (подземной темнице) калмыцкого шаха. Спасённый калмыцкой царевной и своим богатырским конём Байчибаром, он возвращается на родину в день свадьбы своей жены Барчин с захватившим власть насильником Ултантазом (младшим братом героя, сыном рабыни), убивает самозванного жениха, восстанавливает свою власть и свои супружеские права.

---

[3] ***Откочёвка*** (от глагола «откочевать») – переход с места на место со своим жильём и имуществом; кочевой образ жизни.

АЛПАМЫШ

Часть первая, песнь третья

(Фрагменты)

Из десяти тысяч юрт своего племени выбрала Барчин десять джигитов-гонцов, из многочисленных коней, пасшихся на девяноста пастбищах, выбрала она десять коней, снарядила их и такое письмо написала Алпамышу:

«Барчин твоя, прибывшая в страну калмыцкую, которая находится на расстоянии шестимесячного пути от родного Конграта, очутилась в руках сильного врага. Девяносто батыров калмыцких замуж меня взять хотят, угрожают мне. Удалось мне отсрочку получить от них на шесть месяцев. Если имеет Алпамыш надежды на меня, пусть не мешкая, приезжает за мной, а если нет – пусть развод пришлёт, чтобы знала я, как судьбой своей распорядиться».

Вручила она послание своё десяти джигитам, счастливого пути пожелала им, такое слово сказав:

Полная луна сиянье льёт вокруг.
Лучник в бой берёт свой самый лучший лук…
Чужедальный край – земля горчайших мук.
Выручить Барчин придёт далёкий друг…
Я желаю вам в пути не ведать бед,
Родине прошу мой передать привет,
Коккамышским водам, всем родным местам,
Нашему народу, что остался там,
И привет особый другу школьных лет!
Скажете: такой красавице, как я,
Вовсе от калмыков больше нет житья, –
Плачет и горюет Барчин-ай твоя!
Вас, мои гонцы, прошу я об одном:
День и ночь скача, быть дальше с каждым днём.
Да хранят чильтаны [4] вас в пути степном!
Провожая вас, я слёзы ливнем лью,
На чужбине злой, в постылом мне краю.
От Барчин письмо захватив,
На коней горячих вскочив,

---

[4] ***Чильтаны***, согласно мифологии народов Средней Азии, – это сорок могущественных святых, которые управляют миром.

Густо пыль дороги всклубив,
Скакунов своих горяча,
Их сплеча камчами [5] хлеща,
Гикая на них и крича,
Десятеро тех смельчаков
Едут из калмыцкой страны.
Скачут их тулпары [6], фырча,
Радуя сердца седоков,
Держат путь джигиты в Конграт.
Рвением посольским горят,
Скачут дни и ночи подряд,
Так между собой говорят:
«Надо, – говорят, – поспешить!
Головы хотя бы сложить,
Службу Ай-Барчин сослужить!
У кого за близких печаль,
Близкою становится даль…
В край Конгратский скачут послы, –
А пути в Конград тяжелы:
Горные крутые узлы,
Тропки – еле-еле пройти,
Страшные ущелья в пути.
Сколько гор могучих прошли.
Через сколько круч перешли,
По пескам сыпучим прошли!
То в горах застигнет зима,
То в пустыне накроет тьма.

Сколько раз теряли тропу,
Сколько раз лишались ума!
Время стужи есть и жары,
И дурной и доброй поры,
Звёзды путеводные есть,
В реках веселятся бобры,
Травы у подножья горы.
День и ночь, всё так же храбры,
Держат путь послы Ай-Барчин.
Кони под гонцами бодры.
Зноем обжигало в степях,
Мёрзли, как шакалы, в степях.
Нет степям длины-ширины,
Горные ущелья страшны.
Мчатся днём и ночью гонцы,
От дорожной пыли черны…

[За девяносто дней доскакали гонцы до Конграта и вручили послание Барчин-ай Байбуры. Хорошо принял Байбуры гонцов, но привезённое ими послание Барчин-ай спрятал в ларец, ни слова о нём никому не сказав. Когда же отпускал гонцов обратно, припугнул их, наказав ничем не выдать причину приезда Алпамышу. Так и уехали гонцы…

Но однажды дочь Байбуры Калдыргач-аим, зайдя с подругами в юрту отца, открыла ларец, увидала письмо и, взяв его, отдала своему брату Алпамышу. Она настояла на поездке Алпамыша на выручку невесты – Барчин-ай.]

В последний раз напутствуя брата, такое слово сказала ему Калдыргач-аим:

– С трусом не водись, ему не доверяй,
Болтуна себе в друзья не выбирай,
В долгом размышленье воли не теряй.
Будь счастливым, брат, живи – не умирай!
К небу за тебя мольбы я возношу.
По тебе тоскуя, глаз не осушу,
К стону моему прислушаться прошу:
Поклянись мне, брат, и клятвы не нарушь,
Мальчиком не будь, веди себя, как муж, –
Львиную природу в битве обнаружь.
Смерти всё равно: кто – шах, а кто – байгуш [7],
Но спешит она по следу робких душ…
И ещё, мой брат, тебе скажу я так:
Как зеницу ока скакуна храня –

[5] ***Камча*** – кнут, плеть, нагайка.
[6] ***Тулпар*** – скакун, боевой породистый конь; в фольклоре – крылатый конь.
[7] ***Байгуш*** (бой угли) – в данном случае – отпрыск знатного рода.

И во тьме ночной, и среди бела дня –
Дальше от худых людей держи коня…
Третий мой совет послушай от меня:
На врага идя, как хочешь свирепей,
Но коня, смотри, по голове не бей.
К сроку, милый брат, в калмыцкий край поспей,
Сладкий мёд бесед с возлюбленной испей.
С головы твоей да не спадёт джига,
Да сразишь в бою сильнейшего врага.
Пусть народ наш будет счастлив, милый брат,
Пусть разлука наша будет недолга!..
Без тебя остаться страшно мне, мой брат.
Под тобой играет конь на всякий лад,
На боку твоём калёный твой булат, –
Поезжай, добудь нарциссоокий клад!
Брат мой, испытанье дух твой закалит,
Мир широкий взор и разум просветлит
Поезжай, да будет счастлив твой поход!
Там откочевавший ждёт тебя народ,
Там Барчин-сестрица, задыхаясь, ждёт,
День и ночь с дороги глаз не отведёт:
Долгожданный брат на помощь ли нейдёт?

Дан ей срок в полгода, каждый день ей – год.
Не поспев, умножишь их страданий счёт,
В срок придя, найдёшь любовь там и почёт.
Всех родных, узбекских ты сплотишь людей,
Что б ни злоумыслил недруг наш, злодей,
Если все узбеки будут сплочены,
Нам тогда и козни вражьи не страшны!..
Распростившись с сестрой и с дедом Култаем, Алпамыш отправляется в путь.
Шлем его булатный гудит,
Куполоподобный, гремит
Кожи носороговой щит,
Медный наконечник ножен
Звякает о стремя, звенит.
Вздрагивает конь и фырчит,
Летом соколиным летит.
Вправо не глядит Алпамыш,
Влево Алпамыш не глядит.
Левая рука на луке,
Пику держит в правой руке.
Гневом и любовью влеком,
Скачет Алпамыш прямиком.
Пену отряхает Чибар,
Фыркает, чихает Чибар,
Путь в тот край калмыцкий далёк,
Ветер пылью степи облёк,
Хакимбек отважен и строг, –

[7] ***Байгуш*** (бой угли) – в данном случае – отпрыск знатного рода.

Горе – не поспеть ему в срок!
Ускоряет бег скакунок,
Сокращая дали дорог.
Встретится хребет – вперелёт,

Встретится овраг – вперепрыг.
Встретится арык – вперебег.
Держит путь свой так Хакимбек,
Думая: «В чужой стороне
Родичей бы место найти,
Нашу бы невесту найти!..»
Путь ночной опасен в горах,
Есть провалы в горных тропах,
Есть на них навалы камней.
Месяц глянет – станет видней,
Канет в тучи – камня темней,

Но тулпар – тулпаров умней,
Но батыр – батыров сильней.
У него отвага в очах,
У него ружьё на плечах!
Страхи от себя отстраня,
Ночь, не отличая от дня,
День и ночь он гонит коня.
Скорбь свою сердечную прочь
Отогнать Хакиму невмочь:
Выручит ли дядину дочь?..
Ясные глаза исслезя,
Помощи у неба прося,
Скачет Хакимбек день и ночь,
Недругам далёким грозя.
Дня ему просрочить нельзя!..

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Почему богатырь получает прозвище Алпамыш? Какими чертами характера наделён главный герой?
2. Какова роль главной героини дастана? Можно ли назвать Барчин-ай символом восточной женщины?
3. Какие темы освещены в «Алпамыше»? В чём, на ваш взгляд, главное предназначение богатыря?
4. Что общего между узбекским народным дастаном и героическими эпосами других народов?

ГЛОССАРИЙ

Дастан – наиболее крупный жанр узбекского фольклора, состоит из рифмованных стихов, чередующихся с рифмованной прозой, и исполняется в сопровождении музыкальных инструментов.
Бахши – народный певец, исполнитель фольклора у тюркских народов Средней Азии, обычно выступает на праздниках. Неотъемлемый инструмент бахши – дутар, струнный щипковый музыкальный инструмент с длинным грифом, двумя жильными или нейлоновыми струнами и грушевидным резонатором.

Дастан «Алпамыш».

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Древнерусская литература – это начальный и исторически закономерный этап развития русской литературы. Основная причина, объясняющая её возникновение, связана с созданием древнерусского государства – Киевской Руси. Литература должна была содействовать укреплению и развитию этого государства.

Принято считать, что древнерусская литература возникла в XI в. и завершила своё развитие в конце XVII века.

Принятие христианства на Руси в 988 году во многом определило пути и особенности развития этой литературы, создав условия и возможности молодому государству познакомиться с богатой славяно-византийской культурой. Известно, что после принятия христианства много книг было привезено в X-XI веках из Византии и Болгарии.

Старославянский (древнеболгарский) и древнерусский языки были настолько близки, что Русь смогла использовать уже готовый старославянский алфавит – кириллицу. Этот алфавит и лёг в основу русской письменности, создание которой также явилось фундаментом, необходимым для возникновения древнерусской литературы.

Огромное влияние на русскую литературу оказал фольклор. Через него в литературу проникла народная идеология, народная точка зрения на изображаемые события.

Автор средневекового текста – это, скорее, автор-составитель, редактор, одновременно выступающий переписчиком, создателем рукописной книги. Он не стремился зафиксировать своё имя, напротив, для придания большей значимости созданному тексту нередко мог указывать в его заглавии авторитетного иерарха [8] – Иоанна Златоуста, Василия Великого и др. Текст произведения древнерусской литературы, некогда созданный анонимным автором, распространялся в списках, и любой писец мог изменять его в соответствии со своим вкусом или задачами: сокращать, редактировать, распространять и т.п.

Но существовало очень строгое и непреложное правило: вымысел в древнерусской литературе не разрешался. Считалось, что вымысел – это ложь, а ложь греховна. Поэтому все произведения носили религиозный или исторический характер. Право на вымысел было осмыслено лишь в XVII веке.

Таким образом, бытование литературного произведения на Руси имеет черты, свойственные фольклору. «Коллективное» авторство приводит к особым формам проявления авторского личностного начала в повествовании, что также

[8] ***Иерарх*** (от греч. ἱεράρχης – священный глава) – священнослужитель, имеющий епископский сан.

отличает древнерусскую литературу от литературы нового времени.

Своеобразие древнерусской литературы в изображении героя, как правило исторической личности, зависело от стиля и жанра произведения. Эта литература строго следовала факту. В ней определилась система жанров, в рамках которых началось развитие оригинальной русской литературы. Жанры древнерусской литературы отличались от современных.

ЖАНРЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Название	Краткая характеристика	Пример художественного произведения
Житие	Жизнеописание светских и духовных лиц, канонизированных христианской церковью	*«Житие Александра Невского»*
Хождение	Жанр путешествия, в котором рассказывается о поездке к святым местам или описывается какое-либо путешествие	*«Хождение за три моря» Афанасия Никитина*
Поучение	Жанр назидательного характера, содержащий дидактическое наставление	*«Поучение Владимира Мономаха»*
Воинская повесть	Повествование о военном походе	*«Сказание о Мамаевом побоище»*
Летопись	Историческое произведение, в котором повествование велось по годам	*«Повесть временных лет»*
Слово	Художественное прозаическое произведение духовной литературы Древней Руси поучительного характера	*«Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона*

Историю русской литературы принято делить на две части: древнюю русскую литературу – с XI по XVII в. и новую русскую литературу, начиная с XVIII в.

Книжность Древней Руси и русская литература XIX-XX вв. принадлежат разным типам культуры. Тем не менее, значение древнерусской традиции для послепетровской эпохи (и вплоть до сегодняшнего дня) огромно. Во многом именно это влияние определило своеобразие русской классики в ряду европейских литератур.

Самым древним жанром древнерусской литературы является повествование об исторических событиях, получившее ещё в древности название – летопись.

В Древней Руси летопись играла очень важную роль, т.к. не только сообщала об исторических событиях прошлого, но и была политическим и юридическим документом, свидетельствовала о том, как необходимо поступать в определенных ситуациях.

Древнейшей русской летописью является «Повесть временных лет», которая дошла до нас в списках XIV и XV веков. В ней рассказывается о происхождении русских, о генеалогии киевских князей и о возникновении древнерусского государства.

Первым летописцем на Руси считается монах Нестор, живший и работавший на рубеже XI и XII веков в Киево-Печерском монастыре, а «Повесть временных лет» – первой русской летописью.

Отличительная особенность летописи в том, что она не истолковывает события, а лишь рассказывает о них. В самом начале повествования приведены рассказы о

жизни восточнославянских племён: о князьях, о призвании на княжение Рюрика и его братьев Трувора и Синеуса, о становлении династии Рюриковичей на Руси. Основную часть содержания летописи составляют описания войн, легенды о временах правления Ярослава Мудрого, подвигов Никиты Кожемяки и других героев.

Значение «Повести временных лет» трудно переоценить – именно она стала первым документом, в котором была записана история Киевской Руси с самого её становления. Позже летопись послужила основным источником знаний для последующих исторических описаний и исследований.

Знаменитое «Поучение Владимира Мономаха», внука Ярослава Мудрого и талантливого правителя Русской земли, также вошло в «Повесть временных лет».

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Поучение

(Фрагмент)

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, наречённый в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленный и матерью своею из рода Мономахов… и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет её в сердце своё и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своём и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей и волость их отнимем; если же не пойдёшь с нами, то мы – сами по себе будем, а ты – сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул её, и вот что мне вынулось: «О чём печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» – и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землёй». И ещё немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдёшь его. Кроткие же унаследуют землю и насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеётся над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погибнут, – праведных же милует и одаривает. Ибо благо-

словляющие его наследуют землю, клянущие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадёт, то не разобьётся, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и взаймы даёт, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почёт. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О Владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите, да соединимся, – говорит Господь. – Если будут грехи ваши как обагрённые, – как снег, обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!»

«Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо своё любя, бьёт его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нём?». «Велик ты, Господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои», – и снова скажем: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твоё вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете, как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звёзды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы, и рыбы украшены твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разно-

образны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Всё же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то, и имея язык, онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!». Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. «И кто не восхвалит тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее – это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не всё примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слёзы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, – если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи, помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, – нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды». Если же вам придётся крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце своё, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов (чтите), и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; всё это, что ты нам дал, не наше, но твоё, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своём не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда

бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни сёлам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдёте и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришёл, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, – то пищей и питьём: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. В чём отличие произведений фольклора от литературных произведений?
2. Какие жанровые разновидности входят в «Повесть временных лет»? Какова их связь с фольклором? Приведите примеры легенд и преданий.
3. Кто из русских писателей-классиков использовал в своём творчестве фольклорные мотивы и сюжеты из «Повести временных лет»?

ГЛОССАРИЙ

Повесть – прозаический жанр, занимающий по объёму текста промежуточное место между романом и рассказом, тяготеющий к хроникальному сюжету, воспроизводящему естественное течение жизни. В Древней Руси «повесть» означала любое повествование, особенно прозаическое. Старинное значение термина – «весть о каком-то событии» – указывает на то, что этот жанр вобрал в себя устные рассказы, события, которые лично видел или о которых слышал рассказчик.

Поучение – жанр древнерусской литературы дидактического, нравоучительного характера, обязательно содержащий наставление, завет и обращённый к конкретному адресату. Летописцы использовали поучение с целью представить некую модель поведения для каждого человека.

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

«Слово о полку Игореве»
«Житие Александра Невского»

МАХМУД КАШГАРИ
1029-1101

Мудрость вырастает из простых истин.

М. Кашгари

Махмуд Кашгари – узбекский учёный-филолог XI века, составитель «Словаря тюркских наречий» на арабском языке. Труд Махмуда Кашгари, написанный в 1072-78 гг., имеет исключительную ценность для языковедов, фольклористов и литературоведов.

Чтобы лучше понять и оценить, с каким материалом имеет дело современный читатель, обращаясь к страницам средневекового сочинения «Диван лугат ат-турк», необходимо сделать экскурс в историческую обстановку, в которой находился автор, осмыслить движущие им при создании «Дивана» мотивы, соотнести применённый им метод описания с господствовавшими в то время научными школами и течениями – словом, узнать побольше об авторе и проанализировать его исследовательские приёмы и достижения с точки зрения современной науки.

Кое-какая необходимая информация о Махмуде Кашгари содержится в тексте «Дивана» и исходит из уст самого автора, не доверять ей нет никаких оснований; кое-что об учёном и его труде исследователям удалось узнать уже после того, как работа над «Диваном» приобрела широкую известность.

Махмуд аль-Кашгари родился в Барсхане, столице Караханидского государства, в местной знатной семье. Он был сыном Хусейна ибн Мухаммада, эмира города Барсхана, внуком правителя Кашгара Мухаммада Богрохана. Махмуд Кашгари получил хорошее по тем временам образование. Учился в кашгарском медресе Саджиа, где преподавали самые известные в регионе учителя.

В результате дворцового заговора Хусейн и Мухаммад Богрохан были отравлены. В силу этого Махмуд в 1057 году был вынужден бежать из Кашгара. Он уходит на запад, в Мавераннахр, а оттуда отправляется в Багдад. При этом Махмуд долгое время путешествует по землям, населённым тюркскими народами и племенами.

Кроме ряда тюркских языков, Махмуд Кашгари знал также арабский и персидский. Своё образование он продолжил в Бухаре, Нишапуре, Самарканде, Мерве, Багдаде, где не только бывал, но и подолгу жил, собирал необходимые для его книги материалы. В Багдаде у Кашгари созрел замысел книги, в которой бы давалось объяснение многих сторон жизни тюркского народа, его менталитета, обычаев, географии расселения, а прежде всего, языка.

Знаменитая книга Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк» представляет собой энциклопедию, в которой собран и обобщён обширный историко-культурный, этнографический и лингвистический материал. Это единственный памятник тюркской диалектологии раннего периода, дающий представление

о фонетических и морфологических явлениях и специфике диалектных форм. «Словарь» содержит также тексты устно-поэтического творчества тюркских племён и народов Средней Азии, Восточного Туркестана, Поволжья, Урала. Труд Махмуда Кашгари, написанный с применением научных методов арабской филологии, имеет и сегодня исключительную ценность для языковедов, фольклористов и литературоведов.

«Эту книгу я составил в алфавитном порядке, украшал её пословицами, саджами (рифмованная проза), поговорками, стихами, раджазами (стихи воинственного содержания) и отрывками из прозы. Я облегчил трудное, разъяснил неясное и трудился годами. Я рассыпал в нём из читаемых ими (тюрками) стихов для того, чтобы ознакомить (читателей) с их опытом и знаниями, а также пословицы, которые они употребляют в качестве мудрых изречений в дни счастья и несчастья с тем, чтобы сказитель передавал их передатчику, а передатчик другим. Вместе с этими (словами) я собрал в книге упоминаемые предметы и известные (употребительные) слова и, таким образом, книга поднялась до высокого достоинства и достигла отличного превосходства», – писал Кашгари.

«Диван» Кашгари – памятник тюркской культуры, увековечивший этические ценности и нормы поведения, специфическое мировосприятие тюркских народов в XI веке.

Единственный экземпляр труда Махмуда Кашгари был обнаружен в 1915 году турецким учёным и библиофилом Али Эмири в копии на стамбульском рынке и в настоящее время хранится в Национальной библиотеке Стамбула. На узбекский язык «Диван» Кашгари был переведён профессором Салихом Муталлибовым и издан в Ташкенте в 1960-х годах.

«Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари является уникальным изданием, где, наряду с обычной для словаря лексикой, встречаются многочисленные художественные произведения, главным образом, фольклорные. В «Словаре тюркских наречий» представлены основные жанры тюркоязычного фольклора – обрядовые и лирические песни, героический эпос, исторические предания и легенды. Кроме того, в нём есть сведения и об анатомии, медицине, ветеринарии, астрономии, географии, этнографии и т.д.

«Словарь тюркских наречий» состоит из двух частей. В первой части своей работы Махмуд Кашгари рассказывает о цели своей книги, приводит сведения о племенах и родах, говорящих на тюркских языках. Во второй части даётся словарь тюркских наречий, приводятся крылатые выражения, образцы устного народного творчества.

Некоторое представление о взглядах Кашгари дают приведённые ниже отрывки из книги:

«Дни времени торопят, истощают силы человека, лишают мир мужей... Таков ведь его (времени) обычай, кроме (этого) здесь – равный удел (всех). Если мир, прицелясь, пускает стрелу, рассекаются вершины гор».

«Мой сын, я оставляю тебе в наследство наставления в добродетели. Найдя доброго мужа, следуй ему (буквально: смотри на него)».

«Ночи (и) дни мира проходят (как) странники. Того, с кем пересекутся (их пути), они лишают сил».

«Вещи (и) имущество человека – его враги. Собрав (скопив) богатство, думай, что (это) низвергся поток воды – словно валун, катит оно своего обладателя вниз. Все мужи испортились из-за вещей. Увидев имущество, они кидаются (на него), словно гриф на добычу. Они держат своё имущество, заперев (его), сами не пользуются, плача от скупости, они собирают (копят) золото. Из-за имущества, не памятуя о боге, сыновей (своих), родственников они в самом деле душат».

«Стремись к добродетели, (а) приобретя (её), не будь гордым».

В самом начале вводной части своего «Дивана» автор указывает, что побудительным мотивом его труда послужило военно-политическое возвышение тюрков: «Я увидел, что Всевышний Бог заставил солнце судьбы взойти в зодиаке тюрков и установил их царство среди небесных сфер и что он назвал их тюрками, облёк их властью, сделав их государями нашего времени, и вложил в их руки бразды [правления] преходящего, вознеся их над всем человечеством». Эти слова являются отражением крупного политического сдвига, произошедшего в ту пору в исламском мире. В VII-IX вв. был создан Халифат, господствовавший в мусульманской части мира.

В своём труде Махмуд Кашгари привёл в качестве иллюстраций к словарным статьям огромное число литературных цитат – 57 двустиший и 163 четверостишия. Эти стихотворные отрывки поначалу казались народными силлабическими стихами, однако почти сразу же стали высказываться мнения учёных, что среди них должны быть также и образцы авторской литературы, эти стихи восходили к доисламскому времени, так что имена поэтов могли быть позабыты.

Стихи следует отнести к более раннему времени, чем 1069-70 гг., когда было создано первое большое сочинение классической тюркоязычной поэзии – поэма Юсуфа Баласагуни «Кутадгу Билиг». Оба этих источника – и поэма, и стихотворные отрывки из разных, оставшихся неизвестными авторов, иллюстрируют переход от силлабического стиха к силлабо-тоническому, расцвет которого приходится на более позднее время – XIV-XV вв.

Таким образом, к началу политического возвышения сельджуков (первая половина XI в.) тюркский литературно-письменный язык, бывший общим достоянием племён огузско-уйгурско-карлукско-кыпчакских языковых групп, предстаёт довольно развитым, прошедшим длительную, более чем трёхвековую творческую практику, а позднее и значительную арабо-персидскую мо-

дернизацию. Учитывая общественную потребность и владея выразительным потенциалом тюркского языка, Юсуф Баласагуни и Махмуд Кашгари ставят закономерно назревшую задачу: поднять роль тюркского языка на уровень признанных лидеров тогдашнего исламского культурного и научного мира – языков арабского и персидского и доказать, что тюркский язык уже готов к этой роли и справляется с ней.

Юсуф Баласагуни во вступлении к поэме прямо пишет, что видел своей целью создать произведение на тюркском языке, равное любой из многочисленных книг на арабском и персидском языке, т.е. не уступающее им ни в поэтической технике, ни в содержательности. Фактически аналогичную, но не литературную, а научную задачу ставит перед собой Махмуд Кашгари – продемонстрировать реальные достоинства и потенциальные возможности самого тюркского языка.

Махмуд Кашгари опирается на хадис – предание, приписывающее вещие слова самому основателю ислама, пророку Мухаммеду: «Я слышал от одного авторитетного знатока из имамов Бухары и ещё от другого имама из жителей Нишапура – и оба они указывали на цепь передатчиков, восходящих к Пророку, да благословит его Аллах и дарует ему мир: когда [пророк Мухаммед] рассказывал о знамениях [судного] часа и смутах конца времени, он упомянул о появлении тюрков-огузов и сказал: «Изучайте язык тюрков, ибо их правление будет долгим».

Поскольку могли найтись люди, которые усомнились бы в этом предании – а не каждый хадис в суннитском исламе признаётся достоверным, – то Махмуд Кашгари, проницательно предвосхищая возможный поворот, примирительно добавляет: «И теперь, если этот хадис верен – а ответственность за его [достоверность] пусть ляжет на них обоих (имамов), – тогда изучение его (языка тюрков) есть долг перед верой, а если он неверен, [всё равно] мудрость требует этого».

Труд Махмуда Кашгари, написанный с применением научных методов арабской филологии, имеет и сегодня исключительную ценность для языковедов, фольклористов и литературоведов.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

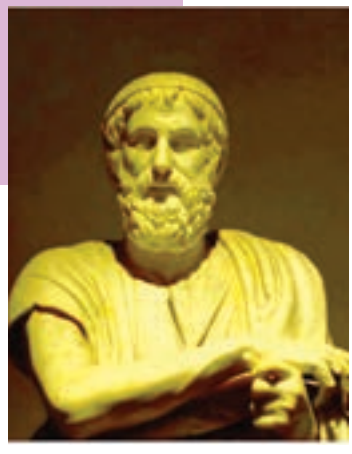
1. Вы познакомились с произведениями древней русской и узбекской литературы. Что общего вы видите в «Поучении Владимира Мономаха» и в «Словаре тюркских наречий»?

2. Является ли монах Нестор автором «Повести временных лет»? Обоснуйте свой ответ.

3. Труд Кашгари называют энциклопедией тюркской эпохи. Насколько справедливо такое название?

4. Подготовьте устное сообщение о деятельности Нестора и Махмуда Кашгари, дополнив полученные сведения из учебника информацией из интернет-ресурсов и других источников.

ЛИТЕРАТУРА АНТИЧНОГО ПЕРИОДА

ГОМЕР

IX-VIII вв. до н.э.

Гомер создал Грецию, греки создали человечество.
И. Винкельман

Если мы проследим историю человечества от самых истоков до современности, то увидим, что всё в жизни преходяще. Меняются не только люди и города, исчезают с лица земли целые народы, языки и государства. Даже природа не может устоять перед натиском времени. Казалось бы, нет ничего вечного под солнцем, всё превращается безжалостным временем в прах. Но оказывается, есть нечто, что времени и стихиям неподвластно, и имя ему – великое искусство.

Подтверждением тому уникальная культура Древней Греции, искусство и литература которой дошли до нас практически в своей первозданности.

Древней Греции выпала уникальная историческая роль. Она стала колыбелью европейской цивилизации. Древнегреческая литература не только художественно совершенна, но и одушевлена общечеловеческим пафосом, неизменно увлекательна и одновременно актуальна.

Древние греки называли свою страну Элладой, а себя – эллинами. У понятий Древняя Греция и Эллада есть синоним: античность. Термин «античный» (от лат. antiquus – «древний») впервые был применён в XV веке писателями-гуманистами эпохи Возрождения для обозначения самой древней из известных в то время культур – древнеримской. Начиная же с XVIII века, благодаря французским просветителям, слово «античный» стало обозначать особый уникальный феномен в истории мировой культуры – культуру Древней Греции и Древнего Рима. Эллинам и римлянам удалось создать невиданную ранее, а в некоторых отношениях и позже, высокоразвитую, гармоничную культуру, ставшую основой, фундаментом и ориентиром вначале для европейской, а затем и мировой художественной культуры.

На бытовом уровне мы воспринимаем античность как эпоху, бесконечно от нас отдалённую, сказочную, овеянную мифами. Мы просто не задумываемся над тем, как многое из созданного древними эллинами органично вошло в нашу повседневную жизнь. А между тем в повседневной речи, в книгах, газетах, журналах мы буквально на каждом шагу встречаемся со множеством слов греческого и латинского происхождения, составляющих пласт общественно-политической лексики.

Понятия и термины: экономика, политика, философия, эстетика, логика, диалектика и множество других – постоянно на слуху. Окружающие нас здания, архитектура дворцов, стадионов, театров, храмов, многие их конструктивные решения – колонны, капители, арки, своды, барельефы, лепные украшения, испол-

ненные симметрии и гармонии, – плод творчества древних греков. Ещё в младших классах вы, усваивая законы математики и физики, иногда не замечая этого, приобщались к открытиям великих учёных античности Архимеда, Пифагора, Эвклида.

Древние греки были основоположниками в разных областях знаний. Они заложили основы многих точных, естественных и гуманитарных наук: физики и математики, анатомии и астрономии, философии и филологии, педагогики и эстетики, истории и красноречия. Фундаментальные воззрения Платона и Аристотеля о сущности и законах искусства сохраняют и сегодня свою неоспоримую ценность.

Ни одна культура не может похвалиться столь многочисленной плеядой гениев, как античная. Нет такой сферы деятельности, в которой греки и римляне не сказали бы своего слова. Английский ученый XIX века Сэр Генри Джеймс Саммер Мэн считал, что «за исключением слепых сил природы, всё, что движется в этом мире, имеет своё начало в Греции».

Античность увидела человека как творца и творение культуры, открыла дух и человеческую душу, сняла ощущение человеческой неполноценности, сформировала представление об идеале культурного человека и многое другое.

Безусловное мнение всех исследователей античности состоит в том, что древнегреческая цивилизация есть фундамент, исток современной европейской и шире, мировой художественной культуры, а Гомер – это начало начал всей литературы.

Историки по сей день не пришли к единому мнению о том, существовал ли Гомер в действительности. Но в одном нет и не может быть сомнений: приписываемые великому древнегреческому поэту эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея» раз и навсегда изменили облик европейской литературы.

Гомер жил в IX-VIII веках до нашей эры. Предположительно, что именно в это время поэт и создавал свои шедевры.

О жизненном пути и личности творца известно немногое. Как относительно даты рождения, так и касательно места, где он появился на свет, ведутся бесконечные споры. При этом в качестве основного места жизни указывается Хиос или другой регион Ионии, находящийся на побережье Малой Азии. Гомер является крёстным отцом национальной культуры греков, однако и современный мир искусства и литературы ощущает на себе реальное влияние его поэтических созданий. По мнению исследователей античности, «Илиада» и «Одиссея» великого грека предоставили «не только семена, но и удобрения почти для всех других искусств и наук западной культуры».

Обе поэмы – гениальные, бесценные произведения искусства. На протяжении веков они не теряют глубокого смысла и актуальности. Сюжеты взяты из многогранного и обширного цикла легенд, посвящённых Троянской войне. «Илиада» и «Одиссея» отображают только небольшие эпизоды из этого цикла. Поэмы этого древнегреческого автора отличаются высоким мастерством и поэтической техникой, обладают характерными чертами, одной из которых является эпический стиль. Выдержанный тон повествования, неторопливая обстоятельность, полная объективность изображения, неспешное развитие сюжета – таковы характерные черты произведений, которые создал Гомер.

Несмотря на то, что гомеровская «Илиада» посвящена Троянской войне, она описывает только события десятого года легендарной битвы. За этот относительно непродолжительный период автору удаётся раскрыть характер войны и её основных

действующих лиц. Одной из особенностей произведения является то, что битва изображается в основном не как кровавые баталии народных масс, а как сражение отдельных героев, которые демонстрируют исключительную силу, храбрость, мастерство и стойкость. Среди боёв можно выделить ключевой поединок Ахилла и Гектора. Очень ярко в «Илиаде» изображены привычки, традиции, моральные аспекты жизни, нравственность и быт древних греков. Повествование всегда ведётся в эпически бесстрастном тоне: в нём нет признаков личного интереса автора, – благодаря этому создаётся впечатление объективности изложения событий. Завершается поэма смертью и погребением главного троянского воителя Гектора.

Одна из причин бессмертия гомеровского эпоса – его гуманизм. Гомер прославлял прежде всего мужество человека, доблесть, любовь к родине, верность в дружбе, мудрость в советах, уважение к старости. Это оказывается созвучным всем эпохам и всем народам.

Главный герой «Илиады» – Ахилл – самолюбив, страшен в своём гневе, личная обида заставляет его пренебречь долгом, тем не менее ему присущи нравственные понятия, которые, в конце концов, заставляют его искупить вину перед войском. Любовь к другу оказывается у него сильнее самолюбия. Он бросается в бой с удесятерённой силой и обращает в бегство троянцев, убивает Гектора и оскверняет его тело, мстя за смерть друга. Но когда приходит к нему старик Приам – несчастный отец, потерявший любимого сына, Ахилл смягчается, гнев его стихает, и он проявляет великодушие. Налицо одно из ярких проявлений гомеровского гуманизма, выразившееся в воспевании человечности героя.

Чрезвычайно важный эпизод в завершающей песне поэмы даёт полное основание утверждать, что «Илиада» древнегреческого поэта – это величественный гимн человеку и одновременно напоминание о том, что только этические, моральные ориентиры могут привести человечество к добру и миру на земле.

ИЛИАДА

(Фрагмент)

Песнь двадцать четвёртая

ВЫКУП ГЕКТОРА

Кончились игры. Народы ахейские все расходились –
Каждый к быстрым своим кораблям, вкусить собираясь
Пищи вечерней и сладкого сна. Но Пелид быстроногий
Плакал, о друге своём вспоминая. Не брал его вовсе
Всех покоряющий сон. На своей он метался постели,
Полный тоски, вспоминал и мужество друга, и силу,
Сколько вместе они пережили и сколько страдали
В битвах тяжёлых с врагом и в волнах разъярённого моря.
Всё это он вспоминал, проливая обильные слёзы.
То в постели лежал на боку, то растянется навзничь,

Кверху лицом, то ничком повернётся. Вставал он с постели,
Берегом моря, тоскуя, бродил. Заря занималась
Перед глазами его, озаряя и берег, и море.
Быстро тогда он впрягал в колесницу коней легконогих,
Сзади привязывал Гекторов труп и влачил его трижды
На колеснице блестящей своей вкруг могилы Патрокла.
В ставку потом уходил отдыхать и ничком распростёртым
Тело на пыльной земле оставлял. Но от всех повреждений
Труп охранял Аполлон, сожалея всем сердцем о муже,
Даже умершем. Всего прикрывал золотой он эгидой,
Чтоб Ахиллес, волоча по земле, не уродовал тела.

Так над божественным Гектором в гневе своём он ругался.
Жалость объяла блаженных бессмертных, на это глядевших.
Стали Гермеса они убеждать, чтобы тело похитил.
Все одобряли такое решенье, но только не Гера,
Не совоокая дева, не бог Посейдон земледержец.
Им, как и прежде, была ненавистна священная Троя,
Старец Приам и народ за вину Александра, который
Горько обидел богинь, явившихся в дом его сельский,
Ту предпочтя, что его одарила погибельной страстью.

После того как зарёю двенадцатой небо зажглося,
С речью такою к бессмертным богам Аполлон обратился:
«Боги жестокие, боги губители! Гектор не вам ли
Бёдра не раз сожигал от быков и козлов без порока?
Нынче спасти даже мёртвого Гектора вы не хотите,
Видеть его не даёте жене его, матери, сыну,
Старцу-отцу и народам, которые славного мужа
Предали б скоро огню и свершили б над ним погребенье.
Вы помогать Ахиллесу губителю, боги, хотите.
Нет справедливости в сердце его, и в груди его разум
Очень негибок. Со львом он свирепостью сходен, который,
Силе великой своей поддаваясь и храброму духу,
Чтоб добыть себе пищу, на смертных стада нападает.
Так Ахиллес погубил в себе жалость, и стыд потерял он
(Стыд, приносящий так много вреда человеку и пользы).
Часто случается: смертный и более близких теряет, –
Сына цветущего или единоутробного брата;
Плачет о нём и скорбит, но потом свою скорбь прекращает.
Смертных богини судьбы одарили выносливым духом.
Этот же, Гектора, богу подобного, жизни лишивши,
Труп его вяжет к коням и волочит его вкруг могилы
Милого друга. Ни славы, ни пользы он тем не добудет.

Как бы ему не воздали мы, будь он хоть доблестен духом!
Прах бесчувственный, в злобе своей Ахиллес оскверняет!»

* * *

Близко владычица-мать возле сына скорбящего села,
Гладила тихо рукой, называла, и так говорила:
«Сын дорогой мой! Зачем до сих пор ты, скорбя и тоскуя,
Сердце терзаешь себе? Не думаешь ты ни о пище,
Ни о постели. Ужель не приятно в любви сочетаться
С женщиной? Жить у меня ведь недолго ты будешь. Стоит уж
Смерть с могучей судьбою совсем от тебя недалёко.
Слушай меня поскорее. К тебе от Кронида я с вестью.
Боги, велит он сказать, на тебя негодуют; всех больше
Сердится сам он, что, сердцем безумствуя, Гектора тело
Близ кораблей изогнутых ты держишь и выдать не хочешь.
Выдай немедленно, сын мой, и выкуп принять согласись».

Матери милой в ответ сказал Ахиллес быстроногий:
«Так пусть и будет! Кто выкуп доставит, тот тело получит,
Если решительно этого требует Зевс олимпиец».

Так Фетида и сын внутри корабельного стана
Много слов окрылённых один говорили другому.

* * *

Быстро старец Приам на блестящую стал колесницу,
Портиком гулким погнал через ворота коней быстроногих;
Мулы пошли впереди под повозкой четырёхколесной;
Ими разумный Идей управлял, позади же за ними –
Кони, которых Приам престарелый, бичом подгоняя,
Быстро погнал через город. Друзья провожали Приама,
Сильно печалясь о нём, как будто бы на смерть он ехал.
После того, как спустились из города вниз на равнину,
Царские все сыновья и зятья воротились обратно
В Трою родную. Но сами они не укрылись от Зевса.
В поле он их увидал и исполнился жалости к старцу.
К милому сыну Гермесу с такой обратился он речью:
«Более прочих, Гермес, ты привык и всех более любишь
Смертному спутником быть и внимать, кому пожелаешь.
Встань и иди, и Приама к судам мореходным ахейцев
Так проводи, чтоб никто не увидел, никто не заметил
Из остальных аргивян, пока не придёт к Ахиллесу».

Так он сказал, и вожатый послушался Аргоубийца.
Тотчас к ногам он своим привязал золотые подошвы
Амвросиальные, всюду его с дуновением ветра

И над землёй беспредельной носившие, и над водою.
Жезл захватил, которым глаза усыпляет он смертных,
Если захочет, других же, заснувших, от сна пробуждает.
Аргоубийца могучий с жезлом тем с Олимпа понесся,
Вмиг Геллеспонта достиг и широкой троянской равнины
И зашагал по земле, царевича образ принявши
С первым пушком на губах, – прелестнейший в юности возраст!

Оба же те миновали могилу высокую Ила.
Мулов они и коней удержали у берега речки,
Чтоб попоить их. Уж сумрак вечерний на землю спустился.
Близко вдруг перед собою Гермеса увидев, глашатай
Тотчас заметил его, обратился к Приаму и молвил:
«Остерегись, Дарданид! Осторожности требует дело:
Мужа я вижу; мне кажется, он уничтожить нас хочет!
Прочь унесёмся скорей на конях иль, к нему подошедши,
Мужу обнимем колени и будем молить о пощаде!»

Так говорил он. Смутился старик, испугался ужасно.
Дыбом волосы встали на сгорбленном старческом теле.
Оцепеневши стоял он. К нему подошёл Благодавец,
За руку взял старика, и спрашивать начал, и молвил:
«Ты куда это гонишь, отец, этих коней и мулов с повозкой
Чрез амвросийную ночь, когда все покоятся люди?
И неужель не боишься ты дышащих силой ахейцев,
Так находящихся близко, такой к вам горящих враждою?
Если б тебя кто увидел, как быстрою тёмною ночью
Столько везёшь ты сокровищ, то что б ты почувствовал в сердце?
Сам ты не молод, и старец такой же тебя провожает.
Как же вы справитесь с первым, кто вас пожелает обидеть?
Я же тебе ничего не сделаю злого, охотно
И от других защищу: на отца моего ты походишь».

Приам просит у Ахилла тело Гектора. Картина А. Иванова, 1824

Старец Приам боговидный на это ответил Гермесу:
«Всё так и есть, дитя моё милое, как говоришь ты!
Кто-то однако простёр из богов надо мной свою руку,
Если с подобным тебе попутчиком встретиться дал мне,
В добрый ниспосланным час, прекрасным и ростом, и видом,
С разумом сильным таким. Счастливых родителей сын ты!»

Аргоубийца вожатый на это Приаму ответил:
«Так! Справедливо ты всё говоришь и разумно, о старец!
Вот что однако скажи, и скажи мне вполне откровенно:
Столько сокровищ богатых куда-нибудь ты высылаешь
В страны чужие, чтоб хоть бы они у тебя уцелели?
Иль уж все Илион вы священный готовы покинуть,
Страхом объятые? О, что за воин погиб превосходный,
Сын твой! В сраженьях был он не ниже героев ахейских!»

Старец Приам боговидный на это ответил Гермесу:
«Кто же ты сам, мой хороший? Скажи, от кого ты родился?
Как хорошо говоришь ты о сыне моём злополучном!»

Аргоубийца вожатый на это Приаму ответил:
«Вижу, старик, о Гекторе ты расспросить меня хочешь.
Часто своими глазами в боях, прославляющих мужа,
Видел я Гектора, – даже в тот день, как, к судам отогнавши,
Он избивал аргивян, сокрушая их острою медью.
Стоя вдали, удивлялись мы Гектору; с вами сражаться
Нам Ахиллес запрещал, рассердись на Атреева сына.
Я ахиллесов товарищ, в одном корабле с ним приплыл я.
Родом и я мирмидонец; отец мой зовётся Поликтор.
Муж он богатый, такой же старик, как и ты предо мною.
Дома осталося шесть сыновей его, я же седьмой тут.
Жребий меж братьев упал на меня, чтоб идти с Ахиллесом.
Нынче сюда от судов я пришёл на равнину. С зарёю
Боем на город пойдут быстроглазые мужи ахейцы.
Все негодуют они, оставаясь без дела, и рвутся
Пламенно в бой, и цари аргивян удержать их не в силах».

Старец Приам боговидный на это ответил Гермесу:
«Если товарищ ты впрямь Ахиллеса, Пелеева сына,
То, умоляю тебя, сообщи мне полнейшую правду, –
Всё ли ещё пред судами находится сын мой, иль бросил
Псам на съеденье его Ахиллес, на куски разрубивши?»

Аргоубийца вожатый на это ответил Приаму:
«Старец, ни псы не терзали, ни птицы его не клевали.
Близ корабля Ахиллеса лежит до сих пор он пред ставкой,
Не изменившись нисколько. Двенадцатый день, как лежит он
Мёртвый. Но тело его не гниёт, не едят его жадно
Черви, которые павших в сраженьях мужей пожирают.
Правда, безжалостно, только заря загорится, волочит
Гекторов труп Ахиллес вкруг могилы любимого друга,
Но невредим он лежит. Изумился бы сам ты, увидев:
Свеж он лежит, как росою омытый, нет крови на коже,
Грязи не видно нигде, закрылись все раны на теле,
Что получил он: а медь ему многие в тело вонзали.
Видишь, о сыне твоём как болеют блаженные боги,
Даже когда он уж умер. Его от души они любят».

Так говорил он. И радость взяла старика, и сказал он:
«Вот как, мой сын, хорошо приносить сообразные жертвы
Вечным богам, на Олимпе живущим! О них постоянно
Помнил в чертоге мой сын. Да, был у меня он когда-то!
А потому и о нём они вспомнили даже по смерти.
Вот что, однако: прими от меня этот кубок прекрасный
И, охраняя меня, проводи под защитой бессмертных,
Чтобы достигнуть я мог безопасно пелидовой ставки».

Аргоубийца вожатый на это Приаму ответил:
«Юность мою искушаешь, старик! Но старанья напрасны.
Хочешь, чтоб принял твои я дары за спиною Пелида.
Всею душой я боюсь и стыжусь обокрасть Ахиллеса.
Как бы со мною позднее за это беды не случилось!
Проводником я тебе хоть до славного Аргоса буду,
На корабле и пешком провожать тебя рад со стараньем.
Вряд ли с презрением кто с провожатым таким бы сразился».

Так отвечал благодавец Гермес и вскочил в колесницу.
В руки проворно схватил и бич, и блестящие вожжи,
Коням и мулам вдохнул необычную резвость и силу.
Скоро окопа достигли они и стены корабельной,
Где незадолго трудилась над ужином стража ахейцев.
Сон на стражу излил благодетельный Аргоубийца,
Вслед за этим ворота открыл, отодвинув засовы,
Ввёз Приама вовнутрь, а с ним и повозку с дарами.
Вскоре достигли они ахиллесовой ставки высокой.
Ставку построили ту мирмидонцы царю, нарубивши
Брёвен еловых для стен, и здание сверху покрыли,

Нежно-пушистый тростник для того на болоте нарезав.
Около ставки широкий устроили двор для владыки,
Огородив частоколом. Ворота его запирались
Крепким засовом еловым. Огромный засов тот в воротах
Трое ахейцев с трудом выдвигали, с трудом задвигали –
Все остальные; но сам Ахиллес без труда его двигал.
Эти ворота открыл перед старцем Гермес благодавец,
Славные ввёз он дары быстроногому сыну Пелея,
Наземь сошёл с колесницы и так обратился к Приаму:
«Бог я бессмертный, о старец, к тебе низошедший с Олимпа.
Знай, пред тобою – Гермес! Проводить я отцом тебя послан.
Ну, а теперь возвращаюсь назад; на глаза Ахиллесу
Не покажусь; непристойно б то было бессмертному богу
Так, без всякой нужды, по-приятельски с смертным встречаться.
Ты же, войдя, охвати Ахиллесу колени руками,
Ради отца умоляй, ради матери пышноволосой,
Ради сына его, чтобы дух взволновать ему в сердце».

Так сказавши, Гермес на высокий Олимп удалился.
Старец Приам с колесницы немедленно спрыгнул на землю
И повелел оставаться на месте Идею, чтоб мулов
И лошадей он стерёг. А сам направился прямо
К дому, где милый богам Ахиллес находился. Сидящим
Старец увидел его, а поодаль – товарищей. Двое ж, –
Автомедонт благородный и отрасль Аресова Алким, –
Возле него суетились. Он только что ужинать кончил,
Попил уже и поел. Перед ним ещё стол оставался.
В ставку великий Приам незаметно вошёл и, приблизясь,
Обнял колени Пелида и стал целовать его руки, –
Страшные, кровью его сыновей обагрённые руки.
Так же, как если убьёт человек в ослепленье тяжёлом
Мужа в родной стороне и, в другую страну убежавши,
К мужу богатому входит и всех в изумленье ввергает,
Так изумился Пелид, увидав боговидного старца;
Так изумилися все и один на другого глядели.
Он же, моля Ахиллеса, такое сказал ему слово:
«Вспомни, подобный богам Ахиллес, об отце твоём милом!
Так же, как я, стоит на пороге он старости скорбной.
Может быть, в этот же час соседи, его окруживши,
Войском теснят, и спасти его некому в этом несчастье.
Знает, однако, по крайней он мере и слышит, что жив ты,
Радуясь этому сердцем, надеждой всегда преисполнен
Милого сына увидеть пришедшим домой из-под Трои.
Я ж, бесконечно несчастный, сынов народил превосходных

В Трое широкой, – и в жизни из них никого не осталось!
Я пятьдесят их имел при нашествии войска ахейцев,
И девятнадцать из них – от одной материнской утробы.
Жёны другие мои остальных мне родили в чертогах.
Многим из них свирепый Арес уж расслабил колени.
Кто же единственный был и единственный Трои защитник,
Тот был недавно тобою убит, защищая отчизну, –
Гектор. И ради него прихожу к кораблям я ахейским
Выкупить тело его, и несу неисчислимый выкуп.
Сжалься, Пелид, надо мною, яви уваженье к бессмертным,
Вспомни отца твоего! Я жалости больше достоин!
Делаю то я, на что ни один не решился бы смертный:
Руки убийцы моих сыновей я к губам прижимаю!»

Плакать тогда об отце захотелось Пелееву сыну.
За руку взяв, от себя старика отодвинул он тихо.
Плакали оба они. Припавши к ногам Ахиллеса,
Плакал о сыне Приам, о Гекторе мужеубийце.
Плакал Пелид об отце о своём, и ещё о Патрокле.
Стоны обоих и плач по всему разносилися дому.
После того как слезами Пелид богоравный упился,
В сердце ж и в членах его уж исчезло желание плакать,
С кресла стремительно встал он и за руку поднял Приама,
Тронутый белой его бородой и седой головою,
И, обратившись к нему, слова окрылённые молвил:
«О злополучный! Как много ты горестей сердцем изведал!
Как ты решился один близ ахейских судов появиться
Перед глаза человека, немало избившего в битвах
Храбрых сынов у тебя? Да, сердце твоё из железа!
Ну, успокойся ж и в кресло садись! Как бы ни было грустно,
Горести наши оставим покоиться скрытыми в сердце!
Мы ничему не поможем и самым неистовым плачем.
Боги такую уж долю назначили смертным бессчастным, –
В горестях жизнь проводить. Лишь сами они беспечальны.
Глиняных два кувшина есть в зевсовом доме великом,
Полны даров, – счастливых один, а другой – несчастливых.
Смертный, кому их, смешавши, даёт молневержец Кронион,
В жизни своей переменно то горе находит, то радость.
Тот же, кому только беды он даст, – поношения терпит,
Бешеный голод его по земле божественной гонит,
Всюду он бродит, не чтимый никем, ни людьми, ни богами.
Так и с Пелеем: дарами осыпали светлыми боги
С юности самой его; выдавался меж всеми людьми он
Счастьем, богатством; владыкою был он мужей мирмидонских.

Смертный, в супруги себе получил от богов он богиню.
Но и ему приложил злополучие бог: не имеет
В доме своём он потомков, кто был бы наследником царства.
Сын у него лишь один, краткожизненный; даже и нынче
Старости я не покою его. Далеко от отчизны
Здесь я сижу, и тебя и твоих сыновей огорчая.
Так же и ты, как я слышал, старик, благоденствовал прежде:
Сколько к северу Лесбос вмещает, обитель Макара,
В сторону – Фригия, также и весь Геллеспонт беспредельный,
Окрест везде, говорят, ты богатством блистал и сынами.
Но, как беду навели на тебя небожители-боги,
Вечно вокруг Илиона сраженья и мужеубийства.
Так овладей же собой, без конца не круши себя скорбью.
Пользы не много тебе от печали по сыне убитом.
Мёртвый не встанет; скорей тебя новое горе постигнет».

Старец Приам боговидный на это ответил Пелиду:
«Нет, я не сяду, любимец Зевеса, покудова Гектор
В ставке лежит, погребенью не преданный. Выдай скорее,
Чтобы глазами своими его я увидел. А сам ты
Выкуп прими привезённый. И пусть тебе будет на радость
Он, как вернёшься в отчизну, за то, что меня пощадил ты,
Жизнь мне оставил и видеть позволил сияние солнца».

Грозно взглянув на Приама, сказал Ахиллес быстроногий:
«Не раздражай меня нынче, старик! Ведь и так уж решил я
Гектора выдать тебе. От Зевеса ко мне приходила
Вестницей мать, что меня родила, дочь старца морского.
Но и тебя, – хорошо я, Приам, это знаю, не скроешь! –
Но и тебя к кораблям нашим кто-то привёл из бессмертных.
Ибо никто б из людей не посмел, даже юноша пылкий,
В стан ахейский войти: от стражи он скрыться не смог бы,
Да и засов нелегко б отодвинул на наших воротах.
Будет тебе ещё больше страдающий дух волновать мне!
Как бы тебе здесь, старик, хоть ты – и просящий защиты,
Не отказал я в пощаде, нарушивши зевсову волю!»

Так он сказал. Испугался старик и послушал приказа.
Сын же Пелеев из ставки, как лев, устремился наружу,
Но не один; поспешили за ним и товарищей двое, –
Автомедонт благородный и Алким, которых меж всеми
После Патрокла убитого чтил Ахиллес наиболе.
Быстро они от ярма лошадей отвязали и мулов,
Вестника старца Приама ввели в ахиллесову ставку,

В кресло его усадили, с повозки ж красивоколёсной,
Неисчислимую плату за голову Гектора сняли.
Две лишь оставили мантии с вытканным тонко хитоном,
С тем чтобы тело одетым домой отпустить от Пелида.
Он же, позвавши рабынь, повелел им обмыть и умаслить
Гектора тело, но прочь отнеся, чтоб Приам не увидел.
Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорчённый,
Сына увидев, а сам он внезапно в ответ не вскипел бы
И не убил бы его, приказанье нарушивши Зевса.
Тело обмыли рабыни и маслом его умастили,
В новый одели хитон и набросили мантию сверху.
Гектора сам Ахиллес, подняв, положил на носилки;
Вместе с друзьями потом на повозку в носилках поставил.
После того зарыдал, и друга назвал, и промолвил:
«Не обижайся, Патрокл, если даже и в доме Аида
Ты вдруг узнаешь, что я многосветлого Гектора тело
Отдал отцу: не ничтожными он заплатил мне дарами.
Долю достойную я и тебе из них выделю в жертву!»

В ставку свою Ахиллес многосветлый вернулся обратно,
Сел в красивое кресло, с которого встал перед этим,
Против Приама с другой стороны у стены и промолвил:
«Сын твой умерший, старик, тебе возвращён, как велел ты.
Тело в носилках лежит. Его на заре ты увидишь,
Как повезёшь к себе в город. Теперь же об ужине вспомним.
Пищи забыть не могла и Ниоба сама, у которой
Разом двенадцать детей нашли себе смерть в её доме, –
Шесть дочерей и шесть сыновей, цветущих годами.
Стрелами юношей всех перебил Аполлон сребролукий,
Злобу питая к Ниобе, а девушек всех – Артемида.
Мать их с румяноланитной Лето пожелала равняться:
Та, говорила, лишь двух родила, сама ж она многих!
Эти, однако, хоть двое их было, но всех погубили.
Трупы кровавые девять валялися дней. Хоронить их
Некому было: народ превращён был Кронионом в камни.
Их на десятый лишь день схоронили небесные боги.
Вспомнила всё ж и Ниоба о пище, как плакать устала.
Нынче где-то средь скал, в пустынных горах, на Сипиле,
Где, как слыхал я, приют находят ночами богини,
Нимфы, которые вдоль берегов ахелоевых пляшут, –
Там, хоть уж камень сама, богоданной скорбит она скорбью.
Значит, божественный старец, давай-ка с тобою о пище
Также подумаем. Сына ты можешь оплакать и позже,
В Трою привезши его. Для тебя многослёзен он будет!»

Так он сказал и вскочил, и овцу белорунную быстро
Сам заколол; ободрали ж товарищи, как подобает,
Мясо, искусно нарезав куски, вертелами проткнули,
Сжарили их на огне осторожно и с вертелов сняли.
Автомедонт же расставил корзины красивые с хлебом
По столу; сам Ахиллес разделил меж сидевшими мясо.
Руки они протянули к поставленным яствам готовым.
После того как питьём и едой утолили желанье,
Долго Приам Дарданид удивлялся царю Ахиллесу,
Как он велик и прекрасен; богам он казался подобным.
Царь Ахиллес удивлялся равно Дарданиду Приаму,
Глядя на образ его благородный и слушая речи.
Оба они наслаждались, один на другого взирая.
Первым старик боговидный Приам обратился к Пелиду:
«Зевсов питомец, пусти меня спать поскорее. Позволь нам
Сладостным сном насладиться, улегшись в постели. Давно уж
Ни на мгновение сном у меня не смыкалися веки, –
С самого дня, как свой дух погубил под твоими руками
Сын мой. Всё время стенал и несчётные скорби терпел я,
С горя в ограде двора по навозу и пыли валяясь.
Только сейчас я и пищу вкусил, и с вином искрометным
Чашу в гортань себе влил. До сегодня ж не ел ничего я».

Тотчас товарищам царь Ахиллес приказал и рабыням
Две кровати поставить в сенях, из подушек красивых
Пурпурных ложе устроить, покрыть его сверху коврами,
Два одеяла пушистых постлать, чтобы спящим покрыться.
С факелом ярким в руках поспешили рабыни из дома,
Две постелили проворно постели в указанном месте.
И обратился к Приаму, шутя, Ахиллес быстроногий:
«Ляжешь снаружи ты, милый старик, чтобы кто из ахейцев
В ставку сюда не пришёл совещаться, – ко мне постоянно
Для совещаний идут посидеть, – таков уж обычай!
Если из них кто тебя средь ночной темноты здесь увидит,
Всё он тотчас сообщит Агамемнону, сыну Атрея:
Может выйти тогда задержка с выдачей тела.
Вот что, однако, скажи, и скажи мне вполне откровенно:
Сколько ты дней хоронить многосветлого Гектора хочешь?
Столько я дней от боев удержусь, удержу и ахейцев».

Старец Приам боговидный на это ответил Пелиду:
«Если ты хочешь, чтоб мог я свершить погребение сына,
Радость великую мне бы доставил ты, сделавши вот как:
В городе заперты мы, как ты знаешь; возить издалека

С гор нам придётся дрова, а троянцы напуганы сильно.
Девять бы дней нам желалось оплакивать Гектора в доме,
Похоронить на десятый и пир поминальный устроить;
После поминок на утро насыплем над мёртвым могилу,
В день же двенадцатый станем сражаться, уж если так нужно».

Снова ему отвечая, сказал Ахиллес быстроногий:
«Сделано будет и это, о старец Приам, как желаешь.
Бой прекращаю на столько я времени, сколько ты просишь».

Так сказал Ахиллес и Приамову правую руку
Около кисти пожал, чтоб старик ничего не боялся.
Там они спать улеглись, в притворе пелидова дома, –
Царь и глашатай, в уме своём планы разумные строя.
Сам Ахиллес почивал в глубине своей ставки прекрасной,
С ним Брисеида легла прекрасноланитная рядом.

Прочие боги Олимпа и коннодоспешные мужи
Спали всю ночь напролёт, побеждённые сном благодатным.
Лишь одолеть он не мог одного благодавца Гермеса.
Думал он в духе своём, как лучше владыку Приама
Через ворота провесть незаметно для стражи могучей.
Стал над его головою и с речью к нему обратился:
«Всё ещё спишь ты, старик, пощажённый Пелеевым сыном,
Между враждебных людей, не заботясь о бедах возможных.
Много ты отдал сегодня, чтоб выкупить мёртвого сына.
Но за тебя, за живого, тройную отдали бы цену
Дети, которые сзади остались, когда б Агамемнон
И остальные ахейцы узнали, что здесь ты, в их стане».

Так говорил он. Старик испугался и вестника поднял.
Тотчас Гермес лошадей им и мулов запряг и поспешно
Сам их прогнал через стан аргивян, и никто не увидел.
Но лишь достигнули брода прекрасноструящейся речки,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,
Путников бросив, Гермес на великий Олимп удалился.

В платье шафранном Заря простёрлась над всею землёю.
К городу гнали они лошадей со стенаньем и плачем.
Мулы везли мертвеца. И никто их другой не увидел
Ни из мужчин, ни из жен, поясами прекрасными славных,
Прежде Кассандры, красой с золотой Афродитою сходной.
Рано Кассандра взошла на Пергам и отца увидала
На колеснице и с ним громогласного вестника Трои.

И увидала в повозке, запряженной мулами, также
Гектора славного труп. Завопила на весь она город:
«Эй! Троянцы! Троянки! Бегите, чтоб Гектора видеть!
Вы ведь с восторгом живого встречали его после битвы;
Радостью он постоянной и городу был, и народу!»

Так говорила. И вдруг ни жены не осталось, ни мужа
В Трое широкой. Печаль несдержимая всех охватила.
Возле ворот городских окружили везущего тело.
Всех впереди молодая жена и почтенная матерь
Волосы рвали, бросались к повозке красивоколёсной,
Голову Гектора в руки хватали. И плакал народ весь.
До ночи целый бы день напролёт, заливаясь слезами,
Перед воротами все оставались у трупа в повозке;
Если б старик со своей колесницы не крикнул народу:
«Дайте дорогу, чтоб мог я на мулах проехать! Потом же
Плачем насытитесь все вы, как мёртвого в дом привезу я!»

Так он сказал. Расступился народ и открыл им дорогу.
К славному дому Приама привезши, на ложе сверлёном
Тело они положили. Певцов, зачинателей плача,
Возле него посадили, которые с грустным стенаньем
Песни плачевные пели, а жёны им вторили стоном.
Плач белорукая после того зачала Андромаха,
Голову Гектора мужеубийцы обнявши руками:
«Молод из жизни ушёл ты, мой муж дорогой, и вдовою
В доме меня покидаешь. И мал ещё сын наш младенец,
Нами, злосчастными, на свет рождённый, тобою и мною.
Юности он не достигнет, я думаю. Прежде наш город
Будет разрушен. Погиб ты, хранитель его, защищавший
Трою саму, и почтенных супруг, и детей несмышлёных!
Быстро отсюда их всех увезут в кораблях быстролётных,
С ними со всеми – меня. И сам ты, о сын мой, за мною
Следом пойдёшь, чтобы там неподобную делать работу,
Для господина стараясь свирепого. Либо ахеец,
За руки взявши, швырнёт тебя с башни – ужасная гибель! –
В гневе, что брата его, иль отца, или милого сына
Гектор в бою умертвил, ибо очень немало ахейцев,
Пикой его поражённых, глодало широкую землю:
Сердцем не мягок родитель твой был средь погибельной сечи.
Вот почему так о нём и горюет народ в Илионе.
Плач несказанный и горе родителям милым принёс ты,
Гектор! Но мне наиболе жестокие скорби доставил.
Не протянул ты руки мне своей со смертельного ложа,

Слова заветного мне не сказал, о котором бы вечно
Я вспоминала и ночью, и днём, обливаясь слезами!»

Так говорила, рыдая. И жёны за нею стенали.
Громко потом зачала между жёнами плач свой Гекуба:
«Гектор, из всех сыновей наиболее мною любимый!
Мил у меня и при жизни ты был олимпийцам бессмертным,
И по кончине твоей за тебя они сердцем болеют.
Многих других сыновей у меня Ахиллес быстроногий,
В плен захвативши живьём, далеко за бесплодное море
Продал на Самос, на Имброс, на Лемнос, окутанный паром.
Но, одолевши тебя и оружием душу исторгнув,
Как ни влачил он тебя вкруг могилы Патрокла, который
Гибель из рук твоих принял и быть воскрешённым не смог им,
Всё ж у меня как росой ты умытый покоишься в доме,
Свежий, подобно тому, кого Аполлон сребролукий
Нежной стрелою своей умертвил, подошедши внезапно!»

Так говорила, рыдая. И плач поднялся непрерывный.
Третьей меж женами горестный плач зачинала Елена:
«Гектор, меж деверей всех наиболее мною любимый!
Ибо супруг мне теперь – Александр боговидный, привезший
В Трою меня. Отчего, отчего не погибла я раньше!
Нынче двадцатый уж год для меня с той поры протекает,
Как прибыла я сюда и покинула край мой родимый,
Но от тебя не слыхала я злого, обидного слова!
Даже когда и другой кто меня укорял из домашних, –
Деверь, золовка прекрасно одетая или невестка,
Или свекровь, – что до свёкра-отца, то всегда был он ласков, –
Ты, убеждая словами, удерживал их от нападок
Мягким своим обращеньем и мягкою речью своею.
Горько скорблю о тебе и скорблю о себе, злополучной.
Нет у меня никого в Илионе широком другого,
Кто бы мне дружествен был. Для всех я равно ненавистна!»

Так говорила, рыдая. Вздыхал весь народ неисчётный.
Старый Приам обратился к народу с такими словами:
«В город везите, троянцы, дрова и не бойтесь нисколько
Тайной засады ахейцев. Мне дал Ахиллес обещанье,
От чернобоких своих отправляя судов, что не будет
Зла причинять нам, покамест двенадцатый день не наступит».
Так говорил он. В повозки волов тяжконогих и мулов
Стали они запрягать и пред городом быстро собрались.
Девять дней подвозили несчётное множество леса.

Вместе с десятою свет приносящею смертным зарёю
Вынесли, горько рыдая, отважного Гектора тело,
Наверх костра положили и снизу подбросили пламя.

Рано рождённая, в небе взошла розоперстая Эос.
Люди сходились к костру, на котором покоился Гектор.
После того как сошлись и большая толпа собралася,
Первым же делом вином искромётным костёр загасили
Всюду, где сила огня сохранилась. А братья с друзьями
Тщательно белые кости героя средь пепла собрали,
Горько скорбя и со щёк обильные слёзы роняя.
В ящик потом золотой те кости они положили,
Их покрывши пред тем пурпуровой мягкой одеждой.
Тотчас спустили в могилу глубокую, после того же
Поверху часто камнями огромными плотно устлали.
Сверху насыпали холм. Вокруг же стража сидела,
Глядя, чтоб ранее срока на них не напали ахейцы.
Быстро насыпав могилу, они разошлись. Напоследок
Снова все собрались и блистательный пир пировали
В доме великом Приама, владыки, вскормлённого Зевсом.
Так погребали они конеборного Гектора тело.

(Перевод В. Вересаева).

По этой ссылке в Интернете вы сможете просмотреть многочисленные презентации и видеоматериалы о Гомере, а также о его великих поэмах «Илиада» и «Одиссея».

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Какое событие положено в основу «Илиады»?
2. Охарактеризуйте главных героев поэмы (Париса, Гектора, Агамемнона, царя Приама, Елену).
3. Назовите имена богов и мифических героев, которые вмешивались в действия людей.
4. Согласны ли вы с утверждением, что «Илиада» Гомера – это величественный гимн человеку и одновременно поэтический призыв к добру и миру на земле?

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Гомер «Одиссея»

«ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ»

Хождение (хожение) – жанр литературы Древней Руси, зародившийся благодаря паломникам, посещавшим святые для христиан места. Фактически хождения представляют собой путевые записки и записи впечатлений от посещения тех или иных иностранных земель, но в них сочетаются элементы личного мировоззрения авторов: нравственные, художественные, политические. Проще говоря, произведения в этом жанре имеют субъективную эмоциональную и личную оценку того, кто их писал.

Особенностью «хождений» является их историческая достоверность. В целом произведения в этом жанре описывают события и места достаточно точно и иногда весьма подробно. Авторы многих средневековых «хождений» проявляют осведомлённость о событиях в современном им мире, что делает эти произведения ценным источником исторической информации.

Изначально хождения появились в качестве описаний паломничества к святым местам, но постепенно утратили свою религиозную составляющую. Примерно к XV веку стали появляться светские произведения, написанные по тому же принципу, но в них описывались путешествия с иными целями, а не ради поклонения христианским святыням.

Наиболее известным «хождением» является «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, который в 1468-1474 годах совершил длительное путешествие в Индию. Памятник древнерусской литературы стал первым произведением русской литературы, имевшим не религиозные, а торговые цели.

Афанасий Никитин спустился по Волге из Твери в Астрахань, пересёк Каспийское море, проехал Персию и через Индийский океан достиг Индии, где прожил три года. Обратный путь лежал снова через Индийский океан, Персию, а затем по Чёрному морю и Крыму.

Нет оснований считать Афанасия Никитина особенно предприимчивым купцом, сознательно стремившимся в Индию; не был он и дипломатом. Товары, с которыми он отправился в путь, предназначались, очевидно, для продажи на Кавказе. В Индию он пошёл после того, как был ограблен в низовьях Волги. Единственным товаром, который он доставил в Индию, был купленный по дороге и проданный с большим трудом конь. Путевые записки Никитина были, в сущности, дневником, только без разбивки на даты.

«Хождение за три моря» представляет собой богатый этнографический и исторический материал. Афанасий Никитин живо и достоверно описывает природу Индии, её политический строй, торговлю, сельское хозяйство. Он смело вводит в своё повествование автобиографические эпизоды, лирические отступления. Записки свидетельствуют о патриотизме их автора, о широте его взглядов и начитанности. Язык записок близок к разговорной и деловой московской речи; широко используются персидские, арабские, тюркские слова и выражения.

Мы ничего не знаем об Афанасии Никитине, кроме сведений, содержащихся в

«Хождении». Известно, что автор «Хождения за три моря» умер около 1475 года, недалеко от Смоленска, а его дневник был передан в руки дьяка великого князя Московского Василия Мамырева.

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

(Фрагмент)

В год 6983 (1475) <...>. В том же году получил записи Афанасия, купца тверского, был он в Индии четыре года, а пишет, что отправился в путь с Василием Папиным. Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне – за год до казанского похода вернулся он из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил. В записях же не нашёл, в каком году Афанасий пошёл или в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, до Смоленска не дойдя. А записи он своей рукой писал, и те тетради с его записями привезли купцы в Москву Василию Мамыреву, дьяку великого князя.

Карта маршрута путешествия Афанасия Никитина

Записал я здесь про своё грешное хождение за три моря: первое море – Дербентское, дарья Хвалисская, второе море – Индийское, дарья Гундустанская, третье море – Чёрное, дарья Стамбульская.

Из Рея пошёл я к Кашану и жил тут месяц, а из Кашана – к Наину, а из Наина к Йезду и тут жил месяц. А из Йезда пошёл к Сирджану, а из Сирджана – к Тарому, домашний скот здесь кормят финиками, по четыре алтына продают батман фиников. А из Тарома пошёл к Лару, а из Лара – к Бендеру – то пристань Ормузская. И тут море Индийское, по-персидски дарья Гундустанская; до Ормуза-града отсюда четыре мили идти.

А Ормуз – на острове, и море наступает на него всякий день по два раза. Тут провёл я первую Пасху, а пришёл в Ормуз за четыре недели до Пасхи. И потому я города не все назвал, что много ещё городов больших. Велик солнечный жар в Ормузе, человека сожжёт. В Ормузе был я месяц, а из Ормуза после Пасхи в день Радуницы пошёл я в таве с конями за море Индийское.

Из Чаула пошли посуху, шли до Пали восемь дней, до Индийских гор. А от Пали шли десять дней до Умри, то город индийский. А от Умри семь дней пути до Джуннара.

Правит тут индийский хан – Асад-хан джуннарский, а служит он мелик-ат-туджару. Войска ему дано от мелик-ат-туджара, говорят, семьдесят тысяч. А у мелик-ат-туджара под началом двести тысяч войска, и воюет он с кафарами двадцать лет: и они его не раз побеждали, и он их много раз побеждал. Ездит же Асад-хан на людях. А слонов у него много, и коней у него много добрых, и воинов, хорасанцев, у него много. А коней привозят из Хорасанской земли, иных из Арабской земли, иных из Туркменской земли, иных из Чаготайской земли, а привозят их всё морем в тавах – индийских кораблях.

И я, грешный, привёз жеребца в Индийскую землю, и дошёл с ним до Джуннара, с божьей помощью, здоровым, и стал он мне во сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня. Зимовал я в Джуннаре, жил тут два месяца. Каждый день и ночь – целых четыре месяца – всюду вода да грязь. В эти дни пашут у них и сеют пшеницу, да рис, да горох, да всё съестное. Вино у них делают из больших орехов, кози гундустанские называются, а брагу – из татны. Коней тут кормят горохом, да варят кхичри с сахаром да с маслом, да кормят ими коней, а с утра дают шешни. В Индийской земле кони не водятся, в их земле родятся быки да буйволы – на них ездят и товар и иное возят, всё делают.

Джуннар-град стоит на скале каменной, не укреплён ничем, богом ограждён. И пути на ту гору день, ходят по одному человеку: дорога узка, двоим пройти нельзя.

И в том Джуннаре хан отобрал у меня жеребца, когда узнал, что я не бесерменин, а русин. И он сказал: «И жеребца верну, и тысячу золотых впридачу дам, только перейди в веру нашу – в Мухаммеддини. А не перейдёшь в веру нашу, в Мухаммеддини, и жеребца возьму, и тысячу золотых с твоей головы возьму». И срок назначил – четыре дня, на Спасов день, на Успенский пост. Да господь бог сжалился на свой честной праздник, не оставил меня, грешного, милостью своей, не дал погибнуть в Джуннаре среди неверных. Накануне Спасова дня приехал казначей Мухаммед, хорасанец, и я бил ему челом, чтобы он за меня хлопотал. И он ездил в город к Асад-хану и просил обо мне, чтобы меня в их веру не обращали, да и жеребца моего взял у хана обратно. Таково господне чудо на Спасов день. А так, братья русские христиане, захочет кто идти в Индийскую землю – оставь веру свою на Руси, да, призвав Мухаммеда, иди в Гундустанскую землю.

Солгали мне псы бесермены, говорили, что много нашего товара, а для нашей земли нет ничего: всё товар белый для бесерменской земли, перец да краска, то дешёво. Те, кто возят волов за море, те пошлин не платят. А нам провезти товар без пошлины не дадут. А пошлин много, и на море разбойников много. Разбойничают кафары, не христиане они и не бесермены: молятся каменным болванам и ни Христа, ни Мухаммеда не знают.

А из Джуннара вышли на Успенье и пошли к Бидару, главному их городу. Шли до Бидара месяц, а от Бидара до Кулонгири – пять дней и от Кулонгири до Гулбарги пять дней. Между этими большими городами много других городов, всякий день проходили по три города, а иной день по четыре города: сколько ковов – столько и городов. От Чаула до Джуннара двадцать ковов, а от Джуннара до Бидара сорок

ковов, от Бидара же до Кулонгири девять ковов, и от Бидара до Гулбарги девять ковов.

В Бидаре на торгу продают коней, камку, шёлк и всякий иной товар да рабов чёрных, а другого товара тут нет. Товар всё гундустанский, а из съестного только овощи, а для Русской земли товара нет.

В Индийской земле княжат все хорасанцы, и бояре все хорасанцы. А гундустанцы все пешие и ходят перед хорасанцами, которые на конях; а остальные все пешие, ходят быстро, все наги да босы, в руке щит, в другой – меч, а иные с большими прямыми луками да со стрелами. Бой ведут всё больше на слонах. Впереди идут пешие воины, за ними – хорасанцы в доспехах на конях, сами в доспехах и кони. Слонам к голове и бивням привязывают большие кованые мечи, по кентарю весом, да облачают слонов в доспехи булатные, да на слонах сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками, да со стрелами.

Есть тут одно место – Аланд, где шейх Алаеддин (святой, лежит и ярмарка). Раз в год на ту ярмарку съезжается торговать вся страна Индийская, торгуют тут десять дней; от Бидара двенадцать ковов. Приводят сюда коней – до двадцати тысяч коней – продавать да всякий товар привозят. В Гундустанской земле эта ярмарка лучшая, всякий товар продают и покупают в дни памяти шейха Алаеддина, а по-нашему на Покров святой богородицы. А ещё есть в том Аланде птица гукук, летает ночью, кричит: «кук-кук»; а на чьём доме сядет, там человек умрёт, а захочет кто её убить, она на того огонь изо рта пускает. Мамоны ходят ночью да хватают кур, а живут они на холмах или среди скал. А обезьяны, те живут в лесу. Есть у них князь обезьяний, ходит с ратью своей. Если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на обидчика свою рать и они, к городу придя, дома разрушают и людей убивают. А рать обезьянья, сказывают, очень велика, и язык у них свой. Детёнышей родится у них много, и если который из них родится ни в мать, ни в отца, таких бросают на дорогах. Иные гундустанцы подбирают их да учат всяким ремёслам; а если продают, то ночью, чтобы они дорогу назад не могли найти, а иных учат (людей забавлять).

Весна у них началась с Покрова святой богородицы. А празднуют память шейха Алаеддина и начало весны через две недели после Покрова; восемь дней длится праздник. А весна у них длится три месяца, и лето три месяца, и зима три месяца, и осень три месяца.

Бидар – стольный город Гундустана бесерменского. Город большой, и людей в нём очень много. Султан молод, двадцати лет – бояре правят, а княжат хорасанцы и воюют все хорасанцы.

Земля многолюдна, да сельские люди очень бедны, а бояре власть большую имеют и очень богаты. Носят бояр на носилках серебряных, впереди коней ведут в золотой сбруе, до двадцати коней ведут, а за ними триста всадников, да пеших пятьсот воинов, да десять трубачей, да с барабанами десять человек, да дударей десять.

А когда султан выезжает на прогулку с матерью да с женою, то за ним всадников десять тысяч следует да пеших пятьдесят тысяч, а слонов выводят двести

и все в золочёных доспехах, и перед ним – трубачей сто человек, да плясунов сто человек, да ведут триста коней верховых в золотой сбруе, да сто обезьян, да сто наложниц, гаурыки называются.

Во дворец султана ведёт семь ворот, а в воротах сидят по сто стражей да по сто писцов-кафаров. Одни записывают, кто во дворец идёт, другие – кто выходит. А чужестранцев во дворец не пускают. А дворец султана очень красив, по стенам резьба да золото, последний камень – и тот в резьбе да золотом расписан очень красиво. Да во дворце у султана сосуды разные.

По ночам город Бидар охраняет тысяча стражей под начальством куттавала, на конях и в доспехах, да в руках у каждого по факелу.

Продал я своего жеребца в Бидаре. Издержал на него шестьдесят восемь футунов, кормил его год. В Бидаре по улицам змеи ползают, длиной по две сажени. Вернулся я в Бидар из Кулонгири на Филиппов пост, а жеребца своего продал на Рождество.

И жил я здесь, в Бидаре, до Великого поста и со многими индусами познакомился. Открыл им веру свою, сказал, что не бесерменин я, а (веры Иисусовой) христианин, и имя моё Афанасий, а бесерменское имя – ходжа Юсуф Хорасани. И индусы не стали от меня ничего скрывать, ни о еде своей, ни о торговле, ни о молитвах, ни о иных вещах, и жён своих не стали в доме скрывать. Расспрашивал я их о вере, и они говорили мне: веруем в Адама, а буты, говорят, и есть Адам и весь род его. А всех вер в Индии восемьдесят и четыре веры, и все веруют в бута. А разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не женятся. Иные из них баранину, да кур, да рыбу, да яйца едят, но говядины никто не ест.

Индусы же не едят никакого мяса, ни говядины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же днём два раза, а ночью не едят, и ни вина, ни сыты не пьют. А с бесерменами не пьют, не едят. А еда у них плохая. И друг с другом не пьют, не едят, даже с женой. А едят они рис, да кхичри с маслом, да травы разные едят, да варят их с маслом да с молоком, а едят всё правой рукой, а левою не берут ничего. Ножа и ложки не знают. А в пути, чтобы кашу варить, каждый носит котелок. А от бесермен отворачиваются: не посмотрел бы кто из них в котелок или на кушанье. А если посмотрит бесерменин, – ту еду не едят. Потому едят, накрывшись платком, чтобы никто не видел.

А молятся они на восток, как русские. Обе руки подымут высоко да кладут на темя, да ложатся ниц на землю, весь вытянется на земле – то их поклоны. А есть садятся – руки обмывают, да ноги, да и рот полощут. Бутханы же их без дверей, обращены на восток, и буты стоят лицом на восток. А кто у них умрёт, тех сжигают да пепел сыплют в реку. А когда дитя родится, принимает муж, и имя сыну даёт отец, а мать – дочери. Добронравия у них нет, и стыда не знают. А когда придёт кто или уходит, кланяется по-монашески, обеими руками земли касается, и всё молча. В Парват, к своему буту, ездят на Великий пост. Тут их Иерусалим; что для бесермен Мекка, для русских – Иерусалим, то для индусов Парват.

И съезжаются все нагие, только повязка на бёдрах, и женщины все нагие, только фата на бёдрах, а другие все в фатах, да на шее жемчугу много, да яхонтов, да на руках браслеты и перстни золотые. (Ей-богу!) А внутрь, к бутхане, едут на быках, рога у каждого быка окованы медью, да на шее триста колокольцев и копыта медью подкованы. И быков они называют ачче.

Индусы быка называют отцом, а корову – матерью. На помехе их пекут хлеб и кушанья варят, а той золой знаки на лице, на лбу и по всему телу делают. В воскресенье и в понедельник едят они один раз на дню.

Из Парвата приехал я в Бидар за пятнадцать дней до бесерменского улу байрама. А когда Пасха, праздник воскресения Христова, не знаю; по приметам гадаю – наступает Пасха раньше бесерменского байрама на девять или десять дней. А со мной нет ничего, ни одной книги; книги взял с собой на Руси, да когда меня пограбили, пропали книги, и не соблюсти мне обрядов веры христианской. Праздников христианских – ни Пасхи, ни Рождества Христова – не соблюдаю, по средам и пятницам не пощусь. И живя среди иноверных (молю я бога, пусть он сохранит меня: «Господи боже, боже истинный, ты бог, бог великий, бог милосердный, бог милостивый, всемилостивейший и всемилосерднейший ты, господи боже). Бог един, то царь славы, творец неба и земли».

А иду я на Русь (с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом). Месяц март прошёл, начал я пост с бесерменами в воскресенье, постился месяц, ни мяса не ел, ничего скоромного, никакой еды бесерменской не принимал, а ел хлеб да воду два раза на дню. И молился я Христу вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного бога именем не призывал.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Каким вы себе представляете путешествие А. Никитина после прочтения «Хождения за три моря»? Как проявились его патриотические чувства вдали от родины?

2. Что увидел путешественник в Индии, что поразило его (обычаи, одежда, торговля, быт и нравы народа, климат)? Приведите примеры.

3. Докажите, что «хождение» представляет собой путевые заметки и очерки. Найдите информацию о том, кто из русских писателей обращался к жанру путевых записок и дневников.

Художественный фильм «Хождение за три моря».

ЗАХИРИДДИН МУХАММАД БАБУР
1483-1530

Желанной цели должен ты добиться, человек,
Иль ничего пускай тебе не снится, человек,
А если этих двух задач не сможешь ты решить, –
Уйди куда-нибудь, живи, как птица, человек.

З.М. Бабур

Захириддин Мухаммад Бабур оставил богатое литературное и научное наследие. Его перу принадлежит знаменитая книга «Бабур-наме», снискавшая мировую известность, оригинальные и прекрасные лирические произведения (газели, рубаи), трактаты по мусульманскому законоведению («Мубайин»), поэтике («Аруз рисоласи»), музыке, военному делу, а также специальный алфавит «Хатт-и Бабури».

Бабур – старший сын ферганского правителя – родился в Андижане в разгар междоусобной борьбы различных тимуридских правителей в Средней Азии за передел обширной территории созданного Тимуром государства.

В 1494 г. после трагической гибели отца 11-летний Бабур был объявлен правителем Ферганы. В последующие годы Бабур упорно стремился создать в Мавераннахре крупное централизованное государство, но его планы не увенчались успехом.

Предводитель кочевых узбеков Мухаммед Шейбани-хан, умело воспользовавшись неурядицами и политическими междоусобицами среди правителей Мавераннахра и Ферганы, в 1504 г. овладевает Самаркандом, Андижаном и Ташкентом, и тем самым вынуждает Бабура покинуть пределы Ферганы, и он обосновывается в Кабуле и Бадахшане. Неоднократные попытки Бабура вернуть владения государства Тимуридов оканчиваются полной неудачей, и Бабур обращает свои взоры на Индию. В 1526 г. Бабур становится правителем Северной Индии, основывает империю Бабуридов («Империя великих моголов»), которая просуществовала до XIX века.

В Агре Бабур собирает вокруг себя немало выдающихся писателей, поэтов, художников, музыкантов того времени. Необходимо подчеркнуть, что тимуридские правители всегда способствовали развитию культуры и науки.

Умер Бабур в 1530 г. Спустя некоторое время после смерти останки его тела были перенесены из Агры в Кабул. В родном для Бабура городе Андижане был открыт памятник, а его имя присвоено Андижанскому государственному университету.

ЛИРИКА

Поэтическое наследие Бабура многогранно и богато. В его стихотворениях реалистически отражены исторические события эпохи, его личная жизнь, окружающая среда, отношение к человеку, религии, обычаям.

Стихи Бабура, в которых трогательно излагаются глубокие чувства, мастерски рассказывается о переживаниях, порождённых в результате столкновения с жизненными обстоятельствами, можно смело назвать его автобиографией. Об этом красноречиво говорит сам поэт:

Каких страданий не терпел и тяжких бед, Бабур?
Каких не знал измен, обид, каких клевет, Бабур?
Но кто прочтёт «Бабур-наме», увидит, сколько мук
И сколько горя перенёс царь и поэт Бабур.

(Перевод Л. Пеньковского)

В своих газелях и рубаи поэт поднимает такие проблемы человеческих взаимоотношений, как любовь, дружба, стремление к прекрасному и т.д. Земную любовь Бабур воспевает как самое высокое человеческое достоинство. Он утверждает, что ради свидания с возлюбленной, без которой он не представляет себе жизни, он готов вынести любые трудности. С большой искренностью поэт выражает готовность пожертвовать ради любви всем своим существом.

Любовь для Бабура превыше богатства, общественного положения и всех земных благ. В своих газелях поэт создает образ прекрасной возлюбленной, наделяя её небывало красивой внешностью, богатым внутренним и духовным содержанием:

Без луноликой не светло от солнечного света,
Не сладок сахар без неё, чья сладость мной воспета.
Без тонкостанной – кипарис мне грудь стрелой пронзает,
Без розоликой – нет у роз ни запаха, ни цвета.
Что стану делать я в раю? Хочу быть с нею рядом,
Зачем же мне другой приют в садах другого света?
Пусть голову из-за неё, тебе, Бабур, отрубят,
Но невозможно оторвать от милой сердце это!

(Перевод Р. Моран)

Особое место в лирике Бабура занимает тема родины. В его газелях и рубаи с большой впечатляющей силой выражены тоска по родине и беспредельная любовь к ней:

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек,
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек.

(Перевод Л. Пеньковского)

В поэзии Бабура также затронуты и вопросы нравственности и духовного совершенства человека. Поэт возвышает человека, относится к нему с великим уважением, высоко ставит человеческое достоинство. Он говорит о том, как человек должен воспитывать в себе лучшие моральные качества.

Говоря о художественном языке произведений Бабура, необходимо отметить его простоту, общедоступность, ясность и сжатость. Поэт не любит громких фраз и сложных выражений. Простота языка Бабура способствует ясному восприятию читателями его творений, богатой палитры чувств и переживаний.

Поэтическое мастерство Бабура выражается в художественном стиле, в умелом использовании наиболее выразительных средств родного языка и в творческом воссоздании источников народного творчества.

О КНИГЕ «БАБУР-НАМЕ»

«Бабур-наме» – один из замечательных литературных памятников прозы на узбекском языке. Книга была завершена в Индии и носит, в основном, автобиографический характер. В ней отражена история народов Средней Азии, Афганистана и Индии конца XV – начала XVI вв. По обилию сведений и их достоверности «Бабур-наме» является одним из самых важных и ценных историко-прозаических трудов, не имеющих себе равных среди аналогичных сочинений, написанных в средние века. Богатое содержание «Бабур-наме», разнообразие изложенных в ней фактических материалов явились первоисточником для последующих поколений историков Средней Азии, Афганистана и Индии, а мелодичные лирические стихи Бабура, написанные на узбекском языке, благодаря оригинальности и совершенству поэтических образов, не утратили своей жизненной силы и в наше время. Заслуга Бабура как историка, географа, этнографа, прозаика и поэта признана мировой востоковедческой наукой.

«Бабур-наме» состоит из трёх частей. Первая её часть посвящена описанию политических событий в Мавераннахре в конце XV века. Вторая часть охватывает события, происходившие на территории Афганистана, которая в эпоху Бабура была известна как «Кабульский удел». В последней, третьей части описываются политические события в Северной Индии, географические данные страны, её природные особенности, содержатся интересные сведения о народах, населявших эту страну.

Автор «Бабур-наме» с присущей ему откровенностью описывает имеющую место анархию среди правящих кругов – феодалов, их беспрерывную борьбу за власть, приводит факты опустошения земледельческих оазисов, увеличения налогов, сбор которых весьма участился в годы смуты во владениях последних тимуридов – в Хорасане и Мавераннахре.

Благодаря «Бабур-наме» мы узнаём об имевшем место в Самарканде страшном голоде в дни осады его Шейбани-ханом в 1501 г. Когда Шейбани-хан – предводитель кочевых узбеков, – совершив несколько нападений на Самарканд, установил там свою власть, а позже покорил Фергану, Бабур был вынужден покинуть пределы родного края и отправиться в Кабул. Все эти события, с подробным описанием тех мест, где приходилось скитаться Бабуру в дни его неу-

дач в борьбе за власть в Мавераннахре, описаны в первой части «Бабур-наме», охватывающей события 1483-1504 гг.

Бабур пишет: «... всё, что здесь написано, истина и цель этих слов не в том, чтобы похвалить себя – всё действительно было так, как я написал. В этой летописи я вменил себе в обязанность, чтобы каждое написанное мною слово было правдой и всякое дело излагалось так, как оно происходило».

За время жизни в Кабуле Бабур хорошо ознакомился с обычаями, нравами жителей страны, которые были осёдлыми земледельцами и кочевниками-скотоводами и говорили на различных языках племён и народностей, обитающих на обширных территориях. Бабур изучил караванные дороги, соединяющие крупные города страны, и в каждом случае он их описал со всеми подробностями во второй части своей книги.

Третья, последняя часть «Бабур-наме» охватывает события 1525-1530 гг. Она более подробна, чем предыдущие. Бабур в этой части своей книги показал себя незаурядным историком. Обширность его познаний в области истории, экономики и культуры народов Индии превзошла данные большинства индо-мусульманских учёных его времени, уступая только Абу Райхану Беруни.

Хотя «Бабур-наме» и посвящена политической истории вышеназванных стран на рубеже XV-XVI вв., однако изобилует также бесценными материалами из социально-экономической жизни народов, затрагивает вопросы морали, этики, нравственности и другие аспекты современной автору эпохи.

«Бабур-наме» содержит многочисленные сведения о литературной среде самого Бабура. На основе этих сведений можно воссоздать биографии многих малоизвестных поэтов того времени, живших в Средней Азии, Афганистане и Индии и писавших свои стихи на персидском, а также узбекском языках. В книге много ярких, с большим остроумием набросанных словесных портретов целого ряда его современников – государственных деятелей, поэтов, художников, музыкантов.

Очень образно дан творческий портрет великого поэта Алишера Навои. Благодаря этим описаниям до нас дошли подробности многогранной научно-литературной деятельности Навои, к творчеству которого Бабур относился чрезвычайно уважительно, преклонялся перед его гением. В описании Бабура Алишер Навои не только талантливый поэт и учёный, но и тонкий дипломат, меценат науки и культуры своей эпохи. Бабур свидетельствует, что в литературной жизни Хорасана и Мавераннахра роль и влияние Алишера Навои были огромны.

«Бабур-наме» содержит также ценные сведения в целом о культурной жизни Хорасана, Мавераннахра, Ирана, Афганистана и Индии на рубеже XV-XVI вв. В противоположность большинству восточных историков той эпохи, Бабур в своём труде от начала до конца остаётся оригинальным повествователем, описывая всё, исходя из своих наблюдений.

Не менее самобытен язык и стиль его. Язык его прост и лаконичен, народен, в нём полностью отсутствуют риторические ухищрения, свойственные его современникам. Несмотря на обилие имён, названий, дат и событий, встречающихся в «Бабур-наме», книга читается легко, с неослабевающим интересом.

Чрезвычайно ценными являются сведения Бабура о полезных ископаемых городов Средней Азии, Афганистана и Индии. В книге описаны многочисленные крупные постройки, сады и бани Самарканда. Автор не только описывает их, но и приводит данные об истории их создания, зачастую называет имена тех, кому принадлежала идея возведения этих построек, имена известных мастеров и зодчих того времени. Бабур не мог упустить из виду описание обсерватории Улугбека, которой он восторгался, отмечая совершенность этого сооружения, его уникальность.

Кабул в XVI в. был крупным торговым центром. Бабур подчёркивает значение Кабула и Кандагара как узловых пунктов караванной торговли на пути в Индию. «В Кабул, – писал он, – приходят караваны из Ферганы, Туркестана, Самарканда, Бухары, Балха, Хисара, Бадахшана. Описание Бабуром караванных путей, ведущих из Кабула не только в Индию, но и в Среднюю Азию, с характеристикой горных тропинок, проложенных к важнейшим перевалам, полностью совпадает с топографическими описаниями XIX в. Значительное место в «Бабур-наме» отводится описаниям флоры и фауны Средней Азии, Афганистана и Индии. В них Бабур проявляет себя тонким, вдумчивым наблюдателем.

Последняя часть книги, хотя в основном посвящена описанию политических событий в Индии, происходивших со дня первого похода Бабура до его смерти (1530 г.), содержит много небезынтересных сведений о политической, экономической и культурной жизни народов Индии предыдущих времён.

В «Бабур-наме» подробное описание получил Хиндустан. Автор восхищается его природой: «Это удивительная страна в сравнении с нашими землями, это иной мир, горы, реки, леса, степи, города, области, животные, растения, люди, язык, дожди н ветры – всё там не так, как у нас, хотя жаркие области, прилегающие к Кабулу, кое в чём сходны с Хиндустаном, но в других отношениях они не сходны, стоит лишь перейти реку Синд, как земля и вода, деревья и камни, люди, пути и обычаи – всё становится таким же, как в Хиндустане», – утверждает он.

И в настоящее время «Бабур-наме» всё более привлекает внимание специалистов из разных стран мира. Ценность сведений, приведённых в книге, искренность и самокритичность автора, достоверность фактического материала получили единодушное признание учёных.

Перевод «Бабур-наме» на русский язык был осуществлён выдающимся востоковедом Михаилом Александровичем Салье (1899-1961) и опубликован в 1958-1960 гг.

Великое творение Захириддина Мухаммада Бабура «Бабур-наме» обессмертило имя поэта на века.

Самарканд. Обсерватория Мирзо Улугбека.

БАБУР-НАМЕ

(Фрагмент)

Через несколько дней я произвёл смотр войску и, созвав людей, знающих земли и воды, расспросил их об окрестных и соседних местах. Некоторые советовали идти на Дешт, другие считали подходящим Бангаш, третьи называли Хиндустан. Мы приняли решение о походе в Хиндустан. В месяце шабане солнце было в созвездии Водолея, когда мы выступили из Кабула, направляясь в Хиндустан.

Дорогой через Бадам-Чешме и Джагдалык, с шестью ночёвками в пути, мы пришли в Адинапур. Я никогда ещё не видал областей жаркой полосы и мест, граничащих с Хиндустаном. Когда мы достигли Нангенхара, взору представился совсем иной мир: травы – другие, деревья – другие, звери – другие, птицы – другие, нравы и обычаи народа – другие. Я удивился, и действительно, было чему удивиться.

Насыр-мирза прибыл из своей области в Адинапур и находился при мне. Кочевники, пришедшие с ним, все откочевали на зимовье в Ламган. Простояв день или два в этих местах и собрав их воинов и отставших бойцов, я перешёл Джу-и Шахи и остановился внизу в Куш-и Гумбазе. Насыр-мирза, получив кое-какие припасы из своей области для нукеров и слуг, сказал: «Я приду вам вслед через два-три дня» и, испросив разрешение, отстал. Когда мы вышли из Куш-и Гумбаза и остановились в Гарм-Чешме, мне привели одного из начальников племени гагиани, Пихи, опытного человека. Мы взяли его с собой, чтобы узнать местность и дорогу. В один или два перехода мы прошли Хайбер и достигли Джама, где и остановились. Я слышал похвалы Гуре-Катри – это, говорят, одно из мест молитвы йогов и индусов; они приходят из далёких стран и стригут себе волосы и бороду в Гуре-Катри.

По прибытии в Джам я поехал прогуляться в Бекрам. Я объехал его окрестности и полюбовался на одно огромное дерево. Проводником был Мелик-Бу-Саид Камари. Сколько мы ни спрашивали, где Гуре-Катри, он не сказал. Когда мы вернулись в лагерь, он говорил Ходже-Мухаммеду-Амину: «Гуре-Катри было возле Бекрама, но я не повёл туда из-за узких пещер и опасных мест вблизи него». Ходжа сейчас же сподличал и передал его слова. Наступил вечер, а путь был дальний, так что мы не смогли туда поехать.

На этой стоянке мы совещались, переходить ли реку Синд и в какую сторону направиться. Бакы-Чаганиани доложил, что будет хорошо, не переходя реку, пойти отсюда, с одной остановкой, в местность, называемую Кохат, ибо жители её многочисленны и богаты. Бакы-Чаганиани привёл несколько кабульцев, которые поддержали его; я никогда не слыхал об этих местах. Один уважаемый, старый человек, считая за благо направиться в Кохат, привёл в подтверждение

своих слов несколько свидетелей. Поэтому я отменил переправу через реку и поход в Хиндустан; выступив из Джама, мы перешли реку Баре и, приблизившись к перевалу Мухаммед-Пих, остановились.

В это время афганцы Гагиани были в Пешавере; от страха перед моим войском они потянулись к подножию горы. Один из начальников племени, Хусрау Гагиани, пришёл на эту стоянку и поступил ко мне в услужение. Мы взяли его с собой вместе с Пихи, чтобы он указывал дорогу и местность. Снявшись с этой стоянки в полночь, мы с восходом солнца прошли Мухаммед-Пих и к полудню совершили набег на Кохат. Нам досталось много быков и буйволов. Много афганцев попало в плен, но пленных всех освободили. В домах их было бесконечно много зерна. Передовые, разграбив местность вплоть до берегов реки Синда, после ночёвки присоединились к нам. Воинам не досталось столько, как обещал Бакы-Чаганиани, и ему стало очень стыдно, что он нас уговаривал.

Дважды переночевав в Кохате и собрав передовых, мы посоветовались, в какую сторону идти. Было решено совершить набег на афганцев из окрестностей Бангаша и Банну и вернуться обратно через Нагз или через Фермуль. Яр-Хусейн, сын Дарья-хана, который, придя в Кабул, служил мне, попросил: «Если дилазакам, юсуфзаям и гагиани будет приказ не отступать от моих слов, то я взмахну мечом государя на той стороне реки Синда». Я отдал соответствующие приказы и отпустил его из Кохата.

Выйдя из Кохата, мы направились в верхний Бангаш дорогой через Хангу. Между Кохатом и Хангу есть одна долина; по долине идёт дорога, с двух сторон которой расположены горы. Когда мы, выступив, вошли в эту долину, то афганцы из Кохата и окрестных мест все собрались на горах по обе стороны долины и подняли крик, шум. Мелик Бу-Саид Камари, который хорошо знал весь Афганистан (в этом походе проводником был он), доложил: «Впереди, направо от дороги, есть гряда гор. Если афганцы перейдут на те горы, то мы сможем окружить их и захватить».

* * *

Выйдя из Хангу и раз переночевав, мы остановились в месте, называемом Тиль, в нижней части верхнего Бангаша. Там тоже воины ходили грабить ближних и окрестных афганцев. От одного из сенгеров некоторые воины отступили слишком легко. Выйдя оттуда, мы шли без дороги и, раз переночевав, утром спустились по крутому склону; пройдя длинное, вытянутое ущелье, остановились в Банну. Воины, кони и верблюды при спуске в ущелье очень измучились, а из быков, доставшихся нам в добычу, большинство полегло там.

Большая дорога была от нас правее, на расстоянии одного-двух курухов; дорога, по которой мы шли, не для конного; овчары и пастухи иногда гоняли вниз по дороге и в ущелье свои стада и отары, поэтому её называли Гусфенд-Лияр (дорогу по-афгански называют лияр). Проводником был Мелик-бу-Саид Камари; большинство воинов думало, что мы оказались левее дороги из-за Мелик-бу-Саида. Банну стоит на ровном, гладком месте, сейчас же за горами Бангаша и Нагза. К северу от Банну – горы; река Бангаша проходит через Банну; Банну орошается водой этой реки. К югу находятся Чупаре и река Синда, к востоку – Динкут, к за-

паду – Дешт, который называют также Базар-и Так. Из афганских племён в этой области обрабатывают землю курани, киви, сур, исахайли и ниязаи.

Остановившись в Банну, мы тотчас же получили известие, что степные племена устроили сенгеры на северных горах. Мы послали туда войско во главе с Джехангир-мирзой.

При набеге на Кохат было решено пограбить афганцев, живущих в окрестностях Бангаша и Банну и затем воротиться обратно дорогой через Нагз или через Фермуль. Когда мы разграбили Банну, люди, знающие земли и воды, доложили мне: «Дешт близко, и его обитатели – люди зажиточные, а дорога туда хорошая, ведёт она в Фермуль».

Было решено совершить набег на Дешт и идти той дорогой.

Наутро мы выступили и остановились в деревне исахайлей, на берегу реки. Исахайли, узнав об этом, потянулись в горы Чупаре. Выйдя из деревни, мы остановились у подножья горы Чупаре. Передовые направились к горам, разбили один из сенгеров исахайлей, доставили много овец, коров и тканей. В ту ночь афганцы исахайли произвели на нас ночной набег; но в этом походе мы проявляли большую осторожность, и они не смогли причинить нам вреда. Мы были настолько осторожны, что правый край, левый край, центр и авангард – всякий, у кого было определённое место, стоял на этом месте. Стражники, вооружившись, стояли вокруг лагеря, на расстоянии полёта стрелы от палаток. Каждую ночь всех воинов выводили и строили таким образом; трое-четверо из приближённых каждый вечер по очереди ходили с факелами; я тоже один раз сделал обход. У тех, кто не хотел выходить, мы прокалывали нос и водили их вокруг лагеря. На правом крыле стояли: Джехангир-мирза, Бакы-Чаганиани, Ширим Тагай, Сейид-Хусейн Акбар и ещё несколько беков; на левом крыле – Мирза-хан, Абд-ар-Раззак-мирза, Касим-бек и ещё несколько беков; в центре из больших беков не было никого, там стояли одни придворные беки; в авангарде стояли Сейид-Касим-ишик-ага, Баба-Оглы, Алла-Кули-Байран и ещё несколько беков. Всё войско разделили на шесть отрядов; каждый отряд нёс караул одни сутки.

Выступив оттуда, мы пошли на запад и остановились между Дештом и Банну в безводном русле. Воины прорыли дно сая и добыли воды для себя и для скота. Стоило вскопать землю на кари или полтора кари, как выступала вода. Не только в этом месте так выходила вода; у всех рек Хиндустана такое свойство: если прокопать на кари или полтора кари дно сухого русла, непременно выйдет вода. Дивны пути создателя: в Хиндустане, где нет текучей воды, кроме рек, вода так близко от дна русла!

Выйдя на заре из высохшего русла, наши конные ко второй молитве достигли деревень Дешта. Наездники совершили набег на несколько деревень и забрали коров, ткани и лошадей. Всю ночь до утра и с утра до полудня подходили отставшие вьючные верблюды, быки и пехотинцы. Из деревень Дешта передовые пригнали много быков и овец. Повстречав афганских торговцев, они доставили множество белой ткани, лекарственных трав, леденца, сахара, кровных коней и коней для продажи.

* * *

На следующее утро мы выступили и остановились неподалёку, среди деревень Дешта. Выйдя оттуда, мы пришли на берега реки Гумаль. Из Дешта на Газни выходят две дороги; одна дорога в Сенг-и Сурах; пройдя Бурек, она ведёт в Фермуль; другая тянется по берегу реки Гумаля и, не доходя до Бурека, тоже ведёт, в Фермуль. Некоторые хвалили дорогу вдоль Гумаля.

Пока мы были в Деште, два или три дня подряд шли дожди. Река Гумаль сильно поднялась, так что мы с трудом отыскали переправу. Люди, знающие дорогу, доложили, что, следуя вдоль Гумаля, нужно несколько раз переправляться через реку; если вода будет так высока, это окажется трудным. Относительно этой дороги тоже появилось сомнение. Пока ни до чего не договорились. Я решил условиться, какой дорогой нам идти утром, когда барабан пробьёт выступление. Был день праздника разговения. Я был занят праздничным омовением; Джехангир-мирза и беки разговаривали между собой. Некоторые говорили: «Гора к западу от Дешта, которую называют Кух-и Мехтер-Сулейман, лежит между Дештом и Дуки. Если обойти выступ этой горы, то дорога будет ровная. Правда, это составит разницу в один-два перехода».

Они решили направиться к выступу. Не успел я кончить омовение, как все воины двинулись к выступу горы, большинство их переправилось через реку Гумаль. Это была незнакомая дорога, и мы, не зная, ближняя она или дальняя, вступили на неё, основываясь на слухах. Праздничную молитву мы совершили на берегах реки Гумаль. Новый год пришёлся вскоре после праздника, промежуток был всего в один или два дня. По этому поводу я сказал такую газель:

Радостен праздник людей, что видят и новый месяц, и лицо любимой,
Но мне, вдалеке от твоего лица и бровей, достались в праздник одни заботы.
Лицо милой – «науруз», встреча с ней – праздник,
Бабур, пользуйся же случаем, ибо лучше этого не будет сто наурузов и сто праздников.

* * *

Выйдя из Дешта, мы двинулись вдоль склонов горы Мехтер-Сулейман на юг и после трёх ночёвок пришли в местечко Била; это одно из зависящих от Мультана селений на берегу реки Синда. Жители Била в страхе перед нами сели в лодки и переехали через реку; некоторые бросились в воду и переправились вплавь.

Напротив селения был остров; часть жителей укрылась на этом острове. Большинство моих воинов, с лошадьми и оружием, бросились в воду и переправились на остров; несколько человек утонуло. Среди них был Кул-Ахмед-Арук, мой главный постельничий. Из нукеров Джехангир-мирзы утонул Кайтмас-туркмен. На острове воинам досталось кое-что из вещей и пожитков.

Большинство жителей тех мест переправились на лодках на другой берег реки Синда. Те, что переправились напротив острова, полагаясь на ширину реки, взяли в руки мечи и, играя ими, начали задирать нас. Один из наших людей, переправившихся на остров, Куль-Баязид-букаул, на коне без лат, бросился в воду. Река с этой стороны острова была в два-три раза шире, чем со стороны, обращён-

ной к нам. Куль-Баязид пустил лошадь вперёд, в сторону людей, находившихся на том берегу Синда на расстоянии полёта стрелы; лошадь вышла на мелкое место; вода была ей по брюхо. Он простоял некоторое время, должно быть, собираясь с мыслями; сзади никто не бросился ему вслед, надежды на помощь не было. Куль-Баязид быстро двинулся на врагов. Они выпустили в него одну-две стрелы, но не посмели стоять и побежали. Куль-Баязид, один, на неосёдланной лошади, без поддержки, переплыл такую реку, как Синд, обратил врагов в бегство и занял их землю. Очень смелое дело сделал!

Когда враги бежали, воины переправились через реку и забрали их пожитки и скот, как добычу.

Хотя я и раньше за услуги и неоднократно проявлявшуюся смелость оказывал Куль-Баязиду почёт и ласку, повысив его с должности повара до степени личного букаула, но на сей раз, после этого замечательного дела, я выказал ему великое уважение и благосклонность и оказал милости и благодеяния, как будет упомянуто впоследствии. И действительно, он стоил этого!

Сделав ещё один или два перехода вдоль берегов реки Синда, мы направились вниз по течению. Воины, то и дело совершая набеги, вконец измучили своих лошадей. Добыча не стоила набегов – одни быки, а в Деште воинам достались овцы, и ещё кое-где – всякие вещи, вроде тканей. За Дештом, кроме быков, ничего не было, и на стоянках по берегам реки Синда один человек, бывало, пригонял триста или четыреста быков. Быков пригоняли так много, что не успевали их съедать. На каждой стоянке их оставляли очень много.

Мы совершили три перехода по берегу реки Синда, а затем отошли от берега против мазара пира Кану и, достигнув этого мазара, остановились. Этот мазар пользуется в Хиндустане большим уважением; он находится у подножья гор, примыкающих к горе Мехтер-и Сулейман.

Покинув этот мазар, мы остановились на перевале, а выйдя оттуда, стали на реке, протекающей через область Душ. Когда мы уходили с этой стоянки, мои люди схватили и привели Фазыля-Кукельташа, даругу города Сиви, нукера Шах-бека, а также человек двадцать его людей, вышедших в дозор. Так как в то время с Шах-беком у нас не было ссоры, то мы отпустили их, с их конями и оружием.

После ночёвки мы стали лагерем близ одной из деревень области Дуки, называемой Чотали. Хотя мои люди неустанно совершали набеги и на берегах реки, и дальше от Синда, но, так как зерна и зелёного корма для коней было много, кони не уставали. Когда же мы отошли от реки Синда, направляясь к мазару пира Кану, зелёного корма не стало; иногда за два-три перехода удавалось найти лишь небольшие поросли травы, но зерна для коней не находили. Кони моих людей начали отставать; когда мы встали на стоянке за Чотали, из-за отсутствия вьючных животных отстал даже мой шатёр. Вечером на этой стоянке пошёл такой дождь, что в палатках было воды выше щиколотки. Ковры сложили в одном месте в высокую кучу, я сидел на них. Утро застало меня в таком «приятном» положении.

Ещё через два перехода Джехангир-мирза пришёл и шепнул мне на ухо: «Есть разговор наедине». Нас оставили одних, и он доложил: «Бакы-Чаганиани пришёл ко мне и сказал: «Давайте отпустим государя с семью-восемью или десятью

людьми на тот берег реки Синда, а вас вознесём государем». Я спросил: «Кто ещё был на этом совете?» Джехангир-мирза ответил: «Бакы-бек только что сказал мне это, других я никого не знаю».

Я сказал: «Проверь, кто ещё причастен к этому». Вероятно, Сейид-Хусейн-Акбар, Султон-Али-Чухре и ещё некоторые беки, вельможи и йигиты Хусрау-шаха были замешаны в этом.

Джехангир-мирза держал себя благородно в этом деле; он исполнил обязанности родственника. Поступок Джехангир-мирзы был ответом на такой же поступок с моей стороны. То, что было в Кахмерде, произошло благодаря подстрекательству и козням того же злосчастного, ничтожного человека, Бакы-Чаганиани.

Когда мы выступили с этой стоянки и стали лагерем на другой, я отобрал отряд людей, кони которых на что-нибудь годились и, поставив во главе его Джехангир-мирзу, послал пограбить афганцев; живших в тех местах. В последних переходах кони наших людей начали сильно отставать; бывали дни, когда отставало двести или триста коней. Лучшие, отборные йигиты оказались пешими. Шах-Махмуд-Оглакчи, один из лучших моих придворных, когда отстали все его лошади, шёл пешком до самого Газни. Через три-четыре перехода Джехангир-мирза, разграбив отряд афганцев, пригнал стадо овец.

Сделав ещё один или два перехода, мы достигли Аб-и Истаде. Глазам представилась очень большая река. Другого берега совсем не было видно. Вода, казалось, сливается с небом. Горы и холмы на той стороне, словно горы и холмы в мареве, как будто висели между небом и землёй. В этом месте сливаются реки долины Катта-Ваза, долины Зурмета, луговины Карабага и река Газни; потоки от весенних дождей и реки, разлившиеся во время паводков, несут сюда свои воды.

Когда мы находились в одном курухе от Аб-и Истаде, то наблюдали удивительную вещь: между небом и водой всё время появлялось и снова исчезало что-то ярко-красное, как вечерняя заря. Это продолжалось до тех пор, пока мы не приблизились к реке; когда мы подошли близко, то увидели, что это дикие гуси. Их было очень много, – не то десять, не то двадцать тысяч. Когда множество диких гусей на лету машет крыльями, их красные перья то видны, то скрываются. На берегах были не только дикие гуси; там водилось бесчисленное и несметное множество всевозможных других птиц.

На берегу было много птичьих яиц. Двое афганцев пришли собирать эти яйца и, увидев нас, бросились в воду. Несколько человек проплыли за ними с полкуруха и привели их. Они доложили, что вода на всём расстоянии одинаково доходит коням по брюхо. Вода, по-видимому, неглубока вследствие ровности дна.

Придя на берег реки в степи Катта-Ваза, впадающей в Аб-и Истаде, мы стали там лагерем. Эта река почти всегда без воды; сколько раз мы там ни проходили, – никогда мы не видели в этом русле текучей воды. На сей раз, из-за весенних дождей, в эту реку прибыло столько воды, что мы не могли найти переправы. Хотя она и не слишком широка, но была очень глубокой. Всех коней и верблюдов переправили вплавь; вещи и пожитки связали верёвками и доставили на ту сторону.

Перейдя этот поток, мы прошли через Кухне-Нани, мимо плотины Сарде, и пришли в Газни. Джехангир-мирза день-два оказывал нам гостеприимство, пода-

вал угощение и поднёс подарки.

В том году в большинстве рек поднялась вода, так что через реку Дех-Якуб нельзя было найти переправы. Я приказал доставить лодки, построенные на озере, и спустить их на реку Дех-Якуб, напротив Камари; люди переправлялись на лодках.

Миновав перевал Сиджавенд, мы двинулись дальше и, переправившись через Камари на лодках в месяце зулхиджже, пришли в Кабул.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве Бабура.
2. Прочитайте выразительно понравившиеся вам стихи великого поэта. Назовите основные темы лирики Бабура.
3. Что представляет собой книга «Бабур-наме»?
4. Какие страны и города были запечатлены в «Бабур-наме»? Что привлекает внимание автора?
5. Сопоставьте «Хождение за три моря Афанасия Никитина» и «Бабур-наме». Найдите сходство и различие в жанровой принадлежности и описываемых событиях.

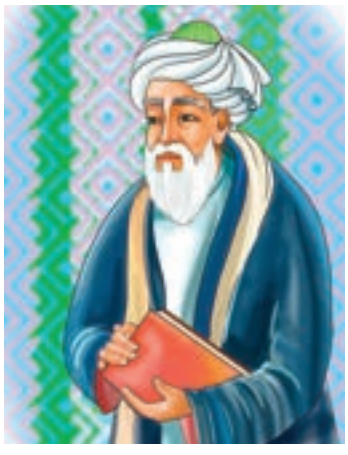
ГЛОССАРИЙ

Рубаи – четверостишие; форма лирической поэзии, широко распространённая на Ближнем и Среднем Востоке, Средней Азии (наравне с газелью и касыдой). Прародителем служило устное народное творчество иранцев. В письменном виде рубаи существует с IX-X вв. По содержанию – лирика с философскими размышлениями. Стихотворения состоят из четырёх строк (двух бейтов), рифмующихся как аааба, реже – аааа, то есть рифмуются первая, вторая и четвёртая (иногда и все четыре) строчки. Рубаи строятся в метре аруза. Вид построения рубаи следующий: первые две строки являются экспозицией, предпосылкой, в которой или изображается какой-нибудь миг жизни лирического героя, либо описываются какие-нибудь обычаи, законы, порядки. В третьей строке подводится философский итог из предшествующих строк, а четвёртая строка является объяснением третьей. Наиболее известные авторы рубаи – Омар Хайям, Захириддин Мухаммад Бабур и др.

СОВЕТУЕМ ПОСЕТИТЬ

Аллея литераторов. Памятник Бабуру.

Аллея литераторов открылась в Ташкенте 20 мая 2020 года. Находится она в Национальном парке Узбекистана им. Алишера Навои. Вокруг статуи Алишера Навои в единой архитектурно-художественной композиции возведены памятники более 20 известным поэтам и писателям, таким как Бабур, Агахи, Бердах, Мукими, Фуркат, Бехбуди, Авлони, Чулпан, Кадыри, Толепберген Кайипбергенов, Ибрайим Юсупов и Александр Файнберг. Там же построено здание Союза писателей.

ЛУТФИ
1366-1465

Красота твоя – светильник, чей огонь меня привлёк.
Чтоб сгореть в огне жестоком, я лечу, как мотылёк.
Лутфи

Лутфи – средневековый поэт тимуридского Хорасана, выдающийся лирик. Алишер Навои назвал его «шахом красноречия своего времени, непревзойдённым в знании персидского и тюркского языков».

Поэт родился в Герате. Он жил и служил в Самарканде при дворе сына Тимура – Шахруха, был близок с великим учёным и будущим правителем Самарканда Мирзо Улугбеком.

Лутфи рано начал изучать светские науки и литературу, позднее увлёкся суфизмом, вёл аскетическую жизнь. По заказу султана Шахруха изложил стихами биографию Тимура в поэме «Зафар-наме». К сожалению, поэма осталась незавершённой, а рукопись и сам текст не сохранились.

Газель была основным стихотворным жанром, в котором творил Лутфи, впрочем, как и многие другие поэты XV века. Несмотря на жёсткие рамки жанра, газели Лутфи являются яркими и неповторимыми. Выражающие любовь в различных её ипостасях газели поэта представляют собой широкую палитру чувств и потому являются маленькими поэтическими шедеврами.

Имеющие традиционную направленность газели Лутфи содержат жизнеутверждающее начала. Это не только стихи о любви, но и о верности и дружбе, о доброте и справедливости, о сложностях непростой жизни:

Нежные! Взглядами нас невзначай одаряя, пройти не спешите!
Нищего чарами глаз с падишахом равняя, пройти не спешите!
Хоть и прольёте вы кровь дервишей, что сидят при дороге, –
В горький мой час мимо нас, красотой ослепляя, пройти не спешите!

Как человек прогрессивных взглядов, образованный и интеллигентный, Лутфи не мог не видеть несправедливости жизни, не мог не писать об этом, но осуждение правителя в то время на Востоке вряд ли было возможным. Тем не менее, газели Лутфи порой являются острыми и смелыми:

Лжёт на меня мухтасиб, и моих он не ценит услуг, –
Низкой душе оставаться навеки в грязи суждено.

---

[9] ***Редиф*** – в восточной поэзии слово, группа слов, повторяющаяся после рифмы. Цель редифа состоит в том, чтобы каждый раз представить повторяющиеся слова в новом контексте, выделив новый смысл.

Восточная изощрённость, эмоциональность и яркая образность делают любовные газели Лутфи запоминающимися и неповторимыми. Он довёл до совершенства искусство редифа [9]; богатство аллитераций и ассонансов определяют особую звуковую выразительность его бейтов, яркие сравнения и метафоры при этом то и дело возвращают читателя к живой повседневности, к реальным предметам быта, к земным радостям и огорчениям.

Птица души стремилась туда, где она,
Сколько б обид ни творила мне дева-весна.
Если она не верна мне, то, что же... пускай,
В мире лукавом и жизнь никому не верна.

До нашего времени сохранились диван и дастан (поэма) «Гуль и Навруз» (1411-1412), написанные на староузбекском языке. В основе сюжета поэмы – легенда о двух влюблённых, соединяющихся друг с другом после многих испытаний. Сказочный сюжет использован поэтом для утверждения мысли об «идеальном» государстве, управляемом справедливым государем.

Поэма состоит из нескольких небольших разделов, общий объём её 595 бейтов. В ней рассказывается о рождении у царя страны Навшад Фарруха – долгожданного сына, названного в честь священного месяца – Навруз.

Настал навруз, и новый год услышал:
Из раковины ценный жемчуг вышел!
На радостях добро своё Фаррух
Стал раздавать, разбрасывать вокруг.
Устроил он пиры, увеселенья,
Он обратил к Всевышнему моленья,
Он узников освободил от уз –
Счастливым днём для многих стал навруз!
Наврузом сына царь нарёк: звучало,
Как счастье, года нового начало!

Лирика Лутфи не только подготовила почву для поэтического взлёта Алишера Навои, но и оказала влияние на дальнейшее развитие узбекской поэзии. Он был блестящим мастером, но стихам его не была свойственна присущая традиционной средневековой поэзии вычурность. Он использовал изобразительные средства устной поэзии тюркоязычных народов, приблизил литературу к реальной действительности. Многие стихи Лутфи стали народными песнями.

Газели

Скажи моей деве, что скоро я жить перестану, скажи!
О том, что, как нищий, я слаб, моему ты султану скажи!
Горит моё сердце, из глаз моих бедных струится поток, –
О скорби моей ты свече моей кельи туманной скажи!
Уж кровь лепестками покрыла мне сердце, и я изнемог,
Ты царственной розе про эту опасную рану скажи!

Как звёзды на небе, бесчисленны слёзы на лике моём,
Луне моей ясной про слёзы мои без обмана скажи!
Трепещет Лутфи и томится в разлуке он ночью и днём, –
О горе его моему ты прекрасному хану скажи!

(Перевод Н. Заболоцкого)

* * *

Ты словно кипарис высокий, ты нежной ивой – выросла,
Мучительницею жестокой и шаловливой – выросла.
Я думал: ты луною станешь, а ты весенним солнцем стала!
Ты воплощеньем света жизни – очам на диво – выросла.
Ты что в смущенье лик скрываешь? Иль зеркало не говорило,
Как ты пленительно и мило, как горделиво – выросла.
Лутфи ясна твоя загадка: ты ранней утренней звездою
Упала в мир и девой пери красноречивой – выросла.

* * *

Нежные! Взглядами нас невзначай одаряя, пройти не спешите!
Нищего чарами глаз с падишахом равняя, пройти не спешите!
Хоть и прольёте вы кровь дервишей, что сидят при дороге, –
В горький мой час мимо нас, красотой ослепляя, пройти не спешите!
Не презирайте! Всё в мире мгновенно, так пусть же я стану
Прахом для вас! Вы, конями мой прах попирая, пройти не спешите!
Если умру и безвестные руки меня похоронят, –
Остановитесь хоть раз над могилой, вздыхая, пройти не спешите!
Дайте Лутфи от сокровища вашего долю заката!
Прелести юной алмаз от него не скрывая, пройти не спешите!

* * *

Где моя розоликая, где мой крин золотой?
Где красавица стройная, кипарис молодой?
Над апрельскою розою вновь поёт соловей.
Где же ты, о весна моя? Что же ты не со мной?
Вот я – прах у дверей твоих, но не молвила ты:
«Где же он – мой покинутый? Где возлюбленный мой?»
Быть в разлуке с любимою мне терпения нет.
Невозвратно потерянный – где мой мир и покой?
Не гони исступлённого, не гневись на Лутфи!
Нет ни воли, ни разума у него пред тобой.

(Перевод В. Державина)

Доколь я луноликой буду мучим,
Доколе вздохам возноситься к тучам.
Что делать сердцу с чёрными кудрями?
Дороги эти кривы, ночь дремуча.
Её блестящих яблок не достанет
Моя рука, а я не видел лучших.
Пусть видит мой завистник, как счастлив я.
Я у дверей её, как праха куча.
Я стал ничтожней пса от вечной скорби.
Простите путь мой, горький и певучий.
Слова Лутфи – хвала ей, словно жемчуг.
И ей, чтоб их услышать, будет случай.

(Перевод Л. Гумилёва)

Туюги

Хоть мне лишь слёзы принесла та лучшая из роз,
Молю, чтоб божий гнев над ней смягчался, а не рос.
К чему же слёзы? Всё равно огонь такой любви
Не пощадит ни глаз сухих, ни влаги слёзных рос.

* * *

Как долги волею судьбы моих скитаний лета!
Зиме разлуки нет конца, и не наступит лето.
Хоть раз бы вспомнила меня с участьем и любовью!
Я всё пишу ей: «Твой, люблю!», но не напрасно ль это?

* * *

О сердце, как без милой жить? Терзанья ломят темя,
Что делать мне? Заворожён я локонами теми.
Я всё стерплю – неверность, ложь и чёрный мрак глумленья,
Настанет день – и луч сверкнёт в кромешной этой теми!

* * *

Стыдит мою любовь молва, людская сплетня зла,
Но ты одна в моих мечтах, хоть много сил у зла.
Когда б соперник мой хоть раз попался в руки мне,
Я б кожу снял с его спины и свил бы в три узла!

* * *

Когда мой стан согнули в лук твоих бровей два жала,
Мне душу не огонь ли жёг и грудь не смерть ли жала?
Из-за коварства твоего я столько крови пролил,
Что на руках твоих, как хна, от крови тень лежала!

* * *

Вот жизнь прошла, а я – не с ней. Не сбыться светлой доле!
Печаль мне сердце разорвёт, терпеть нет силы доле.
Из-за неверности твоей не верю никому я:
В долине скорби я брожу – неверья темпом доле!

* * *

Стенать – призванье соловья: знай щёлкай и свисти
И розу о любви своей тем свистом извести.
Но если наглый горлопан петь тщится соловьём,
За это надо б наглеца до смерти извести!

* * *

Я в душу заглянул свою – в ней всё горит от боли.
Нет, мне не высказать тех мук: они томят всё боле.
Мой стан, как волос, тонок стал, но в нём любовь всё та же,
Клеймо разлуки так же жжёт, и в сердце те же боли.

(Перевод С. Иванова)

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Прочитайте выразительно лирические произведения Лутфи. Какова их тематика?
2. Почувствовали ли вы разницу в чтении русской лирики и восточной поэзии?
3. Проанализируйте одно стихотворение. Назовите художественные средства выразительности, характерные для восточной лирики.

ГЛОССАРИЙ

Газель – древнейшая форма восточной поэзии арабского стихосложения, самая распространённая форма стихосложения на Ближнем и Среднем Востоке. Газель является лирическим стихотворением, в котором рифмуются два полустишия первого бейта, причём затем та же рифма (монорим) сохраняется во всех вторых полустишиях каждого последующего бейта. В последнем бейте газели называется поэтическое имя (тахаллус) автора. Обычно в поэтических сборниках (диванах) газели не имели названий и располагались по алфавиту, согласно последней букве рифмуемого слова. Газель как форма начала складываться в IX-X веках и нашла своё отражение в творчестве классиков персидской литературы Низами, Саади, Хафиза, Джами, а также узбекского поэта Навои. Герой газели стремится слиться с предметом своего желания, преодолеть разделяющую их пропасть, но это противоречие никогда не разрешается. Именно эта особенность придаёт газели черты сжатой пружины, и в этом секрет её высочайшего эмоционального, психологического, философского напряжения.

Туюг – в классической тюркоязычной литературе отдельное четверостишие, (т.е. состоит из двух бейтов), написанное одним из размеров аруза с системой рифм аааа, реже – абвб, а также зарифмованное омонимами.

БАБАРАХИМ МАШРАБ
1657-1711

Тела прах, подобный дыму, краткой жизни дом – на что мне? Если нет со мной любимой, дух, живущий в нём, – на что мне?

Б. Машраб

Классик узбекской литературы, поэт и мыслитель Бабарахим Машраб занимает видное место в ряду выдающихся представителей узбекской литературы. Своим творчеством он оказал значительное влияние на развитие и совершенствование узбекской литературы конца XVII – начала XVIII веков.

Полюбив поэзию с детства, Машраб с интересом изучал творчество Лутфи, Навои, Хафиза, а к 70-годам XVII в. сам приобрёл известность как талантливый поэт.

Его учителем был наманганский мулла Бозор-Ахунд, по рекомендации которого в 1665 году Машраб попал в ученики к суфийскому ишану Афак-Ходже. В 1672-1673 годах после проявления идейных расхождений с учением Афак-Ходжи Машраб был изгнан из Кашгара. С 1673 года в течение сорока лет Машраб странствовал. Он побывал в Ташкенте, Бухаре, Самарканде, Балхе и в Индии. Скитаясь по разным областям Центральной Азии, Машраб не мог не посетить Бухару – родину Бахауддина Накшбанди, к личности которого питал глубокое уважение.

Правящие слои общества и духовенство того времени видели в Машрабе своего злейшего врага. В 1711 году (1123 г. хиджры) Машраб был казнён по указу правителя провинции Балх Махмуда Катагани.

Творчество Машраба обогатило узбекскую поэзию значительным количеством газелей, считающихся несравненными образцами любовной лирики:

Кипарис ты мой цветущий, о моя отрада, где ты?
Розоустый светоч кущей, украшенье сада, где ты?
Сколько дней уж я, несчастный, сердцем о тебе тоскую,
Прелесть речи сладкогласной, уст моих услада, где ты?

Сколько дней в тоске безгранной, разлучённый, я рыдаю, –
О покой души желанный, сердце жжёт досада: где ты?
Нет тебя – и сердце хворо, и больному телу плохо, –
О любви моей опора, дух мой, светоч взгляда, где ты?

Истекли слезами очи, я томлюсь в пустыне горя,
Стоны мучат всё жесточе, горе – горше яда, – где ты?
Ты, Машраб, сгорел от муки, жаждешь ты живящей влаги, –
О краса, с тобой в разлуке что ещё мне надо, – где ты?

(Перевод С. Иванова)

Своеобразен и глубоко народен поэтический стиль Машраба. Лучшие его произведения отличаются высокой художественностью и тонким изяществом, взволнованностью и глубиной чувств, остроумием и напевностью, простотой и непринуждённостью.Многие стихи Машраба автобиографичны. Вслед за Бабуром, он писал выстраданные стихи:

Я, рождённый для страданья, в мира тяготах погряз,
Мучась: где конец терзанью, – к брани прибегал не раз.
Вот он – полный лицемерья мир, душе и телу враг!
И метнул стрелу неверья я ему в зеницы глаз...

Литературное наследие Машраба характеризуется глубоким социальным содержанием, народностью. Поэт с глубоким сочувствием изображает тяжёлую жизнь простых людей, «сердце которых изранено мечом насилия», а «тело изъязвлено горем и страданиями», и сурово осуждает несправедливость и тиранию.

В историю узбекской литературы Бабарахим Машраб вошёл как автор глубоких, страстных и взволнованных произведений. Он смело писал о наболевшем и важном, о проблемах и переживаниях народа. И поэтому творчество мятежного поэта привлекало, волновало и продолжает притягивать последующие поколения читателей.

Его газели, мурабба, мустазады и мухаммасы, выразительные, искренние, блещущие жизненностью и энергией, широко известны во всей Центральной Азии. Машраб по праву снискал себе неувядаемую славу поистине народного поэта.

Живя вдали от Родины, поэт всегда помнил о ней и воспевал её. Его стихотворения, составившие богатое творческое наследие, достойно украсили сокровищницу узбекской литературы.

О рок, я волею твоей с моей прекрасной разлучён,
Я с цветником, как соловей, хмельной и страстный, разлучён.
Как быть мне? Я вконец тобой истерзан, гибну от разлук:
Твой раб, и с жизнью, и с душой я, разнесчастный, разлучён.
Ярмо неисчислимых бед, как венчик горлицы, на мне, –
Я с той, которой краше нет, судьбою властной разлучён.
И тяжкий стон моих скорбей не ставьте мне в укор, друзья, –
Я с ненаглядною моей и сладкогласной разлучён.
И если ты, покинув дом, бредёшь, Машраб, из дола в дол, –
Ну что ж, ведь ты с родным гнездом, как сыч злосчастный,
разлучён!

(Перевод С. Иванова)

Основная часть произведений Машраба известна нам по широко распространённому в народе сборнику «Девона-и-Машраб» (Диван Машраба), содержащему и жизнеописание поэта.

Пользуется известностью книга Машраба «Источник света», состоящая из толкования стихов Джалаладдина Руми и нравоучительных рассказов.

Образ вольнодумца Машраба вдохновил известного ташкентского режиссёра Марка Вайля. Труппа руководимого им ташкентского театра «Ильхом» поставила пьесу «Полёты Машраба». Данная пьеса – метафизический взгляд, полный аллегории и фантазий, на историю странствующего поэта.

В 1992 году в Намангане, на родине поэта, был торжественно открыт музей и памятник Бабарахиму Машрабу, проводятся Машрабовские чтения.

Творчество Бабарахима Машраба оказало огромное влияние на узбекскую поэзию. Многие современные узбекские певцы используют газели Машраба в своём песенном репертуаре.

Газели

Как мне жить на чужбине без любимой моей?
Жизни нет и в помине, что ни миг – всё трудней.
Знавший радость и муки вам всегда подтвердит:
Повторенье науки – ключ к познаниям в ней.
Мир в скитаньях горючих весь пройдя, я познал:
Нету роз без колючек, кто красив – тот и злей.
У страдавших душою я спросил и узнал:
Кто другим сделал злое – сам во власти скорбей.
Не казни же, терзая мукой сердце моё, –
Проглядел все глаза я, от тебя ждя вестей.
Знавший жгучие слёзы радость в жизни найдёт:
Не остался без розы ни один соловей.
Жизнь не знает пощады к тем, кто ищет свой клад:
Где сокровища-клады – там пристанище змей.
Я любимой навстречу, мучась сердцем, бреду,
А негаданно встречу – глядь, соперники с ней.
О Машраб, где участье твоих верных друзей?
И не жди в жизни счастья без любимой своей!

* * *

Нет, никому не ведомы те беды, что терплю я,
А застенать – так бедами всё небо расколю я!
Гоню все беды мимо я, душою успокоен,
Когда придёт любимая узнать, о чём скорблю я!
Без жалости, без совести убей меня жестоко,
И пусть в пустыне горестей потоком кровь пролью я.

И верую глубоко я, что в мире не найдётся
Такой, как звездоокая, которую люблю я.
Стерплю все речи строгие, приди, хотя б с укором, –
Пал на твоей дороге я – в слезах тебя молю я.
Пока ты жизнь невинную мою терзаешь мукой,
Машраб, такой кручиною всю душу загублю я!

Мурабба

Стенаю я, грущу, как соловей,
Слагаю повесть о любви своей,
И сердце полнит радость всё живей, –
Придёт ли срок, друзья, мне быть с любимой?
Моих печалей море бьёт волной,
Рыдает от любви мой стон больной,
Любимая проходит стороной, –
Придёт ли срок, друзья, мне быть с любимой?
Забрали меня в плен войска разлук, –
О, истерзай меня мечами мук!
Стенаю я, смертелен мой недуг, –
Придёт ли срок, друзья, мне быть с любимой?
Огонь твоих измен сжигает грудь,
Пролёг до сердца слёз кровавых путь,
Машрабу-горемыке не уснуть, –
Придёт ли срок, друзья, мне быть с любимой?

Мустазад

Я встретился с той ладной, как кипарис, прекрасной, –
Лишь бровью повела.
С повадкою усладной ты зов послала страстный –
Пойдём, мол, и – ушла!

Ей – дерзкой, огнесловой, как самоцвет пунцовой,
Дарован взор бедовый,
И я, на всё готовый, смятенным стал, несчастный, –
Мой ум сгорел дотла.

За локон её черный, за нрав её задорный
С хвалою непритворной
Сто жизней бы покорно я отдал бы безгласно, –
Она меня сожгла.

Блестя красою статной, она ушла обратно –
Грудь мне пронзив стократно,

Презрев тысячекратно, она повадкой властной
Жизнь у меня взяла.

Машраба волей рока сгубила ты жестоко, –
О, сколь ты грозноока!
Ты речь ведёшь – далёко всем слышен ежечасно
Твой зов, что злее зла!

Мусабба

Ты в садах красы нетленной – вешней радости цветок,
Ты – вовеки несравненный свежей прелести росток.
Твои родинки – напасти, смута – чёрных кос клубок, –
Камнепад лихих несчастий надо мною так жесток!
Дивная! В твоей я власти, образ твой красой высок.
Ты красива, словно диво, ты – судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо – мне ни горя, ни тревог.
Роза, мой цветок румяный, тонкостенный мой тюльпан,
Кипарис мой сребростанный, взор тебе истомный дан.
В странах красоты желанной ты – властительный султан.
О, приди – я, бездыханный, пред тобой паду, заклан,
Силы, для терпенья данной, в сердце нет от мук и ран.
Ты красива, словно диво, ты – судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо – мне ни горя, ни тревог.
На твоём прекрасном лике – высшей тайны письмена,
Волей высшего владыки красота им придана,
Подойди же к горемыке – хоть враждебна, хоть дружна!
Райским пальмам животворным ты подобна – так стройна,
И в кудрях – в венце их чёрном ты прекрасна, как луна.
Ты красива, словно диво, ты – судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо – мне ни горя, ни тревог.
Дивная, тебе подвластным – томно-страстным нет числа,
О челе твоём прекрасном ходит слава-похвала.
Розы вчёсаны высоко в косы около чела,
Словно бы десница рока тебя к свадьбе прибрала,
Ты, – лишь глянут издалёка – рай забудут, так мила.
Ты красива, словно диво, ты – судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо – мне ни горя, ни тревог.
За твой дивный взор все люди – все подряд – готовы пасть,
Даже все степные лани за твой взгляд готовы пасть,
Все за локон твой единый, говорят, готовы пасть,
За наряд, тобой надетый, Рум, Багдад готовы пасть,
И смятеньем пред тобою я объят, готовый пасть, –
Ты красива, словно диво, ты – судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо – мне ни горя, ни тревог.

Ты меня осиротила, я стенаю каждый миг,
За тобой брожу уныло много лет я, нищ и дик.
Стан твой вспомню – в муке пыла плачу стоном горемык,
Я умру, мне жизнь постыла, от твоих я кар поник,
А в тебе – краса и сила: ты – владыка всех владык.
Ты красива, словно диво, ты – судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо – мне ни горя, ни тревог.
Твои локоны кудрятся, лунный лик кольцом обвив,
Суждено и мне вплетаться нитью жизни в их извив,
Тучей стрел ресницы мчатся прямо в цель – насупротив,
Любо косам извиваться, кольца в сети превратив, –
Ну да что мне их бояться: ведь Машраб и сам строптив!
Ты красива, словно диво, ты – судьба, предвечный рок:
Как ни мучишь ты гневливо – мне ни горя, ни тревог.

Мухаммасы

Не сгорит никто от страсти, муки страстной не познав,
Мотыльком никто не вьётся, светоч ясный не познав,
Храбрецом никто не станет, бой опасный не познав,
Осуждений и печалей тьмы ненастной не познав,
Не оценят и ракушек, перл прекрасный не познав!
Оба мира, чаровница, мне в разлуке не нужны,
Хоть всю власть и все богатства дай мне в руки, – не нужны.
Хызров век, живой родник мне – верь поруке – не нужны.
Без себя умру я, сжалься, верь: мне муки не нужны,
Мне не жить, твоего гнева, кары властной не познав.
Я вздохну – и трон предвечный, словно в Судный день, сгорел,
Люди, ангелы взрыдают, сетуя на свой удел,
Стон мой искрою займётся – и никто не будет цел,
Райский сад и сонмы гурий смертный обретут предел, –
Кто же властвует, пыланья ад ужасный не познав!
От любви к тебе дрожу я, а слезами весь истёк,
Что ж, готов терпеть я муки, если так судил мне рок!
Я стенаю и страдаю, путь влюблённого жесток,
Я в безмерной муке плачу, скорбно пав на твой порог, –
Плачу, милостей от гневной, безучастной не познав!
Если ты влюблён – ляг жертвой, день и ночь покорным будь,
Как разлука ни измучит – боль тая, упорным будь,
И уже не истой вере – верен косам чёрным будь,
И, стеная безустанно, в горе непритворном будь, –
Душам не соединиться, страсти властной не познав.

(Перевод С. Иванова)

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Прочитайте выразительно стихотворения Машраба. Обратите внимание на особенности стихосложения.
2. В чём вы увидели разницу между произведениями разных жанров?
3. Назовите темы, волнующие поэта. Какие из них продолжают оставаться в современной поэзии?

ГЛОССАРИЙ

Мухаммас – строфическая форма в восточной поэзии. Каждая строфа стихотворения состоит из пяти строк, из которых три принадлежат автору мухаммаса, а последние две являются цитатой из какого-либо стихотворения.
Мустазад – это особая стихотворная форма, в которой к каждой мисра прибавлена короткая дополнительная строка, имеющая собственную рифму, но по содержанию связанная с бейтом. Что касается поэтического размера, то мустазад выходит за рамки основных принципов стихосложения, представляя собой дополнение, что собственно и подчёркивается в его названии: мустазад – «добавленный».
Мурабба – в восточной классической поэзии стихотворная форма, состоящая из четверостиший. Последние строки каждой строфы связаны одной сквозной рифмой.
Мусабба (араб. «семь») – форма поэзии в стиле мусаммат, каждая строфа состоит из 7 строк. Все стихи в первом куплете рифмуются друг с другом, 6 куплетов следующих стихов рифмуются друг с другом, а последние 7 куплетов рифмуются согласно стихам в мусабба.

Театр «Ильхом». «Полёты Машраба».

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ
1265-1321

Душа человека – величайшее чудо мира.

Данте

Конец европейского Средневековья и начало Новой эпохи, названной позже Ренессансом (Возрождением), ознаменован появлением величайшей фигуры в мировом культурном пространстве – это итальянец Данте Алигьери.

Родился он во Флоренции в дворянской семье, которая принадлежала к партии гвельфов, одной из наиболее влиятельной политических партий. Это было непростое время – в городе шла ожесточённая политическая борьба. Партия гвельфов выступала за папскую власть, их противники, гибеллины, поддерживали германского императора. Гибеллины были вынуждены покинуть Флоренцию. Однако борьба за власть не утихла. Партия гвельфов разделилась на Белых и Чёрных, которые стали враждовать между собой. Белые проиграли борьбу за власть, и Данте, будучи одним из них, оказался в изгнании. Все оставшиеся годы Данте провёл вдали от родины и умер в Равенне в 1321 году.

Творчество выдающегося поэта и писателя, богослова, политического деятеля Данте Алигьери оказало огромное влияние на формирование итальянского языка, итальянской и мировой литературы, а также на развитие европейской культуры в целом.

Наиболее значимыми творениями Данте считаются повесть «Новая жизнь», политический трактат «О монархии», философский и стиховедческий трактат «Пир» и венец творчества – поэма «Божественная комедия» (1313-1321). И именно с последним произведением связана, в первую очередь, мировая слава поэта. В ней Данте собрал воедино весь опыт ума и сердца, художественно переосмыслил основные мотивы и идею своих предыдущих произведений. Цель поэмы, как отмечал сам поэт, «вырвать тех, кто живёт в этой жизни из состояния мизера, и привести их к состоянию блаженства».

Данте назвал своё произведение «Комедией», объясняя, что так отражается, согласно норме средневековой поэтики, любое произведение среднего стиля с ужасающим началом и счастливым концом, написанное народным языком. Приставка «божественная» была добавлена не самим Данте Алигьери, а его первым биографом Джованни Боккаччо. Данный эпитет обозначает совершенство произведения, его гармонию, красоту и глубину смысла.

Данте переносит в потусторонний мир своих современников и предшественников с их жизненными переживаниями, с их политическими вкусами, с их действиями и поступками, – и творит над ними суровый и неумолимый суд с позиции мудреца-гуманиста.

Он выступает как всесторонне образованный человек, что позволяет ему быть политиком, богословом, моралистом, философом, историком, физиологом, психологом и астрономом.

Являя собой грандиозный синтез средневековой культуры, «Божественная комедия» одновременно несёт в себе могучее дыхание новой культуры, нового типа мышления, которое предвещает гуманистическую эпоху Ренессанса.

По словам наилучшего русского переводчика поэмы Данте М.Л. Лозинского, «Божественная комедия» – это книга о Вселенной и в такой же мере книга о самом поэте, которая навсегда останется в веках как вечно живой образец гениального творения».

«Божественная комедия» создавалась Данте на протяжении многих лет, он трудился над ней вплоть до самой смерти. Символическое значение в «Комедии» имеет связанное с христианской символикой число 3 и кратные ему 9 и 33. Поэма делится на 3 части, кантики, в которых описаны 3 составляющие загробного мира – Ад, Чистилище и Рай. Каждая из них включает в себя 33 песни, образующие в сумме 99. В кантике «Ад» к ним примыкает песнь первая – пролог к поэме. Так общее число песен становится равным 100 – тоже символическое число.

Ад включает в себя 9 кругов; Чистилище – 9 круговых ступеней горы; Рай – 9 небес.

Поэма написана трёхстрочными строфами (терцинами): средняя строка рифмуется с первой и третьей строками следующей строфы. Символикой чисел проникнуто всё произведение итальянского поэта.

«Божественная комедия» имеет несколько смыслов: буквальный, аллегорический, моральный и мистический. Буквальный смысл – изображение загробного мира; аллегорический – изображение наказания или награды человека за его дела, идея возвышения души; моральный смысл – направление человека к добру, наставление его на правильный путь; мистический – постижение Божественной любви через поэзию, воспевание любви как воплощения высшей мудрости и красоты.

Данте, древнеримский поэт Вергилий и Беатриче – три главных образа поэмы. Сам Данте в этом произведении – аллегорическое воплощение заблудившегося человечества. Герою было позволено при жизни увидеть загробный мир, этот мотив связывает поэму с жанром «видений», популярным в Средневековье.

Вергилий – древнеримский поэт, воплощение земного разума, спутник Данте в поэме. Вместе они пройдут по Аду и Чистилищу. Вход в Рай Вергилию запрещён, так что там у Данте будет новый проводник. Им станет его возлюбленная – аллегория любви и небесной мудрости – Беатриче.

Начинается поэма Данте словами:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несу!
Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но, благо в нём обретши навсегда,
Скажу про всё, что видел в этой чаще.

Сумрачный лес здесь – аллегория земного бытия. Герой хочет покинуть чащу и подняться на холм, который является олицетворением справедливого устройства общества. Однако восхождению Данте препятствуют лев, волк и пантера. В символическом смысле – это жестокость и гордыня, эгоизм и жадность, ложь и сладострастие. Данте встречает призванный к нему на помощь дух Вергилия, и они идут иным

путём. «Входящие, оставьте упованья», – предупреждает надпись над вратами Ада.

Ад «Божественной комедии» – это воронкообразная пропасть, которая состоит из сужающихся кругов с терзающимися там грешниками. Их муки тем страшнее, чем ниже расположен круг относительно поверхности земли.

В первом круге Ада находятся великие умы дохристианской эпохи: Сократ, Эмпедокл, Демокрит, Авиценна, Гомер, Овидий, Гораций, Лукиан и Вергилий, сопровождающий Данте. Остальные круги населяют сладострастники, чревоугодники, скупцы и расточители, еретики, убийцы, богохульники, сводники и т.д.

Во втором круге Ада Данте узнал историю Франчески да Римини и Паоло. Она была насильно выдана замуж, в то время как её сердце принадлежало другому человеку – Паоло. За это чувство она и её любовник поплатились жизнью. Теперь они навечно неразлучны – им суждено вместе терзаться в адском вихре. Эта грешная, но связанная с настоящей любовью страсть ввергла Данте в глубокую скорбь. Сочувствие героя поэмы было вызвано не только этой историей. Например, в шестом круге Ада он встретил бывшего вождя гибеллинов Фаринату, который с презрением озирал Ад из своей огненной могилы. Преданность Фаринаты своим убеждениям вызвала уважение Данте, хотя он не разделял взглядов этого грешника.

Последний, девятый круг Ада, представляет собой царство вечной мерзлоты – обиталище предателей. Там Данте узнал о судьбе графа Уголино и его сыновей, которые вместе с отцом были заключены в башню, где им было суждено умереть из-за отсутствия пищи. Детей не стало, и Уголино, глядя на их мёртвые тела, не смог победить чувство голода. Это одна из самых страшных историй, услышанных Данте от обитателей Ада.

После Ада в загробном мире располагается Чистилище – место, где происходит исправление пороков, туда попадают души тех, чьи грехи не так тяжки. Они могут спастись от вечных страданий через временные муки. Чистилище представляет собой гору на острове, которая состоит из семи кругов с предшествующими им двумя уступами Предчистилища. В каждом круге души очищаются от одного из смертных грехов.

Пройдя через испытания Чистилища, душа может попасть в Рай, который состоит из 9 небесных сфер: Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна и неподвижных звёзд. В девятом небе находятся Создатель и ангельские чины. В этой части поэмы Данте беседует с Беатриче. Они говорят о свободе, ценности человеческой личности, Божественной мудрости. Герой встречается со святыми апостолами, Адамом, Пресвятой Девой Марией.

Завершается великая поэма итальянского поэта изображением Эмпирея и Райской Розы. В последних строках говорится об озаряющей всю вселенную Божественной любви:

Здесь изнемог высокий духа взлёт;
Но страсть и волю мне уже стремила,
Как если колесу дан ровный ход,
Любовь, что движет солнце и светила.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

АД

Песнь первая

Лес – Холм спасения – Три зверя – Вергилий

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несу!
Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но, благо в нём обретши навсегда,
Скажу про всё, что видел в этой чаще.
Не помню сам, как я вошёл туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.
Но к холмному приблизившись подножью,
Которым замыкался этот дол,
Мне сжавший сердце ужасом и дрожью,
Я увидал, едва глаза возвёл,
Что свет планеты, всюду путеводной,
Уже на плечи горные сошёл.
Тогда вздохнула более свободной
И долгий страх превозмогла душа,
Измученная ночью безысходной.
И словно тот, кто, тяжело дыша,
На берег выйдя из пучины пенной,
Глядит назад, где волны бьют, страша,
Так и мой дух, бегущий и смятенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.
Когда я телу дал передохнуть,
Я вверх пошёл, и мне была опора
В стопе, давившей на земную грудь.
И вот, внизу крутого косогора,
Проворная и вьющаяся рысь,
Вся в ярких пятнах пёстрого узора.
Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз на крутизне опасной
Возвратным следом помышлял спастись.
Был ранний час, и солнце в тверди ясной
Сопровождали те же звёзды вновь,
Что в первый раз, когда их сонм прекрасный
Божественная двинула Любовь.
Доверясь часу и поре счастливой,
Уже не так сжималась в сердце кровь
При виде зверя с шерстью прихотливой;
Но, ужасом опять его стесня,
Навстречу вышел лев с подъятой гривой.
Он наступал как будто на меня,
От голода рыча освирепело
И самый воздух страхом цепеня.
И с ним волчица, чьё худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несёт;
Немало душ из-за неё скорбело.
Меня сковал такой тяжелый гнёт,
Перед её стремящим ужас взглядом,
Что я утратил чаянье высот.
И как скупец, копивший клад за кладом,
Когда приблизится пора утрат,
Скорбит и плачет по былым отрадам,
Так был и я смятением объят,
За шагом шаг волчицей неуёмной
Туда теснимый, где лучи молчат.
Пока к долине я свергался тёмной,
Какой-то муж явился предо мной,
От долгого безмолвья словно томный.
Его узрев среди пустыни той:
«Спаси, – воззвал я голосом унылым, –
Будь призрак ты, будь человек живой!»
Он отвечал: «Не человек; я был им;
Я от ломбардцев низвожу мой род,
И Мантуя была их краем милым.
Рождён sub Julio [10], хоть в поздний год,
Я в Риме жил под Августовой сенью,
Когда ещё кумиры чтил народ.
Я был поэт и вверил песнопенью,
Как сын Анхиза отплыл на закат
От гордой Трои, преданной сожженью.

Но что же к муке ты спешишь назад?
Что не восходишь к выси озарённой,
Началу и причине всех отрад?»
«Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли? –
Ответил я, склоняя лик смущённый. –
О честь и светоч всех певцов земли,
Уважь любовь и труд неутомимый,
Что в свиток твой мне вникнуть помогли!
Ты мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде превозносимый.
Смотри, как этот зверь меня стеснил!
О вещий муж, приди мне на подмогу,
Я трепещу до сокровенных жил!»
«Ты должен выбрать новую дорогу, –
Он отвечал мне, увидав мой страх, –
И к дикому не возвращаться логу;
Волчица, от которой ты в слезах,
Всех восходящих гонит, утесняя,
И убивает на своих путях;
Она такая лютая и злая,
Что ненасытно будет голодна,
Вслед за едой ещё сильней алкая.
Со всяческою тварью случена,
Она премногих соблазнит, но славный
Нагрянет Пёс. И кончится она.
Не прах земной и не металл двусплавный,
А честь, любовь и мудрость он вкусит,
Меж войлоком и войлоком державный.
Италии он будет верный щит,
Той, для которой умерла Камилла,
И Эвриал, и Турн, и Нис убит.
Свой бег волчица, где бы ни стремила,
Её, нагнав, он заточит в Аду,
Откуда зависть хищницу взманила.
И я тебе скажу в свою чреду:
Иди за мной, и в вечные селенья
Из этих мест тебя я приведу,
И ты услышишь вопли исступленья
И древних духов, бедствующих там,
О новой смерти тщетные моленья;
Потом увидишь тех, кто чужд скорбям
Среди огня, в надежде приобщиться
Когда-нибудь к блаженным племенам.
Но если выше ты захочешь взвиться,
Тебя душа достойнейшая ждёт:
С ней ты пойдёшь, а мы должны проститься;
Царь горних высей, возбраняя вход
В свой город мне, врагу его устава,
Тех не впускает, кто со мной идёт.
Он всюду царь, но там его держава;
Там град его, и там его престол;
Блажен, кому открыта эта слава!»
«О мой поэт, – ему я речь повёл, –
Молю Творцом, чьей правды ты не ведал:
Чтоб я от зла и гибели ушёл,
Яви мне путь, о коем ты поведал,
Дай врат Петровых мне увидеть свет
И тех, кто душу вечной муке предал».
Он двинулся, и я ему вослед.

(Перевод М. Лозинского)

ГЛОССАРИЙ

Аллегория – это иносказательное изображение предмета, явления, использующееся для демонстрации его наиболее существенных черт.

Ренессанс (франц. «Возрождение») – эпоха в истории культуры Европы, пришедшая на смену культуре Средневековья и предшествующая культуре нового времени. Примерные хронологические рамки эпохи – XIV-XVI века.

Терцина – трёхстрочная строфа, в которой стихи рифмуются таким образом, что ряд терции образует непрерывную цепь тройных рифм и замыкается отдельной строкой.

[10] ***Sub Julio*** (от латинского) – при Юлии Цезаре (убитом в 44 г. до н. э.).

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Согласны ли вы с утверждением, что своей жизнью и творчеством Данте Алигьери подвёл итог эпохе Средневековья и стал провозвестником литературы Возрождения? Попробуйте аргументированно ответить на этот вопрос.
2. «Божественная комедия» имеет несколько смыслов: буквальный, аллегорический, моральный и мистический. Какими примерами из текста «Божественной комедии» вы смогли бы подкрепить это утверждение?
3. Как вы думаете, почему именно Вергилий становится проводником Данте по подземному миру?
4. Утверждают, что символическое значение «Комедии» связано с христианской символикой. Как это сказалось на форме произведения?
5. Какие великие умы дохристианской эпохи находятся в первом круге Ада «Божественной комедии» и почему?
6. Как произведение Данте получило название «Божественная комедия» и в чём смысл этого названия?

Классицизм. На пути к реализму

Классицизм как направление в искусстве зародился во Франции в конце XVII века. В своём трактате «Поэтическое искусство» Буало обозначил основные принципы этого литературного направления. Он считал, что литературное произведение создаётся не чувствами, а разумом; для классицизма вообще характерен культ разума, вызванный убеждённостью в том, что изменить жизнь к лучшему может только просвещённая монархия, абсолютная власть. Как в государстве должна осуществляться строгая и чёткая иерархия всех ветвей власти, так и в литературе (и в искусстве) всё должно быть подчинено единым правилам, строгому порядку.

В переводе с латинского, classicus означает «образцовый» или «первоклассный». Образцом для писателей-классицистов была античная культура и литература. Французские классики, изучив «Поэтику» Аристотеля, определили правила своих произведений, которых в дальнейшем придерживались, и это стало основой становления основных жанров классицизма.

Для классицизма характерно строгое деление жанров литературы на высокие и низкие. К высоким относились ода (воспевающее и восхваляющее в стихотворной форме произведение), трагедия и героический эпос.

Героями таких произведений могли быть только великие люди: цари, князья, полководцы, знатные вельможи, которые свою жизнь посвящали служению отечеству. На первом месте у них не личные чувства, а гражданский долг.

Комедия, сатира и басня считались низкими жанрами. Героями этих произведений были не только представители дворянского сословия, но и простолюдины, слуги. Для каждого жанра существовали свои правила написания, свой

стиль (теория трёх стилей), не допускалось смешение высокого и низкого, трагического и комического.

Ученики французских классиков, прилежно переняв их нормы, разнесли классицизм по всей Европе. Самыми яркими зарубежными представителями являются Мольер, Вольтер, Мильтон, Корнель и др.

Основные черты классицизма

Авторы-классицисты черпали вдохновение в литературе и искусстве античного времени, в работах Горация, Аристотеля, таким образом, в основе было подражание природе.

Произведения были построены на принципах рационализма. Чёткость, ясность и логичность также являются характерными чертами.

Построение образов обусловливается общими чертами для времени или эпохи. Таким образом, каждый персонаж – продуманное олицетворение периода времени или слоя общества.

Чёткое деление героев на положительных и отрицательных. Каждый герой воплощает в себе какую-то одну основную черту: благородство, мудрость, скупость или подлость. Часто герои имеют «говорящие» фамилии: Правдин, Скотинин.

Строгое соблюдение иерархии жанров. Соответствие стиля жанру, недопущение смешения разных стилей.

Соблюдение правила «трех единств»: места, времени и действия. Все события происходят в одном месте. Единство времени означает, что все события укладывались в период не более суток. И действие – сюжет ограничивался одной линией, одной проблемой, о которой шла речь.

Русский классицизм также придерживался основных правил направления. Однако он не стал просто последователем западного классицизма – дополнившись своим национальным духом самобытности, русский классицизм стал самостоятельным направлением в художественной литературе с присущими только ему чертами и особенностями.

Сатирическое направление – такие жанры, как комедия, басня и сатира, повествующие о конкретных явлениях русской жизни (сатиры Кантемира, например, «На хулящих учение. К уму своему», басни Крылова).

Авторы-классицисты вместо античности брали за основу национально-исторические образы России (трагедии Сумарокова «Дмитрий Самозванец», «Мстислав», Княжнина «Росслав», «Вадим Новгородский»).

Присутствие патриотического пафоса во всех произведениях этого времени. Высокий уровень развития оды как отдельного жанра (оды Ломоносова, Державина).

Основоположником русского классицизма принято считать А.Д. Кантемира с его знаменитыми сатирами, которые имели политический подтекст и не раз становились причиной жёстких споров.

В.К. Тредиаковский не особо отличился в художественности произведений, однако у него было немало трудов в литературном направлении в целом. Он

является автором таких понятий, как «проза» и «поэзия». Именно он условно разделил произведения на две части и смог дать им определения, обосновал систему силлабо-тонического стихосложения.

А.П. Сумароков считается основоположником драматургии русского классицизма. Его считают «отцом русского театра» и создателем национального театрального репертуара того времени.

Одним из самых ярких представителей русского классицизма является М.В. Ломоносов. Помимо огромного научного вклада, Михаил Васильевич провёл реформу русского языка и создал учение о «трёх штилях».

Д.И. Фонвизин считается создателем русской бытовой комедии. Его произведения «Бригадир» и «Недоросль» до сих пор не утратили своего значения, изучаются в школьной программе и ставятся на театральных сценах.

Г.Р. Державин является одним из последних крупных представителей русского классицизма. Он смог в своих произведениях вписать в строгие правила просторечье, чем расширил рамки классицизма. Его также считают первым русским поэтом.

Основные периоды русского классицизма

Существует несколько разделений на периоды русского классицизма, но, обобщив, их можно свести к основным трём:

1. 90-е годы XVII века – 20-е годы XVIII века. Его ещё называют Петровской эпохой. В этот период как таковых русских произведений нет, а активно развивается переводная литература. Отсюда и берёт начало русский классицизм как следствие прочитанных и переведённых произведений из Европы (Ф. Прокопович).

2. 30-50-е гг. XVII века – яркий всплеск классицизма. Происходит чёткое жанровое становление, а также реформы в русском языке и стихосложении (В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, М.В. Ломоносов).

3. 60-90-е гг. XVIII века также называют екатерининской эпохой или эпохой Просвещения. Основным является классицизм, однако в это время уже наблюдается зарождение сентиментализма (Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин).

ГЛОССАРИЙ

Комедия – драматическое произведение, высмеивающее пороки общества либо человека.

Сатира – вид комедии, отличающийся своей резкостью повествования.

Басня – сатирическое произведение поучительного характера.

ДЕНИС ИВАНОВИЧ ФОНВИЗИН
1745-1792

Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время.
Д.И. Фонвизин

«Отец русской комедии», «сатиры смелый властелин», «северный Мольер» – всё это Денис Фонвизин, автор знаменитых комедий «Бригадир» и «Недоросль». За свою недолгую жизнь писатель успел внести значительный вклад в русскую культуру, дипломатию, классическую и переводную литературу.

Денис Иванович Фонвизин родился в Москве, в семье богатого дворянина из рода немецких рыцарей фон Визиных. С четырёх лет начал изучать грамоту, а в десятилетнем возрасте поступил в дворянскую гимназию при Московском университете. Во время учёбы на философском факультете юноша публиковал первые сатирические произведения.

В 1760 году Фонвизина как одного из лучших студентов направили в Санкт-Петербург, чтобы представить основателю Московского университета графу Ивану Шувалову. В столице начинающий писатель познакомился с Михаилом Васильевичем Ломоносовым и первым руководителем русского театра Александром Сумароковым. Тогда Фонвизин впервые увидел спектакль – пьесу «Генрих и Пернилл» датского писателя Л. Хольберга. «Действия, произведённого во мне театром, почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актёров – великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы моё благополучие», – написал он позже.

Знание латинского и немецкого, а позднее французского языков позволило Денису Фонвизину после окончания университета поступить на службу переводчиком в коллегию иностранных дел. Через год, в 1763 году, он переехал в Петербург, где его назначили «быть для некоторых дел» при кабинет-министре Иване Елагине.

Первая комедия Фонвизина «Бригадир» (1766-1769) так понравилась публике, что писателя сравнивали с Мольером, основателем классической комедии. Издатель Н. Новиков писал: «…Столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лучшего и Молиер во Франции своим комедиям не видал принятия и не желал…». Писателя даже пригласили лично прочитать произведение императрице Екатерине II.

В 1769-1782 гг. Фонвизин служил секретарём государственного деятеля Никиты Панина, был одним из его доверенных лиц и близким помощником, разделял оппозиционные взгляды по отношению к императрице России.

В 1782 году Фонвизин закончил свою главную комедию – «Недоросль». Правительство и дворянство враждебно встретили пьесу – они были против сатирической постановки. Цензуру помог обойти Н. Панин, и вскоре пьесу поставили в двух столицах – Петербурге и Москве. Зрители приняли пьесу с восторгом, а вот

Екатерине II она не понравилась: из-за резкой сатиры на дворянские традиции Фонвизин до конца жизни оставался у императрицы в немилости.

Фонвизину пришлось уехать за границу, а когда вернулся в Россию в августе 1785 года, болезнь приковала его к постели. Но несмотря на это, писатель продолжал работать, готовил к изданию собственный сатирический журнал «Друг честных людей, или Стародум». Однако Екатерина II его запретила. Она также не одобрила и полное собрание сочинений писателя. Вскоре Фонвизина не стало, однако его бессмертные комедии «Бригадир» и «Недоросль» живут и поныне.

О комедии «Бригадир»

«Бригадир» – сатирическая комедия XVIII века. Каждый персонаж – это типичный характер. Положительные герои Софья и Добролюбов связывают все сюжетные линии и передают просветительские идеи автора о пользе воспитания.

Бригадир Игнатий Андреевич и его жена Акулина Тимофеевна собираются женить своего сына Иванушку на Софье, дочери советника Артамона Власьича. Семейство бригадира гостит у советника, в его деревне. Будущие родственники ведут разговор о предстоящей свадьбе. Иванушка уже успел побывать в Париже, он всё время вставляет в речь французские слова. Отцу это не по нраву. Хозяйственная Акулина Тимофеевна лучшим чтением считает расходные тетрадки. Советник рекомендует будущему зятю ознакомиться с уложением и указами. А советница Авдотья Потапьевна, мачеха Софьи, всякому другому чтению предпочитает «любезные романы». Иванушка полностью с нею согласен. Софья не рада предстоящему браку: она считает своего жениха дураком. Ее мачеха, напротив, в восторге от Иванушки и его «парижских» манер.

Тема комедии связана с сатирическим осмеянием нравственных пороков общества. Комедия не случайно называется «Бригадир», хотя бригадир – не главный персонаж. Но на нём, как на представителе старшего поколения, ответственность за то, почему порочен его сын. Бригадир и сам в какой-то момент понимает, что был слишком мягок с сыном, позволил жене его избаловать и не отдал в военную службу. Он всё время грозится побить Ивана, да уже поздно.

Новаторство комедии состояло в том, что действие перенесено в обычный помещичий дом. Заслуживает внимания речь персонажей. Бригадир всех сравнивает с животными, груб, постоянно бранится. Не отстаёт от него и советник. Его речь полна церковнославянизмов. Этот факт приводит к комичной ситуации, когда он намекает о своей любви бригадирше. Его набожность внешняя, ханжеская, как и образованность Ивана и советницы, говорящих по-французски. Бригадирша и бригадир всё время просят Ивана говорить по-русски.

Одной из важнейших нравственно-социальных проблем того времени была проблема воспитания. Вот почему воспитание дворянских детей в духе просветительских идей и высоких гуманистических идеалов было одной из самых благородных и патриотических задач в представлении русских писателей XVIII в.

Хотя комедия «Бригадир» написана в традициях классицизма, но Фонвизин уже в первой сцене вводит зрителя и читателя в мир живых, узнаваемых людей с яркими индивидуальными характерами.

БРИГАДИР

Комедия в пяти действиях
(Фрагмент)

Действующие лица

Бригадир.
Иванушка, сын его.
Бригадирша.
Советник.
Советница, жена его.
Софья, дочь советничья.
Добролюбов, любовник Софьи.
Слуга советничий.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление I

Театр представляет комнату, убранную по-деревенски. Бригадир, в сюртуке, ходит и курит табак. Сын его, в дезабилье, кобеняся, пьёт чай. Советник, в казакине, смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит советница в дезабилье и корнете и, жеманяся, чай разливает. Бригадирша сидит одаль и чулок вяжет. Софья также сидит одаль и шьёт в тамбуре.

Советник *(смотря в календарь)*. Так ежели бог благословит, то двадцать шестое число быть свадьбе.

Сын. Helas! [12]

Бригадир. Очень изрядно, добрый сосед. Мы хотя друг друга и недавно узнали, однако это не помешало мне, проезжая из Петербурга домой, заехать к вам в деревню с женою и сыном. Такой советник, как ты, достоин быть другом от армии бригадиру, и я начал уже со всеми вами обходиться без чинов.

Советница. Для нас, сударь, фасоны не нужны. Мы сами в деревне обходимся со всеми без церемонии.

Бригадирша. Ах, мать моя! Да какая церемония меж нами, когда *(указывая на советника)* хочет он выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, с божиим благословением? А чтоб лучше на него, господа, положиться было можно, то даёте вы ей и родительское своё награждение. На что тут церемония?

Советница. Ах, сколь счастлива дочь наша! Она идёт за того, который был в Париже. Ах, радость моя! Я довольно знаю, каково жить с тем мужем, который в Париже не был.

Сын *(вслушавшись, приподнимает шишку колпака)*. Madame! я благодарю вас за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотел бы иметь и сам такую жену, с которою бы я говорить не мог иным языком, кроме французского. Наша жизнь пошла бы гораздо счастливее.

Бригадирша. О Иванушка! Бог милостив. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава богу, в военной службе не служил, и жена твоя не будет ни таскаться по походам без жалованья, ни отвечать дома за то, чем в строю мужа раздразнили. Мой Игнатий Андреевич вымещал на мне вину каждого рядового.

Бригадир. Жена, не всё ври, что знаешь.

Советник. Полно, соседушка. Не греши, ради бога. Не гневи господа. Знаешь

[12] Увы!

ли ты, какую разумную сожительницу имеешь? Она годится быть коллегии президентом. Вот как премудра Акулина Тимофеевна.

Бригадир. Премудра! Вот-на, соседушка! Ты, жалуя нас, так говорить изволишь, а мне кажется, будто премудрость её очень на глупость походит. Иное дело твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, в глаза и за глаза, что ума у неё целая палата. Я мужчина и бригадир, однако ей-ей рад бы потерять все мои патенты на чины, которые купил я кровию моею, лишь бы только иметь разум ее высокородия.

Сын. Dieu! [13] Сколько прекрасных комплиментов, батюшка! тесть! матушка! тёща! А сколько умов, голова головы лучше.

Советник. А я могу и о тебе также сказать, дорогой зятюшка, что в тебе путь будет. Прилежи только к делам, читай больше.

Сын. К каким делам? Что читать?

Бригадир. Читать? Артикул [14] и устав военный [15]; не худо прочесть также инструкцию межевую [16] молодому человеку.

Советник. Паче всего изволь читать уложение и указы[17]. Кто их, будучи судьёю, толковать умеет, тот, друг мой зятюшка, нищим быть не может.

Бригадирша. Не худо пробежать также и мои расходные тетрадки. Лучше плуты-люди тебя не обманут. Ты тамо не дашь уже пяти копеек, где надобно дать четыре копейки с денежкой.

Советница. Боже тебя сохрани от того, чтоб голова твоя наполнена была иным чем, кроме любезных романов! Кинь, душа моя, все на свете науки. Не поверишь, как такие книги просвещают. Я, не читав их, рисковала бы остаться навеки дурою.

Сын. Madame, вы говорите правду. О! Vous avez raison. [18] Я сам, кроме романов, ничего не читывал, и для того-то я таков, как вы меня видите.

Софья *(в сторону)*. Для того-то ты и дурак.

Сын. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья. То, что я о вас думаю.

Сын. А что бы это было? Je vous prie, [19] не льстите мне.

Советник. Оставь её, зятюшка. Она, не знаю о чём-то, с ума сходит.

Бригадир. О! это пройдёт. У меня жена перед свадьбою недели полторы без ума шаталась; однако после того лет десятка с три в таком совершенном благоразумии здравствует, что никто того и приметить не может, чтоб она когда-нибудь была умнее.

---

[13] Боже!

[14] Читать? Артикул и устав военный; не худо прочесть также инструкцию межевую… – Артикул – собрание узаконений, главным образом воинских, с описанием процесса судопроизводства, находящееся в книге: «Артикул воинский купно с процессом, надлежащим судящим».

[15] ***Устав воинский*** – многократно переиздававшаяся книга «Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов, всего генералитета и прочих чинов».

[16] ***Инструкция межевая*** – имеется в виду «Инструкция о межевании земель во всем государстве».

[17] ***Паче всего изволь читать уложение и указы.*** – Советник, так же, как и Бригадир, читает только служебные книги-инструкции. Он рекомендует книгу «Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производятся: сочиненная и напечатанная повелением царя Алексея Михайловича».

[18] Вы правы.

[19] Прошу вас.

Бригадирша. Дай бог тебе, батюшка, здоровье. Продли Бог долгие твои веки; а я, с тобой живучи, ума не потеряла.

Советник. Всеконечно, и мне весьма приятно, что дочь моя иметь будет такую благоразумную свекровь.

Советница *(вздыхает)*. Для чего моей падчерице и не быть вашею снохой? Мы все дворяне. Мы все равны.

Советник. Она правду говорит. Мы равны почти во всём. Ты, любезный друг и сват, точно то в военной службе, что я в статской. Тебе ещё до бригадирства распроломали голову, а я до советничества в Москве ослеп в коллегии. В утешение осталось только то, что меня благословил бог достаточком, который нажил я в силу указов. Может быть, я имел бы свой кусок хлеба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетов, манжет и прочих вздоров, не служащих ни к временному, ни к вечному блаженству.

Советница. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна [20] с тобою развестись, ежели ты ещё меня так шпетить станешь.

Советник. Без власти создателя и святейшего синода развестись нам невозможно. Вот моё мнение. Бог сочетает, человек не разлучает.

Сын. Разве в России бог в такие дела мешается? По крайней мере, государи мои, во Франции он оставил на людское произволение – любить, изменять, жениться и разводиться.

Советник. Да то во Франции, а не у нас, правоверных. Нет, дорогой зять, как мы, так и жёны наши, всё в руце создателя. У него все власы главы нашея изочтены суть.

Бригадирша. Вить вот, Игнатий Андреевич, ты меня часто ругаешь, что я то и дело деньги да деньги считаю. Как же это? Сам господь волоски наши считать изволит, а мы, рабы его, мы и деньги считать ленимся, – деньги, которые так редки, что целый парик изочтённых полосой насилу алтын за тридцать достать можно.

Бригадир. Враки. Я не верю, чтоб волосы были у всех считаны. Не диво, что наши сочтены. Я – бригадир, и ежели у пяти классов волосов не считают, так у кого же и считать их ему? [21]

Бригадирша. Не греши, мой батюшка, ради бога. У него генералитет, штаб и обер-офицеры в одном ранге.

Бригадир. Ай, жена! Я тебе говорю, не вступайся. Или я скоро сделаю то, что и впрямь на твоей голове нечего считать будет. Как бы ты бога-то узнала побольше, так бы ты такой пустоши и не болтала. Как можно подумать, что богу, который всё знает, неизвестен будто наш табель о рангах? Стыдное дело.

Советница. Оставьте такие разговоры. Разве нельзя о другом дискюрировать? [22] Выбрали такую сурьёзную материю, которую я не понимаю.

---

[20] Искаженное французское слово capable – способна. В дальнейшем, не оговаривая искажения, даем только перевод.

[21] Я – бригадир, и ежели у пяти классов волосов не считают, так у кого же и считать их ему. – Бригадир – воинское звание в русской армии XVIII века, впоследствии отмененное; по табелю о рангах считался чином пятого класса; промежуточное звание между полковником и генералом.

[22] Разговаривать.

Бригадир. Я и сам, матушка, не говорю того, чтоб забавно было спорить о такой материи, которая не принадлежит ни до экзерциции, ни до баталий, и ничего такого, что бы…

Советник. Что бы по крайней мере хотя служило к должности судьи, истца или ответчика. Я сам, правду сказать, неохотно говорю о том, о чём разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на уложенье.

Бригадирша. Мне самой скучны те речи, от которых нет никакого барыша. *(К советнице.)* Переменим, свет мой, речь. Пожалуй, скажи мне, что у вас идёт людям, застольное или деньгами? Свой ли овес едят лошади или купленный?

Сын. C`est plus interessant. [23]

Советница. Шутишь, радость. Я почему знаю, что ест вся эта скотина?

Советник *(к жене)*. Не стыди меня! Матушка Акулина Тимофеевна, люди наши едят застольное. Не прогневайся ли на жену мою. Ей до того дела нет: хлеб и овес я сам выдаю.

Бригадирша. Так-то у меня мой Игнатий Андреич: ему ни до чего дела нет. Я одна хожу в анбары.

Советник *(в сторону)*. Сокровище, а не женщина! Какие у неё медоточивые уста! Послушать её только, так раб греха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадир. Что ты это говоришь, сват? *(В сторону.)* Здешняя хозяйка не моей бабе чета.

Советник. Хвалю разумное попечение твоей супруги о домашней экономии.

Бригадир. Благодарен я за её экономию. Она для неё больше думает о домашнем скоте, нежели обо мне.

Бригадирша. Да как же, мой батюшка? Вить скот сам о себе думать не может. Так не надобно ли мне о нём подумать? Ты, кажется, и поумнее его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадир. Слушай, жена, мне всё равно, сдуру ли ты врёшь или из ума, только я тебе при всей честной компании сказываю, чтобы ты больше рта не отворяла. Ей-ей, будет худо!

Сын. Mon pere! [24] Не горячитесь.

Бригадир. Что, не горячитесь?

Сын. Mon реге, я говорю, не горячитесь.

Бригадир. Да первого-то слова, чёрт те знает, я не разумею.

Сын. Ха-ха-ха-ха, теперь я стал виноват в том, что вы по-французски не знаете!

Бригадир. Эк он горло-то распустил. Да ты, смысля по-русски, для чего мелешь то, чего здесь не разумеют?

Советница. Полно, сударь. Разве ваш сын должен говорить с вами только тем языком, который вы знаете?

Бригадирша. Батюшка, Игнатий Андреевич, пусть Иванушка говорит как хочет. По мне всё равно. Иное говорит он, кажется, по-русски, а я, как умереть, ни слова не разумею. Что и говорить, ученье свет, неученье тьма.

Советник. Конечно, матушка! Кому бог открыл грамоту, так над тем и сияет

---

[23] Это более интересно.
[24] Отец!

благодать его. Ныне, слава богу, не прежни времена. Сколько грамотей у нас развелось: и то-то, вить кому господь откроет. Прежде, бывало, кто писывали хорошо по-русски, так те знавали грамматику; а ныне никто её не знает, а все пишут. Сколько у нас исправных секретарей, которые экстракты сочиняют без грамматики [25], любо-дорого смотреть! У меня на примете есть один, который что когда напишет, так иной учёный и с грамматикою вовеки того разуметь не может.

Бригадир. На что, сват, грамматика? Я без неё дожил почти до шестидесяти лет, да и детей взвёл. Вот уже Иванушке гораздо за двадцать, а он – в добрый час молвить, в худой помолчать – и не слыхивал о грамматике.

Бригадирша. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели её учить станешь, так вить её купить ещё надобно. Заплатишь за неё гривен восемь, а выучишь ли, нет ли – бог знает.

Советница. Чёрт меня возьми, ежели грамматика к чему-нибудь нужна, а особливо в деревне. В городе по крайней мере изорвала я одну на папильоты.

Сын. J'en suis d'accord, [26] на что грамматика! Я сам писывал тысячу бильеду, [27] и мне кажется, что свет мой, душа моя, adieu, ma reine [28] можно сказать, не заглядывая в грамматику.

Явление II

Те же и слуга.

Слуга. Господин Добролюбов приехать изволил.

Софья *(в сторону)*. Боже мой! Он приехал, а я невеста другому.

Советник. Пойдём же навстречу сына друга моего и погуляем с ним по саду.

Бригадир *(к советнице)*. Не изволите ли и вы проходиться?

Советница. Нет, сударь, я останусь здесь. Мне сын ваш сделает компанию.

Сын. De tout mon coeur, [29] я с вами наедине быть рад.

Советник *(к бригадирше)*. Вы, матушка, не изволите ли также прогуляться?

Бригадирша. Изволь, изволь, мой батюшка.

Советница *(Софье)*. А ты по крайней мере сделай компанию своей свекрови.

Явление III

Советница, сын.

Сын *(садится очень близко советницы)*. Мне кажется, сударыня, что ваш сожитель не больше свету знает, сколько для отставного советника надобно.

Советница. Вы правду сказали: он ни с кем в жизнь свою не обходился, как с секретарями и подьячими.

Сын. Он, я вижу, походит на моего батюшку, который во свой век разумных людей бегал.

Советница. Ах, радость моя! Мне мило твоё чистосердечие. Ты не щадишь

---

[25] ...экстракты сочиняют без грамматики... – Экстракт – на канцелярском языке XVIII века значит краткое изложение какого-либо служебного дела.

[26] Я с вами согласен.

[27] Любовных записок.

[28] Прощайте, моя королева.

[29] От всего сердца.

отца своего! Вот прямая добродетель нашего века.

Сын. Чёрт меня возьми, ежели я помышляю его менажировать. [30]

Советница. В самом деле, жизнь моя, мне кажется, он не умнее моего мужа, которого глупее на свете и бывают, однако очень редко.

Сын. Ваш резонеман [31] справедлив. Скажите ж, сударыня, что вы думаете о моей матери?

Советница. Как, радость! В глаза мне это тебе сказать совестно.

Сын. Пожалуй, говори, что изволишь. Я индиферан [32] во всём том, что надлежит до моего отца и матери.

Советница. Не правда ли, что она свет знает столько же, сколько ваш батюшка?

Сын. Dieu! Какой вы знаток в людях! Вы, можно сказать, людей насквозь проницаете. Я вижу, что надобно об этом говорить безо всякой дессимюлации. [33] *(Вздохнув.)* Итак, вы знаете, что я пренесчастливый человек. Живу уже двадцать пять лет и имею ещё отца и мать. Вы знаете, каково жить и с добрыми отцами, а я, чёрт меня возьми, я живу с животными.

Советница. Я сама стражду, душа моя, от моего урода. Муж мой – прямая приказная строка. Я живу несколько лет с ним здесь в деревне и клянусь тебе, что все способы к отмщению до сего времени у меня отняты были. Все соседи наши такие неучи, такие скоты, которые сидят по домам, обнявшись с жёнами. А жёны их – ха-ха-ха-ха! – жёны их не знают ещё и до сих пор, что это – дезабилье, и думают, что будто можно прожить на сём свете в полшлафроке. Они, душа моя, ни о чём больше не думают, как о столовых припасах; прямые свиньи…

Сын. Pardieu! [34] Поэтому мать моя годится в число ваших соседок; а давно ли вы живёте с такою тварью?

Советница. Муж мой пошёл в отставку в том году, как вышел указ о лихоимстве. Он увидел, что ему в коллегии делать стало нечего, и для того повёз меня мучить в деревню.

Сын. Которую, конечно, нажил до указа.

Советница. При всём том он скуп и твёрд, как кремень.

Сын. Или как моя матушка. Я без лести могу сказать о ней, что она за рубль рада вытерпеть горячку с пятнами.

Советница. Мой урод при всём том ужасная ханжа: не пропускает ни обедни, ни заутрени и думает, радость моя, что будто бог столько комплезан, [35] что он за всенощною простит ему то, что днём наворовано.

Сын. Напротив того, мой отец, кроме зари, никогда не маливался. Он, сказывают, до женитьбы не верил, что и чёрт есть; однако, женяся на моей матушке, скоро доверил, что нечистый дух экзистирует. [36]

Советница. Переменим речь, je vous en prie; [37] мои уши терпеть не могут слышать о чертях и о тех людях, которые столь много на них походят.

---

[30] Считаться с ним.
[31] Рассуждение.
[32] Безразличен.
[33] Без всякого притворства.
[34] Чёрт возьми!
[35] Снисходителен.
[36] Существует.
[37] Я прошу вас.

Сын. Madame! Скажите мне, как вы ваше время проводите?

Советница. Ах, душа моя, умираю с скуки. И если бы поутру не сидела я часов трёх у туалета, то могу сказать, умереть бы всё равно для меня было; тем только и дышу, что из Москвы присылают ко мне нередко головные уборы, которые я то и дело надеваю на голову.

Сын. По моему мнению, кружева и блонды составляют голове наилучшее украшение. Педанты думают, что это вздор и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чёрт ли видит то, что скрыто, а наружное всяк видит.

Советница. Так, душа моя: я сама с тобою одних сентиментов [38]; я вижу, что у тебя на голове пудра, а есть ли что в голове, того, чёрт меня возьми, приметить не могу.

Сын. Pardieu! Конечно, этого и никто приметить не может.

Советница. После туалета лучшее моё препровождение в том, что я загадываю в карты.

Сын. Вы знаете загадывать, grand dieu! [39] Я сам могу назваться пророком. Хотите ли, чтоб показал я вам моё искусство?

Советница. Ах, душа моя! Ты одолжишь меня чрезвычайно.

Сын *(придвинув столик с картами)*. Сперва вы мне отгадайте, а там я вам.

Советница. С радостью. Изволь загадывать короля и даму.

Сын *(подумав)*. Загадал.

Советница *(раскладывает карты)*. Ах, что я вижу! Свадьба! *(Вздыхает.)* Король женится.

Сын. Боже мой! Он женится! Что мне этого несноснее!

Советница. А дама его не любит…

Сын. Чёрт меня возьми, ежели и я люблю. Нет, нет сил более терпеть. Я загадал о себе. Ah, madame! Или вы не видите того, что я жениться не хочу?

Советница *(вздыхая и жеманяся)*. Вы жениться не хотите? Разве падчерица моя не довольно пленила ваше сердце? Она столько постоянна!

Сын. Она постоянна!… О, верх моего несчастья! Она ещё и постоянна! Клянусь вам, что ежели я это в ней, женяся, примечу, то ту же минуту разведусь с нею. Постоянная жена во мне ужас производит. Ah, madame! Ежели б вы были жена моя, я бы век не развёлся с вами.

Советница. Ах, жизнь моя! Чего не может быть, на что о том терзаться? Я думаю, что и ты не наскучил бы мне лишними претензиями.

Сын. Позволь теперь, madame, отгадать мне что-нибудь вам. Задумайте и вы короля и даму.

Советница. Очень хорошо. Король трефовый и керовая дама [40].

Сын *(разложив карты)*. Король смертно влюблён в даму.

Советница. Ах, что я слышу! Я в восхищении. Я вне себя с радости.

Сын *(посмотрев на неё с нежностью)*. И дама к нему не без склонности.

Советница. Ах, душа моя, не без склонности! Скажи лучше, влюблена до безумия.

Сын. Я бы жизнь свою, я бы тысячи жизней отдал за то, чтоб сведать, кто эта

---

[38] Одних чувств, одного мнения.

[39] Великий боже!

[40] ***Керовая дама*** – дама червей.

керовая дама. Вы краснеете, вы бледнеете. Конечно, это…

Советница. Ах, как несносно признаваться в своей пассии!

Сын *(с торопливостью)*. Так это вы…

Советница *(притворяясь, будто последнее слово дорого ей стоит)*. Я, я сама.

Сын *(вздохнув)*. А кто этот преблагополучный трефовый король, который возмог пронзить сердце керовой дамы?

Советница. Ты хочешь, чтоб я всё вдруг тебе сказала.

Сын *(встав)*. Так, madame, так. Я этого хочу, и ежели не я тот преблагополучный трефовый король, так пламень мой к вам худо награждён.

Советница. Как! И ты ко мне пылаешь?

Сын *(кинувшись на колени)*. Ты керовая дама!

Советница *(поднимая его)*. Ты трефовый король!

Сын *(в восхищении)*. О счастье! O bonheur! [41]

Советница. Может быть, ты, душа моя, и не ведаешь того, что невеста твоя влюблена в Добролюбова и что он сам в неё влюблен смертно.

Сын. St… St… Они идут. Ежели это правда, oh, que nous sommes heureux! [42] Нам надобно непременно оставить их в покое, чтоб они со временем в покое нас оставили.

Явление IV

Те же, Добролюбов и Софья.

Софья. Вы изволили здесь остаться одни, матушка; я нарочно пришла к вам для того, чтоб вам одним не было скучно.

Добролюбов. А я, сударыня, взял смелость проводить её к вам.

Советница. Нам очень здесь нескучно. Мы загадывали в карты.

Сын. Мне кажется, mademoiselle, что вы как нарочно сюда, сведать о вашей свадьбе.

Софья. Что это значит?

Советница. Мы загадывали о тебе, и если верить картам, которые, впрочем, никогда солгать не могут, то брак твой не очень удачен.

Софья. Я это знаю и без карт, матушка.

Сын. Вы это знаете, на что ж вы рискуете?

Софья. Тут никакого риску нет, а есть очевидная моя погибель, в которую ведут меня батюшка и матушка.

Советница. Пожалуй, сударыня, на меня вины не полагай. Ты сама знаешь, что я отроду того не хотела, чего отец твой хочет.

Сын. На что такие изъяснения? *(К советнице)*. Madame, мы друг друга довольно разумеем; не хотите ли вы сойтиться с компаниею?

Советница. Для меня нет ничего комоднее [43] свободы. Я знаю, что всё равно, иметь ли мужа или быть связанной.

Сын *(даёт ей знаки, чтоб она Софью и Добролюбова оставила)*. Да разве вы никогда отсюда вытти не намерены…

Советница. Изволь, душа моя.

---

[41] Счастье!

[42] О, как мы счастливы!

[43] Удобнее.

Явление V

Добролюбов, Софья.

Добролюбов. Они нас оставили одних. Что это значит?

Софья. Это значит то, что мой жених ко мне нимало не ревнует.

Добролюбов. А мне кажется, что и мачехе твоей не противно б было, если б твоя свадьба чем-нибудь разорвалась.

Софья. Это гораздо приметно. Мне кажется, что мы очень некстати к ним взошли.

Добролюбов. Тем лучше, ежели этот дурак в неё влюбился, да и ей простительно им пленяться.

Софья. В рассуждении её кокетства очень простительно, и она лучшего себе любовника найти, конечно, не может; однако и жалею о батюшке.

Добролюбов. О, пожалуй, о нём не тужите. Батюшка ваш, кажется мне, с отменною нежностью глядит на бригадиршу.

Софья. Нет. Этого я не думаю. Батюшка мой, конечно, и для того мачехе моей не изменит, чтоб не прогневить бога.

Добролюбов. Однако он ведает и то, что бог долготерпелив.

Софья. Ежели ж это правда, то кроме бригадирши, кажется мне, будто здесь влюблены все до единого.

Добролюбов. Правда, только разница состоит в том, что их любовь смешна, позорна и делает им бесчестие. Наша же любовь основана на честном намерении и достойна того, чтоб всякий пожелал нашего счастия. Ты знаешь, что ежели б мой малый достаток не отвратил отца твоего иметь меня своим, то бы я давно уже был тобою благополучен.

Софья. Я тебя уверяла и теперь уверяю, что любовь моя к тебе кончится с жизнию моею. Я всё предпринять готова, лишь бы только быть твоей женою. Малый твой достаток меня не устрашает. Я всё на свете для тебя снести рада.

Добролюбов. Может быть, и достаток мой скоро умножится. Дело моё приходит к концу. Оно давно б уже и кончилось, только большая часть судей нынче взяток хотя и не берут, да и дел не делают. Вот для чего до сих пор бедное моё состояние не переменяется.

Софья. Мы долго заговорились. Нам надобно идти к ним для избежания подозрения.

Конец первого действия

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Какие проблемы затронуты в комедии «Бригадир»?

2. Как вы думаете, откуда берутся описанные в комедии пороки? Почему отрицательные персонажи таковы?

3. Какие признаки классицизма вы можете назвать, подтверждая свой ответ примерами из текста комедии?

Полный текст комедии вы можете прочитать здесь

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Д.И. Фонвизин «Недоросль»

Реализм и русская проза второй половины XIX века

В истории литературы реализм часто определяют как явление, пришедшее на смену романтизму, спорящее с романтизмом. Отчасти это, видимо, так, но никто не будет отрицать, что реализм является логической эволюционной фазой в развитии литературы и искусства. Серьёзный, временами довольно вдумчивый и взвешенный, иногда метущийся и рефлективный реализм вырос всё-таки из восторженных юношеских порывов романтизма. Поэтому в реалистических произведениях интерес к исключительным обстоятельствам и исключительной личности, свойственный романтизму, сменился интересом к повседневному существованию обыкновенных людей.

Реализм стал основным методом изображения жизни в литературе второй половины XIX века. В условиях общественно-политической борьбы происходило размежевание не только социальных, но и литературных сил. Однако писатели-реалисты второй половины XIX века едины в главных принципах изображения жизни: они изучают жизнь во всех её проявлениях, стремясь найти корни социальных бедствий и тем самым наметить пути и средства их преодоления.

В сознании читателя XIX века литература была не только «изящной словесностью», но и основой духовного бытия нации. Русский писатель относился к своему творчеству по-особому: оно было для него не профессией, а служением. «Учебником жизни» называл литературу Чернышевский, а Лев Толстой впоследствии удивлялся, что эти слова принадлежат не ему, а его идейному противнику.

Вторая половина XIX века – один из самых сложных и противоречивых периодов в русской истории XIX века. Россию сотрясали социальные катаклизмы, которые привели к пробуждению и росту общественного самосознания и стремительному развитию всех форм духовной жизни. Это было время бурных политических дебатов, духовных исканий, столкновений разных мнений и взглядов. Борьба охватила всё: общественную жизнь, журналистику, литературу, искусство, науку.

Сложность и противоречивость общественного движения этого периода, идейно-политические разногласия, полемика по самым различным вопросам и литературная борьба наиболее полно отразились в журналистике. Уже в самом начале общественного подъёма в России появилось около 150 новых газет, журналов и всякого рода листков. На страницах периодических изданий развернулась борьба между различными партиями и обществами за утверждение своих идей, своих философских взглядов.

С конца 50-х годов в стране начала складываться революционная ситуация, Россия оказалась перед реальной возможностью демократической революции. Чтобы разрядить обстановку, 19 февраля 1861 года царь подписал манифест об отмене крепостного права. Крестьяне ждали не только освобождения от кре-

постной зависимости, но и хотели получить землю. Царский манифест не решил земельную проблему, а потому был воспринят крестьянами с чувством разочарования и недовольства. Начались крестьянские волнения.

Половинчатость реформ вызвала осуждение и в лагере радикально настроенных демократических кругов. Обстановка в стране накалялась. В самом начале 1862 года возникло тайное общество «Земля и воля». Его руководители, создавая программу, сделали попытку разработать теоретические и организационные основы, стратегию и тактику крестьянского восстания. Общество просуществовало до 1864 года, набиравшая силу реакция вынудила его самораспуститься.

Параллельно с «Землёй и волей» возникло террористическое общество – «Организация», руководители которого считали необходимым перейти к активным действиям – к террору. Один из членов московского отделения «Организации» Дмитрий Каракозов 3 апреля 1866 года совершил неудачную попытку покушения на Александра II. Это привело к разгулу правительственной реакции: Каракозов был казнён, начались массовые аресты, закрыты журналы «Современник» и «Русское слово».

Русские либералы 60-х годов выступали за искусство «реформ сверху», «без революций». Но в их кругах вскоре обозначились серьёзные разногласия между западниками и славянофилами. Западники отсчитывали начало исторического развития России с преобразований Петра I. К допетровской истории они относились скептически, и до Петра, на их взгляд, её как бы и не было.

Из этого они вывели парадоксальную мысль о великом преимуществе русского народа: русский человек, свободный от груза исторических традиций, может оказаться прогрессивнее любого европейца. Западники полагали, что молодой нации легче заимствовать самое передовое в общественном устройстве, науке и практике Западной Европы и, пересадив всё это на русскую почву, совершить мощный скачок вперед.

Славянофилы тоже отрицали изжившие себя «формы старины». Но заимствования, по их мнению, возможны лишь в том случае, если они прививались к самобытным национально-историческим корням. Славянофилы полагали, что Русь с принятием христианства была образованнее Запада, но «дух и основные начала» русской образованности существенно отличались от западноевропейских.

Европеизация России для славянофилов – угроза самой сущности русского национального бытия. Они выступали за свободу слова, за решение государственных вопросов на Земском соборе, состоящем из представителей всех сословий. Они возражали против введения в России форм буржуазной демократии, считали необходимым сохранение самодержавия. Государь должен выслушивать точки зрения всех сословий, но принимать решение единолично, в согласии с христианским духом добра и правды.

Литературно-критическая программа славянофилов была органично связана с их взглядами. Эту программу они провозгласили в издаваемой в Москве «Русской беседе».

Славянофилы не принимали в русской прозе и поэзии социально-аналитиче-

ских начал, им был чужд тонкий психологизм, в котором они видели болезнь современной личности, «европеизированной», оторвавшейся от народной почвы, от традиций национальной культуры. Именно такую манеру находит К.С. Аксаков в ранних произведениях Л. Толстого с его «диалектикой души», в повестях И. Тургенева о «лишнем человеке». В отличие от славянофилов, западники в лице П.В. Анненкова и А.В. Дружинина отстаивают традиции «чистого искусства», обращённого к «вечным» вопросам и чуждающегося злободневности.

А.В. Дружинин в статье «Критика гоголевского периода в русской литературе и наши к ней отношения» сформулировал два теоретических представления об искусстве: «дидактическое» и «артистическое».

Дидактические поэты, по его словам, хотят прямо воздействовать на современный быт, нравы человека. Они хотят поучать и часто достигают своей цели. Но их поучения многое теряют «в отношении вечного искусства». Подлинное искусство не имеет ничего общего с поучением. Поэт-артист «изображает людей, какими их видит, не предписывая им исправляться, он не даёт уроков обществу. Он живёт среди своего возвышенного мира и сходит на землю, как когда-то сходили на неё олимпийцы, твёрдо помня, что у него есть свой дом на высоком Олимпе».

Бесспорным достоинством западников было внимание к специфике литературы, к отличию её языка от языка науки, публицистики, критики. Характерен также интерес к непреходящему и вечному в классической литературе. Но вместе с тем, попытки отвлечь писателя от жизни, современности, приглушить авторскую субъективность, недоверие к произведениям с ярко выраженной общественной направленностью свидетельствовали о либеральной умеренности и ограниченности их взглядов.

Общественным течением 60-х годов, снимавшим крайности славянофилов и западников, было «почвенничество», духовным вождём которого был Ф.М. Достоевский, издававший журналы «Время» (1861-1863) и «Эпоха» (1864-1865). Его сподвижниками являлись литературные критики А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов.

Почвенники в некоторой степени унаследовали взгляд В.Г. Белинского на русский национальный характер: «Россию нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которых история шла диаметрально противоположно нашей и давно уже дала цвет и плод. Известно, что французы, англичане, немцы так национальны каждый по-своему, что не в состоянии понимать друг друга, тогда как русскому равно доступны и социальность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца».

На этот этап общественного движения приходится и деятельность Н.А. Добролюбова. Обличению либералов он посвящает «Свисток» – специальный сатирический отдел журнала «Современник». Здесь Добролюбов выступает не только как критик, но и как сатирический поэт. Начиная с 1859 года, революционеры-демократы начали проводить идею крестьянской революции. Ядром будущего социалистического устройства они считали крестьянскую общину, но, в отличие от своих оппонентов, понимали, что общинное владение землёй держалось не на христианских, а на революционно-освободительных, социалистических инстинктах русского мужика.

Добролюбов стал основателем оригинального критического метода. Свой метод он называл «реальной критикой». Критик берёт инициативу в свои руки, объясняет с революционно-демократических позиций причины, породившие то или иное явление, и затем произносит над ним приговор.

Достаточно того, что он «представляет вам живое изображение и ручается только за сходство его с действительностью». Для Добролюбова подобная авторская объективность вполне приемлема, так как объяснение и приговор он берёт на себя. Реальная критика приводила Добролюбова порой к таким радикальным выводам, которые никак не предполагали сами авторы. На этой почве произошёл решительный разрыв И.С. Тургенева с «Современником».

Манифест 19 октября 1861 года не только не смягчил, но ещё более обострил противоречия. Правительство перешло к открытому наступлению на передовую мысль: были арестованы Н.Г. Чернышевский и Д.И. Писарев, на восемь месяцев закрыт «Современник». Положение усугубляется расколом внутри демократического движения. Деятели «Русского слова» Д.И. Писарев и В.А. Зайцев выступили с резкой критикой «Современника» за его идеализацию крестьянства, преувеличенное представление о демократических убеждениях русского мужика.

Писарев утверждал, что русский крестьянин не готов к сознательной борьбе за свою свободу, что в массе своей он тёмен и забит.

Для того чтобы просветительский процесс совершался быстрее и эффективнее, Писарев предложил русской демократии «принцип экономии сил» и пропаганду в народе полезности естественных наук. Во имя этого Писарев предполагал отказ от искусства, бесполезно отнимающего у демократии много сил.

В статье «Базаров» он восславил торжествующего нигилиста, а в статье «Мотивы русской драмы» «сокрушил» возведённую на пьедестал героиню драмы Островского «Гроза» Катерину. Ниспровергая кумиров старого общества, Писарев опубликовал несколько скандальных статей, направленных против Пушкина, и работу «Разрушение эстетики».

Принципиальные разногласия между «Русским словом» и «Современником» ослабляли демократические силы и являлись симптомом спада общественного движения. И только к началу 70-х годов в России наметились первые признаки нового общественного подъёма, связанного с деятельностью народников – второго поколения демократов, осуществивших бесполезную попытку поднять народ против самодержавия. Это «хождение в народ» завершилось в 1874 году провалом, начались судебные процессы.

Народническая организация «Земля и воля» раскололась. Возникает новая организация – «Народная воля», провозгласившая своей главной целью политический переворот и террористические формы борьбы. Летом 1880 года Александр II чудом спасается от гибели. Это событие вызывает шок, и правительство решает пойти на уступки. Казалось, Россия стоит на пороге принятия парламентской формы правления. Однако 1 марта 1881 года совершается роковая ошибка: народовольцы убивают Александра II, и вслед за этим в стране наступает жестокая реакция.

Разочарование в политических и террористических формах борьбы с соци-

альным злом сделало актуальной толстовскую проповедь нравственного совершенствования. Именно в этот период в творчестве Л. Толстого складывается религиозно-этическая концепция обновления жизни. Толстовство становится одним из самых популярных общественных течений.

Творчество великих писателей второй половины XIX века (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин), их взгляды воздействовали на развитие живописи, музыки, театра. Выражение коренных интересов народа, изображение подлинной правды жизни, борьба против искусства, чуждого реальности, – вот что определяет движение русской литературы и всего русского искусства XIX века, испытывавшего значительное влияние творчества крупнейших писателей.

В 60-е годы группа выпускников Академии художеств во главе с И.Н. Крамским объединилась в Артель художников. Молодые живописцы были горячими сторонниками взглядов Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и замечательного знатока искусства В.В. Стасова.

В начале 70-х годов из Артели выросло Товарищество передвижных выставок. Вплоть до конца 90-х годов оно объединяло многих лучших художников России и пропагандировало передовое искусство. Выставки, организованные в разных городах страны, познакомили общество с такими произведениями реалистического искусства, как «Пётр I допрашивает царевича Алексея» Н. Ге, «Рожь» И.И. Шишкина, «Курсистка» Н.Н. Ярошенко, «Утро стрелецкой казни» В.И. Сурикова и многими другими. С передвижниками был связан в начале своего творчества И.Е. Репин, «передвижником» стал и И.И. Левитан.

Благотворное влияние оказала реалистическая литература и критика и на развитие русского музыкального искусства. А.С. Даргомыжский, отстаивая правду жизни в музыке, поддерживает и вдохновляет кружок талантливых молодых музыкантов, названный позднее «Могучей кучкой». Члены этого кружка – М.А. Балакирев, М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков, А.П. Бородин – были не только музыкантами, но и мыслителями. «Жизнь, где бы ни сказалась; правда, как бы ни солона; смелая, искренняя речь к людям», – так определил Мусоргский требования к музыке, выражая мнение «Могучей кучки».

Члены «Могучей кучки» создали произведения, ставшие гордостью русского оперного искусства: «Борис Годунов» и «Хованщина» М. Мусоргского, «Князь Игорь» Бородина, «Снегурочка» и «Царская невеста» Н. Римского-Корсакова и другие. Реалистическое раскрытие внутреннего мира человека, обращение к сложным философским проблемам нашли слушатели в гениальной музыке П.И. Чайковского.

Лучшие русские актёры и режиссёры второй половины XIX века утверждали реализм на театральной сцене. Школой реализма стал Московский Малый театр, с которым связана деятельность выдающегося драматурга А.Н. Островского. Среди многих замечательных актёров Малого театра одно из первых мест принадлежит великой русской актрисе М.Н. Ермоловой, игра которой, исполненная героического пафоса, искренне и ярко воплощала правду жизни и силу человеческих чувств.

С преобразованием русского театра связаны такие замечательные театраль-

ные деятели, как В.И. Немирович-Данченко и его соратник – великий актёр и театральный педагог К.С. Станиславский.

Созданный ими Московский художественный театр (МХТ) прославился постановками трагедии А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» и драмы А.П. Чехова «Чайка».

История русской литературы – это не только яркая многоцветная панорама страны, хроника вымышленных людских судеб, но и непрерывная история смены жанров и стилей. Если в начале века в литературе России почти безраздельно господствует поэзия, то первая треть XIX отмечена неуклонным движением к прозе. И как результат – в литературе появляются новые жанровые формы, спаянные из различных жанров. Например, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина – роман в стихах, а написанные в прозе «Мёртвые души» Н.В. Гоголя – поэма.

Вторая же половина девятнадцатого столетия обозначена безусловным торжеством повествовательных форм. Это совершенно не значит, что поэзия прекращает свое существование. Она лишь уступает своё первенство прозе, пытаясь, правда, при любом благоприятном случае взять реванш в борьбе за власть над умами и чувствами читателей. Очень ярко проявляется эта тенденция в творчестве Тютчева, Фета, Некрасова и др. Но традиции, заложенные Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем, в полной мере определили господство индивидуально-авторских стилей в прозе второй половины XIX века. Творчество И.А. Гончарова и И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.П. Чехова – яркое подтверждение сказанному.

Произведения этих писателей уже не находятся в строгой зависимости от жанровой нормативности, и в русской литературе широкое распространение получают такие гибридные жанровые формы, как «Записки охотника» И.С. Тургенева – рассказ и очерк, романы Л.Н. Толстого (роман-эпопея «Война и мир»), Ф.М. Достоевского (философско-идеологический роман), А.П. Чехова (комедия «Вишнёвый сад», финал которой трагичен) и т.д. Только внимательно и заинтересованно изучив процессы, происходившие в русской прозе XIX в., можно лучше понять жанрово-стилевое разнообразие современной русской литературы.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Как вы думаете, литература – наука или искусство? Обоснуйте свой ответ.

2. Найдите информацию о деятельности представителей «западничества», «почвенничества» и «славянофильства». Чьи взгляды вы разделяете?

3. Подготовьте устное сообщение «Литература в моей жизни».

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ
1818-1883

Тайны человеческой души велики, а любовь – самая недоступная из этих тайн.

И.С. Тургенев

Иван Сергеевич Тургенев родился в Орле в дворянской семье. Детские годы Тургенева прошли в имении Спасское-Лутовиново Орловской губернии. Мать Тургенева, властолюбивая и безудержная натура, происходила из дворянского рода Лутовиновых. Отец писателя принадлежал к старинному роду Тургеневых. Он не принимал никакого участия в семейных делах и холодно относился к жене, которая в ответ вымещала личные обиды на своих домашних и крепостных слугах и была с ними особенно жестока.

Эти впечатления порождали в пытливой душе мальчика многочисленные вопросы и мешали в полной мере испытать тепло семьи и родного дома.

От разрушительного влияния крепостничества Тургенева спасало общение с людьми из народа, талантливыми, вольнолюбивыми, с широкой, доброй и щедрой душой. Из Спасского он вынес свою страстную любовь к русской природе, которую сохранил на всю жизнь.

Иван Сергеевич Тургенев получил блестящее образование, с детских лет он читал и свободно говорил на трёх европейских языках – немецком, французском и английском. В 1837 году Тургенев успешно, со степенью кандидата, закончил филологическое отделение философского факультета Петербургского университета. Уже в студенческие годы Тургенева начали все больше занимать мысли о несовершенстве земного миропорядка и о социальной несправедливости, его серьёзно стали интересовать философские вопросы.

После окончания университета Тургенев отправляется в Германию изучать немецкую философию. Учения немецких философов Шеллинга и Гегеля дали Тургеневу целостное воззрение на жизнь природы и общества, вселили веру в разумную целесообразность исторического процесса, устремлённого к конечному торжеству правды, добра и красоты.

В 1841 году Тургенев вернулся в Россию и поступил на службу в Министерство внутренних дел, а в 1845 году вышел в отставку и целиком посвятил себя литературной деятельности.

В 1843 году он знакомится с великим русским критиком В.Г. Белинским, который высоко оценил в Тургеневе глубокую философскую подготовку и тонкое художественное чутьё. Именно Белинский нацелил Тургенева на создание сборника «Записки охотника», убеждая его обратиться к изображению народной жизни: «Народ – почва, – говорил он, – хранящая жизненные соки всякого развития; личность – плод этой почвы».

В январе 1847 года в журнале «Современник» был опубликован очерк Тургенева «Хорь и Калиныч», который вызвал восторженный отклик читателей и

побудил писателя к созданию книги «Записки охотника».

В «Записках охотника» Тургенев столкнул две России: официальную, крепостническую, с её мертвящей жизнью и народно-крестьянскую, живую и поэтическую.

Живой, целостный образ народной России предстаёт в неразрывной связи с природой. Герои «Записок охотника» не просто изображаются на фоне природы, а выступают её продолжением. Тургенев высвечивает и делает зримой в этом произведении скрытую от многих взаимную связь всего в природе: человека и реки, человека и леса, человека и степи.

Писатель восхищается силой духа и нравственной чистотой русского крестьянина, но в то же время у него появляются сомнения в его гражданской зрелости. Тургенев считает, что века крепостного права отучили народ чувствовать себя хозяином родной земли. Эта мысль особенно ярко проявилась в повестях «Муму» и «Постоялый двор». Тургенев создал их, находясь в ссылке в своём родовом имении Спасское-Лутовиново, куда его отправили за нарушение цензурных правил при публикации статьи, посвящённой памяти Гоголя, но истинной причиной ареста была связь писателя с прогрессивными кругами революционной Европы – Бакуниным и Герценом.

С 1847 по 1850 гг. Тургенев жил в Париже и был свидетелем трагических событий Французской революции 1848 года. Разгром революционного движения рабочих глубоко потряс Тургенева, июньские дни явились крахом буржуазных иллюзий писателя в социализме, сомнениями в народе как творце истории. В период Спасской ссылки, продолжавшейся с 1852 до конца 1853 года, Тургенев пишет ряд повестей – «Два приятеля», «Затишье», «Переписка», в которых со всех сторон исследует психологию русского интеллигента. Эти повести явились толчком к написанию своего первого романа.

«Рудин»

Роман «Рудин» был написан в обстановке назревшего после неудач Крымской войны общественного подъёма. Главный герой романа во многом автобиографичен: это человек тургеневского поколения, который получил хорошее философское образование в Берлинском университете. Характер Рудина раскрывается в слове. Он покоряет общество блеском своего ума и красноречия о смысле жизни, о назначении человека. Его речи вдохновляют и ведут к обновлению жизни, к героическим свершениям.

Но окружение не замечает, что в рудинском красноречии есть изъян – превосходно владея философским языком, он беспомощен в описании обычных вещей и истин, не умеет смешить и не умеет смеяться.

Противоречивый характер своего героя Тургенев подвергает главному испытанию – любовью. Наталья Ласунская полюбила Рудина за его полные энтузиазма речи, для неё Рудин – человек подвига, за которым она готова идти на любые жертвы. Но годы отвлечённой философской работы иссушили в Рудине живые источники сердца и души. Первое же препятствие на пути их любви – отказ Дарьи Михайловны Ласунской выдать дочь за бедного человека – приводит героя в полное замешательство, и он говорит в ответ на любовные порывы Натальи: «Надо покориться».

В Рудине отражается трагическая судьба человека тургеневского поколения, воспитанного немецким философским идеализмом. В русской жизни Рудин – чу-

жестранник. В финале романа Рудин гибнет на парижских баррикадах с красным знаменем в руке. Переход Рудина от красивых речей к действию, от философских сентенций к готовности постоять до последнего за свои идеалы свидетельствовал о появлении людей новой генерации – людей не только слова, но и дела. Это уже не «лишние люди» вроде Печорина. Не случайно восторженные речи Рудина жадно ловит разночинец Батистов из будущих «новых людей».

«Накануне»

В романе «Накануне», вышедшем в 1860 году, наметился тип нового героя, общественного деятеля. Герой романа – болгарин Дмитрий Инсаров. Он живёт и учится в России, но полностью посвятил себя делу освобождения своей родины от османского ига. Герой этот, по словам Тургенева, выражает собой «веру прежде всего, веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся вне отдельного человека, но легко ему дающуюся, требующую служения и жертв, но доступную постоянству служения и силе жертвы».

Эта готовность к самопожертвованию наиболее сильно показана в образе Инсарова. Его цельность и решительность, единство слова и дела привлекают к нему героиню романа – Елену Стахову – девушку, которая предпочитает Инсарова многообещающему учёному Берсеневу и талантливому скульптору Шубину. Это предпочтение, по замыслу автора, отвечало общественной потребности в политических деятелях, которая ощущалась в условиях России того времени острее всего. Добролюбов, опубликовавший в журнале «Современник» в связи с выходом романа статью «Когда же придёт настоящий день?», основываясь на реалистическом изображении жизни в этом произведении, говорил о появлении в ближайшее время русского Инсарова – борца за освобождение народа от крепостничества. Но Тургенев, как человек либеральных взглядов, вопреки своему писательскому предвидению, не согласился с таким выводом критика, что послужило причиной разрыва Тургенева с «Современником».

«Отцы и дети»

Роман Тургенева «Отцы и дети» был напечатан 1862 году в журнале «Русский вестник».

Уже само название «Отцы и дети» подсказывает, что роман построен на антитезе. Большую роль на его страницах играют напряжённые споры героев, конфликты между персонажами, их мучительные размышления. Сюжет строится на соединении прямого и последовательного повествования с жизнеописанием основных героев.

Центр повествования занимает фигура Базарова. Все сюжетные линии тянутся к нему. В романе нет ни одного сколько-нибудь значительного эпизода, в котором бы не участвовал Базаров. Из двадцати восьми глав он не появляется лишь в двух. Умирает Базаров, и кончается роман. Система действующих лиц выстроена так, что отношения героев с Базаровым раскрывают читателю их внутреннюю сущность, в то же время сопоставление каждого из них с Базаровым вносит какой-либо новый штрих в характер главного героя. Тургенев противопоставляет

Базарову не какого-либо героя или группу героев, а саму жизнь.

Чтобы осуществить эту задачу, И.С. Тургенев избирает весьма своеобразную композицию. Он дважды проводит Базарова по кругу: Марьино (Кирсановы) – Никольское (Одинцова) – родительская деревенька. В итоге создаётся поразительный эффект. В ту же обстановку, в схожие ситуации, к тем же людям во второй части романа приходит иной Базаров: страдающий, сомневающийся, мучительно переживающий любовную драму, пытающийся отгородиться от реальной сложности жизни своей нигилистической философией. Даже любимая наука теперь не приносит облегчения.

Вторая половина романа строится на разрушении прежних связей Базарова с другими героями. Автор проводит своего героя по книге, последовательно устраивая ему экзамены во всех сферах жизни – дружбе, вражде, любви, семейных узах. И Базаров последовательно проваливается всюду. Череда этих «экзаменов» и составляет сюжет романа.

Постепенно Базаров остаётся в полном одиночестве, наедине со смертью, которую «попробуй отрицать», она сама «тебя отрицает». В эпилоге романа обнаруживается полная несостоятельность нигилизма Базарова перед вечным движением жизни и величественным спокойствием «равнодушной» природы. Природа как бы становится главным действующим лицом в той нравственно-психологической коллизии, к которой приходят герои в эпилоге.

В лице Евгения Базарова Тургенев изобразил новую социальную силу – разночинную интеллигенцию, идущую на смену дворянству во всех сферах русской жизни. В этом – социальный аспект конфликта романа; революционно-демократические взгляды Базарова и либеральные воззрения его основного оппонента – Павла Петровича Кирсанова – составляют политическую его сторону. Однако для Тургенева не менее важна и философская подоснова этого конфликта: попытка Базарова в соответствии со своими вульгарно-материалистическими убеждениями выстроить модель жизненного поведения. Внутренний конфликт героя отражает кризис его сознания, который в итоге приводит к внешне немотивированной смерти героя.

Роман вызвал многочисленные и противоречивые отзывы в критике, которые способствовали дальнейшему развитию общественного самосознания. С самой благожелательной оценкой романа и образа главного героя выступил Д.И. Писарев. В статье «Базаров» он дал всесторонний анализ образа главного героя и того общественного явления, которое отразилось в нём.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Почему роман назван «Отцы и дети», а не по фамилии главного героя?
2. Как ведёт себя Базаров во время пребывания в Марьине?
3. В чём проявляется нигилизм Базарова?
4. Базаров занимается естественными науками. Как это связано с проблематикой романа?
5. Почему Тургенев «приводит» героя к смерти? Как в этом отражаются взгляды писателя?

«Отцы и дети».

«Дворянское гнездо»

История создания

Первое упоминание о романе «Дворянское гнездо» встречается в письме И.С. Тургенева к издателю И.И. Панаеву в октябре 1856 года. Иван Сергеевич планировал окончить произведение к концу года, но свой замысел не осуществил. Всю зиму писатель тяжело болел, а затем уничтожил первые наброски и стал придумывать новый сюжет. Возможно, итоговый текст романа существенно отличается от первоначального. В декабре 1858 года автор внёс в рукопись последние правки. «Дворянское гнездо» впервые было напечатано в январском номере журнала «Современник» в 1859 году.

Роман произвёл огромное впечатление на русское общество. Он сразу стал таким популярным, что не читать «Дворянское гнездо» считалось чуть ли не дурным тоном. Даже Тургенев признавался, что произведение имело очень большой успех.

В основу романа положены размышления писателя о судьбах лучших представителей русского дворянства. Автор сам принадлежал к этому сословию и прекрасно понимал, что «дворянские гнёзда» с их атмосферой возвышенных переживаний постепенно вырождаются. Не случайно Тургенев приводит в романе родословные главных героев. На их примере писатель показывает, что в различные исторические периоды происходили существенные изменения дворянской психологии: от «дикого барства» до преклонения перед всем чужеродным. Прадед Фёдора Ивановича Лаврецкого – жестокий самодур, дед – безалаберный и хлебосольный ненавистник Вольтера, отец – англоман.

Гнездо, как символ родины, покинуто его обитателями. Современники писателя предпочитают проводить время за границей, разговаривают по-французски, бездумно перенимают чужие традиции. Трагично и карикатурно выглядит престарелая тётушка Лаврецкого, помешанная на стиле Людовика XV. Несчастно складывается судьба самого Фёдора, чьё детство было искалечено иностранной «системой воспитания». Общепринятая практика поручать детей нянькам, гувернанткам, а то и вовсе отдавать в чужую семью разрывает связь поколений, лишает корней. Те же, кому удаётся осесть в старом родовом «гнезде», чаще всего ведут сонное существование, заполненное сплетнями, музицированием и картами.

Столь разное отношение матерей Лизы и Лаврецкого к детям не случайно. Марья Дмитриевна равнодушна к воспитанию дочерей. Лизе ближе нянька Агафья и учитель музыки. Именно эти люди оказывают влияние на формирование личности девушки. А вот крестьянка Малаша (мать Фёдора) «тихо угасает» после того, как её лишают возможности воспитывать сына.

Композиция романа

В основе романа – история несчастной любви Фёдора и Лизы. Крушение их надежд, невозможность личного счастья перекликаются с социальным крахом дворянства в целом.

Главный герой романа Фёдор Иванович Лаврецкий имеет много сходных черт с самим Тургеневым. Он честен, искренне любит родину, ищет рациональ-

ное применение своим способностям. Воспитанный властолюбивой и жестокой тёткой, а затем по своеобразной «спартанской системе» отца, он приобрёл богатырское здоровье и суровый вид, но добрый и застенчивый характер. Лаврецкому сложно общаться. Пробелы в своём воспитании и образовании он чувствует и сам, поэтому стремится их исправить.

Расчётливая Варвара видит в Лаврецком лишь глупого увальня, богатством которого легко завладеть. Искренность и чистота первого настоящего чувства героя разбиваются о предательство жены. В результате Фёдор перестаёт доверять людям, презирает женщин, считает себя недостойным настоящей любви. Встретив Лизу Калитину, он не сразу решается поверить в чистоту и благородство девушки. Но, узнав её душу, поверил и полюбил на всю жизнь.

До встречи с Лаврецким Лиза не часто задумывалась о своей судьбе. Официальный жених Паншин не вызывал особого неприятия у девушки. Ведь главное, по её мнению, честно выполнять свой долг перед семьёй и обществом. В этом и состоит счастье каждого человека.

Кульминацией романа является спор Лаврецкого с Паншиным о народе и последующая сцена объяснения Лизы с Фёдором. В мужском конфликте Паншин высказывает мнение чиновника с прозападными взглядами, а Лаврецкий выступает с позиций, близких к славянофильству. Именно во время этого спора Лиза понимает, насколько созвучны её мысли и суждения взглядам Лаврецкого, осознаёт свою любовь к нему.

В ряду «тургеневских девушек» образ Лизы Калитиной – один из самых ярких и поэтичных. Её решение уйти в монахини основывается не только на религиозности. Лиза не может жить вразрез со своими нравственными принципами. Она жертвует личным счастьем и счастьем любимого человека, поскольку не может поступать «неправильно».

Кроме главных героев, Тургенев создал в романе галерею ярких образов, которые отражают дворянскую среду во всём её разнообразии. Здесь не только герои провинциального общества, но и представители народа. В отличие от господ, крепостные и бедные люди изображены Тургеневым с сочувствием и симпатией. Загубленные судьбы Малаши и Агафьи, так и не раскрывшийся из-за бедности талант Лемма, множество других жертв барского произвола доказывают, что история «дворянских гнёзд» далеко не идеальна. И главной причиной происходящего социального распада писатель считает крепостное право, которое развращает одних и низводит до уровня бессловесного существа других, но калечит всех.

Художественное мастерство и философская глубина обеспечили первому крупному произведению Тургенева выдающийся успех на все времена.

В «Дворянском гнезде» Тургенев обратился не только к личной судьбе главного героя, но и панорамно изобразил историю рода Лаврецких с тем, чтобы иметь возможность представить обобщённый портрет русского дворянства в аспекте проблематики романа. Особенно жесток автор в оценках отрыва самого передового сословия России от своих национальных корней. В связи с этим тема родины становится одной из центральных, глубоко личностной и опоэтизированной. Родина врачует

возвратившегося из-за границы Лаврецкого, равно как народное жизнечувствование помогает ему пережить трагическую любовь к Лизе Калитиной, наделяя его мудростью, терпением, смирением – всем тем, что помогает человеку жить на земле.

Герой проходит испытание любовью и с честью выдерживает его. Любовь возрождает Лаврецкого к жизни. Вспомним описание летней лунной ночи, увиденной им. Следуя принципу «тайной психологии», Тургенев раскрывает через пейзаж пробуждение души героя – источник его нравственных сил. Но Лаврецкому предстоит пережить и состояние самоотречения: он смиряется с утратой любви, постигая высшую мудрость смирения.

«Дворянское гнездо» как «роман испытания» предполагает проверку жизненной позиции героя. В отличие от Лизы, Михалевича, Лемма, отмеченных высотою избранной цели, Лаврецкий обыкновенен в своих земных притязаниях и в мыслимых идеалах. Он хочет трудиться и как можно лучше трудиться, до конца оставаясь верным самому себе. Оказавшись без надежд на собственное счастье, герой находит силы жить, принять законы естественного течения бытия, отражённые в народном миросозерцании, такие, как уметь страдать и терпеть, и при этом признать нравственным долгом человека не замкнуться на себе, а помнить о тех, кто вокруг тебя, и стараться трудиться на их благо.

Лаврецкий, а с ним и Тургенев считают такое состояние единственно достойным, хотя и не лишённым горьких внутренних потерь. Не случайно в финале герой ощущает себя одиноким бездомным странником, оглядывающимся на свою жизнь – догорающую свечу.

Тем самым в «Дворянском гнезде» органично сомкнулись характерные для тургеневского романа два временных плана: исторический и вневременной, вылившиеся в философско-символический финал – особенность всех тургеневских романов – с его мыслью о принятии законов быстротекущей жизни с её вечными противоречиями, обретениями и утратами. И здесь же звучит раздумье Тургенева относительно прерванной связи между поколениями в русской истории, которое стало главной темой романа «Отцы и дети».

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО

(Фрагменты)

XXIX

Марья Дмитриевна не слишком ласково приняла Лаврецкого, когда он явился к ней на следующий день. «Вишь, повадился», – подумала она. Он ей сам по себе не очень нравился, да и Паншин, под влиянием которого она находилась, весьма коварно и небрежно похвалил его накануне. Так как она не считала его гостем и не полагала нужным занимать родственника, почти домашнего человека, то и получаса не прошло, как он уже шёл с Лизой в саду по аллее. Леночка и Шурочка бегали в нескольких шагах от них по цветнику.

Лиза был спокойна по обыкновению, но более обыкновенного бледна. Она достала из кармана и протянула Лаврецкому мелко сложенный лист журнала.

– Это ужасно! – промолвила она.

Лаврецкий ничего не отвечал.

– Да, может быть, это ещё и неправда, – прибавила Лиза.

– Оттого-то я и просил вас не говорить об этом никому.

Лиза прошлась немного.

– Скажите, – начала она, – вы не огорчены? нисколько?

– Я сам не знаю, что я чувствую, – отвечал Лаврецкий.

– Но ведь вы её любили прежде?

– Любил.

– Очень?

– Очень.

– И не огорчены её смертью?

– Она не теперь для меня умерла.

– Это грешно, что вы говорите… Не сердитесь на меня. Вы меня называете своим другом: друг всё может говорить. Мне, право, даже страшно… Вчера у вас такое нехорошее было лицо… Помните, недавно, как вы жаловались на неё? – а её уже тогда, может быть, на свете не было. Это страшно. Точно это вам в наказание послано.

Лаврецкий горько усмехнулся.

– Вы думаете?.. По крайней мере я теперь свободен.

Лиза слегка вздрогнула.

– Полноте, не говорите так. На что вам ваша свобода? Вам не об этом теперь надо думать, а о прощении…

– Я давно её простил, – перебил Лаврецкий и махнул рукой.

– Нет, не то, – возразила Лиза и покраснела. – Вы не так меня поняли. Вы должны позаботиться о том, чтобы вас простили…

– Кому меня прощать?

– Кому? Богу. Кто же может нас простить, кроме бога?

Лаврецкий схватил её за руку.

– Ах, Лизавета Михайловна, поверьте, – воскликнул он, – я и так довольно был наказан. Я уже всё искупил, поверьте.

– Это вы не можете знать, – проговорила Лиза вполголоса. – Вы забыли, – ещё недавно, вот когда вы со мной говорили, вы не хотели её прощать.

Оба молча прошлись по аллее.

– А что же ваша дочь? – спросила вдруг Лиза и остановилась.

Лаврецкий встрепенулся.

– О, не беспокойтесь! Я уже послал письма во все места. Будущность моей дочери, как вы её… как вы говорите… обеспечена. Не беспокойтесь.

Лиза печально улыбнулась.

– Но вы правы, – продолжал Лаврецкий, – что мне делать с моей свободой? На что мне она?

– Когда вы получили этот журнал? – промолвила Лиза, не отвечая на его вопрос.

– На другой день после вашего посещения.

– И неужели… неужели вы даже не заплакали?

– Нет. Я был поражён; но откуда было взяться слезам? Плакать о прошедшем – да ведь оно у меня всё выжжено!.. Самый проступок её не разрушил моё счастие, а до-

казал мне только, что его вовсе никогда не бывало. О чём же тут было плакать? Впрочем, кто знает? Я, может быть, был бы более огорчён, если б я получил это известие двумя неделями раньше…

– Двумя неделями? – возразила Лиза. – Да что ж такое случилось в эти две недели?

Лаврецкий ничего не отвечал, а Лиза вдруг покраснела ещё пуще прежнего.

– Да, да, вы угадали, – подхватил внезапно Лаврецкий, – в течение этих двух недель я узнал, что значит чистая женская душа, и моё прошедшее ещё больше от меня отодвинулось.

Лиза смутилась и тихонько пошла в цветник к Леночке и Шурочке.

– А я доволен тем, что показал вам этот журнал, – говорил Лаврецкий, идя за нею следом, — я уже привык ничего не скрывать от вас и надеюсь, что и вы отплатите мне таким же доверием.

– Вы думаете? – промолвила Лиза и остановилась. – В таком случае я бы должна была… Да нет! Это невозможно.

– Что такое? Говорите, говорите.

– Право, мне кажется, я не должна… А впрочем, – прибавила Лиза и с улыбкой оборотилась к Лаврецкому, – что за откровенность вполовину? Знаете ли? я получила сегодня письмо.

– От Паншина?

– Да, от него… Почему вы знаете?

– Он просит вашей руки?

– Да, – произнесла Лиза и прямо и серьёзно посмотрела Лаврецкому в глаза.

Лаврецкий, в свою очередь, серьёзно посмотрел на Лизу.

– Ну, и что же вы ему отвечали? – проговорил он наконец.

– Я не знаю, что отвечать, – возразила Лиза и опустила сложенные руки.

– Как? Ведь вы его любите?

– Да, он мне нравится; он, кажется, хороший человек.

– Вы то же самое и в тех же самых выражениях сказали мне четвёртого дня. Я желаю знать, любите ли вы его тем сильным, страстным чувством, которое мы привыкли называть любовью?

– Как вы понимаете, – нет.

– Вы в него не влюблены?

– Нет. Да разве это нужно?

– Как?

– Маменьке он нравится, – продолжала Лиза, – он добрый; я ничего против него не имею.

– Однако вы колеблетесь?

– Да… и, может быть, – вы, ваши слова тому причиной. Помните, что вы третьего дня говорили? Но это слабость…

– О дитя моё! – воскликнул вдруг Лаврецкий, и голос его задрожал, – не мудрствуйте лукаво, не называйте слабостью крик вашего сердца, которое не хочет отдаться без любви. Не берите на себя такой страшной ответственности перед тем человеком, которого вы не любите и которому хотите принадлежать…

– Я слушаюсь, я ничего не беру на себя, – произнесла было Лиза…

– Слушайтесь вашего сердца; оно одно вам скажет правду, – перебил её Лаврецкий… – Опыт, рассудок – всё это прах и суета! Не отнимайте у себя лучшего, единственного счастья на земле.

– Вы ли это говорите, Фёдор Иваныч? Вы сами женились по любви – и были ли вы счастливы?

Лаврецкий всплеснул руками.

– Ах, не говорите обо мне! Вы и понять не можете всего того, что молодой, неискушённый, безобразно воспитанный мальчик может принять за любовь!.. Да и, наконец, к чему клеветать на себя? Я сейчас вам говорил, что я не знал счастья… нет! я был счастлив!

– Мне кажется, Фёдор Иваныч, – произнесла, понизив голос, Лиза (когда она не соглашалась с своим собеседником, она всегда понижала голос; притом она чувствовала большое волнение), – счастье на земле зависит не от нас…

– От нас, от нас, поверьте мне (он схватил её за обе руки; Лиза побледнела и почти с испугом, но внимательно глядела на него), лишь бы мы не портили сами своей жизни. Для иных людей брак по любви может быть несчастьем; но не для вас, с вашим спокойным нравом, с вашей ясной душой! Умоляю вас, не выходите замуж без любви, по чувству долга, отреченья, что ли… Это то же безверие, тот же расчёт – и ещё худший. Поверьте мне – я имею право это говорить: я дорого заплатил за это право. И если ваш бог…

В это мгновенье Лаврецкий заметил, что Леночка и Шурочка стояли подле Лизы и с немым изумленьем уставились на него. Он выпустил Лизины руки, торопливо проговорил: «Извините меня, пожалуйста», – и направился к дому.

– Об одном только прошу я вас, – промолвил он, возвращаясь к Лизе, – не решайтесь тотчас, подождите, подумайте о том, что я вам сказал. Если б даже вы не поверили мне, если б вы решились на брак по рассудку, и в таком случае не за господина Паншина вам выходить: он не может быть вашим мужем… Не правда ли, вы обещаетесь мне не спешить?

Лиза хотела ответить Лаврецкому – и ни слова не вымолвила, не оттого, что она решилась «спешить»; но оттого, что сердце у ней слишком сильно билось и чувство, похожее на страх, захватило дыхание.

XXXI

Лаврецкий не был молодым человеком; он не мог долго обманываться насчёт чувства, внушённого ему Лизой; он окончательно в тот же день убедился в том, что полюбил её. Не много радости принесло ему это убеждение. «Неужели, – подумал он, – мне в тридцать пять лет нечего другого делать, как опять отдать свою душу в руки женщины? Но Лиза не чета той: она бы не потребовала от меня постыдных жертв; она не отвлекла бы меня от моих занятий; она бы сама воодушевила меня на честный, стро-

гий труд, и мы пошли бы оба вперёд к прекрасной цели. Да, – кончил он свои размышления, – всё это хорошо, но худо то, что она вовсе не захочет пойти со мной. Недаром она сказала мне, что я ей страшен. Зато и Паншина она не любит… Слабое утешение!»

Лаврецкий поехал в Васильевское; но и четырёх дней там не выжил, – так ему показалось скучно. Его томило также ожидание: известие, сообщённое г-м Жюлем, требовало подтверждения, а он не получал никаких писем. Он вернулся в город и просидел вечер у Калитиных. Ему легко было заметить, что Марья Дмитриевна была против него восстановлена; но ему удалось несколько умилостивить её, проиграв ей рублей пятнадцать в пикет, и он провёл около получаса почти наедине с Лизой, несмотря на то, что мать ей ещё накануне советовала не быть слишком фамильярной с человеком «qui a un si grand ridicule» [44]. Он нашёл в ней перемену: она стала как будто задумчивее, попеняла ему за его отсутствие и спросила его: не пойдёт ли он на другой день к обедне? (На другой день было воскресенье.)

– Ступайте, – сказала она прежде, чем он успел ответить, – мы вместе помолимся за упокой её души. – Потом она прибавила, что не знает, как ей быть, не знает, имеет ли она право заставлять Паншина долее ждать её решения.

– Почему же? – спросил Лаврецкий.

– Потому, – сказала она, – что я уже теперь начинаю подозревать, какое будет это решение.

Она объявила, что голова у ней болит, и ушла к себе наверх, нерешительно протянув Лаврецкому кончики пальцев.

На другой день Лаврецкий отправился к обедне. Лиза уже была в церкви, когда он пришёл. Она заметила его, хотя не обернулась к нему. Она усердно молилась: тихо светились её глаза, тихо склонялась и поднималась её голова. Он почувствовал, что она молилась и за него, – и чудное умиление наполнило его душу. Ему было и хорошо и немного совестно. Чинно стоявший народ, родные лица, согласное пение, запах ладану, длинные косые лучи от окон, самая темнота стен и сводов – всё говорило его сердцу. Давно не был он в церкви, давно не обращался к богу; он и теперь не произнёс никаких молитвенных слов, – он без слов даже не молился, – но хотя на мгновенье если не телом, то всем помыслом своим повергнулся ниц и приник смиренно к земле. Вспомнилось ему, как в детстве он всякий раз в церкви до тех пор молился, пока не ощущал у себя на лбу как бы чьего-то свежего прикосновения; это, думал он тогда, ангел-хранитель принимает меня, кладёт на меня печать избрания. Он взглянул на Лизу… «Ты меня сюда привела, – подумал он, – коснись же меня, коснись моей души». Она всё так же тихо молилась; лицо её показалось ему радостным, и он умилился вновь, он попросил другой душе – покоя, своей – прощенья…

Они встретились на паперти; она приветствовала его с весёлой и ласковой важностью. Солнце ярко освещало молодую траву на церковном дворе, пёстрые платья и платки женщин; колокола соседних церквей гудели в вышине; воробьи чирикали по заборам. Лаврецкий стоял с непокрытой головой и улыбался; лёгкий ветерок вздымал его волосы и концы лент Лизиной шляпы. Он посадил Лизу и бывшую с ней Леночку в карету, роздал все свои деньги нищим и тихонько побрёл домой.

---

[44] «с которым случилась такая нелепость» (франц.)

XXXIV

Лиза не вымолвила ни одного слова в течение спора между Лаврецким и Паншиным, но внимательно следила за ним и вся была на стороне Лаврецкого. Политика её занимала очень мало; но самонадеянный тон светского чиновника (он никогда ещё так не высказывался) её отталкивал; его презрение к России её оскорбило. Лизе и в голову не приходило, что она патриотка; но ей было по душе с русскими людьми; русский склад ума её радовал; она, не чинясь, по целым часам беседовала с старостой материнского имения, когда он приезжал в город, и беседовала с ним, как с ровней, без всякого барского снисхождения. Лаврецкий всё это чувствовал: он бы не стал возражать одному Паншину; он говорил только для Лизы. Друг другу они ничего не сказали, даже глаза их редко встречались; но оба они поняли, что тесно сошлись в этот вечер, поняли, что и любят и не любят одно и то же. В одном только они расходились; но Лиза втайне надеялась привести его к богу. Они сидели возле Марфы Тимофеевны и, казалось, следили за её игрой; да они и действительно за ней следили, – а между тем у каждого из них сердце росло в груди, и ничего для них не пропадало: для них пел соловей, и звёзды горели, и деревья тихо шептали, убаюканные и сном, и негой лета, и теплом. Лаврецкий отдавался весь увлекавшей его волне – и радовался; но слово не выразит того, что происходило в чистой душе девушки: оно было тайной для неё самой; пусть же оно останется и для всех тайной. Никто не знает, никто не видел и не увидит никогда, как, призванное к жизни и расцветанию, наливается и зреет зерно в лоне земли.

Пробило десять часов. Марфа Тимофеевна отправилась к себе наверх с Настасьей Карповной; Лаврецкий и Лиза прошлись по комнате, остановились перед раскрытой дверью сада, взглянули в тёмную даль, потом друг на друга – и улыбнулись; так, кажется, взялись бы они за руки, наговорились бы досыта. Они вернулись к Марье Дмитриевне и к Паншину, у которых пикет затянулся. Последний «король» кончился наконец, и хозяйка встала, кряхтя и охая, с обложенного подушками кресла; Паншин взял шляпу, поцеловал у Марьи Дмитриевны руку, заметил, что иным счастливцам теперь ничто не мешает спать или наслаждаться ночью, а ему придётся до утра просидеть над глупыми бумагами, холодно раскланялся с Лизой (он не ожидал, что в ответ на его предложение она попросит подождать, – и потому дулся на неё) – и удалился. Лаврецкий отправился вслед за ним. У ворот они расстались; Паншин разбудил своего кучера, толкнув его концом палки в шею, сел на дрожки и покатил. Лаврецкому не хотелось идти домой: он вышел из города в поле. Ночь была тиха и светла, хотя луны не было; Лаврецкий долго бродил по росистой траве; узкая тропинка попалась ему; он пошёл по ней. Она привела его к длинному забору, к калитке; он попытался, сам не зная зачем, толкнуть её: она слабо скрыпнула и отворилась, словно ждала прикосновения его руки. Лаврецкий очутился в саду, сделал несколько шагов по липовой аллее и вдруг остановился в изумлении: он узнал сад Калитиных.

Он тотчас же вошёл в чёрное пятно тени, падавшей от густого орехового куста, и долго стоял неподвижно, дивясь и пожимая плечами.

«Это недаром», – подумал он.

Всё было тихо кругом; со стороны дома не приносилось никакого звука. Он осторожно пошёл вперёд. Вот, на повороте аллеи, весь дом вдруг глянул на него

своим тёмным фасом; в двух только окнах наверху мерцал свет: у Лизы горела свеча за белым занавесом, да у Марфы Тимофеевны в спальне перед образом теплилась красным огоньком лампадка, отражаясь ровным сиянием на золоте оклада; внизу дверь на балкон широко зевала, раскрытая настежь. Лаврецкий сел на деревянную скамейку, подперся рукою и стал глядеть на эту дверь да на окно Лизы. В городе пробило полночь; в доме маленькие часики тонко прозвенели двенадцать; сторож дробно поколотил по доске. Лаврецкий ничего не думал, ничего не ждал; ему приятно было чувствовать себя вблизи Лизы, сидеть в её саду на скамейке, где и она сидела не однажды… Свет исчез в Лизиной комнате. «Спокойной ночи, моя милая девушка», – прошептал Лаврецкий, продолжая сидеть неподвижно и не сводя взора с потемневшего окна.

Вдруг свет появился в одном из окон нижнего этажа, перешёл в другое, в третье… Кто-то шёл со свечкой по комнатам. «Неужели Лиза? Не может быть!..» Лаврецкий приподнялся… Мелькнул знакомый облик, и в гостиной появилась Лиза. В белом платье, с нерасплетёнными косами по плечам, она тихонько подошла к столу, нагнулась над ним, поставила свечку и чего-то поискала; потом, обернувшись лицом к саду, она приблизилась к раскрытой двери и, вся белая, легкая, стройная, остановилась на пороге. Трепет пробежал по членам Лаврецкого.

– Лиза! – сорвалось едва внятно с его губ.

Она вздрогнула и начала всматриваться в темноту.

– Лиза! – повторил Лаврецкий громче и вышел из тени аллеи.

Лиза с испугом вытянула голову и пошатнулась назад: она узнала его. Он назвал её в третий раз и протянул к ней руки. Она отделилась от двери и вступила в сад.

– Вы? – проговорила она. – Вы здесь?

– Я… я… выслушайте меня, – прошептал Лаврецкий и, схватив её руку, повел её к скамейке.

Она шла за ним без сопротивления; её бледное лицо, неподвижные глаза, все её движения выражали несказанное изумление. Лаврецкий посадил её на скамейку и сам стал перед ней.

– Я не думал прийти сюда, – начал он, – меня привело… Я… я… я люблю вас, – произнёс он с невольным ужасом.

Лиза медленно взглянула на него; казалось, она только в это мгновение поняла, где она и что с нею. Она хотела подняться, не могла и закрыла лицо руками.

– Лиза, – произнёс Лаврецкий, – Лиза, – повторил он и склонился к её ногам…

Её плечи начали слегка вздрагивать, пальцы бледных рук крепче прижались к лицу.

– Что с вами? – промолвил Лаврецкий и услышал тихое рыдание. Сердце его захолонуло… Он понял, что значили эти слёзы. – Неужели вы меня любите? – прошептал он и коснулся её коленей.

– Встаньте, – послышался её голос, – встаньте, Фёдор Иваныч. Что мы это делаем с вами?

Он встал и сел подле неё на скамейку. Она уже не плакала и внимательно глядела на него своими влажными глазами.

– Мне страшно; что это мы делаем? – повторила она.

– Я вас люблю, – проговорил он снова, – я готов отдать вам всю жизнь мою.

Она опять вздрогнула, как будто её что-то ужалило, и подняла взоры к небу.

– Это всё в божьей власти, – промолвила она.

– Но вы меня любите, Лиза? Мы будем счастливы?

Она опустила глаза; он тихо привлёк её к себе, и голова её упала к нему на плечо… Он отклонил немного свою голову и коснулся её бледных губ.

Полчаса спустя Лаврецкий стоял уже перед калиткой сада. Он нашёл её запертою и принужден был перепрыгнуть через забор. Он вернулся в город и пошёл по заснувшим улицам. Чувство неожиданной, великой радости наполняло его душу; все сомнения в нём замерли. «Исчезни, прошедшее, тёмный призрак, – думал он, – она меня любит, она будет моя». Вдруг ему почудилось, что в воздухе над его головою разлились какие-то дивные, торжествующие звуки; он остановился: звуки загремели ещё великолепней; певучим, сильным потоком струились они, – и в них, казалось, говорило и пело всё его счастье. Он оглянулся: звуки неслись из двух верхних окон небольшого дома.

– Лемм! – вскрикнул Лаврецкий и побежал к дому. – Лемм! Лемм! – повторил он громко.

Звуки замерли, и фигура старика в шлафроке, с раскрытой грудью и растрёпанными волосами, показалась в окне.

– Ага! – проговорил он с достоинством, – это вы?

– Христофор Фёдорыч, что это за чудная музыка! Ради бога, впустите меня.

Старик, ни слова не говоря, величественным движением руки кинул из окна ключ от двери на улицу. Лаврецкий проворно вбежал наверх, вошёл в комнату и хотел было броситься к Лемму; но тот повелительно указал ему на стул, отрывисто сказал по-русски: «Садитесь и слушить»; сам сел за фортепьяно, гордо и строго взглянул кругом и заиграл. Давно Лаврецкий не слышал ничего подобного: сладкая, страстная мелодия с первого звука охватывала сердце; она вся сияла, вся томилась вдохновением, счастьем, красотою, она росла и таяла; она касалась всего, что есть на земле дорогого, тайного, святого; она дышала бессмертной грустью и уходила умирать в небеса. Лаврецкий выпрямился и стоял, похолоделый и бледный от восторга. Эти звуки так и впивались в его душу, только что потрясенную счастьем любви; они сами пылали любовью. «Повторите», – прошептал он, как только раздался последний аккорд. Старик бросил на него орлиный взор, постучал рукой по груди и, проговорив, не спеша, на родном своем языке: «Это я сделал, ибо я великий музыкант», – снова сыграл свою чудную композицию. В комнате не было свечей; свет поднявшейся луны косо падал в окна; звонко трепетал чуткий воздух; маленькая, бедная комнатка казалась святилищем, и высоко и вдохновенно поднималась в серебристой полутьме голова старика. Лаврецкий подошёл к нему и обнял его. Сперва Лемм не отвечал на его объятие, даже отклонил его локтём; долго, не шевелясь ни одним членом, глядел он всё так же строго, почти грубо, и только раза два промычал: «ага!» Наконец его преобразившееся лицо успокоилось, опустилось, и он, в ответ на горячие поздравления Лаврецкого, сперва улыбнулся немного, потом заплакал, слабо всхлипывая, как дитя.

– Это удивительно, – сказал он, – что вы именно теперь пришли; но я знаю, всё знаю.

– Вы всё знаете? – произнес с смущением Лаврецкий.

– Вы меня слышали, – возразил Лемм, – разве вы не поняли, что я всё знаю?

Лаврецкий до утра не мог заснуть; он всю ночь просидел на постели. И Лиза не спала: она молилась.

XLIV

На следующий день было воскресенье. Колокольный звон к ранней обедне не разбудил Лаврецкого – он не смыкал глаз всю ночь, – но напомнил ему другое воскресенье, когда он, по желанию Лизы, ходил в церковь. Он поспешно встал; какой-то тайный голос говорил ему, что он и сегодня увидит её там же. Он без шума вышел из дома, велел сказать Варваре Павловне, которая ещё спала, что он вернётся к обеду, и большими шагами направился туда, куда звал его однообразно-печальный звон. Он пришёл рано: почти никого ещё не было в церкви; дьячок на клиросе читал часы; изредка прерываемый кашлем, голос его мерно гудел, то упадая, то вздуваясь. Лаврецкий поместился недалеко от входа. Богомольцы приходили поодиночке, останавливались, крестились, кланялись на все стороны; шаги их звенели в пустоте и тишине, явственно отзываясь под сводами. Дряхлая старушонка в ветхом капоте с капюшоном стояла на коленях подле Лаврецкого и прилежно молилась; её беззубое, жёлтое, сморщенное лицо выражало напряжённое умиление; красные глаза неотвратимо глядели вверх, на образа иконостаса; костлявая рука беспрестанно выходила из капота и медленно и крепко клала большой широкий крест. Мужик с густой бородой и угрюмым лицом, взъерошенный и измятый, вошёл в церковь, разом стал на оба колена и тотчас же принялся поспешно креститься, закидывая назад и встряхивая голову после каждого поклона. Такое горькое горе сказывалось в его лице, во всех его движениях, что Лаврецкий решился подойти к нему и спросить его, что с ним. Мужик пугливо и сурово отшатнулся, посмотрел на него… «Сын помер», – произнес он скороговоркой и снова принялся класть поклоны… «Что для них может заменить утешения церкви?» – подумал Лаврецкий и сам попытался молиться; но сердце его отяжелело, ожесточилось, и мысля были далеко. Он всё ждал Лизы – но Лиза не приходила. Церковь стала наполняться народом; её всё не было. Обедня началась, дьякон уже прочитал евангелие, зазвонили к достойной; Лаврецкий подвинулся немного вперёд – и вдруг увидел Лизу. Она пришла раньше его, но он её не заметил; прижавшись в промежуточек между стеной и клиросом, она не оглядывалась, не шевелилась, Лаврецкий не свел с неё глаз до самого конца обедни: он прощался с нею. Народ стал расходиться, а она всё стояла; казалось, она ожидала ухода Лаврецкого. Наконец она перекрестилась в последний раз и пошла, не оборачиваясь; с ней была одна горничная. Лаврецкий вышел вслед за ней из церкви и догнал её на улице; она шла очень скоро, наклонив голову и спустив вуаль на лицо.

– Здравствуйте, Лизавета Михайловна, – сказал он громко, с насильственной развязностью, – можно вас проводить?

Она ничего не сказала; он отправился с ней рядом.

– Довольны вы мной? – спросил он её, понизив голос. – Вы слышали, что вчера произошло?

– Да, да, – проговорила она шёпотом, – это хорошо. И она пошла ещё быстрей.

– Вы довольны?

Лиза только головой кивнула.

– Фёдор Иваныч, – начала она спокойным, но слабым голосом, – я хотела вас просить: не ходите больше к нам, уезжайте поскорей; мы можем после увидеться – когда-нибудь, через год. А теперь сделайте это для меня; исполните мою просьбу, ради бога.

– Я вам во всём готов повиноваться, Лизавета Михайловна; но неужели мы так должны расстаться: неужели вы мне не скажете ни одного слова?..

– Фёдор Иваныч, вот вы теперь идёте возле меня… А уж вы так далеко, далеко от меня. И не вы одни, а…

– Договаривайте, прошу вас! – воскликнул Лаврецкий, – что вы хотите сказать?

– Вы услышите, может быть… но что бы ни было, забудьте… нет, не забывайте меня, помните обо мне.

– Мне вас забыть…

– Довольно, прощайте. Не идите за мной.

– Лиза, – начал было Лаврецкий…

– Прощайте, прощайте! – повторила она, ещё ниже спустила вуаль и почти бегом пустилась вперед.

Лаврецкий посмотрел ей вслед и, понурив голову, отправился назад по улице. Он наткнулся на Лемма, который тоже шёл, надвинув шляпу на нос и глядя себе под ноги.

Они молча посмотрели друг на друга.

– Ну, что скажете? – проговорил наконец Лаврецкий.

– Что я скажу? – угрюмо возразил Лемм. – Ничего я не скажу. Всё умерло, и мы умерли (Alles ist todt, und wir sind todt). Ведь вам направо идти?

– Направо.

– А мне налево. Прощайте.

На следующее утро Фёдор Иваныч с женою отправился в Лаврики. Она ехала впереди в карете, с Адой и с Жюстиной; он сзади – в тарантасе. Хорошенькая девочка всё время дороги не отходила от окна кареты; она удивлялась всему: мужикам, бабам, избам, колодцам, дугам, колокольчикам и множеству грачей; Жюстина разделяла её удивление; Варвара Павловна смеялась их замечаниям и восклицаниям. Она была в духе; перед отъездом из города О… она имела объяснение с своим мужем.

– Я понимаю ваше положение, – сказала она ему, – и он, по выражению её умных глаз, мог заключить, что она понимала его положение вполне, – но вы отдадите мне хоть ту справедливость, что со мной легко живётся; я не стану вам навязываться, стеснять вас; я хотела обеспечить будущность Ады; больше мне ничего не нужно.

– Да, вы достигли всех ваших целей, – промолвил Фёдор Иваныч.

– Я об одном только мечтаю теперь: зарыться навсегда в глуши; я буду вечно помнить ваши благодеяния…

– Фи! полноте, – перебил он её.

– И сумею уважать вашу независимость и ваш покой, – докончила она свою приготовленную фразу.

Лаврецкий ей низко поклонился. Варвара Павловна поняла, что муж в душе благодарил её.

На второй день к вечеру прибыли они в Лаврики; неделю спустя Лаврецкий отправился в Москву, оставив жене тысяч пять на прожиток, а на другой день после отъезда Лаврецкого явился Паншин, которого Варвара Павловна просила не забывать её в уединении. Она его приняла как нельзя лучше, и до поздней ночи высокие комнаты дома и самый сад оглашались звуками музыки, пенья и весёлых французских речей. Три дня прогостил Паншин у Варвары Павловны; прощаясь с нею и крепко пожимая её прекрасные руки, он обещался очень скоро вернуться – и сдержал своё обещание.

XLV

У Лизы была особая, небольшая комнатка во втором этаже дома её матери, чистая, светлая, с белой кроваткой, с горшками цветов по углам и перед окнами, с маленьким письменным столиком, горкою книг и распятием на стене. Комнатка эта прозывалась детской; Лиза родилась в ней. Вернувшись из церкви, где её видел Лаврецкий, она тщательнее обыкновенного привела всё у себя в порядок, отовсюду смела пыль, пересмотрела и перевязала ленточками все свои тетради и письма приятельниц, заперла все ящики, полила цветы и коснулась рукою каждого цветка. Всё это она делала не спеша, без шума, с какой-то умилённой и тихой заботливостью на лице. Она остановилась, наконец, посреди комнаты, медленно оглянулась и, подойдя к столу, над которым висело распятие, опустилась на колени, положила голову на стиснутые руки и осталась неподвижной.

Марфа Тимофеевна вошла и застала её в этом положении. Лиза не заметила её прихода. Старушка вышла на цыпочках за дверь и несколько раз громко кашлянула. Лиза проворно поднялась и отёрла глаза, на которых сияли светлые, непролившиеся слёзы.

– А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку, – промолвила Марфа Тимофеевна, низко наклоняясь к горшку с молодым розаном. – Как славно пахнет!

Лиза задумчиво посмотрела на свою тётку.

– Какое вы это произнесли слово! – прошептала она.

– Какое слово, какое? – с живостью подхватила старушка. – Что ты хочешь сказать? Это ужасно, – заговорила она, вдруг сбросив чепец и присевши на Лизиной кроватке, – это сверх сил моих: четвёртый день сегодня, как я словно в котле киплю; я не могу больше притворяться, что ничего не замечаю, не могу видеть, как ты бледнеешь, сохнешь, плачешь, не могу, не могу.

– Да что с вами, тётушка? – промолвила Лиза, – я ничего…

– Ничего? – воскликнула Марфа Тимофеевна, – это ты другим говори, а не мне! Ничего! А кто сейчас стоял на коленях? у кого ресницы ещё мокры от слёз?

Ничего! Да ты посмотри на себя, что ты сделала с своим лицом, куда глаза свои девала? – Ничего! разве я не всё знаю?

– Это пройдёт, тетушка; дайте срок.

– Пройдёт, да когда? Господи боже мой, владыко! неужели ты так его полюбила? да ведь он старик, Лизочка. Ну, я не спорю, он хороший человек, не кусается; да ведь что ж такое? все мы хорошие люди; земля не клином сошлась, этого добра всегда будет много.

– Я вам говорю, всё это пройдет, всё это уже прошло.

– Слушай, Лизочка, что я тебе скажу, – промолвила вдруг Марфа Тимофеевна, усаживая Лизу подле себя на кровати и поправляя то её волосы, то косынку. – Это тебе только так, сгоряча кажется, что горю твоему пособить нельзя. Эх, душа моя, на одну смерть лекарства нет! Ты только вот скажи себе: «Не поддамся, мол, я, ну его!» – и сама потом как диву дашься, как оно скоро, хорошо проходит. Ты только потерпи.

– Тётушка, – возразила Лиза, – оно уже прошло, всё прошло.

– Прошло! какое прошло! Вот у тебя носик даже завострился, а ты говоришь: прошло. Хорошо «прошло!»

– Да, прошло, тётушка, если вы только захотите мне помочь, – произнесла с внезапным одушевлением Лиза и бросилась на шею Марфе Тимофеевне. – Милая тётушка, будьте мне другом, помогите мне, не сердитесь, поймите меня…

– Да что такое, что такое, мать моя? Не пугай меня, пожалуйста; я сейчас закричу, не гляди так на меня; говори скорее, что такое!

– Я… я хочу… – Лиза спрятала своё лицо на груди Марфы Тимофеевны… – Я хочу идти в монастырь, – проговорила она глухо.

Старушка так и подпрыгнула на кровати.

– Перекрестись, мать моя, Лизочка, опомнись, что ты это, бог с тобою, – пролепетала она наконец, – ляг, голубушка, усни немножко; это всё у тебя от бессонницы, душа моя.

Лиза подняла голову, щёки её пылали.

– Нет, тётушка, – промолвила она, – не говорите так; я решилась, я молилась, я просила совета у бога; всё кончено, кончена моя жизнь с вами. Такой урок не даром; да я уж не в первый раз об этом думаю. Счастье ко мне не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня всё щемило. Я всё знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство наше нажил; я знаю всё. Всё это отмолить, отмолить надо. Вас мне жаль, жаль мамаши, Леночки; но делать нечего; чувствую я, что мне не житьё здесь; я уже со всем простилась, всему в доме поклонилась в последний раз; отзывает меня что-то; тошно мне, хочется мне запереться навек. Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мне, не то я одна уйду…

Марфа Тимофеевна с ужасом слушала свою племянницу.

«Она больна, бредит, – думала она, – надо послать за доктором, да за каким? Гедеоновский намедни хвалил какого-то; он всё врёт – а может быть, на этот раз и правду сказал». Но когда она убедилась, что Лиза не больна и не бредит, когда на все её возраженья Лиза постоянно отвечала одним и тем же, Марфа Тимофеевна испугалась и опечалилась не на шутку.

– Да ведь ты не знаешь, голубушка ты моя, – начала она её уговаривать, – какова

жизнь-то в монастырях! Ведь тебя, мою родную, маслищем конопляным зелёным кормить станут, бельище на тебя наденут толстое-претолстое; по холоду ходить заставят; ведь ты всего этого не перенесёшь, Лизочка. Это всё в тебе Агашины следы; это она тебя с толку сбила. Да ведь она начала с того, что пожила, и в своё удовольствие пожила; поживи и ты. Дай мне по крайней мере умереть спокойно, а там делай что хочешь. И кто ж это видывал, чтоб из-за эдакой из-за козьей бороды, прости господи, из-за мужчины в монастырь идти? Ну, коли тебе так тошно, съезди, помолись угоднику, молебен отслужи, да не надевай ты чёрного шлыка на свою голову, батюшка ты мой, матушка ты моя…

И Марфа Тимофеевна горько заплакала.

Лиза утешала её, отирала её слёзы, сама плакала, но осталась непреклонной. С отчаянья Марфа Тимофеевна попыталась пустить в ход угрозу: всё сказать матери… но и это не помогло. Только вследствие усиленных просьб старушки Лиза согласилась отложить исполнение своего намерения на полгода; зато Марфа Тимофеевна должна была дать ей слово, что сама поможет ей и выхлопочет согласие Марьи Дмитриевны, если через шесть месяцев она не изменит своего решения.

С наступившими первыми холодами Варвара Павловна, несмотря на своё обещание зарыться в глуши, запасшись денежками, переселилась в Петербург, где наняла скромную, но миленькую квартиру, отысканную для неё Паншиным, который ещё раньше её покинул О…скую губернию. В последнее время своего пребывания в О… он совершенно лишился расположения Марьи Дмитриевны; он вдруг перестал её посещать и почти не выезжал из Лавриков. Варвара Павловна его поработила, именно поработила: другим словом нельзя выразить её неограниченную, безвозвратную, безответную власть над ним.

Лаврецкий прожил зиму в Москве, а весною следующего года дошла до него весть, что Лиза постриглась в Б……м монастыре, в одном из отдалённейших краёв России.

Эпилог

Лаврецкий вышел из дома в сад, сел на знакомой ему скамейке – и на этом дорогом месте, перед лицом того дома, где он в последний раз напрасно простирал свои руки к заветному кубку, в котором кипит и играет золотое вино наслажденья, – он, одинокий, бездомный странник, под долетавшие до него весёлые клики уже заменившего его молодого поколения, оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердце, но не тяжело и не прискорбно: сожалеть ему было о чём, стыдиться – нечего. «Играйте, веселитесь, растите, молодые силы, – думал он, и не было горечи в его думах, – жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придётся, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть – и сколько из нас не уцелело! – а вам надобно дело делать, работать, и благословение нашего брата, старика, будет с вами. А мне, после сегодняшнего дня, после этих ощущений, остаётся отдать вам последний поклон – и, хотя с печалью, но без зависти, безо всяких тёмных чувств, сказать, в виду конца, в виду ожидающего бога: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!»

Лаврецкий тихо встал и тихо удалился; его никто не заметил, никто не удерживал; весёлые клики сильнее прежнего раздавались в саду за зелёной сплошной стеной высоких лип. Он сел в тарантас и велел кучеру ехать домой и не гнать лошадей.

«И конец? – спросит, может быть, неудовлетворённый читатель. – А что же ста-

лось потом с Лаврецким? с Лизой?» Но что сказать о людях, ещё живых, но уже сошедших с земного поприща, зачем возвращаться к ним? Говорят, Лаврецкий посетил тот отдалённый монастырь, куда скрылась Лиза, – увидел её. Перебираясь с клироса на клирос, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини – и не взглянула на него; только ресницы обращённого к нему глаза чуть-чуть дрогнули, только ещё ниже наклонила она своё исхудалое лицо – и пальцы сжатых рук, перевитые чётками, ещё крепче прижались друг к другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства… На них можно только указать – и пройти мимо.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Какое впечатление произвёл на вас прочитанный роман? Обоснуйте свой ответ.

2. Дайте характеристику Фёдору Лаврецкому. Какие автобиографические черты И.С. Тургенева вы можете найти в романе? Приведите примеры из текста.

3. Какова в вашем представлении Лиза? Как вы оцениваете её поступки и действия? Как вы относитесь к решению Лизы уйти в монастырь?

4. На первый взгляд, такие разные люди, такие разные судьбы. Что же сближает Лизу и Лаврецкого? Какие человеческие качества привлекают их друг в друге?

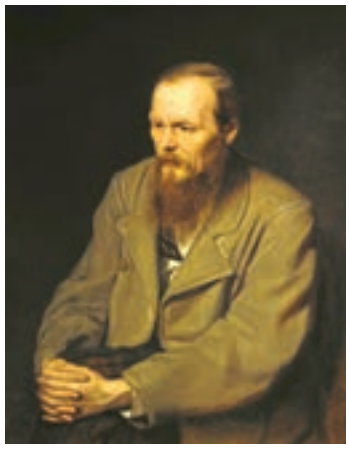
5. Лаврецкий и Лиза вполне заслуживают счастья – автор и не скрывает к ним симпатии. Но отчего с самого начала чтения романа нас не покидает предчувствие грустного финала?

Полный текст романа читайте здесь:

ГЛОССАРИЙ

Эпилог – заключительная часть, прибавленная к законченному художественному произведению и не обязательно связанная с ним неразрывным развитием действия. Как пролог представляет действующих лиц до начала действия или сообщает то, что ему предшествовало, так эпилог знакомит читателя с дальнейшей судьбой действующих лиц, заинтересовавших его в произведении. От послесловия в тесном смысле эпилог отличается тем, что первое может быть размышлением, тогда как эпилог – всегда рассказ. Типичные эпилоги – иногда без особого заглавия – заканчивают романы Тургенева.

«Лишние люди» – условное название ряда разнородных героев, наделённых сознанием собственной бесполезности, страдающих от отсутствия ясной цели в жизни, осознающих свою «социальную ненужность». «Лишний человек» в русской литературе XIX века представлен как национально-своеобразное явление большой социальной значимости. 60-е гг. XIX века внесли коренные изменения в иерархию литературных героев. Необходимым условием «полезности» становится включение личности в реальную общественную практику.

ФЁДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ
1821-1881

Во всём есть черта, за которую перейти опасно; ибо, раз переступив, воротиться назад невозможно.

Ф.М. Достоевский

Фёдор Михайлович Достоевский принадлежит к числу великих русских писателей-реалистов XIX века. Его произведения не только оказали огромное влияние на развитие мировой литературы, но и оставили глубокий след в духовном развитии человечества.

Родился Ф.М. Достоевский в Москве в семье врача Мариинской больницы для бедных. Первоначальным обучением детей в семье занимались родители и приходящие учителя. В 1833 году Достоевский вместе с братом Михаилом был отдан в Московский пансион, после окончания которого, весной 1837 года, отец отвёз Михаила и Фёдора в Петербург для поступления в Главное Инженерное училище.

По состоянию здоровья Михаил не прошёл медицинскую комиссию. Благодаря покровительству богатых родственников, его удалось пристроить в школу инженерных юнкеров. Фёдор же успешно сдал экзамены в Инженерное училище. Это было одно из лучших учебных заведений России, из стен которого вышли известные писатели, врачи и государственные деятели.

Достоевский преуспевал в науках, но ему совершенно не давалась военная муштра. Среди сверстников в училище он держался особняком, предпочитая общению с ними чтение книг. Здесь он на собственном опыте пережил трагедию души «маленького человека». Начальники училища охотно брали взятки от богатых родителей, а их дети пользовались всяческими привилегиями. Достоевский же в этом кругу выглядел изгоем и часто испытывал обиды и унижения, уколы уязвлённого самолюбия. Впрочем, это продолжалось недолго, вскоре к Достоевскому пришло уважение сверстников и преподавателей. В училище убедились, что Фёдор – человек незаурядного ума, больших творческих способностей. А это всегда высоко ценилось в училище. Годы учёбы были для Достоевского временем напряженной внутренней работы. «Я в себе уверен, – писал он брату Михаилу. – Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком».

В июле 1839 года скоропостижно скончался отец. Горе усугублялось слухами, что якобы он умер не своей смертью, а его убили мужики за крутой нрав. Это известие настолько потрясло Достоевского, что с ним впервые случился припадок – предвестник эпилепсии, которая будет мучить писателя до самой смерти.

В 1843 году Достоевский окончил училище и был зачислен на службу в Инженерный департамент, но через год вышел в отставку. Его настойчиво манила, звала к себе литература.

«Бедные люди»

В 1845 году Достоевский закончил работу над своим первым романом «Бедные люди», встретившим восторженный приём со стороны передовой писательской общественности – Некрасова, Григоровича и особенно Белинского.

В своём романе Достоевский стремился показать правдивую картину жизни столичной бедноты, «бедных людей», населяющих доходные дома Петербурга.

Макар Девушкин, Варенька Добросёлова, студент Покровский, чиновник Горшков воплощают человечность, душевную красоту. Они противостоят миру «преуспевающих хозяев жизни» – богатому дельцу Быкову, сводне Анне Фёдоровне, ростовщику Маркову.

Сам герой Макар Девушкин – человек большого сердца, необычайной доброты. Ему чужды какое-либо своекорыстие и эгоизм. Он прекрасно понимает, что нищета доводит до унижения. Чтобы помочь Вареньке, попавшей в трудное положение, Макар идёт на лишения и жертвы. Однако его самоотверженность, попытки облегчить участь ближнего своего носят пассивный характер. Добрые свойства человеческой природы сами по себе не способны изменить положение вещей, определяемое всем социальным укладом. Доброта Девушкина, его сострадание не приносят счастья ни ему самому, ни Вареньке, которая всё-таки вынуждена выйти замуж за грубого эгоиста Быкова и обречь себя на ещё более безрадостную жизнь.

В «Бедных людях» Достоевский выступает как художник социальных обобщений, видящий пороки и несправедливость существующего общественного уклада, ищущий социальной справедливости.

«Бедные люди» – роман в письмах. Эпистолярная форма повествования позволила писателю как бы скрыть своё авторское лицо за персонажами. Простодушная правдивость и чувствительность, отличающая слог писем Девушкина, с обилием ласкательных и уменьшительных слов и суффиксов («маточка», «уголочек занавески», «к горшочку с бальзаминчиком») отражает состояние души робкого, нежного, легкоранимого человека.

Этот роман открыл целый цикл произведений Достоевского о жизни различных слоёв населения Петербурга: повести «Двойник», «Роман в девяти письмах», «Господин Прохарчин», «Ползунков», «Белые ночи».

Творчество Достоевского в 40-е годы проходило под сильнейшим влиянием Белинского, принявшего живое участие в судьбе молодого писателя. Однако вскоре наметились серьёзные разногласия. Достоевский считал, что Белинский видит в литературе средство для решения насущных проблем современности. По его мнению, задачи, стоящие перед литературой, гораздо глубже и шире, она призвана проникнуть в тайники сознания человека и понять, что мешает ему обрести собственное достоинство. Особенно непримиримо относился Достоевский к атеизму великого критика.

С 1847 года Достоевский становится постоянным посетителем кружка Петрашевского. На собраниях обсуждались политические, философские и социально-экономические вопросы, спорили об учениях социалистов-утопистов – Фурье и Сен-Симона, выдвигалась программа демократических преобразований в России.

В ночь с 22 на 23 апреля 1849 года по личному приказу Николая I все члены кружка Петрашевского были арестованы и заключены в Петропавловскую кре-

пость. Восемь месяцев провёл Достоевский в казематах Алексеевского равелина. Военный суд признал его виновным и приговорил к расстрелу.

22 декабря 1849 года над петрашевцами, получившими смертный приговор, был совершён обряд подготовки к казни, и только в последнюю минуту им сообщили, что расстрел заменён каторжными работами. Достоевский был осуждён на четыре года каторги с последующим определением в солдаты. Наказание писатель отбывал в Омской каторжной тюрьме, а затем в Сибирском линейном батальоне, расквартированном в Семипалатинске.

Отбывая наказание, Достоевский много размышлял над формой своих будущих произведений. После долгих хлопот о праве жить в столице Достоевский вернулся в Петербург.

Россия в этот период переживала мощный подъём антикрепостнических настроений и выступлений, связанный с подготовкой и проведением крестьянской реформы.

Свои мысли по вопросам общественной жизни и литературы Достоевский изложил в журнале «Время», который начал издавать с 1861 года вместе с братом Михаилом.

В ряде статей говорилось, что реформы Петра I, несмотря на их прогрессивность, явились причиной образования пропасти между низшим и образованным сословиями, произошёл отрыв культурных слоёв общества от народной почвы. Настало время преодолеть этот разрыв. По мнению Достоевского, образованная часть общества должна слиться с народом, поделиться своими знаниями, приобщить его к культуре, а самим, в свою очередь, воспринять от народа высокие моральные нравственные устои его жизни: идеи добра и справедливости, способность сопереживания чужому горю, стремление помогать друг другу.

«Преступление и наказание»

Роман открывает такие тайны жизни и характеров на Руси, которые до него и не снились никому… Это первая попытка у нас социального романа, и сделанная притом так, как делают обыкновенно художники, то есть не подозревая и сами, что у них выходит.

В.Г. Белинский

Над романом Фёдор Михайлович работал в 1865-1866 годах, и сразу после завершения он был опубликован в популярном журнале «Русский вестник». Реакция на произведение была весьма неоднозначной, от резкого неприятия до бурного восхищения.

«Преступление и наказание» относится к психологическому и философскому роману. Сам Достоевский называл своё

детище «психологическим отчётом одного преступления». Это уникальное литературное произведение, в котором искусно переплетены детективная, криминальная, социальная, психологическая, философская и любовная составляющие. В нём гармонично сочетаются пугающая реальность обыденной жизни и фантастика, представленная снами Раскольникова.

«Преступление и наказание» – одно из самых сложных и совершенных произведений. Это проблемный роман, подобного которому раньше не было ни в русской, ни в мировой литературе. Достоевский пытался решить в нём множество проблем: от социальных и нравственных до философских.

Бедный студент Родион Раскольников совершил преступление, убив старуху-процентщицу. Но Раскольников не просто убийца, и речь идёт не об обычном уголовном преступлении. Он убил старуху не ради своего обогащения и даже не для того, чтобы помочь матери и сестре. Это преступление явилось следствием трагических обстоятельств окружающей действительности, результатом размышлений героя о собственной судьбе и судьбе всех «униженных и оскорблённых», о несовершенстве социальных и нравственных законов, по которым живёт человечество.

Жизнь, по мнению Раскольникова, – клубок неразрешимых противоречий. Повсюду он видит картины нищеты, бесправия, унижения человеческого достоинства. На каждом шагу ему встречаются люди, которым некуда деться. Да и сам герой находится не в лучшем положении. Живёт он впроголодь, ютится в жалкой каморке, крошечной клетушке длиной в несколько шагов, с жёлтыми, пыльными, отставшими от стены обоями и низким давящим потолком. Эта каморка – прообраз огромной, но столь же душной «каморки» большого города.

Теснота, скученность людей «на аршине пространства» вызывает чувство духовного одиночества человека в толпе. Люди здесь относятся друг к другу с подозрением и недоверием, их объединяют только злорадство и любопытство к чужим несчастьям. Мармеладов рассказывает потрясающую историю своей жизни под пьяный хохот и насмешки посетителей распивочной; сбегаются на скандал жильцы дома, в котором живёт Катерина Ивановна.

Достоевский воссоздал глазами Раскольникова особое, преступное состояние мира, в котором право существования покупается ценой постоянных сделок с совестью. Герою романа кажется, что существующие законы вечны и неизменны, что человеческую природу никогда и ничем не исправить. Опираясь на примеры, взятые из истории, он приходит к выводу, что все люди делятся на «необыкновенных», которым «всё позволено», и «обыкновенных», которые должны терпеть и покоряться. «... Люди, – говорит Раскольников следователю Порфирию Петровичу, – по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший, то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово».

Поделив людей на две категории, Раскольников сталкивается с вопросом, к какой из них принадлежит он сам: «... Вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею?» Убийство старухи-процентщицы – это самопроверка героя: выдержит ли он идею о праве сильной личности на кровь, является ли

он избранным, исключительным человеком? В разговоре с Сонечкой Мармеладовой Раскольников объясняет причину, толкнувшую его на преступление: «Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного; а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне в ту минуту, всё равно должно было быть!»

Характер Раскольникова противоречив. Он весь в сомнениях и колебаниях. Особое место в романе занимает образ Сони Мармеладовой, который преследует его, на каждом шагу встречает он подобных ей отверженных и страдающих. Размышляя об участи своей сестры, Раскольников восклицает: «Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит!».

Судить Раскольникова по совести может только Сонечка. И это суд любовью, состраданием и человеческой чуткостью.

Судьба Сонечки полностью опровергает взгляд Раскольникова-теоретика на окружающий мир. Перед ним не «тварь дрожащая» и не смиренная жертва обстоятельств. К Сонечке не липнет «грязь обстановки убогой». В условиях, казалось бы, совершенно исключающих добро и человечность, она находит свет и выход, достойный нравственного существа человека и не имеющего ничего общего с индивидуалистическим бунтом Раскольникова. Существует различие между стремлением к добру через допущение зла по отношению к другим и добровольным самопожертвованием во имя сострадательной любви к ближним. «Ведь справедливее, – восклицает Раскольников, – тысячу раз справедливее и разумнее было бы прямо головой в воду и разом покончить!» – «А что будет?» – слабо спросила Соня, страдальчески взглянув на него, но вместе с тем как бы вовсе не удивившись его предложению... И тут только понял он вполне, что значили для неё эти бедные, маленькие дети-сироты и эта жалкая полусумасшедшая Катерина Ивановна, с своею чахоткой и со стуканьем об стену головой».

Известный русский исследователь М.М. Бахтин отметил, что роман Достоевского «Преступление наказание» обладает новаторской структурой. Это полифонический роман, в котором постоянно слышны многие голоса, мнения, идеи. Именно такое построение позволяет автору сделать роман живым, напряжённым, психологичным.

Есть немало писателей, слава которых оказалась быстротечной и непонятной потомкам. И наоборот, есть великие художники и мыслители, значение которых со временем не только не уменьшается, но и раскрывается по-настоящему в более широкой и сложной жизни другого столетия. К ним относится и Фёдор Михайлович Достоевский.

Когда-то мир, нарисованный в «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Братьях Карамазовых», казался современникам писателя искусственным и фантастическим, характеры – исключительными, неправдоподобными. История внесла в эти представления свои поправки. Теперь характеры и судьбы героев Достоевского кажутся во многом пророческими.

Достоевский показал затерянность человека в огромном городе, с его жестокостью, равнодушием и мелочной суетой. Современникам казалось, что он сгущает краски, рисуя трущобы Петербурга и их обитателей.

Достоевский создал новый в литературе XIX века тип трагического героя. Это человек, одарённый умом и волей, но сохранивший детскую наивность (как у героев сред-

невекового эпоса). Наивен не только князь Мышкин, которого считают «идиотом», но и Раскольников. Все герои на опыте убеждаются в односторонности своей идеи (она отражает одну сторону правды) и несут наказание за попытку эксперимента. Достоевский разоблачает благодетелей человечества, навязывающих обществу свои идеалы, не опирающиеся на народные, христианские моральные принципы. Достоевский полагал, что народ имеет право на своё слово в истории. Именно он – её настоящий творец. Отвергая революционные методы, Достоевский исходил из конкретного опыта народной жизни: ни одна революция не принесла счастья.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Живущий в маленькой каморке Раскольников вообразил себя Наполеоном. Какие детали интерьера, по-вашему, способствовали созданию его теории?
2. В чём явное и скрытое значение фамилий, имён героев романа? (Родион Романович Раскольников, Порфирий Петрович, Соня (София), Мармеладов, Лужин).
3. Найдите портрет героя. На каком приёме строится описание?
4. Прочитайте описание старухи-процентщицы. Какое общее впечатление она производит? Найдите говорящие детали, которые создают это впечатление.
5. Обратите внимание на портрет Мармеладова. Выделите в описании отрицательные и положительные черты. Найдите детали, которые говорят о его бедственном положении.
6. Зачитайте строчки, рисующие состояние Раскольникова перед прочтением письма от матери. Каково состояние Раскольникова после прочтения письма? Как вы думаете, в чём внутренняя связь между исповедью Мармеладова и письмом от матери?

ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА

Напишите эссе «Проблема добра и зла в романе «Преступление и наказание».

«Бесы»

Достоевский задумал роман «Бесы» (1872) как памфлет против прозападной интеллигенции. Однако со временем произведение в его глазах становилось всё глубже и глубже, занимая место в одном ряду с его самыми известными творениями.

Изначально «Бесы» должны были стать частью единого романа-эпопеи, но из-за финансовых проблем автор не смог воплотить свой замысел. Его постоянный издатель Катков поставил жесткие условия, предусматривающие регулярную работу писателя. Только такой ценой ему давались щедрые авансы. И вместо большого романа автор выпустил пять книг: «Подросток», «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Идиот».

«Бесы» относятся к реалистическому направлению в литературе. В своей книге автор стремится к натуралистичному отображению действительности. Созданные им образы, ситуации и диалоги близки к реальности. Читатель может поверить, что описанная в романе ситуация могла произойти в действительности.

Повествование охватывает длительный промежуток времени. Задействовано большое количество персонажей. Многочисленные детали подчёркивают и дополняют атмосферу и колорит романа.

В некий губернский городок прибывает группа молодых людей прогрессивных взглядов, которыми руководит Пётр Верховенский. Приезжие мгновенно заражают город атмосферой всеобщего нигилизма и управляют местным светским обществом, как им угодно. Их проделки, слова и поведение ставят в тупик местные власти, ведь в этой компании сам Николай Ставрогин (сын и наследник богатейшей помещицы).

Оказывается, что Верховенский задумал создать революционную группу, посеять смуту в народе и разжечь пламя мятежа. Он пытается склонить к сотрудничеству сына местной помещицы – Ставрогина, с которым имел давнее знакомство, а также заставляет своих единомышленников убить Шатова, осознавшего губительность замыслов Верховенского. Вину за убийство взял на себя застрелившийся фанатик – нигилист Кириллов. В итоге замыслы революционеров терпят поражение, членов ячейки арестовывают, а сам Верховенский сбегает. Однако урон от его деятельности всё же был. В городе временно разгорелись беспорядки, было жестоко убито несколько человек, Ставрогин под грузом вины покончил жизнь самоубийством, а родной отец Верховенского умер от болезни и нервного перенапряжения.

В романе представлен взгляд Достоевского на общественные процессы в русском обществе второй половины XIX века. Писатель показал то разложение, которому подвергается молодёжь, осудил самые радикальные проявления нигилизма и распущенности. В этом и состоит основная идея романа «Бесы».

Главная мысль автора – показать молодёжи, в чём заключается настоящая свобода личности. По его мнению, в душе каждого из нас скрыт Богочеловек, в каждом из нас горит искра добра и чистоты. Но как только мы пытаемся заменить его сверхчеловеком, которому всё позволено, то свобода уступает место рабству. Достоевский показывает судьбы всех идей раздвоенного сознания главного героя: сверхчеловек Кириллов убивает себя, Шатов теряет себя и становится жертвой идеи Верховенского, который только и думает, что о роли Николая в грядущем перевороте. Шигалев тоже становится заложником идеи о разрушении всего и вся.

«Подросток»

Роман «Подросток» был задуман Достоевским в 1871 году, о чём сообщил Катков, издатель «Русского вестника», которому Достоевский рассказал сюжет романа. По мере написания в журнале «Отечественные записки» издавались части романа. Отдельным изданием роман вышел в 1876 г.

Замысел Достоевского первоначально состоял в том, чтобы написать большой роман, объёмом с «Войну и мир». Роман должен был состоять из пяти повестей и называться «Житие великого грешника».

На роль великого грешника предназначался Версилов. Он должен был иметь автобиографические черты самого Достоевского, пройти путь от атеизма, через веру и сектантство снова вернуться к атеизму. Великим грешником может считаться и сам подросток, и его юридический отец Макар Долгорукий.

Основной причиной всех бед Достоевский видит человеческую гордость, назван-

ную «высочайшей, дьявольской», которая впоследствии облекается в слова Аркадия: «Нет мне судьи». Другая черта, прописанная ещё в набросках – высокие требования, которые герои «хищного типа» предъявляют к себе самим, никому не давая отчёта.

Первоначальное название романа «Беспорядок» Достоевский меняет вместе с формой повествования (не от автора, а от первого лица), выбором героя, названного в черновиках «мальчик». Этот девятнадцатилетний вчерашний гимназист считает себя великим грешником.

«Подросток» – реалистический роман, в котором Достоевский, как в зеркале, отразил не только типичные характеры отца и сына, но и проблемы общества, в том числе и нравственные.

Достоевский поднимает актуальную во все времена проблему отцов и детей, причём не только в отдельной семье Версилова, но и в обществе в целом. К этой проблеме примыкает проблема воспитания.

Общественная проблематика романа проистекает из темы, которую сам Достоевский указал: «О будущем России – детях». Тенденции негативных изменений, обозначенных как проблемы романа, он выискивал в газетах, журналах и хрониках: общественный «беспорядок», который является следствием душевной неупорядоченности, «хроника случайного семейства», противопоставленная Достоевским историям семейств, чтящих традиции и берегущих «честь»: «Капитанская дочка» Пушкина, «Война и мир» Толстого.

В основе общественных проблем лежат нравственные. Хаос в сознании главного героя, подростка, связан с его нравственным несовершенством, которое приводит к тому, что этот великий грешник пускается во все тяжкие, чтобы затем преобразиться через исповедь.

Важнейшая проблема в эстетике Достоевского – идея спасающей красоты, которая очищает безгрешную душу, уже прикоснувшуюся к пороку. Подросток любуется им, созерцание прекрасного образа приводит к одномоментной внутренней перемене в человеке, в крайнем случае, образ прекрасного накапливается – и человек преображается.

Ещё одна проблема романа, проходящая через творчество Достоевского – двойственность красоты, которая может быть нравственной, подлинной, безнравственной, ложной. Безнравственность приводит к тому, что помутневшее сердце не способно различать добро и зло, этически оценивать эстетическое – красоту, которая становится страшной силой.

Как семейная хроника роман имеет основную любовную сюжетную линию: отношения Версилова с женой и Ахмаковой. С этой сюжетной линией тесно связана линия главного героя, его сына, в душе которого соединяются любовь и ненависть к отцу. Кроме того, Аркадий как подросток во всём зависит от Версилова. Беспорядок в душе Версилова передаётся не только сыну, но и дочерям, которые сумбурно строят свои отношения с Сокольским-младшим (Лиза) и Сокольским-стариком (Анна Андреевна). Все второстепенные герои тоже оказываются втянуты в интриги семейства Версиловых, хаос приходит и в их жизнь, распространяется на всё общество.

Роман «Подросток» считается одним из самых динамичных и насыщенных событиями романов Достоевского.

«Братья Карамазовы»

«Братья Карамазовы» (1879–1880) по своему жанру – это социально-психологический роман. Положив в основу своего произведения изображение конкретной социальной среды и сложных человеческих характеров, Достоевский попытался связать их с решением всемирных проблем, имеющих общечеловеческое значение.

В центре романа – история семьи Карамазовых, семьи разлагающейся, в которой даже ближайшие родственники ненавидят друг друга и становятся смертельными врагами.

Современное общество, по мнению Достоевского, заражено тяжёлой духовной болезнью – «карамазовщиной», суть которой заключается в отрицании всего святого: «Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна, – признается Смердяков. – В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского... и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с». «Смердяковщина» – лакейский вариант «карамазовщины» – наглядно демонстрирует суть этой болезни: извращённую любовь к унижению, к надругательству над самыми светлыми сторонами жизни.

Главным носителем «карамазовщины» является Фёдор Павлович. Подлость, корыстолюбие и алчность, цинизм и плотские удовольствия являются характерными чертами его натуры. Он испытывает глубокое наслаждение от постоянного унижения истины, добра и красоты. Где-то в глубине души у него есть и нечто человеческое. Он по-своему любит жизнь и способен на сильное чувство к Грушеньке. Но и эти добрые начала приобретают у него уродливые формы.

У Фёдора Павловича четыре сына: три родных (Дмитрий, Иван, Алексей) и один незаконнорождённый – Смердяков, прижитый от юродивой Лизаветы Смердящей. Родные сыновья были брошены отцом в раннем детстве на произвол судьбы. Став взрослыми, они возненавидели своего отца.

Старший, Дмитрий, – человек с необузданным характером, очень самолюбивый и одновременно добрый и великодушный. В нём сочетаются добро и зло, благородство и низость. Отца Дмитрий ненавидит, считая, что тот ограбил его и мешает добиться благосклонности Грушеньки. И очень часто в раздражении Митя грозится убить отца. Преступления он не совершил. Однако Дмитрий осознает свою вину уже потому, что у него могла возникнуть мысль об убийстве. Он приходит к выводу, что идея отцеубийства могла зародиться только в жестоком и несправедливом мире, поэтому виноват не только он, а все виноваты за всех и во всём. Постепенно он начинает осознавать свою ответственность за происходящее в окружающем мире и необходимость самому исправить зло. Он решает пострадать за всех, потому что все виноваты: «За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти. Я не убил отца, но мне надо пойти. Принимаю!.. Да здравствует Бог и Его радость! Люблю Его!». Здесь чётко обозначена идея писателя об очищающем страдании, через которое можно вновь обрести Бога.

Дмитрию во многом противопоставлен брат Иван – мыслитель и философ, стремящийся понять смысл жизни. Как истинный Карамазов он любит жизнь.

И в то же время не приемлет мир, созданный Богом: «Я не Бога не принимаю, я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять». Он допускает, что когда-нибудь люди, испытав страдания, простят друг друга и установится «вечная гармония». Однако, по его мнению, никакая гармония не может быть искуплена ценой мук, страданий и слёз, и прежде всего ценой страданий невинных детей. «Я не хочу, чтобы страдали большие, – говорит Иван Алёше. – И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены».

Иван ставит под сомнение существование Бога. В его рассуждениях заключена мысль о том, что в мире никогда не будет справедливости, что никогда человечество не будет счастливо, так как гармонию и счастье нельзя купить ценой горя и зла, которые должны перенести люди, стремясь к этой гармонии.

Бунт Ивана – бунт индивидуалиста. Не веря в мировую гармонию и не желая её («Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу»), он освобождает себя от всех нравственных норм и делает вывод, что «всё позволено». Однако Иван – теоретик и не способен действовать, не способен совершить преступление. Он ненавидит отца и брата Митю, хочет, чтобы «один гад съел другую гадину», но на убийство решиться не может. Тем не менее, его теория «вседозволенности» находит отклик в душе озлобленного лакея Смердякова. Иван знает, что Смердяков собирается убить отца, но не пытается помешать ему, тем самым как бы поощряя преступление и становясь его соучастником.

Убийство Фёдора Павловича – следствие философской, рассудочной «карамазовщины» Ивана, результат безверия и нигилизма.

Особая роль в романе отведена младшему из братьев – Алексею. Воспитанный старцем Зосимой, который учил его «высшей правде жизни», Алёша – образец кротости, смирения, нравственной чистоты и любви к ближнему своему. Он тоже Карамазов, но стремится преодолеть в себе «карамазовщину». Алёша пытается примирить людей, помочь им найти себя, обрести душевное равновесие и покой. К нему тянутся все страждущие и обиженные, особенно любят Алёшу дети. Именно к ним обращается он в конце романа, призывая всегда быть «добрыми, смелыми и честными». В этих словах автор романа выразил надежду на молодое поколение.

Роман «Братья Карамазовы» явился свидетельством упорных поисков Достоевским ответов на важнейшие вопросы человеческого бытия, размышлений о путях развития и преобразования общества.

«Идиот»

Над романом «Идиот» Достоевский работал в 1867-1869 годах. Произведение наиболее полно отразило нравственно-философскую позицию автора и его художественные принципы периода 1860-х годов. Роман написан в традициях русского реализма.

Автор затрагивает темы религии, смысла жизни, любви как между мужчиной и женщиной, так и ко всему человечеству. Достоевский изображает нравствен-

ное разложение русской интеллигенции и дворянства, показывает, что ради денег люди готовы пойти на что угодно, переступив через любую мораль – именно такими и видит автор представителей нового поколения.

«Идея романа – моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за неё... Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого ничего нет на свете», – писал Достоевский.

Носителем «положительно-прекрасного» идеала в романе является князь Мышкин. Достоевский создал своего «положительно-прекрасного человека», когда его ещё не было в действительности, когда такой идеал ещё не выработался. С этим связана некоторая условность в обрисовке формирования характера князя. Читатель узнаёт только о его тяжелом психическом заболевании, которое он одолел в Швейцарии, долгое время живя вне цивилизации, вдали от людей.

У князя Мышкина особая миссия – исцелять поражённые эгоизмом души людей.

В общении с окружающими князь Мышкин не признает никаких сословных разграничений. Люди, не принимающие проповедуемые князем истины, считают его «идиотом», в то же время тянутся к нему, потому что видят в нём сохранённую чистоту нравственности, которую сами давно утратили.

В отличие от других, Мышкин по-своему реагирует на унижения и обиды. Получив пощёчину от Ганечки Иволгина, он тяжело переживает, но не за себя, а за Ганечку: «О, как вы будете стыдиться своего поступка!» Мышкин глубоко верит в то, что человек, пытающийся унизить другого человека, унижает в первую очередь себя самого.

Видное место в романе занимает тема красоты. По мнению Достоевского, красота несёт душе очищение и возможность совершенствования. Писатель убеждён, что «мир красотой спасётся». Об этом говорит в романе и князь Мышкин.

Однако земная красота не всегда может противостоять злу, и сама оказывается погубленной. Тема поруганной красоты глубоко и убедительно раскрыта в образе Настасьи Филипповны. Женщина удивительной красоты и внутренней чистоты, она неизмеримо выше окружающих её людей. Князь Мышкин явился первым человеком, который понял всю глубину её душевных мук. И Настасья Филипповна потянулась к нему, полагая, что он может спасти, защитить её. Но Мышкин мог предложить ей лишь любовь-жалость, любовь-сострадание. Такую любовь она принять не может, так как не считает себя вправе воспользоваться великодушием князя.

Утверждая, что «красота спасёт мир», Достоевский имел в виду не внешнюю красоту. Истинная красота, по мнению писателя, состоит в духовной чистоте и преданности христианским идеалам смирения, сострадания и любви.

Роман «Идиот» – это роман-трагедия. Спасая мир, Мышкин провоцирует катастрофу, ибо люди, отравленные эгоизмом, и благотворны, и опасны. Секундные исцеления в этих людях сменяются вспышками ещё более исступлённой гордости. Своим влиянием князь и пробуждает сердечность, и обостряет противоречия больных тщеславных душ. Проповедь христианской любви и согласия терпит крах. Она оказалась бессильной перед миром злобы, лицемерия, разнузданных страстей и жажды наживы. Однако обострение противоречий в захваченных

эгоизмом душах людей свидетельствует, что души их к добру неравнодушны. Прежде чем добро восторжествует, неизбежна напряжённая, и даже трагическая борьба со злом в сознании людей. Духовная смерть Мышкина (потеря рассудка) наступает лишь тогда, когда он в меру своих сил и возможностей целиком отдал себя людям, заронив в их сердца семена добра.

ИДИОТ

(Фрагменты)

III

Генерал, Иван Фёдорович Епанчин, стоял посреди своего кабинета и с чрезвычайным любопытством смотрел на входящего князя, даже шагнул к нему два шага. Князь подошёл и отрекомендовался.

– Так-с, – отвечал генерал, – чем же могу служить?

– Дела неотлагательного я никакого не имею; цель моя была просто познакомиться с вами. Не желал бы беспокоить, так как я не знаю ни вашего дня, ни ваших распоряжений… Но я только что сам из вагона… приехал из Швейцарии…

Генерал чуть-чуть было усмехнулся, но подумал и приостановился; потом ещё подумал, прищурился, оглядел ещё раз своего гостя с ног до головы, затем быстро указал ему стул, сам сел несколько наискось и в нетерпеливом ожидании повернулся к князю. Ганя стоял в углу кабинета, у бюро, и разбирал бумаги.

– Для знакомств вообще я мало времени имею, – сказал генерал, – но так как вы, конечно, имеете свою цель, то…

– Я так и предчувствовал, – перебил князь, – что вы непременно увидите в посещении моём какую-нибудь особенную цель. Но ей-богу, кроме удовольствия познакомиться, у меня нет никакой частной цели.

– Удовольствие, конечно, и для меня чрезвычайное, но не всё же забавы, иногда, знаете, случаются и дела… При том же я никак не могу, до сих пор, разглядеть между нами общего… так сказать причины…

– Причины нет, бесспорно, и общего, конечно, мало. Потому что, если я князь Мышкин и ваша супруга из нашего рода, то это, разумеется, не причина. Я это очень понимаю. Но однако ж весь-то мой повод в этом только и заключается. Я года четыре в России не был, слишком; да и что я выехал: почти не в своем уме! И тогда ничего не знал, а теперь ещё пуще. В людях хороших нуждаюсь; даже вот и дело одно имею и не знаю, куда сунуться. Ещё в Берлине подумал: «Это почти родственники, начну с них; может быть, мы друг другу и пригодимся, они мне, я им, – если они люди хорошие». А я слышал, что вы люди хорошие.

– Очень благодарен-с, – удивлялся генерал, – позвольте узнать, где остановились?

– Я ещё нигде не остановился.

– Значит, прямо из вагона ко мне? И… с поклажей?

– Да со мной поклажи всего один маленький узелок с бельём, и больше ничего; я его в руке обыкновенно несу. Я номер успею и вечером занять.

– Так вы всё ещё имеете намерение номер занять?

– О да, конечно.

– Судя по вашим словам, я было подумал, что вы уж так прямо ко мне.

– Это могло быть, но не иначе, как по вашему приглашению. Я же, признаюсь, не остался бы и по приглашению, не почему-либо, а так… по характеру.

– Ну, стало быть, и кстати, что я вас не пригласил и не приглашаю. Позвольте ещё, князь, чтоб уж разом всё разъяснить: так как вот мы сейчас договорились, что насчёт родственности между нами и слова не может быть, – хотя мне, разумеется, весьма было бы лестно, – то, стало быть…

– То, стало быть, вставать и уходить? – приподнялся князь, как-то даже весело рассмеявшись, несмотря на всю видимую затруднительность своих обстоятельств. – И вот, ей богу же, генерал, хоть я ровно ничего не знаю практически ни в здешних обычаях, ни вообще, как здесь люди живут, но так я и думал, что у нас непременно именно это и выйдет, как теперь вышло. Что ж, может быть оно так и надо… Да и тогда мне тоже на письмо не ответили… Ну, прощайте и извините, что обеспокоил.

Взгляд князя был до того ласков в эту минуту, а улыбка его до того без всякого оттенка хотя бы какого-нибудь затаённого неприязненного ощущения, что генерал вдруг остановился и как-то вдруг другим образом посмотрел на своего гостя; вся перемена взгляда совершилась в одно мгновение.

– А знаете, князь, – сказал он совсем почти другим голосом, – ведь я вас всё-таки не знаю, да и Елизавета Прокофьевна, может быть, захочет посмотреть на однофамильца… Подождите, если хотите, коли у вас время терпит.

– О, у меня время терпит; у меня время совершенно моё (и князь тотчас же поставил свою мягкую, круглополую шляпу на стол). – Я, признаюсь, так и рассчитывал, что, может быть, Елизавета Прокофьевна вспомнит, что я ей писал. Давеча ваш слуга, когда я у вас там дожидался, подозревал, что я на бедность пришёл к вам просить; я это заметил, а у вас, должно быть, на этот счёт строгие инструкции; но я, право, не за этим, а, право, для того только, чтобы с людьми сойтись. Вот только думаю немного, что я вам помешал, и это меня беспокоит.

– Вот что, князь, – сказал генерал с весёлою улыбкой, – если вы в самом деле такой, каким кажетесь, то с вами, пожалуй, и приятно будет познакомиться; только видите, я человек занятой, и вот тотчас же опять сяду кой-что просмотреть и подписать, а потом отправлюсь к его сиятельству, а потом на службу, так и выходит, что я хоть и рад людям… хорошим, то-есть… но… Впрочем, я так убеждён, что вы превосходно воспитаны, что… А сколько вам лет, князь?

– Двадцать шесть.

– Ух! А я думал гораздо меньше.

– Да, говорят, у меня лицо моложавое. А не мешать вам я научусь и скоро пойму, потому что сам очень не люблю мешать… И наконец, мне кажется, мы такие разные люди на вид… по многим обстоятельствам, что, у нас, пожалуй, и не может быть много точек общих, но, знаете, я в эту последнюю идею сам не верю, потому очень часто только так кажется, что нет точек общих, а они очень есть… это от лености людской происходит, что люди так промеж собой на глаз сортируются и ничего не могут найти… А впрочем, я, может быть, скучно начал? вы, как будто…

– Два слова-с: имеете вы хотя бы некоторое состояние? Или, может быть, какие-нибудь занятия намерены предпринять? Извините, что я так…

– Помилуйте, я ваш вопрос очень ценю и понимаю. Никакого состояния покамест я не имею и никаких занятий, тоже покамест, а надо бы-с. А деньги теперь у меня были чужие, мне дал Шнейдер, мой профессор, у которого я лечился и учился в Швейцарии, на дорогу, и дал ровно вплоть, так что теперь, например, у меня всего денег несколько копеек осталось. Дело у меня, правда, есть одно, и я нуждаюсь в совете, но…

– Скажите, чем же вы намереваетесь покамест прожить, и какие были ваши намерения? – перебил генерал.

– Трудиться как-нибудь хотел.

– О, да вы философ; а впрочем… знаете за собой таланты, способности, хотя бы некоторые, то-есть, из тех, которые насущный хлеб дают? Извините опять…

– О, не извиняйтесь. Нет-с, я думаю, что не имею ни талантов, ни особых способностей; даже напротив, потому что я больной человек и правильно не учился. Что же касается до хлеба, то мне кажется…

Генерал опять перебил и опять стал расспрашивать. Князь снова рассказал всё, что было уже рассказано. Оказалось, что генерал слышал о покойном Павлищеве и даже знавал лично. Почему Павлищев интересовался его воспитанием, князь и сам не мог объяснить, – впрочем, просто, может быть, по старой дружбе с покойным отцом его. Остался князь после родителей ещё малым ребёнком, всю жизнь проживал и рос по деревням, так как и здоровье его требовало сельского воздуха. Павлищев доверил его каким-то старым помещицам, своим родственницам; для него нанималась сначала гувернантка, потом гувернер; он объявил, впрочем, что хотя и всё помнит, но мало может удовлетворительно объяснить, потому что во многом не давал себе отчёта. Частые припадки его болезни сделали из него совсем почти идиота (князь так и сказал: идиота). Он рассказал, наконец, что Павлищев встретился однажды в Берлине с профессором Шнейдером, швейцарцем, который занимается именно этими болезнями, имеет заведение в Швейцарии, в кантоне Валлийском, лечит по своей методе холодною водой, гимнастикой, лечит и от идиотизма, и от сумасшествия, при этом обучает и берётся вообще за духовное развитие; что Павлищев отправил его к нему в Швейцарию, лет назад около пяти, а сам два года тому назад умер, внезапно, не сделав распоряжений; что Шнейдер держал и долечивал его ещё года два; что он его не вылечил, но очень много помог; и что наконец, по его собственному желанию и по одному встретившемуся обстоятельству, отправил его теперь в Россию.

Генерал очень удивился.

– И у вас в России никого, решительно никого? – спросил он.

– Теперь никого, но я надеюсь… при том я получил письмо.

– По крайней мере, – перебил генерал, не расслышав о письме, – вы чему-нибудь обучались, и ваша болезнь не помешает вам занять какое-нибудь, например, не трудное место, в какой-нибудь службе?

– О, наверно не помешает. И насчёт места я бы очень даже желал, потому что самому хочется посмотреть, к чему я способен. Учился же я все четыре года по-

стоянно, хотя и не совсем правильно, а так, по особой его системе, и при этом очень много русских книг удалось прочесть.

– Русских книг? Стало быть, грамоту знаете и писать без ошибок можете?

– О, очень могу.

– Прекрасно-с; а почерк?

– А почерк превосходный. Вот в этом у меня, пожалуй, и талант; в этом я просто каллиграф. Дайте мне, я вам сейчас напишу что-нибудь для пробы, – с жаром сказал князь.

– Сделайте одолжение. И это даже надо… И люблю я эту вашу готовность, князь, вы очень, право, милы.

– У вас же такие славные письменные принадлежности, и сколько у вас карандашей, сколько перьев, какая плотная, славная бумага… И какой славный у вас кабинет! Вот этот пейзаж я знаю; это вид швейцарский. Я уверен, что живописец с натуры писал, и я уверен, что это место я видел; это в кантоне Ури…

– Очень может быть, хотя это и здесь куплено. Ганя, дайте князю бумагу; вот перья и бумага, вот на этот столик пожалуйте. Что это? – обратился генерал к Гане, который тем временем вынул из своего портфеля и подал ему фотографический портрет большого формата: – ба! Настасья Филипповна! Это сама, сама тебе прислала, сама? – оживлённо и с большим любопытством спрашивал он Ганю.

– Сейчас, когда я был с поздравлением, дала. Я давно уже просил. Не знаю, уж не намёк ли это с её стороны, что я сам приехал с пустыми руками, без подарка, в такой день, – прибавил Ганя, неприятно улыбаясь.

– Ну, нет, – с убеждением перебил генерал, – и какой, право, у тебя склад мыслей! Станет она намекать… да и не интересанка совсем. И при том, чем ты станешь дарить: ведь тут надо тысячи! Разве портретом? А что, кстати, не просила ещё она у тебя портрета?

– Нет, ещё не просила; да, может быть, и никогда не попросит. Вы, Иван Фёдорович, помните, конечно, про сегодняшний вечер? Вы ведь из нарочито приглашённых.

– Помню, помню, конечно, и буду. Ещё бы, день рождения, двадцать пять лет! Гм… А знаешь, Ганя, я уж так и быть тебе открою, приготовься. Афанасию Ивановичу и мне она обещала, что сегодня у себя вечером скажет последнее слово: быть или не быть! Так смотри же, знай.

Ганя вдруг смутился, до того, что даже побледнел немного.

– Она это наверно сказала? – спросил он, и голос его как бы дрогнул.

– Третьего дня слово дала. Мы так приставали оба, что вынудили. Только тебе просила до времени не передавать.

Генерал пристально рассматривал Ганю; смущение Гани ему, видимо, не нравилось.

– Вспомните, Иван Фёдорович, – сказал тревожливо и колеблясь Ганя, – что ведь она дала мне полную свободу решенья до тех самых пор, пока не решит сама дела, да и тогда всё ещё моё слово за мной…

– Так разве ты… так разве ты… – испугался вдруг генерал.

– Я ничего.

– Помилуй, что же ты с нами-то хочешь делать?

– Я ведь не отказываюсь. Я, может быть, не так выразился…

– Ещё бы ты-то отказывал! – с досадой проговорил генерал, не желая даже и сдерживать досады. – Тут, брат, дело уж не в том, что ты не отказываешься, а дело в твоей готовности, в удовольствии, в радости, с которою примешь её слова… Что у тебя дома делается?

– Да что дома? Дома всё состоит в моей воле, только отец по обыкновению дурачится, но ведь это совершенный безобразник сделался; я с ним уж и не говорю, но однако ж в тисках держу, и, право, если бы не мать, так указал бы дверь. Мать всё, конечно, плачет; сестра злится, а я им прямо сказал, наконец, что я господин своей судьбы, и в доме, желаю, чтобы меня… слушались. Сестре, по крайней мере, всё это отчеканил, при матери.

– А я, брат, продолжаю не постигать, – задумчиво заметил генерал, несколько вскинув плечами и немного расставив руки. – Нина Александровна тоже намедни, вот когда приходила-то, помнишь? стонет и охает: «чего вы?» спрашиваю. Выходит, что им будто бы тут бесчестье. Какое же тут бесчестье, позвольте спросить? Кто в чём может Настасью Филипповну укорить, или что-нибудь про неё указать? Неужели то, что она с Тоцким была? Но ведь это такой уже вздор, при известных обстоятельствах особенно! «Вы, говорит, не пустите её к вашим дочерям?» Ну! Эвона! Ай да Нина Александровна! То-есть, как это не понимать, как это не понимать…

– Своего положения? – подсказал Ганя затруднившемуся генералу: – она понимает; вы на неё не сердитесь. Я, впрочем, тогда же намылил голову, чтобы в чужие дела не совались. И однако до сих пор всё тем только у нас в доме и держится, что последнего слова ещё не сказано, а гроза грянет. Если сегодня скажется последнее слово, стало быть, и всё скажется.

Князь слышал весь этот разговор, сидя в уголке за своею каллиграфскою пробой. Он кончил, подошёл к столу и подал свой листок.

– Так это Настасья Филипповна? – промолвил он, внимательно и любопытно поглядев на портрет: – удивительно хороша! – прибавил он тотчас же с жаром. На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в чёрном шёлковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, повидимому, тёмнорусые, были убраны просто, по-домашнему; глаза тёмные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худа лицом, может быть, и бледна… Ганя и генерал с изумлением посмотрели на князя…

– Как, Настасья Филипповна! Разве вы уж знаете и Настасью Филипповну? – спросил генерал.

– Да; всего только сутки в России, а уж такую раскрасавицу знаю, – ответил князь, и тут же рассказал про свою встречу с Рогожиным и передал весь рассказ его.

– Вот ещё новости! – опять затревожился генерал, чрезвычайно внимательно выслушавший рассказ, и пытливо поглядел на Ганю.

– Вероятно, одно только безобразие, – пробормотал тоже несколько замешавшийся Ганя, – купеческий сынок гуляет. Я про него что-то уже слышал.

– Да и я, брат, слышал, – подхватил генерал. – Тогда же, после серёг, Настасья Филипповна весь анекдот пересказывала. Да ведь дело-то теперь уже другое. Тут, может быть, действительно миллион сидит и… страсть. Безобразная страсть, положим, но всё-таки страстью пахнет, а ведь известно, на что эти господа способны, во всём хмелю!.. Гм!.. Не вышло бы анекдота какого-нибудь! – заключил генерал задумчиво.

– Вы миллиона опасаетесь? – осклабился Ганя.

– А ты нет, конечно?

– Как вам показалось, князь, – обратился вдруг к нему Ганя, – что это, серьёзный какой-нибудь человек, или только так, безобразник? Собственно ваше мнение?

В Гане что-то происходило особенное, когда он задавал этот вопрос. Точно новая и особенная какая-то идея загорелась у него в мозгу и нетерпеливо засверкала в глазах его. Генерал же, который искренно и простосердечно беспокоился, тоже покосился на князя, но как бы не ожидая много от его ответа.

– Не знаю, как вам сказать, – ответил князь, – только мне показалось, что в нём много страсти и даже какой-то больной страсти. Да он и сам ещё совсем как будто больной. Очень может быть, что с первых же дней в Петербурге и опять сляжет, особенно если закутит.

– Так? Вам так показалось? – уцепился генерал за эту идею.

– Да, показалось.

– И однако ж этого рода анекдоты могут происходить и не в несколько дней, а ещё до вечера, сегодня же, может, что-нибудь обернётся, – усмехнулся генералу Ганя.

– Гм!.. Конечно… Пожалуй, а уж тогда всё дело в том, как у ней в голове мелькнёт, – сказал генерал.

– А ведь вы знаете, какова она иногда?

– То-есть какова же? – вскинулся опять генерал, достигший чрезвычайного расстройства. – Послушай, Ганя, ты, пожалуйста, сегодня ей много не противоречь и постарайся эдак, знаешь, быть… одним словом, быть по душе… Гм!.. Что ты так рот-то кривишь? Слушай, Гаврила Ардалионыч, кстати, очень даже кстати будет теперь сказать: из-за чего мы хлопочем? Понимаешь, что я относительно моей собственной выгоды, которая тут сидит, уже давно обеспечен; я, так или иначе, а в свою пользу дело решу. Тоцкий решение своё принял непоколебимо, стало быть, и я совершенно уверен. И потому, если я теперь желаю чего, так это единственно твоей пользы. Сам посуди; не доверяешь ты что ли мне? При том же ты человек… человек… одним словом, человек умный, и я на тебя понадеялся… а это, в настоящем случае, это… это…

– Это главное, – договорил Ганя, опять помогая затруднившемуся генералу и скорчив свои губы в ядовитейшую улыбку, которую уже не хотел скрывать. Он глядел своим воспалённым взглядом прямо в глаза генералу, как бы даже желая, чтобы тот прочёл в его взгляде всю его мысль. Генерал побагровел и вспылил.

– Ну да, ум главное! – поддакнул он, резко смотря на Ганю: – и смешной же ты человек, Гаврила Ардалионыч! Ты ведь точно рад, я замечаю, этому купчику, как выходу для себя. Да тут именно чрез ум надо бы с самого начала дойти; тут именно надо понять и… и поступить с обеих сторон: честно и прямо, не то… предуведомить заранее, чтобы не компрометировать других, тем паче, что и времени к тому было довольно, и даже ещё и теперь его остаётся довольно (генерал значительно поднял брови), несмотря на то, что остаётся всего только несколько часов… Ты понял? Понял? Хочешь ты или не хочешь, в самом деле? Если не хочешь, скажи, и – милости просим. Никто вас, Гаврила Ардалионыч, не удерживает, никто насильно в капкан не тащит, если вы только видите тут капкан.

– Я хочу, – вполголоса, но твёрдо промолвил Ганя, потупил глаза и мрачно замолк.

Генерал был удовлетворён. Генерал погорячился, но уж видимо раскаивался, что далёко зашёл. Он вдруг оборотился к князю, и, казалось, по лицу его вдруг прошла беспокойная мысль, что ведь князь был тут и всё-таки слышал. Но он мгновенно успокоился, при одном взгляде на князя можно была вполне успокоиться.

– Ого! – вскричал генерал, смотря на образчик каллиграфии, представленный князем: – да ведь это пропись! Да и пропись-то редкая! Посмотри-ка, Ганя, каков талант!

На толстом веленевом листе князь написал средневековым русским шрифтом фразу:

«Смиренный игумен Пафнутий руку приложил».

– Вот это, – разъяснял князь с чрезвычайным удовольствием и одушевлением, – это собственная подпись игумена Пафнутия со снимка четырнадцатого столетия. Они превосходно подписывались, все эти наши старые игумены и митрополиты, и с каким иногда вкусом, с каким старанием! Неужели у вас нет хоть Погодинского издания, генерал? Потом я вот тут написал другим шрифтом: это круглый, крупный французский шрифт, прошлого столетия, иные буквы даже иначе писались, шрифт площадной, шрифт публичных писцов, заимствованный с их образчиков (у меня был один), – согласитесь сами, что он не без достоинств. Взгляните на эти круглые д, а. Я перевёл французский характер в русские буквы, что очень трудно, а вышло удачно. Вот и ещё прекрасный и оригинальный шрифт, вот эта фраза: «усердие всё превозмогает». Это шрифт русский писарский или, если хотите, военно-писарский. Так пишется казённая бумага к важному лицу, тоже круглый шрифт, славный, чёрный шрифт, чёрно написано, но с замечательным вкусом. Каллиграф не допустил бы этих росчерков или, лучше сказать, этих попыток расчеркнуться, вот этих недоконченных полухвостиков, – замечаете, – а в целом, посмотрите, оно составляет ведь характер, и, право, вся тут военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотелось, и талант просится, да воротник военный туго на крючек стянут, дисциплина и в почерке вышла, прелесть! Это недавно меня один образчик такой поразил, случайно нашёл, да ещё где? в Швейцарии! Ну, вот, это простой, обыкновенный и чистейший английский шрифт: дальше уж изящество не может идти, тут всё

прелесть, бисер, жемчуг; это закончено; но вот и вариация, и опять французская, я её у одного французского путешествующего комми заимствовал: тот же английский шрифт, но чёрная; линия капельку почернее и потолще, чем в английском, ан – пропорция света и нарушена; и заметьте тоже: овал изменён, капельку круглее и вдобавок позволен росчерк, а росчерк – это наиопаснейшая вещь! Росчерк требует необыкновенного вкуса; но если только он удался, если только найдена пропорция, то эдакой шрифт ни с чем не сравним, так даже, что можно влюбиться в него.

– Ого! да в какие вы тонкости заходите, – смеялся генерал, – да вы, батюшка, не просто каллиграф, вы артист, а? Ганя?

– Удивительно, – сказал Ганя, – и даже с сознанием своего назначения, – прибавил он, смеясь насмешливо.

– Смейся, смейся, а ведь тут карьера, – сказал генерал. – Вы знаете, князь, к какому лицу мы теперь вам бумаги писать дадим? Да вам прямо можно тридцать пять рублей в месяц положить, с первого шагу. Однако уж половина первого, – заключил он, взглянув на часы; – к делу, князь, потому мне надо поспешить, а сегодня, может, мы с вами не встретимся! Присядьте-ка на минутку; я вам уже изъяснил, что принимать вас очень часто не в состоянии; но помочь вам капельку искренно желаю, капельку, разумеется, то-есть в виде необходимейшего, а там как уж вам самим будет угодно. Местечко в канцелярии я вам приищу, не тугое, но потребует аккуратности. Теперь-с насчёт дальнейшего: в доме, то-есть в семействе Гаврилы Ардалионыча Иволгина, вот этого самого молодого моего друга, с которым прошу познакомиться, маменька его и сестрица очистили в своей квартире две-три меблированные комнаты и отдают их отлично рекомендованным жильцам, со столом и прислугой. Мою рекомендацию, я уверен, Нина Александровна примет. Для вас же, князь, это даже больше чем клад, во-первых, потому что вы будете не один, а, так сказать, в недрах семейства, а по моему взгляду, вам нельзя с первого шагу очутиться одним в такой столице, как Петербург. Нина Александровна, маменька и Варвара Ардалионовна, сестрица Гаврилы Ардалионыча, – дамы, которых я уважаю чрезмерно. Нина Александровна, супруга Ардалиона Александровича, отставленного генерала, моего бывшего товарища по первоначальной службе, но с которым я, по некоторым обстоятельствам, прекратил сношения, что, впрочем, не мешает мне в своём роде уважать его. Всё это я вам изъясняю, князь, с тем, чтобы вы поняли, что я вас, так сказать, лично рекомендую, следственно за вас как бы тем ручаюсь. Плата самая умеренная, и я надеюсь, жалованье ваше в скорости будет совершенно к тому достаточно. Правда, человеку необходимы и карманные деньги, хотя бы некоторые, но вы не рассердитесь, князь, если я вам замечу, что вам лучше бы избегать карманных денег, да и вообще денег в кармане. Так по взгляду моему на вас говорю. Но так как теперь у вас кошелёк совсем пуст, то, для первоначалу, позвольте вам предложить вот эти двадцать пять рублей. Мы, конечно, сочтёмся, и если вы такой искренний и задушевный человек, каким кажетесь на словах, то затруднений и тут между нами выйти не может. Если же я вами так интересуюсь, то у меня, на ваш счёт, есть даже некоторая цель; впо-

следствии вы её узнаете. Видите, я с вами совершенно просто; надеюсь, Ганя, ты ничего не имеешь против помещения князя в вашей квартире?

– О, напротив! И мамаша будет очень рада… – вежливо и предупредительно подтвердил Ганя.

– У вас ведь, кажется, только ещё одна комната и занята. Этот, как его Ферд… Фер…

– Фердыщенко.

– Ну да; не нравится мне этот ваш Фердыщенко: сальный шут какой-то. И не понимаю, почему его так поощряет Настасья Филипповна? Да он взаправду что ли ей родственник?

– О нет, всё это шутка! И не пахнет родственником.

– Ну, чорт с ним! Ну, так как же вы, князь, довольны или нет?

– Благодарю вас, генерал, вы поступили со мной как чрезвычайно добрый человек, тем более, что я даже и не просил; я не из гордости это говорю; я и действительно не знал, куда голову преклонить. Меня, правда, давеча позвал Рогожин.

– Рогожин? Ну, нет; я бы вам посоветовал отечески, или, если больше любите, дружески, и забыть о господине Рогожине. Да и вообще, советовал бы вам придерживаться семейства, в которое вы поступите.

– Если уж вы так добры, – начал было князь, – то вот у меня одно дело. Я получил уведомление…

– Ну, извините, – перебил генерал, – теперь ни минуты более не имею. Сейчас я скажу о вас Лизавете Прокофьевне: если она пожелает принять вас теперь же (я уж в таком виде постараюсь вас отрекомендовать), то советую воспользоваться случаем и понравиться, потому Лизавета Прокофьевна очень может вам пригодиться; вы же однофамилец. Если не пожелает, то не взыщите, когда-нибудь в другое время. А ты, Ганя, взгляни-ка покамест на эти счёты, мы давеча с Федосеевым бились. Их надо бы не забыть включить…

Генерал вышел, и князь так и не успел рассказать о своём деле, о котором начинал было чуть ли не в четвёртый раз. Ганя закурил папиросу и предложил другую князю; князь принял, но не заговаривал, не желая помешать, и стал рассматривать кабинет; но Ганя едва взглянул на лист бумаги, исписанный цифрами, указанный ему генералом. Он был рассеян; улыбка, взгляд, задумчивость Гани стали ещё более тяжелы на взгляд князя, когда они оба остались наедине. Вдруг он подошёл к князю; тот в эту минуту стоял опять над портретом Настасьи Филипповны и рассматривал его.

– Так вам нравится такая женщина, князь? – спросил он его вдруг, пронзительно смотря на него. И точно будто бы у него было какое чрезвычайное намерение.

– Удивительное лицо! – ответил князь, – и я уверен, что судьба её не из обыкновенных. Лицо весёлое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щёк. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Всё было бы спасено!

– А женились бы вы на такой женщине? – продолжал Ганя, не спуская с него своего воспалённого взгляда.

– Я не могу жениться ни на ком, я нездоров, – сказал князь.

– А Рогожин женился бы? Как вы думаете?

– Да что же, жениться, я думаю, и завтра же можно; женился бы, а чрез неделю, пожалуй, и зарезал бы её.

Только что выговорил это князь, Ганя вдруг так вздрогнул, что князь чуть не вскрикнул.

– Что с вами? – проговорил он, хватая его за руку.

– Ваше сиятельство! Его превосходительство просят вас пожаловать к её превосходительству, – возвестил лакей, появляясь в дверях. Князь отправился вслед за лакеем.

VII

Когда князь замолчал, все на него смотрели весело, даже и Аглая, но особенно Лизавета Прокофьевна.

– Вот и проэкзаменовали! – вскричала она. – Что, милостивые государыни, вы думали, что вы же его будете протежировать, как бедненького, а он вас сам едва избрать удостоил, да ещё с оговоркой, что приходить будет только изредка. Вот мы и в дурах, и я рада; а пуще всего Иван Фёдорович. Браво, князь, вас давеча проэкзаменовать велели. А то, что вы про моё лицо сказали, то всё совершенная правда: я ребёнок и знаю это. Я ещё прежде вашего знала про это; вы именно выразили мою мысль в одном слове. Ваш характер я считаю совершенно сходным с моим и очень рада; как две капли воды. Только вы мужчина, а я женщина и в Швейцарии не была; вот и вся разница.

– Не торопитесь, maman, – вскричала Аглая, – князь говорит, что он во всех своих признаниях особую мысль имел и неспроста говорил.

– Да, да, – смеялись другие.

– Не труните, милые, ещё он, может быть, похитрее всех вас трёх вместе. Увидите. Но только что ж вы, князь, про Аглаю ничего не сказали? Аглая ждёт, и я жду.

– Я ничего не могу сейчас сказать; я скажу потом.

– Почему? Кажется, заметна?

– О да, заметна; вы чрезвычайная красавица, Аглая Ивановна. Вы так хороши, что на вас боишься смотреть.

– И только? А свойства? – настаивала генеральша.

– Красоту трудно судить; я ещё не приготовился. Красота – загадка.

– Это значит, что вы Аглае загадали загадку, – сказала Аделаида; – разгадай-ка, Аглая. А хороша она, князь, хороша?

– Чрезвычайно! – с жаром ответил князь, с увлечением взглянув на Аглаю; – почти как Настасья Филипповна, хотя лицо совсем другое!...

Все переглянулись в удивлении.

– Как кто-о-о? – протянула генеральша: – как Настасья Филипповна? Где вы видели Настасью Филипповну? Какая Настасья Филипповна?

– Давеча Гаврила Ардалионович Ивану Фёдоровичу портрет показывал.

– Как, Ивану Фёдоровичу портрет принёс?

– Показать. Настасья Филипповна подарила сегодня Гавриле Ардалионовичу свой портрет, а тот принес показать.

– Я хочу видеть! – вскинулась генеральша: – где этот портрет? Если ему подарила, так и должен быть у него, а он, конечно, ещё в кабинете. По средам он всегда приходит работать и никогда раньше четырёх не уходит. Позвать сейчас Гаврилу Ардалионовича! Нет, я не слишком-то умираю от желания его видеть. Сделайте одолжение, князь, голубчик, сходите в кабинет, возьмите у него портрет и принесите сюда. Скажите, что посмотреть. Пожалуйста.

– Хорош, да уж простоват слишком, – сказал Аделаида, когда вышел князь.

– Да, уж что-то слишком, – подтвердила Александра, – так что даже и смешон немножко.

И та, и другая как будто не выговаривали всю свою мысль.

– Он, впрочем, хорошо с нашими лицами вывернулся, – сказала Аглая, – всем польстил, даже и maman.

– Не остри, пожалуйста, – вскричала генеральша. – Не он польстил, а я польщена.

– Ты думаешь, он вывёртывался? – спросила Аделаида.

– Мне кажется, он не так простоват.

– Ну, пошла! – рассердилась генеральша: – а по-моему, вы ещё его смешнее. Простоват, да себе на уме, в самом благородном отношении, разумеется. Совершенно как я.

«Конечно скверно, что я про портрет проговорился, соображал князь про себя, проходя в кабинет и чувствуя некоторое угрызение… Но… может быть, я и хорошо сделал, что проговорился…» У него начинала мелькать одна странная идея, впрочем, ещё не совсем ясная.

Гаврила Ардалионович ещё сидел в кабинете и был погружён в свои бумаги. Должно быть, он действительно не даром брал жалованье из акционерного общества. Он страшно смутился, когда князь спросил портрет и рассказал, каким образом про портрет там узнали.

– Э-э-эх! И зачем вам было болтать! – вскричал он в злобной досаде: – не знаете вы ничего… Идиот! – пробормотал он про себя.

– Виноват, я совершенно не думавши; к слову пришлось. Я сказал, что Аглая почти так же хороша, как Настасья Филипповна.

Ганя попросил рассказать подробнее; князь рассказал. Ганя вновь насмешливо посмотрел на него.

– Далась же вам Настасья Филипповна… – пробормотал он, но не докончив, задумался. Он был в видимой тревоге. Князь напомнил о портрете. – Послушайте, князь, – сказал вдруг Ганя, как будто внезапная мысль осенила его: – у меня до вас есть огромная просьба… Но я, право, не знаю…

Он смутился и не договорил; он на что-то решался и как бы боролся сам с собой. Князь ожидал молча. Ганя ещё раз испытующим, пристальным взглядом оглядел его.

– Князь, – начал он опять, – там на меня теперь… по одному совершенно странному обстоятельству… и смешному… и в котором я не виноват… ну, одним словом, это лишнее, – там на меня, кажется, немножко сердятся, так что я некоторое время не хочу входить туда без зова. Мне ужасно нужно бы поговорить

теперь с Аглаей Ивановной. Я на всякий случай написал несколько слов (в руках его очутилась маленькая сложенная бумажка) – и вот не знаю, как передать. Не возьмётесь ли вы, князь, передать Аглае Ивановне, сейчас, но только одной Аглае Ивановне, так, то-есть, чтоб никто не увидал, понимаете? Это не бог знает какой секрет, тут нет ничего такого… но… сделаете?

– Мне это не совсем приятно, – отвечал князь.

– Ах, князь, мне крайняя надобность! – стал просить Ганя: – она, может быть, ответит… Поверьте, что я только в крайнем, в самом крайнем случае мог обратиться… С кем же мне послать?.. Это очень важно… Ужасно для меня важно…

Ганя ужасно робел, что князь не согласится, и с трусливою просьбой заглядывал ему в глаза.

– Пожалуй, я передам.

– Но только так, чтобы никто не заметил, – умолял обрадованный Ганя, – и вот что, князь, я надеюсь, ведь на ваше честное слово, а?

– Я никому не покажу, – сказал князь.

– Записка не запечатана, но… – проговорился было слишком суетившийся Ганя, и остановился в смущении.

– О, я не прочту, – совершенно просто отвечал князь, взял портрет и пошёл из кабинета.

Ганя, оставшись один, схватил себя за голову.

– Одно её слово, и я… и я, право, может быть, порву!..

Он уже не мог снова сесть за бумаги от волнения и ожидания и стал бродить по кабинету, из угла в угол.

Князь шёл, задумавшись; его неприятно поразило поручение, неприятно поразила и мысль о записке Гани к Аглае. Но не доходя двух комнат до гостиной, он вдруг остановился, как будто вспомнил о чём, осмотрелся кругом, подошёл к окну, ближе к свету, и стал глядеть на портрет Настасьи Филипповны.

Ему как бы хотелось разгадать что-то, скрывавшееся в этом лице и поразившее его давеча. Давешнее впечатление почти не оставляло его, и теперь он спешил как бы что-то вновь проверить. Это необыкновенное по своей красоте и ещё по чему-то лицо ещё сильнее поразило его теперь. Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же самое время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти черты. Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щёк и горевших глаз; странная красота! Князь смотрел с минуту, потом вдруг спохватился, огляделся кругом, поспешно приблизил портрет к губам и поцеловал его. Когда через минуту он вошёл в гостиную, лицо его было совершенно спокойно.

Но только что он вступил в столовую (ещё через одну комнату от гостиной), с ним в дверях почти столкнулась выходившая Аглая. Она была одна.

– Гаврила Ардалионович просил меня вам передать, – сказал князь, подавая ей записку.

Аглая остановилась, взяла записку и как-то странно поглядела на князя. Ни

малейшего смущения не было в её взгляде, разве только проглянуло некоторое удивление, да и то, казалось, относившееся к одному только князю. Аглая своим взглядом точно требовала от него отчёта, – каким образом он очутился в этом деле вместе с Ганей? – и требовала спокойно и свысока. Они простояли два-три мгновения друг против друга; наконец что-то насмешливое чуть-чуть обозначилось в лице её; она слегка улыбнулась и прошла мимо.

Генеральша несколько времени, молча и с некоторым оттенком пренебрежения, рассматривала портрет Настасьи Филипповны, который она держала пред собой в протянутой руке, чрезвычайно и эффектно отдалив от глаз.

– Да, хороша, – проговорила она наконец, – очень даже. Я два раза её видела, только издали. Так вы такую-то красоту цените? – обратилась она вдруг к князю.

– Да… такую… – отвечал князь с некоторым усилием.

– То-есть именно такую?

– Именно такую.

– За что?

– В этом лице… страдания много… – проговорил князь, как бы невольно, как бы сам с собою говоря, а не на вопрос отвечая.

– Вы, впрочем, может быть, бредите, – решила генеральша и надменным жестом откинула от себя портрет на стол. Александра взяла его, к ней подошла Аделаида, обе стали рассматривать. В эту минуту Аглая возвратилась опять в гостиную.

– Этакая сила! – вскричала вдруг Аделаида, жадно всматриваясь в портрет из-за плеча сестры.

– Где? Какая сила? – резко спросила Лизавета Прокофьевна.

– Такая красота – сила, – горячо сказала Аделаида, – с этакою красотой можно мир перевернуть!

Она задумчиво отошла к своему мольберту. Аглая взглянула на портрет только мельком, прищурилась, выдвинула нижнюю губку, отошла и села в стороне, сложив руки.

Генеральша позвонила.

– Позвать сюда Гаврилу Ардалионовича, он в кабинете, – приказала она вошедшему слуге.

– Maman! – значительно воскликнула Александра.

– Я хочу ему два слова сказать – и довольно! – быстро отрезала генеральша, останавливая возражение. Она была видимо раздражена. – У нас, видите ли, князь, здесь теперь всё секреты. Всё секреты! Так требуется, этикет какой-то, глупо. И это в таком деле, в котором требуется наиболее откровенности, ясности, честности. Начинаются браки, не нравятся мне эти браки…

– Maman, что вы это? – опять поспешила остановить её Александра.

– Чего тебе, милая дочка! Тебе самой разве нравятся? А что князь слушает, так мы друзья. Я с ним, по крайней мере. Бог ищет людей, хороших, конечно, а злых и капризных ему не надо; капризных особенно, которые сегодня решают одно, а завтра говорят другое. Понимаете, Александра Ивановна? Они, князь, говорят, что я чудачка, а я умею различать. Потому сердце главное, а остальное вздор. Ум тоже нужен, конечно… может быть, ум-то и самое главное. Не усмехайся, Аглая,

я себе не противоречу: дура с сердцем и без ума такая же несчастная дура, как и дура с умом без сердца. Старая истина. Я вот дура с сердцем без ума, а ты дура с умом без сердца; обе мы и несчастны, обе и страдаем.

– Чем же вы уж так несчастны, maman? – не утерпела Аделаида, которая одна, кажется, из всей компании не утратила весёлого расположения духа.

– Во-первых, от учёных дочек, – отрезала генеральша, – а так как этого и одного довольно, то об остальном нечего и распространяться. Довольно многословия было. Посмотрим как-то вы обе (я Аглаю не считаю) с вашим умом и многословием вывернетесь, и будете ли вы, многоуважаемая Александра Ивановна, счастливы с вашим почтенным господином?.. А!.. – воскликнула она, увидев входящего Ганю: – вот ещё идёт один брачный союз. Здравствуйте! – ответила она на поклон Гани, не пригласив его садиться. – Вы вступаете в брак?

– В брак?.. Как?.. В какой брак?.. – бормотал ошеломлённый Гаврила Ардалионович. Он ужасно смешался.

– Вы женитесь? спрашиваю я, если вы только лучше любите такое выражение?

– Н-нет… я… н-нет, – солгал Гаврила Ардалионович, и краска стыда залила ему лицо. Он бегло взглянул на сидевшую в стороне Аглаю и быстро отвёл глаза. Аглая холодно, пристально, спокойно глядела на него, не отрывая глаз, и наблюдала его смущение.

– Нет? Вы сказали: нет? – настойчиво допрашивала неумолимая Лизавета Прокофьевна; – довольно, я буду помнить, что вы сегодня в среду утром на мой вопрос сказали мне: «нет». Что у нас сегодня, среда?

– Кажется, среда, maman, – ответила Аделаида.

– Никогда дней не знают. Которое число?

– Двадцать седьмое, – ответил Ганя.

– Двадцать седьмое? Это хорошо по некоторому расчёту. Прощайте, у вас, кажется, много занятий, а мне пора одеваться и ехать; возьмите ваш портрет. Передайте мой поклон несчастной Нине Александровне. До свидания, князь-голубчик! Заходи почаще, а я к старухе Белоконской нарочно заеду о тебе сказать. И послушайте, милый: я верую, что вас именно для меня бог привёл в Петербург из Швейцарии. Может быть, будут у вас и другие дела, но главное, для меня. Бог именно так рассчитал. До свидания, милые. Александра, зайди ко мне, друг мой.

Генеральша вышла. Ганя, опрокинутый, потерявшийся, злобный, взял со стола портрет и с искривлённой улыбкой обратился к князю.

– Князь, я сейчас домой. Если вы не переменили намерение жить у нас, то я вас доведу, а то вы и адреса не знаете.

– Постойте, князь, – сказала Аглая, вдруг подымаясь с своего кресла, – вы мне ещё в альбоме напишете. Папа сказал, что вы каллиграф. Я вам сейчас принесу…

И она вышла.

– До свидания, князь, и я ухожу, – сказала Аделаида. Она крепко пожала руку князю, приветливо и ласково улыбнулась ему и вышла. На Ганю она не посмотрела.

– Это вы, – заскрежетал Ганя, вдруг набрасываясь на князя, только что все вышли, – это вы разболтали им, что я женюсь! – бормотал он скорым полушёпотом, с бешеным лицом и злобно сверкая глазами; – бесстыдный вы болтунишка!

– Уверяю вас, что вы ошибаетесь, – спокойно и вежливо отвечал князь, – я и не знал, что вы женитесь.

– Вы слышали давеча, как Иван Фёдорович говорил, что сегодня вечером всё решится у Настасьи Филипповны, вы это и передали! Лжёте вы! Откуда они могли узнать? Кто же, чорт возьми, мог им передать, кроме вас? Разве старуха не намекала мне?

– Вам лучше знать, кто передал, если вам только кажется, что вам намекали, я ни слово про это не говорил.

– Передали записку? Ответ? – с горячечным нетерпением перебил его Ганя. Но в самую эту минуту воротилась Аглая, и князь ничего не успел ответить.

– Вот, князь, – сказала Аглая, положив на столик свой альбом, – выберите страницу и напишите мне что-нибудь. Вот перо и ещё новое. Ничего что стальное? Каллиграфы, я слышала, стальными не пишут.

Разговаривая с князем, она как бы и не замечала, что Ганя тут же. Но покамест князь поправлял перо, отыскивал страницу и изготовлялся, Ганя подошёл к камину, где стояла Аглая, сейчас справа подле князя, и дрожащим, прерывающимся голосом проговорил ей чуть не на ухо:

– Одно слово, одно только слово от вас, – и я спасён.

Князь быстро повернулся и посмотрел на обоих. В лице Гани было настоящее отчаяние; казалось, он выговорил эти слова как-то не думая, сломя голову. Аглая смотрела на него несколько секунд совершенно с тем же самым спокойным удивлением, как давеча на князя, и, казалось, это спокойное удивление её, это недоумение, как бы от полного непонимания того, что ей говорят, было в эту минуту для Гани ужаснее самого сильнейшего презрения.

– Что же мне написать? – спросил князь.

– А я вам сейчас продиктую, – сказала Аглая, поворачиваясь к нему; – готовы? Пишите же: «Я в торги не вступаю». – Теперь подпишите число и месяц. Покажите.

Князь подал ей альбом.

– Превосходно! Вы удивительно написали; у вас чудесный почерк! Благодарю вас. До свидания, князь… Постойте, – прибавила она, как бы что-то вдруг припомнив, – пойдёмте, я хочу вам подарить кой-что на память.

Князь пошёл за нею; но войдя в столовую, Аглая остановилась.

– Прочтите это, – сказала она, подавая ему записку Гани. Князь взял записку и с недоумением посмотрел на Аглаю.

– Ведь я знаю же, что вы её не читали и не можете быть поверенным этого человека. Читайте, я хочу, чтобы вы прочли.

Записка была очевидно написана наскоро:

«Сегодня решится моя судьба, вы знаете каким образом. Сегодня я должен буду дать своё слово безвозвратно. Я не имею никаких прав на ваше участие, не смею иметь никаких надежд; но когда-то вы выговорили одно слово, одно только слово, и это слово озарило всю чёрную ночь моей жизни и стало для меня маяком. Скажите теперь ещё одно такое же слово – и спасёте меня от погибели! Скажите мне только: разорви всё, и я всё порву сегодня же. О, что вам

стоит сказать это! В этом слове я испрашиваю только признак вашего участия и сожаления ко мне, – и только, только! И ничего больше, ничего! Я не смею задумать какую-нибудь надежду, потому что я недостоин её. Но после вашего слова я приму вновь мою бедность, я с радостью стану переносить отчаянное положение моё. Я встречу борьбу, я рад буду ей, я воскресну в ней с новыми силами!

Пришлите же мне это слово сострадания (только одного сострадания, клянусь вам)! Не рассердитесь на дерзость отчаянного, на утопающего, за то, что он осмелился сделать последнее усилие; чтобы спасти себя от погибели. Г.И.»

– Этот человек уверяет, – резко сказала Аглая, когда князь кончил читать, – что слово «разорвите всё» меня не скомпрометирует и не обяжет ничем, и сам даёт мне в этом, как видите, письменную гарантию, этою самою запиской. Заметьте, как наивно поспешил он подчеркнуть некоторые словечки, и как грубо проглядывает его тайная мысль. Он, впрочем, знает, что если б он разорвал всё, но сам, один, не ожидая моего слова и даже не говоря мне об этом, без всякой надежды на меня, то я бы тогда переменила мои чувства к нему и, может быть, стала бы его другом. Он это знает наверно! Но у него душа грязная: он знает и не решается; он знает и всё-таки гарантии просит. Он на веру решиться не в состоянии. Он хочет, чтоб я ему, взамен ста тысяч, на себя надежду дала. Насчёт же прежнего слова, про которое он говорит в записке и которое будто бы озарило его жизнь, то он нагло лжёт. Я просто раз пожалела его. Но он дерзок и бесстыден: у него тотчас же мелькнула тогда мысль о возможности надежды; я это тотчас же поняла. С тех пор он стал меня улавливать; ловит и теперь. Но довольно; возьмите и отдайте ему записку назад, сейчас же, как выйдете из нашего дома, разумеется, не раньше.

– А что сказать ему в ответ?

– Ничего, разумеется. Это самый лучший ответ. Да вы, стало быть, хотите жить в его доме?

– Мне давеча сам Иван Фёдорович отрекомендовал, – сказал князь.

– Так берегитесь его, я вас предупреждаю; он теперь вам не простит, что вы ему возвратите назад записку.

Аглая слегка пожала руку князю и вышла. Лицо её было серьёзно и нахмурено, она даже не улыбнулась, когда кивнула князю головой на прощание.

– Я сейчас, только мой узелок возьму, – сказал князь Гане, – и мы выйдем.

Ганя топнул ногой от нетерпения. Лицо его даже почернело от бешенства. Наконец, оба вышли на улицу, князь с своим узелком в руках.

– Ответ? Ответ? – накинулся на него Ганя: – что она вам сказала? Вы передали письмо?

Князь молча подал ему его записку. Ганя остолбенел.

– Как? Моя записка! – вскричал он: – он и не передавал её! О, я должен был догадаться! О, пр-р-ро-клят… Понятно, что она ничего не поняла давеча! Да как же, как же, как же вы не передали, о, пр-р-ро-клят…

– Извините меня, напротив, мне тотчас же удалось передать вашу записку, в

ту же минуту как вы дали, и точно так, как вы просили. Она очутилась у меня опять, потому что Аглая Ивановна сейчас передала мне её обратно.

– Когда? Когда?

– Только что я кончил писать в альбом, и когда она пригласила меня с собой. (Вы слышали?) Мы вошли в столовую, она подала мне записку, велела прочесть и велела передать вам обратно.

– Про-че-е-сть! – закричал Ганя чуть не во всё горло: – прочесть! Вы читали?

И он снова стал в оцепенении среди тротуара, но до того изумлённый, что даже разинул рот.

– Да, читал, сейчас.

– И она сама, сама вам дала прочесть? Сама?

– Сама, и поверьте, что я бы не стал читать без её приглашения.

Ганя с минуту молчал и с мучительными усилиями что-то соображал, но вдруг воскликнул:

– Быть не может! Она не могла вам велеть прочесть. Вы лжёте! Вы сами прочли!

– Я говорю правду, – отвечал князь прежним совершенно невозмутимым тоном, – и поверьте: мне очень жаль, что это производит на вас такое неприятное впечатление.

– Но, несчастный, по крайней мере, она вам сказала же что-нибудь при этом? Что-нибудь ответила же?

– Да, конечно.

– Да говорите же, говорите, о, чорт!..

И Ганя два раза топнул правою ногой, обутою в калошу, о тротуар.

– Как только я прочёл, она сказала мне, что вы её ловите; что вы желали бы её компрометировать так, чтобы получить от неё надежду, для того чтобы, опираясь на эту надежду, разорвать без убытку с другою надеждой на сто тысяч. Что если бы вы сделали это, не торгуясь с нею, разорвали бы всё сами, не прося у ней вперёд гарантии, то она, может быть, и стала бы вашим другом. Вот и всё, кажется. Да, ещё: когда я спросил, уже взяв записку, какой же ответ? тогда она сказала, что без ответа будет самый лучший ответ, – кажется, так; извините, если я забыл её точное выражение, а передаю как сам понял.

Неизмеримая злоба овладела Ганей, и бешенство его прорвалось без всякого удержу:

– А! Так вот как! – скрежетал он: – так мои записка в окно швырять! А! Она в торги не вступает, – так я вступлю! И увидим! За мной ещё много… увидим!.. В бараний рог сверну!..

Он кривился, бледнел, пенился; он грозил кулаком. Так шли они несколько шагов. Князя он не церемонился нимало, точно был один в своей комнате, потому что в высшей степени считал его за ничто. Но вдруг он что-то сообразил и опомнился.

– Да каким же образом, – вдруг обратился он к князю, – каким же образом вы (идиот! – прибавил он про себя), вы вдруг в такой доверенности, два часа после первого знакомства? Как так?

Ко всем мучениям его не доставало зависти. Она вдруг укусила его в самое сердце.

– Этого уж я вам не сумею объяснить, – ответил князь.

Ганя злобно посмотрел на него:

– Это уж не доверенность ли свою подарить вам позвала она вас в столовую? Ведь она вам что-то подарить собиралась?

– Иначе я и не понимаю, как именно так.

– Да за что же, чорт возьми! Что вы там такое сделали? Чем понравились? Послушайте, – суетился он изо всех сил (всё в нём в эту минуту было как-то разбросано и кипело в беспорядке, так что он и с мыслями собраться не мог), – послушайте, не можете ли вы хоть как-нибудь припомнить и сообразить в порядке, о чём вы именно там говорили, все слова, с самого начала? Не заметили ли вы чего, не у помните ли?

– О, очень могу, – отвечал князь, – с самого начала, когда я вошёл и познакомился, мы стали говорить о Швейцарии.

– Ну, к чорту Швейцарию!

– Потом о смертной казни…

– О смертной казни?

– Да, по одному поводу… потом я им рассказывал о том, как прожил там три года, и одну историю с одною бедною поселянкой…

– Ну, к чорту бедную поселянку! Дальше! – рвался в нетерпении Ганя.

– Потом, как Шнейдер высказал мне своё мнение о моём характере и понудил меня…

– Провалиться Шнейдеру и наплевать на его мнение! дальше!

– Дальше, по одному поводу, я стал говорить о лицах, то есть о выражениях лиц, и сказал, что Аглая Ивановна почти так же хороша, как Настасья Филипповна. Вот тут-то я и проговорился про портрет…

– Но вы не пересказали, вы ведь не пересказали того, что слышали давеча в кабинете? Нет? Нет?

– Повторяю же вам, что нет.

– Да откуда же, чорт… Ба! Не показала ли Аглая записку старухе?

– В этом я могу вас вполне гарантировать, что не показала. Я всё время тут был; да и времени она не имела.

– Да, может быть, вы сами не заметили чего-нибудь… О! идиот пр-ро-клятый! – воскликнул он уже совершенно вне себя: – и рассказать ничего не умеет!

Ганя, раз начав ругаться и не встречая отпора, мало-помалу потерял всякую сдержанность, как это всегда водится с иными людьми. Ещё немного, и он, может быть, стал бы плеваться, до того уж он был взбешён. Но именно чрез это бешенство он и ослеп; иначе он давно бы обратил внимание на то, что этот «идиот», которого он так третирует, что-то уж слишком скоро и тонко умеет иногда всё понять и чрезвычайно удовлетворительно передать. Но вдруг произошло нечто неожиданное.

– Я должен вам заметить, Гаврила Ардалионович, – сказал вдруг князь, – что я прежде, действительно, был так нездоров, что и в самом деле был почти идиот; но теперь я давно уже выздоровел, и потому мне несколько неприятно, когда меня называют идиотом в глаза. Хоть вас и можно извинить, взяв во

внимание ваши неудачи, но вы в досаде вашей даже раза два меня выбранили. Мне это очень не хочется, особенно так, вдруг, как вы, с первого раза; и так как мы теперь стоим на перекрёстке, то не лучше ли нам разойтись: вы пойдёте направо к себе, а я налево. У меня есть двадцать пять рублей, и я наверно найду какой-нибудь отель-гарни.

Ганя ужасно смутился и даже покраснел от стыда.

– Извините, князь, – горячо вскричал он, вдруг переменяя свой ругательный тон на чрезвычайную вежливость: – ради бога, извините! Вы видите, в какой я беде! Вы ещё почти ничего не знаете, но если бы вы знали всё, то наверно бы хоть немного извинили меня; хотя, разумеется, я неизвиним…

– О, мне и не нужно таких больших извинений, – поспешил ответить князь. – Я ведь понимаю, что вам очень неприятно, и потому-то вы и бранитесь. Ну, пойдёмте к вам. Я с удовольствием…

«Нет, его теперь так отпустить невозможно, – думал про себя Ганя, злобно посматривая дорогой на князя, – этот плут выпытал из меня всё, а потом вдруг снял маску… Это что-то значит. А вот мы увидим! Всё разрешится, всё, всё! Сегодня же!»

Они уже стояли у самого дома.

ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА

Напишите эссе «Каким предстал в моём воображении князь Мышкин?»

ГЛОССАРИЙ

Композиция – это построение художественного произведения, расположение его частей в определённой системе и последовательности.

Речевая характеристика героя – это особенности речи героя художественного произведения: манера речи, словарный запас, использование книжной лексики, разговорных, просторечных, диалектных и других слов. Речь персонажа может быть представлена в виде монолога, диалога, внутренней речи, несобственно-прямой речи. Несобственно-прямая речь объединяет авторское повествование и речь персонажа.

Полифонизм художественный – явление эстетики и поэтики Достоевского, «совершенно новый тип художественного мышления», открытый и описанный М.М. Бахтиным. Художественный полифонизм характеризует и мышление Достоевского-писателя, и структуру его произведений, особенно пяти больших романов 60-70-х гг. Воплотив полифонический принцип, Достоевский совершил, по словам М.М. Бахтина, «радикальный художественный переворот».

Кадры из фильма «Идиот» (2003).

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ
1828-1910

Каждый мечтает изменить мир, но никто не ставит целью изменить самого себя.

Л.Н. Толстой

Лев Николаевич Толстой – гениальный русский писатель, величайший из художников-реалистов, чьё творчество стало шагом вперёд в художественном развитии человечества.

Л.Н. Толстой родился в имении Ясная Поляна Тульской губернии. Мать писателя умерла, когда мальчику не было ещё и двух лет, а в девятилетнем возрасте он потерял отца. С этого времени начинается жизнь Толстого под опекой родных, из которых особенно близкой стала тётушка Т.А. Ергольская. Толстой живёт то в Москве, то в Ясной Поляне, получает домашнее начальное образование.

В 1844 году Лев Николаевич поступает в Казанский университет на факультет восточных языков, для чего ему потребовалось изучить татарский, турецкий и арабский языки.

В 1847 году он оставил учёбу и поселился в доставшемся ему по наследству имении – Ясной Поляне. По словам Толстого, он бросил университет именно потому, что хотел заниматься историей развития человечества, а столкнулся с оторванной от жизни университетской программой.

Под влиянием идей Жан-Жака Руссо Толстой приходит к мысли, что главный стимул изменения жизни – самоанализ, самовоспитание и самосовершенствование. Он начинает вести дневник, где разбирает отрицательные стороны своего характера с предельной искренностью и прямотой. Дневники Толстого – своего рода черновики его писательских замыслов, свидетельство его неустанных поисков высшей жизненной цели, стремление к моральному очищению через преодоление в себе эгоизма – этого «ужасного тормоза» на пути к нравственному совершенствованию. Летом 1849 года Толстой открывает в Ясной Поляне школу для крестьянских детей. Он мечется, впадает в крайности, испытывает горечь от неудачи в хозяйственных преобразованиях. Бросает всё и едет в Петербург, сдаёт экстерном экзамены в университет, затем определяется на службу в канцелярию Тульского губернского правления, которая также не приносит ему удовлетворения.

Летом 1851 года происходят два важных события в жизни Толстого: вслед за братом Николаем он едет на Кавказ, где вскоре поступает на военную службу; начинается активная работа над повестью «Детство», задуманной как первая часть большого произведения «Четыре эпохи развития». Не без робости Толстой послал рукопись в журнал «Современник» и вскоре получил от Некрасова восторженный ответ. «Детство» было опубликовано в «Современнике» в 1852 году. Это произведение стало началом автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество» (1854) и «Юность» (1857). Последняя, четвёртая повесть «Молодость» осталась незавершённой.

Как человек входит в мир и как этот мир встречает его своими радостями и тревогами – тема «Детства». Герою повести Николеньке Иртеньеву вначале кажется, что радости – норма жизни, а огорчения и тревоги – отклонения от нормы, как случайные недоразумения. Но чем больше «недоразумений» встречает он, тем настороженнее к ним относится, пока, в конце концов, не понимает, что они вытекают из самой сущности отношений между людьми.

Если тема «Детства» – первые радости, которые даёт человеку мир, и первые разочарования в этом мире, то тема «Отрочества» – неизбежный и тяжёлый разлад с миром духовно повзрослевшего человека. Разлад приносит ему непонятное наслаждение, с чем он, однако, никак не хочет смириться.

В «Отрочестве» герой более сосредоточен на самом себе. Он постоянно сталкивается с противоречиями между близкими людьми, что ведёт его душу к томительному чувству одиночества и к пониманию, что в любом деле можно положиться только на самого себя. И потому он всё время ищет моменты, чтобы испытать свои силы на прочность.

В «Юности» образ героя ещё более сложен. Теперь он глубоко понимает, что ему предстоит идти по жизни своим путём, который ещё нужно найти. У него вызревает «новый» взгляд на мир, в основе которого – осознанное желание освободиться от чувства одиночества и восстановить утраченное в отрочестве чувство единения с людьми. Николенька пытается осуществить свою программу нравственного совершенствования, которая, как ему кажется, поможет устранить несправедливость и зло в жизни людей.

Основа образа Николеньки Иртеньева – опыт собственных духовных исканий писателя. Однако Толстой заявил протест, когда в «Современнике» его «Детство» было названо «Историей моего детства», ибо придавал автобиографической трилогии не лично конкретное, а обобщающее значение.

Одновременно с работой над трилогией Толстой писал на Кавказе военные рассказы, образовавшие отдельный цикл: «Набег», «Рубка леса», «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный». В рассказе «Набег» впервые проявилось отрицательное отношение Толстого к войне вообще.

В 1854 году Толстой перевёлся в Крымскую армию в связи с начавшейся Русско-турецкой войной и осадой Севастополя. Больше года он находился в центре боевых действий, и не только командовал батареей на самом опасном участке, но и подготовил проект журнала «Солдатский вестник», послал записку в правительство о рабском положении солдат на фронте, создал цикл произведений «Севастопольские рассказы» («Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года»), где русские солдаты и матросы характеризуются как истинные патриоты, самоотверженные защитники родины.

Защита родины, её мирной жизни – вот единственная, по мнению Толстого, справедливая и допустимая война, способная объединить людей в «общину героев», но люди, которые могли бы быть героями, погибли напрасно. Рассказ завершается картиной оставленного в огне Севастополя.

Через полгода (в 1856 г.) Толстой вышел в отставку и уехал в Ясную Поляну. Столкнувшись с крестьянской жизнью, он понял, что его представления о деревне были

наивны, что назрела необходимость освобождения крестьян от крепостного гнёта, что крестьяне правы в своей ненависти к помещикам. В этот период Толстой пишет повесть «Утро помещика». Герой повести, молодой барин Дмитрий Нехлюдов пытается разобраться в главном вопросе эпохи – во взаимоотношениях помещика и крестьянина. Он посвящает свою жизнь благородной цели: избавить крестьян от бедности, дать им образование, искоренить невежество и суеверие. Однако цель оказывается недостижимой. Путём частной благотворительности невозможно преодолеть нищету, к которой крестьяне привыкли и относятся к бедности безразлично. Нехлюдов убеждается, что между ним и его крестьянами стоит глухая стена: ему не верят, его не понимают, относятся с подозрением. Благие устремления героя завершились неизбежным крахом.

В начале 1857 года Толстой выехал за границу, где находился около полугода. Он побывал в Германии, Швейцарии, во Франции. Впечатления, полученные за рубежом, вызвали у него разочарование в западной цивилизации, демократии, морали. В швейцарском городе Люцерн Толстой видел, как «перед отелем, в котором останавливаются самые богатые люди, странствующий нищий певец в продолжение получаса пел и играл на гитаре. Около ста человек слушали его. Певец три раза просил их дать ему что-нибудь. Ни один человек не дал ему ничего, и многие смеялись над ним».

Этот эпизод положен в основу сюжета рассказа «Люцерн». Художник, бродячий певец и музыкант, изображённый в «Люцерне», стоит как бы вне того враждебного ему мира, с которым он временами сталкивается. Он нищий, часто бывает голоден, но всё-таки чувствует относительную независимость от мира, который так несправедлив и жесток к нему.

Толстой решительно отвергает «свободы» и «равенство», которые губят искусство. «В самом деле, – пишет он, – какое тут равенство, если лакей одет лучше певца и безнаказанно оскорбляет его», если всякий, у кого есть деньги и чины, может презирать тех, у кого их нет.

Рассказ «Люцерн» примечателен ещё и тем, что в нём обозначились признаки того, что впоследствии назовут «толстовщиной» – вера в «вечный дух», в «вечные нравственные начала».

В 1861-1862 гг. Толстой работает над циклом рассказов из деревенского быта и над повестью «Казаки», начало работы над которой относится ещё к 1852 году.

В последние годы жизни Толстой изнемогал под тяжестью напряжённой душевной работы. Сознавая, что «вера без дела мертва есть», он пытался согласовать своё учение с образом жизни, который вёл сам. С каждым днём Толстой всё мучительнее сознавал несправедливость барской жизни среди окружавшей Ясную Поляну бедности. Он страдал от сознания фальшивого положения перед крестьянами, в которое ставили его условия внешней жизни. От всякой собственности лично для себя Толстой отказался ещё в 1894 году, поступив так, как будто он умер, предоставив владение собственностью своей многодетной семье.

Отношения писателя с семьёй обострились, когда он официально отказался от гонораров за свои сочинения, написанные после духовного перелома. Толстой всё более и более склонялся к мысли уйти из семьи.

В 1910 г. он тайно покинул Ясную Поляну в сопровождении преданной ему до-

чери Александры Львовны и домашнего доктора Маковицкого. В дороге Толстой простудился и заболел воспалением лёгких. Пришлось сойти с поезда на станции Астапово Рязанской железной дороги.

Как отмечает один из исследователей, «есть что-то глубоко символическое в том, что Толстой, и умирая, находился в пути». Великий писатель ушёл из мира, всей жизнью доказав истинность мысли: «Нельзя быть добрым человеку, неправильно живущему».

«Война и мир»

В 1863 г. Толстой приступает к созданию романа «Война и мир», в котором отразились важнейшие вопросы эпохи: о путях развития России, о судьбах народа, о роли народа в истории, о взаимоотношении народа и дворянства, о роли личности в истории.

«Война и мир» – русская национальная эпопея. «Без ложной скромности, это – как «Илиада», – говорил Толстой. Сравнение с эпосом Гомера могло иметь только один смысл: в «Войне и мире» нашёл свое отражение национальный характер народа в тот момент, когда решались его исторические судьбы.

При создании «Войны и мира» писателя вдохновляла «мысль народная», то есть всенародное значение главного события для России той эпохи – войны 1812 года. Общеизвестно, что замысел романа-эпопеи «Война и мир» вызрел из попытки создать повесть «Декабристы». Первоначальная ведущая тема декабриста поглотилась более масштабной общечеловеческой темой о мире, потрясённом войной.

«Война и мир» – это и национальная эпопея о подвиге русского народа в Отечественной войне 1812 года, и дворянская «семейная хроника», и роман о годах молодости и зрелости героев, прошедших серьезные испытания на прочность характеров, показавших силу своего духа.

Композиция «Войны и мира» поражает своей сложностью и стройностью. Изображение самого процесса жизни в его непрерывном, непрекращающемся развитии в зависимости от всё новых и новых событий составляет композиционную особенность романа.

Толстой не прибегает к длительным авторским рассказам о своих персонажах, не сообщает от себя подробности их жизни, чтобы создать основу повествования. «Война и мир» сразу начинается с действия. В обрисовке динамичной обстановки салона Анны Павловны Шерер и семейного праздника у Ростовых писатель энергично и одновременно вводит в роман множество действующих лиц. Персонажи предстают перед читателем в один из обычных для их образа жизни дней. На протяжении последующих семи сюжетных лет одни стареют и умирают, другие растут и из своего частного мирка попадают в круговорот исторических событий, участвуют в войне и вновь возвращаются к мирной жизни, вступают в браки, воспитывают детей, – жизнь продолжается. И над одним из обычных дней Толстой «задёргивает занавес».

В романе движущая сила – сама история, динамика которой и составляет сюжет романа. Исторический процесс всегда непрерывен, он не имеет ни начала, ни конца – нет этого и в романе «Война и мир». Толстой не доводит жизнь героев до сюжетного завершения. Неизвестно, как закончилась жизнь многих из них. Однако это не создаёт впечатления незавершённости, так как обо всех героях всё необходимое сказано.

Чтобы резче высветить особенности тех или иных событий, и ярче показать ту или иную черту характера, Толстой часто прибегает к приёму контраста. Это выражено и в самом названии романа «Война и мир», и в расположении глав, и в их содержании. Контраст прослеживается и в изображении жизни петербургской аристократии, жизни России народной и в изображении ведущих героев.

Огромный жизненный материал в романе охвачен общим замыслом: «мысль народная» пронизывает все произведение. Толстой считал, что лишь «одухотворенная мысль» делает «бессмертными истинно великие произведения человеческого ума и сердца».

В романе «Война и мир» сталкиваются два состояния жизни: народ как единое целое, скреплённое нравственными традициями, и толпа, утратившая человеческий облик и одержимая животными инстинктами. Такой толпой в романе предстаёт светская чернь во главе с князем Василием Курагиным. Толпой становятся люди в эпизоде зверской расправы с Верещагиным. По Толстому, народ становится толпой и теряет человеческий облик, чувство «простоты, добра и правды», когда лишается исторической памяти, культурных и нравственных традиций. И по мере того, как разлагается народ и формируется толпа «приготовляется тот человек, который должен стать во главе будущего движения и нести на себе всю ответственность имеющего совершиться».

Толстой в «Войне и мире» поэтизирует народ как целостное духовное единство людей, основанное на вековых культурных традициях, и обличает толпу, единство которой держится на агрессивных инстинктах. Человек во главе толпы не может быть героем. Величие человека, по Толстому, определяется глубиною его связей с органической жизнью народа.

В романе-эпопее Толстой создаёт два символических характера, между которыми располагаются в различной близости все остальные. На одном полюсе – классически тщеславный Наполеон, на другом – классически демократичный Кутузов. С одной стороны – стихия индивидуалистического обособления («война»), с другой – духовные ценности и единение людей («мир»).

Образ Кутузова – одно из самых значительных художественных достижений Толстого.

В кампании 1805 года Кутузов – ненавистник прусской военной школы, талантливый и, когда необходимо, энергичный полководец. Но в нём ещё нет величия. Великим историческим деятелем Кутузова делает Отечественная война 1812 года и то доверие, которое оказали ему народ и армия.

Рисуя Кутузова в 1812 году, Толстой противопоставляет внешний облик немощного старика его внутреннему нравственному величию. Силы жизни и воля Кутузова как полководца и человека питались одной мыслью о победе над врагом. Это было его единственным стремлением и желанием. В образе Кутузова органично слились возвышенность его идеала и житейская простота. Во внешнем облике Кутузова Толстой, прежде всего, отличает его простоту, обыкновенные черты старого человека: полноту, рыхлость, сутулость, ныряющую тяжёлую походку. В нём нет ничего от повелителя народов. Его «простая, скромная, и поэтому истинно величественная фигура не могла улечься в ту лживую форму европейского героя, мнимо управляющего людьми, которую придумали», – пишет о нём Толстой.

Стратегия Кутузова заключалась в соединении двух сил: терпения и времени, о которых он всегда говорит, и нравственного духа войск, о котором он всегда заботится. Это только кажется, что Кутузов пассивен. Внешняя пассивность – форма проявления его мудрой человеческой активности. Кутузов-полководец действительно велик и гениален, но его величие и гениальность заключаются в исключительной чуткости к собирательной воле большинства. Он свободен от действий и поступков, диктуемых личными соображениями, тщеславием. Мудрость Кутузова заключается в умении принять «необходимость покорности общему ходу дел», в готовности «жертвовать своими личными чувствами для общего дела». Источник силы и особой мудрости полководца Толстой видит в «том народном чувстве, которое он несет в себе во всей чистоте и силе его». Народное чувство определяет и нравственные качества Кутузова, «ту высшую человеческую высоту, с которой он, главнокомандующий, направлял все силы не на то, чтобы убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасать и жалеть их».

Кутузов как представитель народной войны, как воплощение национальной стихии противостоит в романе Наполеону – наглому и жестокому завоевателю, действия которого в изображении Толстого не только не оправданы ни историей, ни потребностями французского народа, но и противоречат нравственному идеалу человечества.

Ничтожным и слабым в своём эгоистическом «величии» предстает Наполеон перед читателями. «Не столько сам Наполеон приготовлял себя для исполнения своей роли, сколько всё окружающее готовит его к принятию на себя всей ответственности того, что совершается. Нет поступка, нет злодеяния или мелочного обмана, который бы он совершил и который тотчас же в устах его окружающих не отразился бы в форме великого деяния». Агрессивной толпе нужен культ Наполеона для оправдания своих преступлений против человечества.

Толстой обличает бонапартизм как страшное общественное зло. Он показывает, что за громкими фразами больших и маленьких тиранов о народном благе таится эгоизм, бесчеловечность, стремление оправдать преступления, совершаемые во имя корыстных целей.

В основе толстовского замысла романа «Война и мир» лежит важнейшая идея – проследить и художественно описать, каким образом, при каких жизненных обстоятельствах пробудились в человеке из аристократической среды в эпоху войны 1805-1812 гг. та совесть и то высокое понимание чести и долга, которые привели его к отрицанию своей среды и разрыву с ней. И в этом – развёрнутое решение особой художественной задачи писателя в «Войне и мире» и конкретно в образах Андрея Болконского и Пьера Безухова.

Духовное развитие Андрея Болконского начинается с глубокой неудовлетворенности тем образом жизни, который он ведет. Мы знакомимся с ним в салоне Анны Шерер. На лице князя усталость и скука. «Эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь не по мне», – говорит он Пьеру.

Андрей Болконский стоит на самом высоком по тому времени интеллектуальном уровне. Его духовные учителя – французские просветители XVIII века: в беседе с Пьером он ссылается на Монтескье, идеи которого были популярны у дворянской молодежи. Несмотря на свою внешнюю холодность и сдержанность, молодой

Болконский способен на романтический энтузиазм, он мечтает о подвиге, о славе. Его кумиром является Наполеон. Князь Андрей восхищается его гением, его фантастической судьбой. Но его мечты о славе проникнуты гражданским пафосом. При этом он подчёркнуто обособляет себя от мира простых людей, полагая, что история творится в штабах армии, в высших сферах. Разумом князь Андрей понимает, что Тушин, спасший армию в Шенграбенском сражении, герой, но сердцем он не с ним: очень уж невзрачен и прост этот «капитан без сапог», спотыкающийся о древко знамени, взятого в качестве трофея у французов.

В душевном мире князя Андрея в период военной кампании 1805 года назревает и разрастается драматический разлад между высоким полётом его мечты и реальными серыми буднями фронтовой жизни. В торжественную минуту, в начале Аустерлицкого сражения, Андрей с благоговением взирает на полковые знамена, а потом бежит впереди всех к своей мечте со знаменем в руках. Но эта героически сладостная минута наполняется впечатлениями, далёкими от его высоких устремлений. Поверженный вражеской пулей, он лежит и видит над собой небо «неизмеримо высокое, с тихо ползущими по нём облаками... Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, не так, как мы бежали, кричали и дрались... Совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Всё пустое, всё обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет... кроме тишины, успокоения. И слава Богу!..» В бесконечных просторах высокого неба мелкими и наивными показались князю Андрею его недавние мечты. И когда перед ним остановился объезжавший поле боя Наполеон, былой кумир вдруг как бы поблек, съёжился, стал маленьким и тщедушным. «Ему так ничтожны казались в эту минуту все интересы, занимавшие Наполеона, так мелочен казался ему сам герой его, с этим мелким тщеславием и радостью победы, в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел».

В душе Андрея совершается переворот. Он вспомнил близких, дом, вспомнил о жене, «маленькой княжне», и понял, что в пренебрежительном отношении к ней часто был несправедлив. Честолюбивые мечты сменились желанием простой и тихой семейной жизни. Именно таким, умиротворённым и смягчённым, вернулся князь Андрей из плена в «родное гнездо». Но жизнь мстит ему за фамильную гордость, за наивные мечты о славе, о геройстве – за наполеонизм. В момент приезда умирает от родов жена, и князь Андрей читает на её застывшем лице вечный укор: «Ах, что вы со мной сделали?».

Князь, одолеваемый горем, в глубокой депрессии всё же пытается жить простой жизнью, наполненной заботами о хозяйстве, родных, маленьком сыне. Но это даётся ему с трудом. Андрей чувствует, что всё кончено, что сама сущность жизни жалка и ничтожна, что человек одинок и беззащитен. Из депрессии его выводит Пьер, приехавший в Богучарово в счастливую пору своей жизни. Пьер увлечён масонством, он нашёл смысл жизни в религиозной истине. Пьер пытается убедить князя Андрея, что его суждения о жизни неоправданно мрачны, безотрадны, и ограничены только суетным, бренным, земным миром. «Надо жить, надо любить, надо верить, – говорит Пьер, – что живём не нынче только на этом клочке земли, а живём и будем жить вечно там, во всем (он указал на небо)».

Андрей еще спорит с Безуховым, доказывая, что разобщённость между людьми неизбежна. Однако логика его аргументов в споре уже постепенно расходится с тем внутренним чувством, которое возрождается в нём. И князю всё более и более близки суждения Пьера. Взглянув на небо, на которое указал ему Пьер, Андрей впервые после Аустерлица «увидал то высокое, вечное небо, которое он видел, лёжа на Аустерлицком поле, и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было в нём, вдруг радостно и молодо проснулось в его душе». Встреча с Пьером оказалась для Андрея не менее значительным событием, чем его участие в сражении под Аустерлицем. По пути в Отрадное князь видит старый дуб, корявый и оголённый посреди свежей весенней зелени. «Таков и я», – думает Андрей. Однако он ошибается. Прежний он только внешне, внутри князя происходит активное обновление, пробуждённое встречей с Пьером. На обратном пути князь с трудом узнает позеленевший и помолодевший старый дуб. «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год, – вдруг окончательно, беспременно решил князь Андрей».

В гордом характере Болконского появилось нечто новое. Если раньше, под небом Аустерлица, он мечтал жить для других, отделяя себя от них, то теперь в нём проснулось желание жить вместе с другими. В нём появляется потребность в общении, стремление жить среди людей.

Встреча с Наташей возвращает Андрею ощущение «естественных» и «искусственных» ценностей жизни. Он начинает понимать, что реформы Сперанского призрачны и фальшивы. Князь «приложил права лиц, которые распределял по параграфам», к своим мужикам, и ему «стало удивительно, как он мог так долго заниматься праздной работой».

Через Наташу продолжается приближение князя Андрея к земной жизни. Он влюблен и, казалось бы, близок к счастью. Однако в романе сразу же предчувствуется невозможность счастливого завершения. В отношениях Наташи с Андреем нет желаемой полноты, предельного взаимопонимания. Для неё князь – загадочный, таинственный человек. И для Андрея Наташа – загадка. Полное непонимание её он сразу же обнаруживает, отсрочив свадьбу на один год. Этой отсрочкой, неумением пользоваться каждым прекрасным мгновением жизни, Андрей сам спровоцировал катастрофу, невольно подтолкнув Наташу к измене.

Верный гордому фамильному началу, Болконский не смог потом и простить Наташу, потому что не сумел её почувствовать и понять. У князя нет дара чувствовать чужое «я», проникаться заботами и душевными переживаниями другого человека.

Однако 1812 год многое изменит в Наташе и Андрее. Судьба ещё раз сведёт их друг с другом. Война разбудила в князе Андрее новые чувства: он понял теперь законность существования «других, совершенно чуждых ему, но столь же законных человеческих интересов, как и те, которые занимали его». В разговоре с Пьером накануне Бородинского сражения князь Андрей глубоко осознает народный характер войны, он далеко ушел от своих былых представлений о «творческих силах истории». Если под Аустерлицем он служил в штабе армии, принимал участие в составлении планов и диспозиций, то теперь он становится боевым офицером. Князь считает, что исход сражения зависит от духа войска, от настроения простых солдат. Однако стать одним из них, породниться душою с простыми солдатами, Андрею не дано. В мину-

ту смертельного ранения князь Андрей испытывает последний страстный порыв к жизни: «совершенно новым завистливым взглядом» смотрит он на траву. И потом, уже на носилках он думает: «Отчего мне так жалко было расставаться с жизнью? Что-то было в этой жизни, чего я не понимал и не понимаю».

Глубоко символично, что под Аустерлицем князю открылось отрешённое от суеты высокое небо, а под Бородином – близкая, но ускользающая из рук земля, завистливый взгляд на неё. Небо и земля, жизнь и смерть борются друг с другом в душе князя Андрея. Эта борьба проявляется в двух формах любви: одна – земная, теплая любовь к Наташе; и как только такая любовь пробуждается в нём, сразу же вспыхивает ненависть к Анатолю: Андрей чувствует, что не в силах простить его.

Другая любовь – «идеальная» любовь ко всем людям, холодноватая и внеземная. Как только в душе князя возникает эта любовь, он чувствует отрешённость от жизни, освобождение и удаление от нее. Любить всех для князя Андрея — это значит не жить земной жизнью. Борьба завершается победой «идеальной» любви. Земля, манившая к себе Болконского в роковую минуту, так и осталась недоступной. Восторжествовало величественное, отрешенное от мира небо. Князя Андрея поманили, позвали к себе, но ускользнули, оставшись недосягаемыми, те духовные идеалы, которые были рождены событиями 1812 года.

Изображение личности и духовного развития Пьера Толстой начинает с раскрытия противоречия между внутренней, нравственной сущностью героя и образом его жизни.

Пьер полон благородных, свободолюбивых идей. Однако в личной жизни его благородные воззрения на права и достоинства человека, на общее благо совмещались в эту пору с кутежами в компании Анатоля Курагина. Он ведет самую разгульную жизнь в кругу прославленной в этом отношении столичной аристократической молодёжи. Борьба духовного с чувственным и является формой процесса внутреннего развития Пьера. Чувственное начало одерживает верх в Пьере над духовным: он женится на чуждой ему Элен. Затем постепенно побеждает духовное, нравственное начало.

Нравственное потрясение, испытанное Пьером в столкновении с Долоховым, пробуждает в нём угрызения совести. Задумавшись над вопросом о смысле жизни человека, Пьер приходит к масонству. Он искренне стремится облегчить положение своих крестьян вплоть до освобождения от крепостной зависимости. Здесь Пьер впервые соприкасается с народной средой, но довольно поверхностно. Однако вскоре Пьер убеждается в бесплодности масонского движения и отходит от него.

Отечественная война 1812 года многое изменила в Пьере. В отличие от Болконского, он не только понимает законность народного мироощущения, но и принимает его, душою роднится с простыми солдатами. Жизнь продолжается. Пьер видит, что мирными хранителями вечных основ жизни оказываются не господа, а люди из народа. «Солдатом быть, просто солдатом! – думал Пьер, засыпая. – Войти в эту общую жизнь всем существом, проникнуться тем, что делает их такими».

Довершают духовное перерождение Пьера плен и встреча с Платоном Каратаевым. Пьер попадает в плен после очередного испытания: он видит, как французы расстреливают ни в чём не повинных людей. Всё рушится в его душе. «Мир завалился в его глазах и остались одни бессмысленные развалины. Он чувствовал, что

возвратиться к вере в жизнь – не в его власти». Но на пути Пьера встает простой русский солдат Платон Каратаев, который покоряет Пьера любовью к миру: «А много вы нужды увидали, барин? А?» – сказал вдруг маленький человек. И такое выражение ласки и простоты было в певучем голосе человека, что Пьер хотел отвечать, но у него задрожала челюсть, и он почувствовал слёзы».

Общение с Платоном Каратаевым приводит Пьера к более глубокому пониманию смысла жизни: «прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его душе».

Рисуя типы девушек из патриархального московского общества и провинциального дворянского мирка, Толстой вслед за Пушкиным связывал их необычность с влиянием на их нравственное развитие народной среды и народных обычаев. Наташа Ростова – дворянка по происхождению, по окружающему её миру, но ничего сословно-дворянского в ней нет. К Наташе с любовью относятся слуги, крепостные люди, всегда с радостью и удовольствием исполняющие ее поручения. Ей в высшей степени присуще чувство близости ко всему русскому, ко всему народному: к родной природе, к простым русским людям, к народным песням и пляске.

Нравственное и патриотическое чувство сближало Наташу с народной средой, как сблизило с этой средой Пьера и князя Андрея. Наташу Толстой явно противопоставляет фальшивой и лицемерной «культуре» Жюли Карагиной. В то же время Наташа отличается и от Марии Болконской с её религиозно-нравственным миром.

Наташа отрицает принятые в дворянском кругу сословные ограничения и предрассудки. Героиня Толстого устремлена к тому совершенному состоянию жизни, где люди живут свободно и бескорыстно, где отношения между ними строятся на широкой демократической основе.

Бесшабашное увлечение Анатолем и разрыв с Андреем ввергли Наташу в состояние душевного кризиса, из которого её выводит тревожное известие об угрозе французов, приближающихся к Москве. Общенациональная беда заставляет Наташу забыть о своих собственных несчастьях. Органично живущее в ней русское начало проявляется в патрио-тическом порыве при отъезде из Москвы. В эти трудные дни её любовь к людям достигает вершины – полного забвения своего «я» ради других.

Сила любви Наташи заключается в том, что её самопожертвование совершенно бескорыстно. Этим она отличается от расчётливой жертвенности Сони.

Толстой показывает и утверждает высшее призвание и назначение женщины в материнстве. И Наташа – идеальное воплощение женственности. Она и в зрелом возрасте остается верной самой себе – всё богатство её натуры уходит в материнство и семью. Отношения между Наташей и Пьером глубоко человечны и чисты. Пьер ценит в Наташе её женскую интуицию, с которой она угадывает его малейшие желания, и любуется непосредственной чистотой её чувств. «После семи лет супружества Пьер чувствовал радостное, твёрдое сознание того, что он не дурной человек, и чувствовал он это потому, что он видел себя отражённым в своей жене. В себе он чувствовал всё хорошее и дурное смешанным и затемнявшим одно другое. Но на жене его отражалось только то, что было истинно хорошо: всё не совсем хорошее было откинуто. И отражение это произошло не путём логической мысли, а другим – таинственным, непосредственным отражением».

Эпилог романа – гимн духовным основам семейного очага как высшей форме единения между людьми. Семья Марии Болконской и Николая Ростова – синтез противоположных начал Ростовых и Болконских. Прекрасно чувство «гордой любви» Николая к Марье, и трогательна покорная, нежная любовь Марьи к нему.

В эпилоге Толстой вновь обращается к фактам истории, связывая новый период жизни Пьера с декабристским движением. В рассказе Пьера о петербургских новостях, в репликах Денисова Толстой очень точно воссоздаёт социально-политическую обстановку, сложившуюся к 1820 году, – усиление реакции, рост влияния Аракчеева. Выход честного и прямого Денисова в отставку исторически был одной из форм протеста свободомыслящих офицеров против усиления в армии аракчеевщины. Вместе с тем, отставкой Денисова Толстой иллюстрирует тот факт, что герои 1812 года всё больше оказывались не ко двору. Героическая эпоха русской армии, связанная с именами Кутузова, Багратиона отходила в прошлое. Многие из офицеров, отличившиеся в войнах с Наполеоном, стали участниками декабристского движения.

Если Пьер Безухов в эпилоге представляет собой первый, мирный период движения декабристов, то его второй, героический период намечается Толстым в образе Николеньки Болконского. Эпилог обрывается на переживаниях Николеньки, перед которым возник образ отца: «Отец, отец! Да, я сделаю то, чем бы даже он был доволен». «Война и мир» заканчивается сценой, обращённой к тому героическому прошлому, которое было неразрывно связано с великой эпопеей Отечественной войны 1812 года.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Какой смысл заложен в названии романа Л.Н. Толстого «Война и мир»?
2. Чем близки и чем далеки друг от друга Андрей Болконский и Пьер Безухов?
3. Расскажите об изменениях в характере князя Андрея в период от Аустерлица до Бородина.
4. Как вы думаете, почему любовь Наташи к князю Андрею была обречена на неудачу?
5. Что Л.Н. Толстой считает главной мыслью романа «Война и мир»?

ГЛОССАРИЙ

Роман-эпопея – масштабное эпическое произведение, сочетающее изображение объективно-исторических событий (чаще всего героического характера) и повседневной жизни частного человека. Историческая конкретика и осмысление универсальных закономерностей исторического процесса, массовые сцены – например, реальные сражения и индивидуальный мир вымышленного персонажа на равных правах представлены в эпопее. В русской литературе XIX и XX веков примерами романа-эпопеи являются «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Тихий Дон» М. Шолохова.

Видео Аудио

«Анна Каренина»

В эпопее «Война и мир» «мысль семейная» была непосредственно связана с эпической основой произведения, где семья выступает как исходное начало «настоящей жизни людей», а в романе «Анна Каренина» (1873-1877) та же мысль должна была показать, как разрушились и видоизменились условия, в которых единственно и могла существовать гармония семьи.

Мир добра и красоты в «Анне Карениной» гораздо более тесно переплетается с миром зла, под влиянием которого главная героиня, в конечном счёте, гибнет. Поэтому судьба Анны полна драматизма. Чувства матери и любящей женщины, испытываемые Анной, Толстой показывает как равноценные. Её любовь и материнское чувство остаются для Анны несоединимыми. С Вронским у неё связано представление о себе как о любящей женщине, с Карениным – как о безупречной матери их сына. Героиня хочет одновременно быть и той и другой. Она обращается к Каренину: «Я всё та же... Но во мне есть другая, я её боюсь – она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та – не я. Теперь я настоящая, я вся». «Вся», значит и та, которая была до встречи с Вронским, и та, которой она стала потом.

Но Анне ещё не суждено было умереть. Она не успела ещё испытать всех страданий, выпавших на её долю, не успела ещё испробовать всех дорог к счастью. Вновь сделаться верной женой Каренина она не могла. Даже на пороге смерти она понимала, что это невозможно, невозможным было для неё также идти дорогою «обмана и лжи».

Одна за другой рушатся мечты Анны. Рухнула её мечта уехать с Вронским за границу и всё забыть; действительность, от которой она хотела уйти, настигла её и за границей. Вронский явно скучал и раздражался, что не могло не тяготить Анну. Самое главное – дома остался сын, разлука с которым не могла принести счастья любящей матери.

В России её ожидали мучения ещё более тяжкие. Время, когда она могла мечтать о будущем и как-то примирить себя с настоящим, прошло. Безысходность этого настоящего предстала перед ней во всем своём страшном облике.

По мере развития сюжета открывается смысл конфликта – всего происшедшего. Петербургскую аристократию Анна подразделяет на три круга: первый круг – сослуживцы Каренина. К ним Анна вначале питала огромное уважение, но вскоре потеряла к нему интерес, так как уяснила, «кто за кого и чем держится, и кто с кем и в чём расходится». Второй круг – тот, с помощью которого Каренин сделал карьеру. Первое время Анна дорожила этим кругом, даже имела в нём друзей; в его центре стояла Лидия Ивановна. Однако вскоре он стал для неё просто невыносим. Анна поняла, что представители этого круга – лицемеры, они притворяются в своей «добродетели»; на самом же деле расчётливы и злы. После встречи с Вронским Анна порвала с этим кругом и оказалась втянутой в третий, образовавшийся вокруг Бетси Тверской. Княгиня Бетси внешне противостоит набожной Лидии Ивановне. Она не скрывает своего вольного поведения, но заявляет, что в старости уподобится Лидии Ивановне. Это признание Бетси говорит о том, что она и Лидия Ивановна – две стороны одной медали – циничность и ханженство. Впрочем, лицемерны все круги общества, с которыми сталкивалась

Анна, искавшая честного, бескомпромиссного счастья. Вокруг же царили ложь, лицемерие, ханжество, явный и скрытый разврат. Весь ужас положения Анны заключается в том, что не она судит этих порочных людей, а они её.

Потеряв для себя сына, Анна особенно стала дорожить любовью Вронского, ставшего для нее самой жизнью.

Однако эгоистичный Вронский не мог понять души Анны, которая теперь полностью его собственность и потому мало его беспокоила. Между ними всё чаще возникали недоразумения. Причём, формально Вронский оказывался прав. Суть в том, что поступками Вронского руководило «благоразумие», как понимали это люди его круга; поступками же Анны руководило её большое чувство, которое никак не могло согласоваться с «благоразумием». В своё время Каренин был напуган тем, что «свет» уже обратил внимание на отношения его жены и Вронского, боялся, что разразится скандал. Так «неблагоразумно» вела себя Анна! Теперь суда «общества» боится Вронский, видящий причину скандала всё в том же «неблагоразумии» Анны.

В поместье Вронского разыгрывается заключительный акт трагедии. Анна, сильная и жизнелюбивая, казалась многим вполне счастливой. В действительности она была глубоко несчастна. Последняя встреча Долли и Анны подводит итог их жизни. Одна смирилась и потому несчастлива, другая, напротив, осмелилась отстаивать своё счастье и потому тоже несчастлива. В образе Долли Толстой поэтизирует материнское чувство. Она смирилась со своей жизнью ради детей, и в этом решении – совершить подвиг ради детей – своеобразный укор Анне.

За несколько минут до смерти Анна думает: «Всё неправда, всё ложь, всё обман, всё зло!» Поэтому ей хочется умереть, «потушить свечу». «Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше не на что, когда гадко смотреть на всё это?»

Как и Анна Каренина, Константин Левин, являясь в романе одним из главных героев, – вполне сложившийся характер. Его духовный мир постоянно в движении и развитии. Левин вырос и воспитывался в условиях помещичьей среды, усвоил многие её взгляды и привычки. Вместе с тем, он обладал острым, честным умом, был требователен к себе, стремился каждое убеждение проверять практикой реальной жизни.

Коренное противоречие между идеалом и реальной жизнью ставит Левина в трагическое положение. Счастливый семьянин, Левин, тем не менее, боится носить с собой ружьё или верёвку, чтобы не покончить жизнь самоубийством.

Левин непосредственно занимается своим помещичьим хозяйством, видя в этом занятии эксперимент, который в случае удачи мог бы послужить основанием для решения крестьянского вопроса во всей России. Образы Левина и Анны, их характеры и поведение обусловили сюжет и композицию романа.

Искания духовно развитой личности – один из самых существенных признаков в содержании и построении романов Толстого.

Завязка романа концентрируется вокруг проблемы счастья и несчастья в человеческой жизни. Анна Каренина приезжает из Петербурга в Москву, чтобы избавить от несчастья семью Облонских, но познаёт здесь то, что она сама несчастна. Идя навстречу своему счастью, она делает несчастной Кити, которая, в свою очередь и в это же время, делает несчастным Левина.

Не случайно роман начинается словами: «Все счастливые семьи похожи друг

на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Толстой подчёркивает, что его занимают несчастливые семьи. Действительно, нет счастья ни в семье Облонских, ни в семье Карениных, ни в семье Анны и Вронского.

Семья Левиных в известном смысле может считаться и счастливой, если поиски семейного счастья для Левина – не самоцель, а повседневная озабоченность. Образы этих двух героев – Анны и Левина – при всём их несходстве отражают единый путь духовных и нравственных исканий Толстого, силу и многообразие критики современной ему действительности.

Человек, по Толстому, противоречив, в нём борются два начала – плотское и духовное, животное и божественное. Отрекаясь от бренной телесной жизни, человек приближается к жизни истинной, смысл которой в духовной любви к миру и ближнему, как к самому себе.

Пути к истинной жизни в учении Толстого – в самосовершенствовании человека. Главное в этом учении – заповедь о непротивлении злу насилием: злом нельзя уничтожить зло, единственное средство борьбы с насилием – воздержание от насилия. Только добро способно победить зло. Толстой допускает, что вопиющий факт насилия может заставить человека ответить насилием. Такая ситуация – частный случай. Насилие не должно быть неотъемлемым принципом, законом жизни.

К заповеди непротивления злу насилием примыкают ещё четыре нравственных заповеди: не прелюбодействуй и соблюдай чистоту семейной жизни; не клянись и не присягай никому и ни в чём; не мсти никому и не оправдывай чувства мести тем, что тебя обидели, учись терпеть обиды; все люди братья – учись и во врагах видеть доброе. С позиции этих вечных нравственных истин Толстой развёртывает беспощадную критику современных ему общественных институтов: церкви, государства, собственности и семьи.

Толстой в своём учении показывает, как падает авторитет государственной власти: государственная служба теряет престиж в глазах честных людей. Захватывать и удерживать власть не могут добрые люди, так как властолюбие соединяется не с добротой, а с хитростью, жестокостью, гордостью. Люди, находящиеся у власти, не только не являются цветом общества, но находятся значительно ниже его среднего уровня. Смена чиновников не решает проблемы.

Поэтому гармоническое устройство общества недостижимо с помощью политических преобразований или революционной борьбы за власть. Государство, основанное на насилии, способно лишь заменить одну форму зла другой. В итоге Толстой приходит к полному отрицанию государственной власти, к анархизму. Однако, в отличие от революционных анархистов, он считает, что упразднение государства произойдёт не с помощью насилия, а путём мирного воздержания и уклонения людей от всех государственных обязанностей и должностей, от политической деятельности, что в свою очередь вызовет сокращение городского населения и резкое увеличение удельного веса трудовой земледельческой жизни. Земледельческая жизнь, по Толстому, приведёт к общинному самоуправлению. При этом произойдёт упрощение форм жизни и опрощение самого человека. Толстой утверждает идеал общежития свободных и равноправных людей, призывает к отказу от излишеств цивилизации, угрожающей гибелью духовным основам жизни.

Учение Толстого о семье прямо связано с его представлениями о двойственной природе человека – духовной и животной. По Толстому, в современной семье и обществе преобладает чувственный инстинкт, а духовные связи между мужчиной и женщиной необычайно слабы. Писатель настаивает на восстановлении этих связей. Данной теме посвящены такие произведения, как «Крейцерова соната» и «Отец Сергий».

Толстой считает женскую эмансипацию противоестественной, так как главная обязанность женщины – стать матерью и воспитывать детей.

В основу воспитания ребёнка в семье должен быть положен закон об истинной жизни, ведущей к духовному единению людей. Воспитание будет сложным, если, воспитывая детей, люди не будут воспитывать себя. Первое и главное условие воспитания – правда. Но чтобы не стыдно было показать детям всю правду своей жизни, надо сделать свою жизнь хорошей или, по крайней мере, менее дурной.

Таковы основы религиозно-этического учения Толстого, подхваченные значительной частью русской и западноевропейской интеллигенции конца XIX – начала XX века.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Как проявилось художественное мастерство Л.Н. Толстого в романе «Анна Каренина»?

2. Почему Каренина оказалась трагической героиней романа? В чём сказалась вина её перед семьёй и обществом?

3. Был ли у Анны иной выход? Выпишите из текста романа самые яркие цитаты, отражающие душевные страдания героини.

«Воскресение»

С переходом Толстого на позиции патриархального крестьянства существенно изменилось и его художественное творчество. Эти перемены сказались в его последнем романе «Воскресение» (1889-1899).

Главные беды цивилизации Толстой видит в чувстве стадности, утрате человеческой личностью духовных ценностей. Дмитрий Нехлюдов соблазнил воспитанницу в доме своих тёток Катюшу Маслову, а затем бросил её потому, что жить, веря себе, было слишком трудно: веря себе, всякий вопрос надо решать всегда не в пользу своего животного «я», ищущего легких радостей, а почти всегда против него; веря же другим, решать было нечего, всё уже было решено и решено было всегда против духовного и в пользу животного «я».

Толстой пророчески ощущал приближение XX века – века острейших социальных конфликтов и потрясений, века массовых общественных движений, в которых затеряется человеческая индивидуальность. Эту надвигавшуюся угрозу воцарения всеобщего, обезличивающего стандарта с его принципиальным отказом от личной ответственности и индивидуальным выбором нравственной позиции Толстой видит во всём: от природы до портрета человека. Писатель рассказывает об утре Нехлюдова: «В то время, когда Маслова, измученная длинным переходом, проходила

с своими конвойными к зданию окружного суда, тот самый племянник её воспитательниц, князь Дмитрий Иванович Нехлюдов, который соблазнил её, лежал ещё на своей высокой, пружинной с пуховым тюфяком, смятой постели и, расстегнув ворот голландской чистой ночной рубашки с заутюженными складочками на груди, курил папиросу». Подробности обстановки и внешнего вида Нехлюдова («гладкие белые ноги», «полные плечи», «отпущенные ногти», «мускулистое, обложившееся жиром белое тело») подчёркивает принадлежность князя к касте господ. Личность героя растворилась в теле целого барского сословия. Генералы, министры, судьи, адвокаты, проходящие перед читателем в «Воскресении», являются «подробностями» одного обезличенного существа, жадного, грубого, эгоистичного.

Духовная гибель Нехлюдова связана с отказом от себя, от внутреннего чувства стыда и совести: «Но что же делать? Всегда так. Так это было с Шенбоком и гувернанткой, про которую он рассказывал, так это было с дядей Гришей, так это было с отцом... А если все так делают, то, стало быть, так и надо». Нехлюдов растворяется в общепринятой господской морали.

Встреча с Катюшей на суде пробуждает в Нехлюдове духовное начало. Ему «гадко и стыдно». Князь принимает решение искупить свою вину перед этой обманутой, опозоренной и падшей женщиной: «Женюсь на ней, если это нужно». «На глазах его были слёзы, когда он говорил себе это, и хорошие и дурные слёзы: хорошие слёзы потому, что это были слёзы радости пробуждения в себе того духовного существа, которое все эти годы спало в нём, и дурные потому, что они были слёзы умиления над самим собою, над своей добродетелью».

Автор смело вторгается во внутренние переживания героя, оценивает их от себя, со своей нравственной позиции. В первоначальном чувстве и решении Нехлюдова скрыто нехорошее – барский эгоизм: ему приятно облагодетельствовать падшую женщину с высоты своего положения, он любуется своим благородством и самопожертвованием. Этот господский взгляд глубоко оскорбляет Катюшу Маслову, пробуждает в ней забытое чувство человеческого достоинства: «Уйди от меня. Я каторжная, а ты князь, и нечего тебе тут быть... Ты мной в этой жизни услаждался, мной же хочешь и на том свете спастись! Противен ты мне, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди ты!»

Получив урок, Нехлюдов задумывается над своим положением, и чувство стыда перед Катюшей осложняется стыдом перед всеми подвластными ему крестьянами. Он едет в деревню, мечтая, как обрадуются мужики, когда он предложит им землю за невысокую цену. Однако на лицах мужиков он видит не благодарность и умиление, а презрение, недоверие и неодобрение. Народ не даёт Нехлюдову удовольствия почувствовать своё благородство.

Возвращаясь в столицу, князь испытывает уже стыд за себя самого. Наступает новый этап в духовном воскресении героя. Он изживает в себе господский эгоизм. Только теперь он увидел и понял «что он сделал с душой этой женщины».

Постепенно стыд за себя превращается в стыд за людей его круга, за всю господскую касту, к которой он принадлежит: «Начав обвинять себя в том, что было с Масловой, он обвинял себя и во всех жестокостях, которые, как он узнал теперь, совершались... во всех тех домах России, где одни люди мучили других».

Нехлюдов начинает понимать, что невозможно женитьбой на Катюше искупить свою вину, так как его вина – частица общей огромной вины всего сословия, всех людей его круга. Совесть Нехлюдова может успокоиться только тогда, когда будут устранены коренные противоречия современного ему общественного устройства.

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

И.А. Бунин «Освобождение Толстого»
В.В. Вересаев «Художник жизни»

ВОСКРЕСЕНИЕ

(Фрагменты)

Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, – весна была весною даже и в городе. Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли её, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и берёзы, тополи, черёмуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопавшиеся почки; галки, воробьи и голуби по-весеннему радостно готовили уже гнёзда, и мухи жужжали у стен, пригретые солнцем. Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди – большие, взрослые люди – не переставали обманывать и мучать себя и друг друга. Люди считали, что священно и важно не это весеннее утро, не эта красота мира Божия, данная для блага всех существ, – красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом.

Так, в конторе губернской тюрьмы считалось священным и важным не то, что всем животным и людям даны умиление и радость весны, а считалось священным и важным то, что накануне получена была за номером с печатью и заголовком бумага о том, чтобы к девяти часам утра были доставлены в нынешний день, 28-го апреля, три содержащиеся в тюрьме подследственные арестанта – две женщины и один мужчина. Одна из этих женщин, как самая важная преступница, должна была быть доставлена отдельно. И вот, на основании этого предписания, 28-го апреля в тёмный вонючий коридор женского отделения, в восемь часов утра, вошёл старший надзиратель. Вслед за ним вошла в коридор женщина с измученным лицом и вьющимися седыми волосами, одетая в кофту с рукавами, обшитыми галунами, и подпоясанную поясом с синим кантом. Это была надзирательница.

– Вам Маслову? – спросила она, подходя с дежурным надзирателем к одной из дверей камер, отворявшихся в коридор.

Надзиратель, гремя железом, отпёр замок и, растворив дверь камеры, из которой хлынул ещё более вонючий, чем в коридоре, воздух, крикнул:

– Маслова, в суд! – и опять притворил дверь, дожидаясь.

Даже на тюремном дворе был свежий, живительный воздух полей, принесённый ветром в город. Но в коридоре был удручающий тифозный воздух, пропитанный запахом испражнений, дёгтя и гнили, который тотчас же приводил в уныние и грусть всякого вновь приходившего человека. Это испытала на себе, несмотря на привычку к дурному воздуху, пришедшая со двора надзирательница. Она вдруг, входя в коридор, почувствовала усталость, и ей захотелось спать.

В камере слышна была суетня: женские голоса и шаги босых ног.

– Живей, что ль, поворачивайся там, Маслова, говорю! – крикнул старший надзиратель в дверь камеры.

Минуты через две из двери бодрым шагом вышла, быстро повернулась и стала подле надзирателя невысокая и очень полногрудая молодая женщина в сером халате, надетом на белую кофту и на белую юбку. На ногах женщины были полотняные чулки, на чулках – острожные коты, голова была повязана белой косынкой, из-под которой, очевидно умышленно, были выпущены колечки вьющихся чёрных волос. Все лицо женщины было той особенной белизны, которая бывает на лицах людей, проведших долгое время взаперти, и которая напоминает ростки картофеля в подвале. Такие же были и небольшие широкие руки и белая полная шея, видневшаяся из-за большого воротника халата. В лице этом поражали, особенно на матовой бледности лица, очень чёрные, блестящие, несколько подпухшие, но очень оживлённые глаза, из которых один косил немного. Она держалась очень прямо, выставляя полную грудь. Выйдя в коридор, она, немного закинув голову, посмотрела прямо в глаза надзирателю и остановилась в готовности исполнить всё то, что от неё потребуют. Надзиратель хотел уже запереть дверь, когда оттуда высунулось бледное, строгое, морщинистое лицо простоволосой седой старухи. Старуха начала что-то говорить Масловой. Но надзиратель надавил дверь на голову старухи, и голова исчезла. В камере захохотал женский голос. Маслова тоже улыбнулась и повернулась к зарешетенному маленькому оконцу в двери. Старуха с той стороны прильнула к оконцу и хриплым голосом проговорила:

– Пуще всего – лишнего не высказывай, стой на одном, и шабаш.

– Да уж одно бы что, хуже не будет, – сказала Маслова, тряхнув головой.

– Известно, одно, а не два, – сказал старший надзиратель с начальственной уверенностью в собственном остроумии. – За мной, марш!

Видневшийся в оконце глаз старухи исчез, а Маслова вышла на середину коридора и быстрыми мелкими шагами пошла вслед за старшим надзирателем. Они спустились вниз по каменной лестнице, прошли мимо ещё более, чем женские, вонючих и шумных камер мужчин, из которых их везде провожали глаза в форточках дверей, и вошли в контору, где уже стояли два конвойных солдата с ружьями. Сидевший там писарь дал одному из солдат пропитанную табачным дымом бумагу и, указав на арестантку, сказал:

– Прими.

Солдат – нижегородский мужик с красным, изрытым оспою лицом – положил бумагу за обшлаг рукава шинели и, улыбаясь, подмигнул товарищу, широкоскулому чувашину, на арестантку. Солдаты с арестанткой спустились с лестницы и пошли к главному выходу.

В двери главного выхода отворилась калитка, и, переступив через порог калитки на двор, солдаты с арестанткой вышли из ограды и пошли городом посередине мощёных улиц.

Извозчики, лавочники, кухарки, рабочие, чиновники останавливались и с любопытством оглядывали арестантку; иные покачивали головами и думали: «Вот до чего доводит дурное, не такое, как наше, поведение». Дети с ужасом смотрели на разбойницу, успокаиваясь только тем, что за ней идут солдаты, и она теперь ничего уже не сделает. Один деревенский мужик, продавший уголь и напившийся чаю в трактире, подошёл к ней, перекрестился и подал ей копейку. Арестантка покраснела, наклонила голову и что-то проговорила.

Чувствуя направленные на себя взгляды, арестантка незаметно, не поворачивая головы, косилась на тех, кто смотрел на неё, и это обращённое на неё внимание веселило ее. Веселил её тоже чистый, сравнительно с острогом, весенний воздух, но больно было ступать по камням отвыкшими от ходьбы и обутыми в неуклюжие арестантские коты ногами, и она смотрела себе под ноги и старалась ступать как можно легче. Проходя мимо мучной лавки, перед которой ходили, перекачиваясь, никем не обижаемые голуби, арестантка чуть не задела ногою одного сизяка; голубь вспорхнул и, трепеща крыльями, пролетел мимо самого уха арестантки, обдав её ветром. Арестантка улыбнулась и потом тяжело вздохнула, вспомнив своё положение.

XII

Да, это была Катюша.

Отношения Нехлюдова к Катюше были вот какие.

В первый раз увидал Нехлюдов Катюшу тогда, когда он на третьем курсе университета, готовя своё сочинение о земельной собственности, прожил лето у своих тётушек. Обыкновенно он с матерью и сестрой жил летом в материнском большом подмосковном имении. Но в этот год сестра его вышла замуж, а мать уехала на воды за границу. Нехлюдову же надо было писать сочинение, и он решил прожить лето у тётушек. У них в их глуши было тихо, не было развлечений; тётушки же нежно любили своего племянника и наследника, и он любил их, любил их старомодность и простоту жизни.

Нехлюдов в это лето у тётушек переживал то восторженное состояние, когда в первый раз юноша не по чужим указаниям, а сам по себе познаёт всю красоту и важность жизни, и всю значительность дела, предоставленного в ней человеку, видит возможность бесконечного совершенствования и своего, и всего мира и отдаётся этому совершенствованию не только с надеждой, но и с полной уверенностью достижения всего того совершенства, которое он воображает себе. В этот год ещё в университете он прочёл «Социальную статику» Спенсера, и рассуждения Спенсера о земельной собственности произвели на него сильное впечатление, в особенности потому, что он сам был сын большой землевладелицы. Отец его был небогат, но мать получила в приданое около десяти тысяч десятин земли. Он в первый раз понял тогда всю жестокость и несправедливость частного землевладения, и, будучи одним из тех людей, для которых жертва во имя нравственных требований

составляет высшее духовное наслаждение, он решил не пользоваться правом собственности на землю и тогда же отдал доставшуюся ему по наследству от отца землю крестьянам. Он на эту же тему и писал своё сочинение.

Жизнь его в этот год в деревне у тётушек шла так: он вставал очень рано, иногда в три часа, и до солнца шёл купаться в реку под горой, иногда ещё в утреннем тумане, и возвращался, когда ещё роса лежала на траве и цветах. Иногда по утрам, напившись кофею, он садился за своё сочинение или за чтение источников для сочинения, но очень часто, вместо чтения и писания, опять уходил из дома и бродил по полям и лесам. Перед обедом он засыпал где-нибудь в саду, потом за обедом веселил и смешил тётушек своей весёлостью, потом ездил верхом или катался на лодке и вечером опять читал или сидел с тётушками, раскладывая пасьянс. Часто по ночам, в особенности лунным, он не мог спать только потому, что испытывал слишком большую волнующую радость жизни, и, вместо сна, иногда до рассвета ходил по саду с своими мечтами и мыслями.

Так счастливо и спокойно жил он первый месяц своей жизни у тётушек, не обращая никакого внимания на полугорничную-полувоспитанницу, черноглазую, быстроногую Катюшу.

В то время Нехлюдов, воспитанный под крылом матери, в девятнадцать лет был вполне невинный юноша. Он мечтал о женщине только как о жене. Все же женщины, которые не могли, по его понятию, быть его женой, были для него не женщины, а люди. Но случилось, что в это лето, в Вознесенье к тётушкам приехала их соседка с детьми: двумя барышнями, гимназистом и с гостившим у них молодым художником из мужиков.

После чая стали по скошенному уже лужку перед домом играть в горелки. Взяли и Катюшу. Нехлюдову после нескольких перемен пришлось бежать с Катюшей. Нехлюдову всегда было приятно видеть Катюшу, но ему и в голову не приходило, что между ним и ею могут быть какие-нибудь особенные отношения.

– Ну, теперь этих не поймаешь ни за что, – говорил «горевший» весёлый художник, очень быстро бегавший на своих коротких и кривых, но сильных мужицких ногах, – нешто спотыкнутся.

– Вы, да не поймаете!

– Раз, два, три!

Ударили три раза в ладоши. Едва удерживая смех, Катюша быстро переменилась местами с Нехлюдовым и, пожав своей крепкой, шершавой маленькой рукой его большую руку, пустилась бежать налево, гремя крахмальной юбкой.

Нехлюдов бегал быстро, и ему хотелось не поддаться художнику, и он пустился изо всех сил. Когда он оглянулся, он увидал художника, преследующего Катюшу, но она, живо перебирая упругими молодыми ногами, не поддавалась ему и удалялась влево. Впереди была клумба кустов сирени, за которую никто не бегал, но Катюша, оглянувшись на Нехлюдова, подала ему знак головой, чтобы соединиться за клумбой. Он понял её и побежал за кусты. Но тут, за кустами, была незнакомая ему канавка, заросшая крапивой; он спотыкнулся в неё и, ошпарив руки крапивой и омочив их уже павшей под вечер росой, упал, но тотчас же, смеясь над собой, справился и выбежал на чистое место.

Катюша, сияя улыбкой и чёрными, как мокрая смородина, глазами, летела ему навстречу. Они сбежались и схватились руками.

– Обстрекались, я чай, – сказала она, свободной рукой поправляя сбившуюся косу, тяжело дыша и улыбаясь, снизу вверх прямо глядя на него.

– Я и не знал, что тут канавка, – сказал он, также улыбаясь и не выпуская её руки.

Она придвинулась к нему, и он, сам не зная, как это случилось, потянулся к ней лицом; она не отстранилась, он сжал крепче её руку и поцеловал её в губы.

– Вот тебе раз! – проговорила она и, быстрым движением вырвав свою руку, побежала прочь от него.

Подбежав к кусту сирени, она сорвала с него две ветки белой, уже осыпавшейся сирени и, хлопая себя ими по разгорячённому лицу и оглядываясь на него, бойко размахивая перед собой руками, пошла назад к играющим.

С этих пор отношения между Нехлюдовым и Катюшей изменились и установились те особенные, которые бывают между невинным молодым человеком и такой же невинной девушкой, влекомыми друг к другу.

Как только Катюша входила в комнату или даже издалека Нехлюдов видел её белый фартук, так всё для него как бы освещалось солнцем, всё становилось интереснее, веселее, значительнее; жизнь становилась радостней. То же испытывала и она. Но не только присутствие и близость Катюши производили это действие на Нехлюдова; это действие производило на него одно сознание того, что есть эта Катюша, а для неё, что есть Нехлюдов. Получал ли Нехлюдов неприятное письмо от матери, или не ладилось его сочинение, или чувствовал юношескую беспричинную грусть, стоило только вспомнить о том, что есть Катюша и он увидит её, и всё это рассеивалось.

Катюше было много дела по дому, но она успевала все переделать и в свободные минуты читала. Нехлюдов давал ей Достоевского и Тургенева, которых он сам только что прочёл. Больше всего ей нравилось «Затишье» Тургенева. Разговоры между ними происходили урывками, при встречах в коридоре, на балконе, на дворе и иногда в комнате старой горничной тётушек Матрёны Павловны, с которой вместе жила Катюша и в горенку которой иногда Нехлюдов приходил пить чай вприкуску. И эти разговоры в присутствии Матрёны Павловны были самые приятные. Разговаривать, когда они были одни, было хуже. Тотчас же глаза начинали говорить что-то совсем другое, гораздо более важное, чем то, что говорили уста, губы морщились, и становилось чего-то жутко, и они поспешно расходились.

Такие отношения продолжались между Нехлюдовым и Катюшей во всё время его первого пребывания у тётушек. Тётушки заметили эти отношения, испугались и даже написали об этом за границу княгине Елене Ивановне, матери Нехлюдова. Тётушка Марья Ивановна боялась того, чтобы Дмитрий не вступил в связь с Катюшей. Но она напрасно боялась этого: Нехлюдов, сам не зная того, любил Катюшу, как любят невинные люди, и его любовь была главной защитой от падения и для него, и для неё. У него не было не только желания физического обладания ею, но был ужас при мысли о возможности такого отношения к ней. Опасения же поэтической Софьи Ивановны о том, чтобы Дмитрий, со своим цельным, решительным характером, полюбив девушку, не задумал жениться на ней, не обращая внимания на её происхождение и положение, были гораздо основательнее.

Если бы Нехлюдов тогда ясно сознал бы свою любовь к Катюше и в особенности если бы тогда его стали бы убеждать в том, что он никак не может и не должен соединить свою судьбу с такой девушкой, то очень легко могло бы случиться, что он, с своей прямолинейностью во всём, решил бы, что нет никаких причин не жениться на девушке, кто бы она ни была, если только он любит её. Но тётушки не говорили ему про свои опасения, и он так и уехал, не сознав своей любви к этой девушке.

Он был уверен, что его чувство к Катюше есть только одно из проявлений наполнявшего тогда всё его существо чувства радости жизни, разделяемое этой милой, весёлой девочкой. Когда же он уезжал, и Катюша, стоя на крыльце с тётушками, провожала его своими чёрными, полными слёз и немного косившими глазами, он почувствовал, однако, что покидает что-то прекрасное, дорогое, которое никогда уже не повторится. И ему стало очень грустно.

– Прощай, Катюша, благодарю за всё, – сказал он через чепец Софьи Ивановны, садясь в пролетку.

– Прощайте, Дмитрий Иванович, – сказала она своим приятным, ласкающим голосом и, удерживая слёзы, наполнившие её глаза, убежала в сени, где ей можно было свободно плакать.

XXXV

Как только сделан был первый перерыв, Нехлюдов встал и вышел в коридор с намерением уже больше не возвращаться в суд. Пускай с ним делают, что хотят, но участвовать в этой ужасной и гадкой глупости он более не может.

Узнав, где кабинет прокурора, Нехлюдов пошёл к нему. Курьер не хотел допустить его, объявив, что прокурор теперь занят. Но Нехлюдов, не слушая его, прошёл в дверь и обратился к встретившему его чиновнику, прося его доложить прокурору, что он присяжный и что ему нужно видеть его по очень важному делу. Княжеский титул и хорошая одежда помогли Нехлюдову. Чиновник доложил прокурору, и Нехлюдова впустили. Прокурор принял его стоя, очевидно недовольный настоятельностью, с которой Нехлюдов требовал свиданья с ним.

– Что вам угодно? – строго спросил прокурор.

– Я присяжный, фамилия моя Нехлюдов, и мне необходимо видеть подсудимую Маслову, – быстро и решительно проговорил Нехлюдов, краснея и чувствуя, что он совершает такой поступок, который будет иметь решительное влияние на его жизнь.

Прокурор был невысокий смуглый человек с короткими седеющими волосами, блестящими быстрыми глазами и стриженой густой бородой на выдающейся нижней челюсти.

– Маслову? Как же, знаю. «Обвинялась в отравлении», – сказал прокурор спокойно. – Для чего же вам нужно видеть её? – И потом, как бы желая смягчить, прибавил:

– Я не могу разрешить вам этого, не зная, для чего вам это нужно.

– Мне нужно это по особенно важному для меня делу, – вспыхнув, заговорил Нехлюдов.

– Так-с, – сказал прокурор и, подняв глаза, внимательно оглядел Нехлюдова. – Дело её слушалось или еще нет?

– Она вчера судилась и приговорена к четырём годам каторги совершенно неправильно. Она невинна.

– Так-с. Если она приговорена только вчера, – сказал прокурор, не обращая никакого внимания на заявление Нехлюдова о невинности Масловой, – то до объявления приговора в окончательной форме она должна всё-таки находиться в доме предварительного заключения. Свидания там разрешаются только в определённые дни. Туда вам и советую обратиться.

– Но мне нужно видеть её как можно скорее, – дрожа нижней челюстью, сказал Нехлюдов, чувствуя приближение решительной минуты.

– Для чего же вам это нужно? – поднимая с некоторым беспокойством брови, спросил прокурор.

– Для того, что она невинна и приговорена к каторге. Виновник же всего я, – говорил Нехлюдов дрожащим голосом, чувствуя вместе с тем, что он говорит то, чего не нужно бы говорить.

– Каким же это образом? – спросил прокурор.

– Потому что я обманул её и привёл в то положение, в котором она теперь. Если бы она не была тем, до чего я её довёл, она и не подверглась бы такому обвинению.

– Всё-таки я не вижу, какую связь это имеет с свиданием.

– А то, что я хочу следовать за нею и… жениться на ней, – выговорил Нехлюдов. И как всегда, как только он заговорил об этом, слёзы выступили ему на глаза.

– Да? Вот как! – сказал прокурор. – Это действительно очень исключительный случай. Вы, кажется, гласный красноперского земства? – спросил прокурор, как бы вспоминая, что он слышал прежде про этого Нехлюдова, теперь заявлявшего такое странное решение.

– Извините, я не думаю, чтобы это имело связь с моей просьбой, – вспыхнув, злобно ответил Нехлюдов.

– Конечно, нет, – чуть заметно улыбаясь и нисколько не смущаясь, сказал прокурор, – но ваше желание так необыкновенно и так выходит из обычных форм…

– Что же, могу я получить разрешение?

– Разрешение? Да, я сейчас дам вам пропуск. Потрудитесь посидеть.

Он подошёл к столу, сел и стал писать.

– Пожалуйста, присядьте.

Нехлюдов стоял.

Написав пропуск, прокурор передал записку Нехлюдову, с любопытством глядя на него.

– Я ещё должен заявить, – сказал Нехлюдов, – что я не могу продолжать участвовать в сессии.

– Нужно, как вы знаете, представить уважительные причины суду.

– Причины те, что я считаю всякий суд не только бесполезным, но и безнравственным.

– Так-с, – сказал прокурор всё с той же чуть заметной улыбкой, как бы пока-

зывая этой улыбкой то, что такие заявления знакомы ему и принадлежат к известному ему забавному разряду. – Так-с, но вы, очевидно, понимаете, что я, как прокурор суда, не могу согласиться с вами. И потому советую вам заявить об этом на суде, и суд разрешит ваше заявление и признает его уважительным или неуважительным и в последнем случае наложит на вас взыскание. Обратитесь в суд.

– Я заявил и более никуда не пойду, – сердито проговорил Нехлюдов.

– Моё почтение, – сказал прокурор, наклоняя голову, очевидно желая скорее избавиться от этого странного посетителя.

– Кто это у вас был? – спросил член суда, вслед за выходом Нехлюдова входя в кабинет прокурора.

– Нехлюдов, знаете, который ещё в Красноперском уезде, в земстве, разные странные заявления делал. И представьте, он присяжный, и в числе подсудимых оказалась женщина или девушка, приговорённая в каторгу, которая, как он говорит, была им обманута, и он теперь хочет жениться на ней.

– Да не может быть!

– Так он мне сказал… и в каком-то странном возбуждении.

– Что-то есть, какая-то ненормальность в нынешних молодых людях.

– Да он уже не очень молодой.

– Ну, уж как надоел, батюшка, ваш прославленный Ивашенков. Он измором берёт: говорит и говорит без конца.

– Их надо просто останавливать, а то ведь настоящие обструкционисты…

XXV

Мрачный дом острога с часовым и фонарём под воротами, несмотря на чистую, белую пелену, покрывавшую теперь всё – и подъезд, и крышу, и стены, производил ещё более, чем утром, мрачное впечатление своими по всему фасаду освещёнными окнами.

Величественный смотритель вышел к воротам и, прочтя у фонаря пропуск, данный Нехлюдову и англичанину, недоумевающе пожал могучими плечами, но, исполняя приказание, пригласил посетителей следовать за собой. Он провёл их сначала во двор и потом в дверь направо и на лестницу в контору. Предложив им садиться, он спросил, чем может служить им, и, узнав о желании Нехлюдова видеть теперь же Маслову, послал за нею надзирателя и приготовился отвечать на вопросы, которые англичанин тотчас же начал через Нехлюдова делать ему.

– На сколько человек построен замок? – спрашивал англичанин. – Сколько заключённых? Сколько мужчин, сколько женщин, детей? Сколько каторжных, ссыльных, добровольно следующих? Сколько больных?

Нехлюдов переводил слова англичанина и смотрителя, не вникая в смысл их, совершенно неожиданно для себя смущённый предстоящим свиданием. Когда среди фразы, переводимой им англичанину, он услыхал приближающиеся шаги, и дверь конторы отворилась, и, как это было много раз, вошёл надзиратель и за ним повязанная платком, в арестантской кофте Катюша, он, увидав её, испытал тяжёлое чувство.

«Я жить хочу, хочу семью, детей, хочу человеческой жизни», – мелькнуло у него в голове, в то время как она быстрыми шагами, не поднимая глаз, входила в комнату.

Он встал и ступил несколько шагов ей навстречу, и лицо её показалось ему сурово и неприятно. Оно опять было такое же, как тогда, когда она упрекала его. Она краснела и бледнела, пальцы её судорожно крутили края кофты, и то взглядывала на него, то опускала глаза.

– Вы знаете, что вышло помилование? – сказал Нехлюдов.

– Да, надзиратель говорил.

– Так что, как только получится бумага, вы можете выйти и поселиться, где хотите. Мы обдумаем…

Она поспешно перебила его:

– Что мне обдумывать? Где Владимир Иванович будет, туда и я с ним.

Несмотря на всё своё волнение, она, подняв глаза на Нехлюдова, проговорила это быстро, отчетливо, как будто вперед приготовив всё то, что она скажет.

– Вот как! – сказал Нехлюдов.

– Что ж, Дмитрий Иванович, коли он хочет, чтобы я с ним жила, – она испуганно остановилась и поправилась, – чтоб я при нём была. Мне чего же лучше? Я это за счастье должна считать. Что же мне?..

«Одно из двух: или она полюбила Симонсона и совсем не желала той жертвы, которую я воображал, что приношу ей, или она продолжает любить меня и для моего же блага отказывается от меня и навсегда сжигает свои корабли, соединяя свою судьбу с Симонсоном», – подумал Нехлюдов, и ему стало стыдно. Он почувствовал, что краснеет.

– Если вы любите его… – сказал он.

– Что любить, не любить? Я уж это оставила, и Владимир Иванович ведь совсем особенный.

– Да, разумеется, – начал Нехлюдов. – Он прекрасный человек, и я думаю…

Она опять перебила его, как бы боясь, что он скажет лишнее или что она не скажет всего.

– Нет, вы меня, Дмитрий Иванович, простите, если я не то делаю, что вы хотите, – сказала она, глядя ему в глаза своим косым таинственным взглядом. – Да, видно, уж так выходит. И вам жить надо.

Она сказала ему то самое, что он только что говорил себе, но теперь уже он этого не думал, а думал и чувствовал совсем другое. Ему не только было стыдно, но было жалко всего того, что он терял с нею.

– Я не ожидал этого, – сказал он.

– Что же вам тут жить и мучаться. Довольно вы помучались, – сказала она и странно улыбнулась,

– Я не мучался, а мне хорошо было, и я желал бы ещё служить вам, если бы мог.

– Нам, – она сказала: «Нам» – и взглянула на Нехлюдова, – ничего не нужно. Вы уж и так сколько для меня сделали. Если бы не вы… – Она хотела что-то сказать, и голос её задрожал.

– Меня-то уж вам нельзя благодарить, – сказал Нехлюдов.

– Что считаться? Наши счёты Бог сведёт, – проговорила она, и чёрные глаза её заблестели от вступивших в них слёз.

– Какая вы хорошая женщина! – сказал он.

– Я-то хорошая? – сказала она сквозь слёзы, и жалостная улыбка осветила её лицо.

– Are you ready? [45] – спросил между тем англичанин.

– Directly, [46] – ответил Нехлюдов и спросил её о Крыльцове.

Она оправилась от волнения и спокойно рассказала, что знала: Крыльцов очень ослабел дорогой, и его тотчас же поместили в больницу. Марья Павловна очень беспокоилась, просилась в больницу в няньки, но её не пускали.

– Так мне идти? – сказала она, заметив, что англичанин дожидается.

– Я не прощаюсь, я ещё увижусь с вами, – сказал Нехлюдов.

– Простите, – сказала она чуть слышно. Глаза их встретились, и в странном косом взгляде и жалостной улыбке, с которой она сказала это не «прощайте», а «простите», Нехлюдов понял, что из двух предположений о причине её решения верным было второе: она любила его и думала, что, связав себя с ним, она испортит его жизнь, а уходя с Симонсоном, освобождала его и теперь радовалась тому, что исполнила то, что хотела, и вместе с тем страдала, расставаясь с ним.

Она пожала его руку, быстро повернулась и вышла.

Нехлюдов оглянулся на англичанина, готовый идти с ним, но англичанин что-то записывал в свою записную книжку. Нехлюдов, не отрывая его, сел на деревянный диванчик, стоявший у стены, и вдруг почувствовал страшную усталость. Он устал не от бессонной ночи, не от путешествия, не от волнения, а он чувствовал, что страшно устал от всей жизни. Он прислонился к спинке дивана, на котором сидел, закрыл глаза и мгновенно заснул тяжёлым, мёртвым сном.

– Что же, угодно теперь пройти по камерам? – спросил смотритель.

Нехлюдов очнулся и удивился тому, где он. Англичанин кончил свои записи и желал осмотреть камеры. Нехлюдов, усталый и безучастный, пошёл за ним.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Как вы думаете, почему Л.Н. Толстой, так трепетно и уважительно относившийся к женщинам – своим героиням, любивший в них «чистоту», вдруг создаёт образ осуждённой на каторгу продажной женщины?

2. Зачем Нехлюдову, жившему в роскоши, нужно было следовать в Сибирь за Масловой?

3. Толстой выступал против всяких революций, против насилия. Почему же писатель вводит в роман революционеров?

4. Толстой был отлучён от церкви, а весь роман «Воскресение» изобилует известными православными истинами: неси свой крест, терпи, прощай. Почему это так? Поразмышляйте об этом, обратившись к примерам из романа.

[45] Вы готовы? (англ.).

[46] Сейчас (англ.).

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ
1860-1904

Можно лгать в любви, в политике, в медицине можно обмануть людей, но в искусстве обмануть нельзя.

А.П. Чехов

А.П. Чехов – известнейший русский писатель-реалист, обличитель мира пошлости и мещанства, несравненный художник-новатор. Он возвеличил жанр рассказа-новеллы и сказал новое слово в драматургии.

Антон Павлович Чехов родился в Таганроге в небогатой купеческой семье. В 1876 году отец разорился и бежал в Москву. Вскоре туда перебралась вся семья. Оставшийся в Таганроге для завершения обучения в гимназии Антон три года жил в бывшем своём доме. Средства к существованию он добывал частными уроками, продажей оставшихся вещей. Мать присылала из Москвы письма с просьбой о поддержке. Приходилось по мере сил и возможностей помогать семье.

В 1879 году Чехов приезжает в Москву и поступает на медицинский факультет Московского университета. Вынужденный фактически содержать семью, Чехов много работал – писал обо всём, что интересовало юмористические, развлекательные журналы – «Зритель», «Будильник», «Москва», «Мирской толк», «Свет и тени», «Русский сатирический листок», «Развлечения», «Сверчок». Чехов публикует свои юморески под самыми разными смешными псевдонимами: Балдастов, Брат моего брата, Человек без селезёнки, Антоша Чехонте и др.

В 1882 году на его талант обращает внимание писатель и издатель петербургского юмористического журнала «Осколки» Н.А. Лейкин, который приглашает Чехова к постоянному сотрудничеству.

Юмористика Чехова разнообразна по жанрам (рассказы, сценки, пародии, фельетоны, смешные объявления, рекламы и т. д.); многообразие героев, яркость и сочность метафор, свежесть красок и образов, лаконичность повествования – всё это оригинально, смешно и очень серьёзно.

Писатель отдал дань и чистой развлекательности в таких произведениях, как «Хирургия» (1884), «Налим» (1885), «Лошадиная фамилия» (1885), но в то же время и в раннем юмористическом творчестве он затрагивает серьёзные темы, раскрывая их в комическом освещении, переосмысливает некоторые традиционные темы русской литературы, порой скрытно пародируя их, ищет и нередко находит свою нишу в изображении действительности.

В ряде ранних рассказов Чехова мелькают «щедринские образы», использует он и художественные приёмы зоологического уподобления, гротеска. Однако гротеск и сатирическая гипербола не являются определяющими принципами чеховской поэтики. Гиперболизм, лаконизм повествования, поиск и использование ёмких художественных деталей, придающих характеру героев почти символический смысл – ведущие черты раннего творчества Чехова.

Юмор Чехова оригинален и резко отличается от классической литературной традиции. В русской литературе XIX века, начиная с Гоголя, утвердился так называемый «смех сквозь слёзы»: комическое всегда исполнялось «чувством грусти и глубокого уныния». У Чехова, напротив, смех весел и заразителен: не смех сквозь слёзы, а смех до слёз.

Ранний Чехов нередко комические, драматические ситуации, традиционные в русской литературе, обыгрывал и художественно решал по-своему.

В «Смерти чиновника» (1883), например, давняя литературная тема «маленького человека», разработанная Гоголем в его «Шинели», зазвучала по-новому. Чехов рисует генерала – представителя «власть имущих» – вполне нормальным человеком, который не придал никакого значения оплошности Червякова и тут же принял его извинения. Но Червяков – маленький, почти гоголевский чиновник – не готов был просто поверить, что он, случайно чихнувший в театре на лысину генерала, может быть запросто прощён. Обуреваемый страхом ожидания неизбежной кары, Червяков не раз ходит к генералу извиняться, и тот не выдерживает назойливости этого «маленького человека»: «Пошёл вон!!» – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал. «Что-с?» – спросил шёпотом Червяков, млея от ужаса. «Пошёл вон!!» – повторил генерал, затопав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не слыша, ничего не видя, он попятился к двери, вышел на улицу и поплёлся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лёг на диван и... помер».

Чехов не обвиняет генерала – высокопоставленное лицо, а сосредоточивает внимание на психологии чиновника, приученного к чинопочитанию и самоунижению «маленьких людей». «Жертва» в этом рассказе не вызывает сочувствия. Умирает не человек, а некое казённо-бездушное существо («Что-то оторвалось» не в душе, а в животе у Червякова). При всей психологической достоверности в изображении смертельного испуга эта деталь – «что-то оторвалось в животе» – приобретает символический смысл. Души-то в герое не оказалось. Жил не человек, а казённый винтик в бюрократической машине. Потому-то и уходит из жизни, «не снимая вицмундира».

Тему самоуничижения и добровольного холопства находим и в рассказе «Толстый и тонкий» (1883), в котором радостная встреча бывших друзей по гимназии превращается в отталкивающее зрелище. «Тонкий», узнав, как преуспел в карьере его товарищ, вдруг бледнеет и непроизвольно начинает низко заискивать.

После рассказа «Хамелеон» (1884) слово «хамелеонство» стало нарицательным, оно обозначает человека-лицемера, который намеренно, моментально, в зависимости от обстоятельств, меняет свои взгляды на прямо противоположные. В образе Очумелова писатель изображает явление более сложное, чем элементарное лицемерие. Чехов всё чаще создаёт произведения глубоко серьёзные, в которых разрабатывает иные темы и мотивы, в прозе вырабатывает свои особенности поэтики.

Рассказ «Тоска» (1886) – одно из самых ярких произведений писателя, повествующих об одиночестве человека. Извозчик Иона хочет поделиться с другими своим горем, рассказать о том, как болел и умирал сын, но никто его не слушает. Иона обнаруживает, что на свете нет ни единой души, в которой он нашёл бы понимание или хотя бы сочувствие его горю.

Пронзителен финал рассказа. Одиночество – драматично, наполнено горькой иронией. Извозчик излил своё горе перед лошадью, что само по себе одновременно грустно и смешно. Иона желал, чтобы слушатель сочувственно охал и вздыхал. Так и получилось: «Лошадёнка жуёт, слушает и дышит на руки своего хозяина...».

С 1888 года начинается зрелый период творчества Чехова. В этом году он дебютирует повестью «Степь», которая была опубликована в солидном журнале. В повести описывается поездка через степь девятилетнего Егорушки. Он едет из родного городка в большой, но чужой город учиться. Большая часть «Степи» – описание путевых впечатлений, картин и эпизодов, которые, на первый взгляд, внешне разрозненны, случайны, логически не вытекают один из другого. В литературе это было ново и непривычно. Современники писателя не увидели в повести достоинств новизны восприятия и художественной манеры изображения жизни – прекрасные, хотя и не связанные в сюжет фрагменты, и не поняли, что Чехов, по словам Толстого, «создавал новые, совершенно новые формы письма для всего мира».

Художественная ценность повести «Степь» – в ярком и достоверном изображении представителей всех социальных слоёв современной России: купцов, дворянки Драницкой, священника, людей из народа, обличителя Соломона и других. Создание целостного образа родины – благородная и главная задача писателя в этой повести, ибо за внешне непритязательным повествованием скрывается и обнаруживается масштабное и глубоко правдивое изображение примет российской жизни тех лет.

Писатель стремился изображать жизнь такой, какова она есть, какой она видится героям и условному рассказчику, избегая личных субъективных оценок, неосторожных суждений о ней – во многом тёмной и неопределённой.

В 1890 году Чехов едет на Сахалин. В то время подобная поездка была тяжёлым и небезопасным испытанием. Итогом этого путешествия, которое равно гражданскому подвигу, стала книга «Остров Сахалин». В ней Чехов не только как художник, но и как врач и учёный, сумевший провести перепись населения, изображает невыносимые условия жизни каторжан. Он показывает, что существующая система наказания, жестокость смотрителей и равнодушие администрации становятся не только источником страданий осуждённых, но и приводят к противоположным результатам: каторжане не перевоспитываются, не «очищаются» нравственно, а, наоборот, ещё более ожесточаются и развращаются. Проще всего, считал Чехов, свалить всю вину за происходящее на местную администрацию. Но виноваты «все мы», отгородившиеся от проблем стеной равнодушия, виновато всё общество.

Главный герой повести «Палата № 6» доктор Рагин – человек порядочный, но бесхарактерный и апатичный. Приняв должность в больнице, он с равнодушием отнёсся к царящим в ней беспорядкам. К своему удивлению, Рагин обнаруживает в палате № 6 интеллигентного, умного, но сумасшедшего Громова, который в промежутках между приступами практически здоров. Рагин начинает посещать его, вести с ним беседы, споры. Громов – один из чеховских обличителей, «протестующих» натур.

Руководство города собирает «консилиум» и, «проэкзаменовав» доктора, находит его больным и предлагает уйти в отставку. В конце концов, спустя время, его помещают в палату № 6, где Рагин испытал на себе страдания, которые терпели больные по его вине. Однажды он выглянул в окно и увидел больничный

забор с гвоздями, высокую белую тюрьму, обнесённую каменной стеной, восходящую холодную луну. «Вот она действительность! – подумал Андрей Ефимыч, и ему стало страшно. Это была та действительность, которую он не хотел видеть. На другой день он умер от апоплексического удара».

Многие современники восприняли палату № 6 как образ России в целом, но вид из окна и слова Рагина создают уже более обобщённый образ жизни.

Несомненно, Чехов осуждает равнодушие Рагина, его жизненную позицию и противопоставляет ему Громова, призывает к активной борьбе со злом. Однако позиция автора неоднозначна.

По мнению Чехова, зло и страдания не являются итогом деятельности одних только злодеев и подлецов, а вытекают из природы обыкновенных людей с их достоинствами и недостатками. Изображая жизнь, писатель убеждает читателей в «нашей общей вине». Такова чеховская правда жизни.

Мелеховский период (1890-е гг.) – самый плодотворный в жизни Чехова. Писатель в это время создаёт ряд замечательных шедевров: пьесы «Чайка» и «Дядя Ваня», рассказы «Дом с мезонином», «Чёрный монах», «Человек в футляре», повести «Три года», «Моя жизнь», «Мужики» и другие.

В 1898 году из-под пера писателя выходит знаменитая трилогия о «футлярных людях», которая открывается рассказом «Человек в футляре». Образ «футлярной жизни» стал одним из центральных в творчестве Чехова. Что значит «футляр» для героя рассказа Беликова? И тёмные очки, зонтик, калоши, которые он надевал даже в сухую погоду, и неукоснительное следование циркулярам – всё это преследует одну цель: «как бы чего не вышло», – и всё это есть защита от пугающего Беликова мира. И дома, под одеялом он не чувствовал себя в безопасности, боялся того, что его зарежет повар Афанасий. «Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге... он прятался от действительной жизни», – в сдержанной усмешке сообщает автор. Футляр – бегство, прятанье от жизни из-за страха перед ней, в которой всякое случается.

В любой реальной ситуации, считал Беликов, непременно что-то таится. Естественность его жизни – постоянное ожидание катастрофы. И всё-таки, чего конкретно он боится? Боится начальства, воров, чёрта, – всего и одновременно ничего конкретного. В сущности, он боится жизни вообще. Он воспринимает мир как враждебное и страшное начало и всеми силами старается защититься от этого мира. Защита от жизни сводится к установлению и строгому исполнению регламента, определяемого циркулярами, предписаниями, житейскими нормами. Беликов убеждён: нарушение любых мельчайших требований может привести к непоправимому. «Всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил приводили его в уныние, хотя, казалось бы, какое ему дело?» Регламент – это образ жизни Беликова. К примеру, его регламент предписывает: педагог должен посещать своих коллег, Беликов ходит к ним в гости, посидит молча час-два и уходит. Утрачивается содержание жизни и остаётся только мёртвая форма. Вернее, во всей его жизни одно содержание – защита от жизни.

В различных ситуациях возможны различные варианты поведения. Какой же выбрать? Конечно, тот, который много раз использовался и приводил к желаемым положительным результатам. Такое поведение оформляется в виде консерватизма Беликова – страха перед всем новым. Отсюда любовь Беликова ко всему запрещаю-

щему: нельзя – и точка! Вообще лучший способ защититься от жизни – свести её к минимуму. Чем меньше жизнь, тем меньше опасность. Уход из жизни в футляр – самое надёжное средство. Лучшее спасение от «как бы чего не вышло», самый надёжный футляр – гроб. Беликов умирает. И теперь, «когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, весёлое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет», – с чувством облегчения, иронично сообщает писатель. И заключает: «Он достиг своего идеала!» Во время похорон стояла дождливая погода, и все учителя гимназии «были в калошах и с зонтами». Эта деталь говорит о многом. Умер Беликов, а «беликовщина» осталась в душах людей. «Вернулись мы с кладбища в добром расположении, – сообщает рассказчик. – Но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая, жизнь, не запрещённая циркулярно, но и не разрешённая вполне... Сколько ещё таких человеков в футляре осталось, сколько ещё будет!»

В финале рассказа звучит гневная речь собеседника Буркина Ивана Ивановича: «Видеть и слышать, как лгут и тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь; сносить обиды, унижения, не сметь открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и всё это из-за куска хлеба, из-за тёплого угла, из-за какого-нибудь чиновника, которому грош цена, – нет, больше жить так невозможно!» И на эти обнадёживающие слова слышится в ответ равнодушная «беликовская» реплика: «Ну, уж, это вы из другой оперы, Иван Иваныч... Давайте спать».

Во втором рассказе трилогии «Крыжовник» речь идёт о чиновнике, весь смысл существования которого свёлся к мечте о покупке маленькой усадьбы, где обязательно должен расти крыжовник.

Осуществление мечты обернулось деградацией человека. Почему же это произошло? У Николая Ивановича были свои жизненные ориентиры: желание жить на лоне природы естественно для человека, к тому же это не только пример ухода из шумного города, но и бегство «от борьбы», от городской житейской суеты, сознательный отказ от активного участия в движении жизни.

В рассказах «маленькой трилогии» Чехов исследует проявления страха перед жизнью в важнейших областях человеческой деятельности: в общественной жизни, в выработке и осуществлении жизненной программы.

Страшное зло омертвения человеческих душ, погружённых в тину обывательщины обнажается Чеховым в рассказе «Ионыч». Всех приезжих угнетали скука и однообразие существования обитателей губернского города. Но недовольных уверяли, что в городе хорошо, много приятных, интеллигентных людей. И всегда указывали на семью Туркиных. Однако в действительности эти «приятные» и «образованные» люди оказываются духовно мелкими, интеллектуально ограниченными, пошлыми.

Всё повествование писатель строит так, чтобы показать, как постепенно опустошается душа доктора Старцева, превращающегося из интеллигента в обывателя и стяжателя.

С первых дней пребывания в городе Старцев знакомится с семьёй Туркиных. Вначале ему всё показалось здесь оригинальным: хозяйка читала роман, сам Туркин рассказывал анекдоты и повторял свои любимые шутки, а их дочь, Котик,

играла на фортепиано. Старцев ненавидит мещанство. К семье Туркиных он потянулся потому, что там мог поговорить об искусстве, о свободе, о роли труда в жизни человека. Но постепенно пошлость заглушает в нём самом всё человеческое.

Через выразительные детали раскрывается процесс превращения Старцева в Ионыча, собственника, пересчитывающего жёлтые и зелёные бумажки и кладущего их на текущий счёт. И вот печальный финал: «Прошло ещё несколько лет. Старцев ещё больше пополнел, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову. Когда он, пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками и Пантелеймон, тоже пухлый и красный, с мясистым затылком, сидит на козлах, протянув вперёд прямые, точно деревянные руки, и кричит встречным: «Прррава держи!», то картина бывает внушительная, и кажется, что едет не человек, а языческий бог».

Старцев не сумел противостоять меркантильному окружению, жадность опустошила его душу.

Антон Павлович Чехов известен не только как писатель и драматург, многообразна и его общественная деятельность, направленная на улучшение жизни людей.

В марте 1897 года врачи обнаружили у Чехова туберкулёз. И пребывание в холодном и дождливом Подмосковье стало опасным. Здоровье, которого оставалось так мало, нуждалось в смене климата. И писатель перебирается в Ялту.

С осени 1898 года начинается последний, ялтинский период жизни и творчества Чехова. В это время Чехов пишет рассказы «Душечка», «Архиерей», «Невеста», «Дама с собачкой», пьесы «Три сестры» и «Вишнёвый сад».

Особое место в творчестве Чехова критики отводят рассказу «Дама с собачкой», который, как утверждают многие из них, был написан Чеховым под впечатлением поездки в Ялту, где состоялась его встреча с талантливой русской актрисой Ольгой Книппер, будущей женой и последней любовью писателя.

Рассказ был высоко оценён критиками. В частности, писатель В.В. Набоков считал «Даму с собачкой» одним из величайших литературных произведений в истории не только русской, но и всей мировой литературы.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Каким предстал перед вами А.П. Чехов после знакомства с его творчеством? Нарисуйте словесный портрет писателя.

2. С какими человеческими пороками боролся А.П. Чехов в своём творчестве? Каковы особенности юмора раннего Чехова?

3. Чем отличаются ранние рассказы Чехова от произведений, созданных в 1890-е годы?

4. Как переосмысливает Чехов традиционные темы русской классической литературы?

5. Что нового появилось в художественной манере Чехова – автора повести «Степь»?

6. Раскройте широкий обобщающий смысл героев и сюжета повести Чехова «Палата № 6».

7. Как изображает Чехов проблему духовной деградации человека? В чём вы видите связь между «Палатой № 6», «Маленькой трилогией» и «Ионычем»?

8. Сформулируйте общую характеристику тематики и мотивов прозы Чехова.

Драматургия

Пьесы Чехова стали новым этапом развития русской и мировой драматургии, многое отличает их от произведений его предшественников.

Как и во многих прозаических произведениях, Чехов изображает в своих пьесах бытовую повседневность. В них обычно мало событий, и автор убирает их за сцену. Драма не проявляется в необычных, ярких поступках или в эффектных жестах, она обнаруживается в неброских, повседневных проявлениях. Многое из текста Чехов убирает в подтекст, который должны почувствовать и передать актёры и режиссёр спектакля. Действие протекает как бы в сменяющих друг друга тональностях от настроения к настроению, поэтому их нередко называют «пьесами настроения».

В 1896 году на свет появляются сразу два шедевра Чехова: «Чайка» и «Дядя Ваня». Сценическая жизнь этих пьес не обошлась без недоразумений. Например, дебют «Чайки» на сцене Александринского театра (октябрь 1896) закончился провалом. Однако в 1898 году создатели Московского Художественного театра К .С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко уговорили драматурга разрешить им поставить «Чайку». Пьеса на сцене МХТ имела огромный успех, а силуэт летящей чайки стал эмблемой театра.

«Вишнёвый сад»

Значительным произведением Чехова, его лебединой песнью является комедия «Вишнёвый сад» (1903). Чехов своеобразно понимал комедию. В его представлении комедия – это драма с тончайшей иронией, высмеивающей пошлость. Но современники воспринимали новую пьесу драматурга как драму. Станиславский писал: «Для меня «Вишнёвый сад» не комедия, не фарс – а трагедия в первую очередь». И он поставил «Вишневый сад» именно в такой трактовке.

На первый взгляд, в «Вишнёвом саде» дана классически четкая расстановка социальных сил в русском обществе и обозначена перспектива борьбы между ними: уходящее дворянство (Раневская и Гаев), поднимающаяся буржуазия (Лопахин), новые демократические силы, идущие им на смену (Петя и Аня). Социальные, сословные мотивы встречаются и в характерах действующих лиц. Однако центральное с виду событие – борьба за вишневый сад – лишено того значения, которое отвела бы ему классическая драма, и какое, казалось бы, требует логика расстановки в пьесе действующих лиц. Конфликт, основанный на противоборстве социальных сил, у Чехова приглушён. Лопахин, русский буржуа, лишён хищнической хватки и агрессивности по отношению к дворянам Раневской и Гаеву, а дворяне, естественно, не сопротивляются ему: как бы нет повода.

В чём же главный узел драматического конфликта? Вероятно, не в экономическом банкротстве Раневской и Гаева. Ведь уже в самом начале пьесы у них есть прекрасный выход из создавшейся ситуации. Лопахин предлагает им сдать сад в аренду под дачи. Но герои отказываются. Почему? Драма их существования гораздо глубже, чем элементарное разорение, которое не поправить деньгами. К тому же, и покупка вишневого сада Лопахиным тоже не устраняет более глубокого конфликта этого человека с миром. Торжество Лопахина кратковременно, оно быстро сменяется унынием и грустью. Он обращается к Раневской со словами укора и упрека: «Отчего

же, отчего вы меня не послушали? Бедная моя, хорошая, не вернёшь теперь». И как бы в унисон с ходом сценического действа и со всеми персонажами пьесы Лопахин произносит трагически значимую фразу: «О, скорее бы всё это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь».

Здесь Лопахин впрямую касается скрытого, но главного источника драматизма, который заключен не в борьбе за вишневый сад, а в субъективном недовольстве жизнью, переживаемом всеми персонажами пьесы.

Герои «Вишневого сада» – слабые, легкомысленные, растерянные, часто смешные люди, плохо понимающие происходящее и плохо ориентирующиеся в действительности. Гаев – большой ребёнок, Раневская сорит деньгами, несмотря на то, что она практически разорена. В день торгов, когда решается судьба вишнёвого сада, она устраивает бал. Как и Гаев, она практически ничего не делает, чтобы спасти вишнёвый сад. Петя Трофимов, при всем его кипении, благородных высоких фразах о светлом будущем, за которое надо бороться, вполне подходит под данное ему определение – «облезлый барин». Лопахин тоже несчастлив, в нём нет нужной твёрдости, уверенности в своей правоте.

А когда он неожиданно для самого себя покупает вишнёвый сад, то оставляет присматривать за ним Епиходова, прозванного «двадцать два несчастья», с которым постоянно что-то случается.

В «Вишнёвом саде» звучит тема отчуждения, но слышится она иначе, нежели в предыдущих произведениях Чехова. Все главные герои пьесы хорошо относятся к Раневской и хотели бы ей помочь. Но все они оказываются людьми, которые не способны понять другого человека. Лопахин, предлагая вырубить сад и отдать землю в аренду под дачи, не может понять, что значит этот сад для Раневской. Ведь здесь прошла ее жизнь. Всё её счастье, беды и радости связаны с этим садом. Вырубать его – всё равно, что уничтожить её душу. Не понимает этого и Петя Трофимов, для него вишнёвый сад – символ крепостничества, который давно уже пора уничтожить.

Персонажи пьесы заняты собой, не слышат и не слушают других людей. В знаменитых диалогах пьесы каждый нередко продолжает говорить о своём, не слушая собеседника. Но при этом действующие лица «Вишнёвого сада», в отличие от героев других произведений Чехова, не страдают от отчуждения. Для них это естественное состояние, образ жизни, «человеческой комедии», изображённой в пьесе.

Герои пьесы все вместе губят эту рукотворную природу – вишнёвый сад; по их вине забытый и заколоченный в пустом доме больной старый слуга Фирс обречён на мучительную смерть. Все эти персонажи пьесы обобщённо представляют Россию в целом. Вишнёвый сад – символ России. Она предстаёт и как нечто громадное, величественное. «...Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, – восклицает Лопахин, – и, живя тут, мы сами должны по-настоящему быть великанами...».

Перед лицом надвигающихся перемен победа Лопахина – условная победа, как поражение Раневской – условное поражение. Уходит время тех и других. Есть в «Вишнёвом саде» что-то и от чеховского инстинктивного предчувствия надвигающегося на него рокового конца: «Я чувствую, как здесь я не живу, а засыпаю или всё ухожу, ухожу куда-то без остановки, как воздушный шар». Через всю пье-

су тянется этот мотив ускользающего времени.

Время идёт! Но кому суждено быть творцом новой жизни, кто насадит новый сад? Жизнь не давала ответа на этот вопрос, не знал ответа и автор пьесы.

«Дядя Ваня»

В пьесе «Дядя Ваня» (1896) речь идёт о трагедии человека, принесшего свою жизнь в жертву. Кому? Чему? Во имя чего? – вот главные вопросы в этом произведении. Главный герой пьесы Иван Петрович Войницкий всю свою жизнь беспрестанно трудился, отдавая почти всё заработанное профессору Серебрякову, в котором души не чаял и видел в нём выдающегося учёного – свой идеал. Но постепенно Войницкий обнаруживает, что профессор просто бездарен. «Ты погубил мою жизнь!» – в отчаянии кричит дядя Ваня, которому уже 47 лет и у которого нет семьи, нет детей и денег тоже нет – всё ушло в заботу о профессоре. Ведь именье-то фактически принадлежит Соне и дяде Ване, но истинным владельцем его является хорошо устроившийся Серебряков. И дядя Ваня, и Соня отказались от личного счастья и посвятили себя служению этому бездарному человеку. Вот уж воистину не сотвори себе кумира, который может оказаться жалким эгоистом. Они служили ложному идолу, и жертва была принесена ложной цели.

Иван Петрович Войницкий вместе со своей матерью не замечали реальной действительности, жили в выдуманном ими виртуальном мирке. Мать Войницкого, Марья Васильевна, была воспитана на либеральных брошюрах, и потому её представления о жизни книжные. В духе этих особенностей характера она говорит своему сыну: «Ты был человеком определённых убеждений, светлой личностью». Только теперь дяде Ване становятся ясными убожество и никчемность либеральных убеждений и либеральной фразеологии, он язвительно замечает матери: «О, да! Я был светлой личностью, от которой никому не было светло...». Войницкий проклинает свои либеральные заблуждения, отказывается от идей, которые владели им, как он говорит, «до прошлого года». Но пути к новой жизни ему неведомы.

Сестра дяди Вани любила профессора, «как могут любить одни только чистые ангелы таких же чистых и прекрасных, как они сами». Елена Андреевна «вышла за него, когда он был уже стар, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блеск». Кому и для чего были принесены эти жертвы? Здесь уже не важно, был ли талантливым профессор или нет. Гораздо важнее другое: достойному ли человеку были отданы молодость и красота?..

Каков же профессор на самом деле, читателю неизвестно. Эта неясность – суть идейного замысла пьесы. Драма дяди Вани – не трагедия человека, принесшего себя в жертву ничтожеству. Это драма человека, жизнь которого ушла неизвестно на что. Ситуация «жизнь, уходящая неизвестно на что» заключается в том, что все лучшее в человеке, вся жизнь человеческая уходит в пустоту по имени профессор Серебряков. И профессор начинает восприниматься как знаковая фигура, как символ неведомого человеку мира, с его ускользающим смыслом.

В пьесе Войницкому противопоставлен Астров. Если дядя Ваня служит, по его мнению, выдающемуся человеку, а через него – делу прогресса, то Астров служит делу непосредственно: лечит людей, восстанавливает вырубленные леса. Но у

этих героев есть нечто общее. Оба преувеличивают значение своего служения. По мнению Астрова, леса учат человека понимать прекрасное, они смягчают климат, а там, где климат легче, люди красивее, лучше. Если бы герой понял, что леса и климат не могут иметь такого значения в жизни людей, то, возможно, он оказался бы в ситуации дяди Вани. Оба горды своей деятельностью, она является для них в некоторой степени поводом к определённому самовозвеличиванию. Астров убеждён, что приносит человечеству огромную пользу, а когда он пьян, то окружающие его люди, по сравнению с ним, представляются ему «букашками», «микробами».

Теме самопожертвования Войницкого и Астрова противопоставлена тема самопожертвования Телегина, от которого на другой день после свадьбы сбежала жена с любимым человеком. Но он не нарушает свой долг, любит её, помогает, чем может, и отдал своё имущество на воспитание «деточек, которых она прижила с любимым человеком». «Молодость уже прошла, красота под влиянием законов природы поблекла, любимый человек скончался... Что же у неё осталось?» – говорит Телегин. Это самопожертвование не ради дела, а ради конкретного бедствующего человека выглядит несомненным и не вызывает никаких вопросов. Телегин не гордится своей жертвой, как Астров, не задаётся вопросом, как дядя Ваня, достоин ли человек жертвы? Он просто исполняет свой человеческий долг. Телегин – хороший человек, но не умный. В пьесе Телегин полукомический персонаж, высота его жертвы приглушена нередко смешными высказываниями героя.

У Чехова нет абсолютно идеальных героев, его произведения сложны, как и сложна человеческая жизнь. М. Горький писал Чехову о спектакле: «... смотрел и плакал, как баба, хотя я человек далеко не нервный... Для меня – это страшная вещь. Ваш «Дядя Ваня» – это совершенно новый вид драматического искусства, молот, которым Вы бьёте по пустым башкам публики».

ДЯДЯ ВАНЯ

Сцены из деревенской жизни в четырёх действиях

(фрагменты)

Действующие лица

Серебряков Александр Владимирович, отставной профессор.
Елена Андреевна, его жена, 27 лет.
Софья Александровна (Соня), его дочь от первого брака.
Войницкая Мария Васильевна, вдова тайного советника, мать первой жены профессора.
Войницкий Иван Петрович, её сын.
Астров Михаил Львович, врач.
Телегин Илья Ильич, обедневший помещик.
Марина, старая няня.
Работник.

Действие первое

Действие происходит в усадьбе Серебрякова.

Войницкий *(выходит из дому; он выспался после завтрака и имеет помятый вид; садится на скамью, поправляет свой щёгольской галстук)*. Да...

Пауза.

Да…

Астров. Выспался?

Войницкий. Да… Очень. *(Зевает.)* С тех пор как здесь живёт профессор со своею супругой, жизнь выбилась из колеи… Сплю не вовремя, за завтраком и обедом ем разные кабули, пью вина… нездорово всё это! Прежде минуты свободной не было, я и Соня работали – моё почтение, а теперь работает одна Соня, а я сплю, ем, пью… Нехорошо!

Марина *(покачав головой)*. Порядки! Профессор встаёт в двенадцать часов, а самовар кипит с утра, все его дожидается. Без них обедали всегда в первом часу, как везде у людей, а при них в седьмом. Ночью профессор читает и пишет, и вдруг часу во втором звонок… Что такое, батюшки? Чаю! Буди для него народ, ставь самовар… Порядки!

Астров. И долго они ещё здесь проживут?

Войницкий *(свистит)*. Сто лет. Профессор решил поселиться здесь.

Марина. Вот и теперь. Самовар уже два часа на столе, а они гулять пошли.

Войницкий. Идут, идут… Не волнуйся.

Слышны голоса; из глубины сада, возвращаясь с прогулки, идут Серебряков, Елена Андреевна, Соня и Телегин.

Серебряков. Прекрасно, прекрасно… Чудесные виды.

Телегин. Замечательные, ваше превосходительство.

Соня. Мы завтра поедем в лесничество, папа. Хочешь?

Войницкий. Господа, чай пить!

Серебряков. Друзья мои, пришлите мне чай в кабинет, будьте добры! Мне сегодня нужно ещё кое-что сделать.

Соня. А в лесничестве тебе непременно понравится… <…>

Елена Андреевна берёт свою чашку и пьёт, сидя на качелях.

Астров *(Елене Андреевне)*. Я ведь к вашему мужу. Вы писали, что он очень болен, ревматизм и ещё что-то, а, оказывается, он здоровёхонек.

Елена Андреевна. Вчера вечером он хандрил, жаловался на боли в ногах, а сегодня ничего…

Астров. А я-то сломя голову скакал тридцать вёрст. Ну, да ничего, не впервой. Зато уж останусь у вас до завтра и, по крайней мере, высплюсь quantum satis. [47]

Соня. И прекрасно. Это такая редкость, что вы у нас ночуете. Вы небось не обедали?

Астров. Нет-с, не обедал.

Соня. Так вот кстати и пообедаете. Мы теперь обедаем в седьмом часу. *(Пьёт.)* Холодный чай!

Телегин. В самоваре уже значительно понизилась температура.

Елена Андреевна. Ничего, Иван Иваныч, мы и холодный выпьем.

Телегин. Виноват-с… Не Иван Иваныч, а Илья Ильич-с… Илья Ильич Телегин, или, как некоторые зовут меня по причине моего рябого лица, Вафля. Я когда-то крестил Сонечку, и его превосходительство, ваш супруг, знает меня очень хорошо. Я теперь у вас живу-с, в этом имении-с… Если изволили заме-

[47] Сколько надо, вволю (лат.).

тить, я каждый день с вами обедаю.

Соня. Илья Ильич – наш помощник, правая рука. *(Нежно.)* Давайте, крёстненький, я вам ещё налью.

Мария Васильевна. Ах!

Соня. Что с вами, бабушка?

Мария Васильевна. Забыла я сказать Александру… потеряла память… сегодня получила я письмо из Харькова от Павла Алексеевича… Прислал свою новую брошюру…

Астров. Интересно?

Мария Васильевна. Интересно, но как-то странно. Опровергает то, что семь лет назад сам же защищал. Это ужасно!

Войницкий. Ничего нет ужасного. Пейте, maman, чай.

Мария Васильевна. Но я хочу говорить!

Войницкий. Но мы уже пятьдесят лет говорим, и говорим, и читаем брошюры. Пора бы уж и кончить.

Мария Васильевна. Тебе почему-то неприятно слушать, когда я говорю. Прости, Жан, но в последний год ты так изменился, что я тебя совершенно не узнаю… Ты был человеком определённых убеждений, светлою личностью.

Войницкий. О да! Я был светлою личностью, от которой никому не было светло…

Пауза.

Я был светлою личностью… Нельзя сострить ядовитей! Теперь мне сорок семь лет. До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманивать свои глаза вашею этою схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни, – и думал, что делаю хорошо. А теперь, если бы вы знали! Я ночи не сплю с досады, от злости, что так глупо проворонил время, когда мог бы иметь всё, в чём отказывает мне теперь моя старость!

Соня. Дядя Ваня, скучно!

Мария Васильевна *(сыну)*. Ты точно обвиняешь в чём-то свои прежние убеждения… Но виноваты не они, а ты сам. Ты забывал, что убеждения сами по себе ничто, мёртвая буква… Нужно было дело делать.

Войницкий. Дело? Не всякий способен быть пишущим perpetuum mobile [48], как ваш герр профессор.

Мария Васильевна. Что ты хочешь этим сказать?

Соня *(умоляюще)*. Бабушка! Дядя Ваня! Умоляю вас!

Войницкий. Я молчу. Молчу и извиняюсь.

Пауза.

Елена Андреевна. А хорошая сегодня погода… Не жарко…

Пауза.

Войницкий. В такую погоду хорошо повеситься… <…>

Астров и Соня уходят в дом; Мария Васильевна и Телегин остаются возле стола; Елена Андреевна и Войницкий идут к террасе.

---

[48] Вечным двигателем (лат.)

Елена Андреевна. А вы, Иван Петрович, опять вели себя невозможно. Нужно было вам раздражать Марию Васильевну, говорить о perpetuum mobile! И сегодня за завтраком вы опять спорили с Александром. Как это мелко!

Войницкий. Но если я его ненавижу!

Елена Андреевна. Ненавидеть Александра не за что, он такой же, как все. Не хуже вас.

Войницкий. Если бы вы могли видеть своё лицо, свои движения… Какая вам лень жить! Ах, какая лень!

Елена Андреевна. Ах, и лень и скучно! Все бранят моего мужа, все смотрят на меня с сожалением: несчастная, у неё старый муж! Это участие ко мне – о, как я его понимаю! Вот как сказал сейчас Астров: все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется. Точно так вы безрассудно губите человека, и скоро благодаря вам на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою. Почему вы не можете видеть равнодушно женщину, если она не ваша? Потому что, – прав этот доктор, – во всех вас сидит бес разрушения. Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга.

Войницкий. Не люблю я этой философии!

Пауза.

Елена Андреевна. У этого доктора утомлённое, нервное лицо. Интересное лицо. Соне, очевидно, он нравится, она влюблена в него, и я её понимаю. При мне он был здесь уже три раза, но я застенчива и ни разу не поговорила с ним как следует, не обласкала его. Он подумал, что я зла. Вероятно, Иван Петрович, оттого мы с вами такие друзья, что оба мы нудные, скучные люди! Нудные! Не смотрите на меня так, я этого не люблю.

Войницкий. Могу ли я смотреть на вас иначе, если я люблю вас? Вы моё счастье, жизнь, моя молодость! Я знаю, шансы мои на взаимность ничтожны, равны нулю, но мне ничего не нужно, позвольте мне только глядеть на вас, слышать ваш голос…

Елена Андреевна. Тише, вас могут услышать!

Идут в дом.

Войницкий *(идя за нею)*. Позвольте мне говорить о своей любви, не гоните меня прочь, и это одно будет для меня величайшим счастьем…

Елена Андреевна. Это мучительно…

Оба уходят в дом.

Телегин бьёт по струнам и играет польку; Мария Васильевна что-то записывает па полях брошюры.

Занавес

Действие третье

Серебряков *(Телегину)*. С нездоровьем ещё можно мириться, куда ни шло, но чего я не могу переварить, так это строя деревенской жизни. У меня такое чувство, как будто я с земли свалился на какую-то чужую планету. Садитесь, господа, прошу вас. Соня!

Соня не слышит его, она стоит, печально опустив голову.

Соня!

Пауза.

Неслышит. *(Марине.)* И ты, няня, садись.

Няня садится и вяжет чулок.

Прошу, господа. Повесьте, так сказать, ваши уши на гвоздь внимания. *(Смеётся.)*

Войницкий *(волнуясь)*. Я, быть может, не нужен? Могу уйти?

Серебряков. Нет, ты здесь нужнее всех.

Войницкий. Что вам от меня угодно?

Серебряков. Вам… Что же ты сердишься?

Пауза.

Если я в чём виноват перед тобою, то извини, пожалуйста.

Войницкий. Оставь этот тон. Приступим к делу… Что тебе нужно?

Входит Мария Васильевна.

Серебряков. Вот и maman. Я начинаю, господа.

Пауза.

Я пригласил вас, господа, чтобы объявить вам, что к нам едет ревизор. Впрочем, шутки в сторону. Дело серьёзное. Я, господа, собрал вас, чтобы попросить у вас помощи и совета, и, зная всегдашнюю вашу любезность, надеюсь, что получу их. Человек я учёный, книжный и всегда был чужд практической жизни. Обойтись без указаний сведущих людей я не могу и прошу тебя, Иван Петрович, вот вас, Илья Ильич, вас, maman… Дело в том, что manet omnes una nox [49], то есть все мы под богом ходим; я стар, болен и потому нахожу своевременным регулировать свои имущественные отношения постольку, поскольку они касаются моей семьи. Жизнь моя уже кончена, о себе я не думаю, но у меня молодая жена, дочь-девушка.

Пауза.

Продолжать жить в деревне мне невозможно. Мы для деревни не созданы. Жить же в городе на те средства, какие мы получаем от этого имения, невозможно. Если продать, положим, лес, то это мера экстраординарная, которою нельзя пользоваться ежегодно. Нужно изыскать такие меры, которые гарантировали бы нам постоянную, более или менее определённую цифру дохода. Я придумал одну такую меру и имею честь предложить её на ваше обсуждение. Минуя детали, изложу её в общих чертах. Наше имение даёт в среднем размере не более двух процентов. Я предлагаю продать его. Если вырученные деньги мы обратим в процентные бумаги, то будем получать от четырёх до пяти процентов, и я думаю, что будет даже излишек в несколько тысяч, который нам позволит купить в Финляндии небольшую дачу.

Войницкий. Постой… Мне кажется, что мне изменяет мой слух. Повтори, что ты сказал.

Серебряков. Деньги обратить в процентные бумаги и на излишек, какой останется, купить дачу в Финляндии.

Войницкий. Не Финляндия… Ты ещё что-то другое сказал.

Серебряков. Я предлагаю продать имение.

Войницкий. Вот это самое. Ты продашь имение, превосходно, богатая идея…

---

[49] Всех ожидает одна ночь (лат.) .

А куда прикажешь деваться мне со старухой матерью и вот с Соней?

Серебряков. Всё это своевременно мы обсудим. Не сразу же.

Войницкий. Постой. Очевидно, до сих пор у меня не было ни капли здравого смысла. До сих пор я имел глупость думать, что это имение принадлежит Соне. Мой покойный отец купил это имение в приданое для моей сестры. До сих пор я был наивен, понимал законы не по-турецки и думал, что имение от сестры перешло к Соне.

Серебряков. Да, имение принадлежит Соне. Кто спорит? Без согласия Сони я не решусь продать его. К тому же я предлагаю сделать это для блага Сони.

Войницкий. Это непостижимо, непостижимо! Или я с ума сошёл, или… или…

Мария Васильевна. Жан, не противоречь Александру. Верь, он лучше нас знает, что хорошо и что дурно.

Войницкий. Нет, дайте мне воды. *(Пьёт воду.)* Говорите, что хотите, что хотите!

Серебряков. Я не понимаю, отчего ты волнуешься. Я не говорю, что мой проект идеален. Если все найдут его негодным, то я не буду настаивать.

Пауза.

Телегин *(в смущении)*. Я, ваше превосходительство, питаю к науке не только благоговение, но и родственные чувства. Брата моего Григория Ильича жены брат, может, изволите знать, Константин Трофимович Лакедемонов, был магистром…

Войницкий. Постой, Вафля, мы о деле… Погоди, после… *(Серебрякову.)* Вот спроси ты у него. Это имение куплено у его дяди.

Серебряков. Ах, зачем мне спрашивать? К чему?

Войницкий. Это имение было куплено по тогдашнему времени за девяносто пять тысяч. Отец уплатил только семьдесят, и осталось долгу двадцать пять тысяч. Теперь слушайте… Имение это не было бы куплено, если бы я не отказался от наследства в пользу сестры, которую горячо любил. Мало того, я десять лет работал, как вол, и выплатил весь долг…

Серебряков. Я жалею, что начал этот разговор.

Войницкий. Имение чисто от долгов и не расстроено только благодаря моим личным усилиям. И вот когда я стал стар, меня хотят выгнать отсюда в шею!

Серебряков. Я не понимаю, чего ты добиваешься!

Войницкий. Двадцать пять лет я управлял этим имением, работал, высылал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик, и за всё время ты ни разу не поблагодарил меня. Всё время – и в молодости и теперь – я получал от тебя жалованья пятьсот рублей в год, – нищенские деньги! – и ты ни разу не догадался прибавить мне хоть один рубль!

Серебряков. Иван Петрович, почём же я знал? Я человек не практический и ничего не понимаю. Ты мог бы сам прибавить себе сколько угодно.

Войницкий. Зачем я не крал? Отчего вы все не презираете меня за то, что я не крал? Это было бы справедливо, и теперь я не был бы нищим!

Мария Васильевна *(строго)*. Жан!

Телегин *(волнуясь)*. Ваня, дружочек, не надо, не надо… я дрожу… Зачем пор-

тить хорошие отношения? *(Целует его.)* Не надо.

Войницкий. Двадцать пять лет я вот с этою матерью, как крот, сидел в четырёх стенах… Все наши мысли и чувства принадлежали тебе одному. Днём мы говорили о тебе, о твоих работах, гордились тобою, с благоговением произносили твоё имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которые я теперь глубоко презираю!

Телегин. Не надо, Ваня, не надо… Не могу…

Серебряков *(гневно)*. Не понимаю, что тебе нужно?

Войницкий. Ты для нас был существом высшего порядка, твои статьи мы знали наизусть… Но теперь у меня открылись глаза! Я всё вижу! Пишешь ты об искусстве, но ничего не понимаешь в искусстве! Все твои работы, которые я любил, не стоят гроша медного! Ты морочил нас!

Серебряков. Господа! Да уймите же его наконец! Я уйду!

Елена Андреевна. Иван Петрович, я требую, чтобы вы замолчали! Слышите?

Войницкий. Не замолчу! *(Загораживая Серебрякову дорогу.)* Постой, я не кончил! Ты погубил мою жизнь! Я не жил, не жил! По твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни. Ты мой злейший враг!

Телегин. Я не могу… не могу… Я уйду… *(В сильном волнении уходит.)*

Серебряков. Что ты хочешь от меня? И какое ты имеешь право говорить со мною таким тоном? Ничтожество! Если имение твоё, то бери его, я не нуждаюсь в нём!

Елена Андреевна. Я сию же минуту уезжаю из этого ада! *(Кричит.)* Я не могу дольше выносить!

Войницкий. Пропала жизнь! Я талантлив, умён, смел… Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский… Я зарапортовался! Я с ума схожу… Матушка, я в отчаянии! Матушка!

Мария Васильевна *(строго)*. Слушайся Александра!

Соня *(становится перед няней на колени и прижимается к ней)*. Нянечка! Нянечка!

Войницкий. Матушка! Что мне делать? Не нужно, не говорите! Я сам знаю, что мне делать! *(Серебрякову.)* Будешь ты меня помнить! *(Уходит в среднюю дверь.)*

Мария Васильевна идёт за ним.

Серебряков. Господа, что же это такое наконец? Уберите от меня этого сумасшедшего! Не могу я жить с ним под одною крышей! Живёт тут *(указывает на среднюю дверь)*, почти рядом со мною… Пусть перебирается в деревню, во флигель, или я переберусь отсюда, но оставаться с ним в одном доме я не могу…

Елена Андреевна *(мужу)*. Мы сегодня уедем отсюда! Необходимо распорядиться сию же минуту.

Серебряков. Ничтожнейший человек!

Соня *(стоя на коленях, оборачивается к отцу; нервно, сквозь слёзы)*. Надо быть милосердным, папа! Я и дядя Ваня так несчастны! *(Сдерживая отчаяние.)* Надо быть милосердным! Вспомни, когда ты был помоложе, дядя Ваня и бабушка по ночам переводили для тебя книги, переписывали твои бумаги… все ночи, все ночи! Я и дядя Ваня работали без отдыха, боялись потратить на себя копейку и

всё посылали тебе… Мы не ели даром хлеба! Я говорю не то, не то я говорю, но ты должен понять нас, папа. Надо быть милосердным!

Действие четвёртое

Комната Ивана Петровича; тут его спальня, тут же и контора имения. У окна большой стол с приходо-расходными книгами и бумагами всякого рода, конторка, шкапы, весы. Стол поменьше для Астрова; на этом столе принадлежности для рисования, краски; возле – папка. Клетка со скворцом. На стене карта Африки, видимо, никому здесь не нужная. Громадный диван, обитый клеенкой. Налево – дверь, ведущая в покои; направо – дверь в сени; подле правой двери положен половик, чтобы не нагрязнили мужики. – Осенний вечер. Тишина.

Телегин и Марина *(сидят друг против друга и мотают чулочную шерсть)*.

Телегин. Вы скорее, Марина Тимофеевна, а то сейчас позовут прощаться. Уже приказали лошадей подавать.

Марина *(старается мотать быстрее)*. Немного осталось.

Телегин. В Харьков уезжают. Там жить будут.

Марина. И лучше.

Телегин. Напужались… Елена Андреевна «одного часа, говорит, не желаю жить здесь… уедем да уедем… Поживём, говорит, в Харькове, оглядимся и тогда за вещами пришлём…». Налегке уезжают. Значит, Марина Тимофеевна, не судьба им жить тут. Не судьба… Фатальное предопределение.

Марина. И лучше. Давеча подняли шум, пальбу – срам один!

Телегин. Да, сюжет, достойный кисти Айвазовского.

Марина. Глаза бы мои не глядели.

Пауза.

Опять заживём, как было, по-старому. Утром в восьмом часу чай, в первом часу обед, вечером – ужинать садиться; всё своим порядком, как у людей… по-христиански. *(Со вздохом.)* Давно уже я, грешница, лапши не ела.

Телегин. Да, давненько у нас лапши не готовили.

Пауза.

Давненько… Сегодня утром, Марина Тимофеевна, иду я деревней, а лавочник мне вслед: «Эй ты, приживал!» И так мне горько стало!

Марина. А ты без внимания, батюшка. Все мы у бога приживалы. Как ты, как Соня, как Иван Петрович, – никто без дела не сидит, все трудимся! Все… Где Соня?

Телегин. В саду. С доктором всё ходит, Ивана Петровича ищет. Боятся, как бы он на себя рук не наложил.

Марина. А где его пистолет?

Телегин *(шёпотом)*. Я в погребе спрятал!

Марина *(с усмешкой)*. Грехи!

Входят со двора Войницкий и Астров.

Войницкий. Оставь меня. (*Марине и Телегину.)* Уйдите отсюда, оставьте меня одного хоть на один час! Я не терплю опеки.

Телегин. Сию минуту, Ваня. *(Уходит на цыпочках.)*

Марина. Гусак: го-го-го! *(Собирает шерсть и уходит.)*

Войницкий. Оставь меня!

Астров. С большим удовольствием, мне давно уже нужно уехать отсюда, но, повторяю, я не уеду, пока ты не возвратишь того, что взял у меня.

Войницкий. Я у тебя ничего не брал.

Астров. Серьёзно говорю – не задерживай. Мне давно уже пора ехать.

Войницкий. Ничего я у тебя не брал.

Оба садятся.

Астров. Да? Что ж, погожу ещё немного, а потом, извини, придётся употребить насилие. Свяжем тебя и обыщем. Говорю это совершенно серьёзно.

Войницкий. Как угодно.

Пауза.

Разыграть такого дурака: стрелять два раза и ни разу не попасть! Этого я себе никогда не прощу!

Астров. Пришла охота стрелять, ну и палил бы в лоб себе самому.

Войницкий *(пожав плечами)*. Странно. Я покушался на убийство, а меня не арестовывают, не отдают под суд. Значит, считают меня сумасшедшим. *(Злой смех.)* Я – сумасшедший, а не сумасшедшие те, которые под личиной профессора, учёного мага, прячут свою бездарность, тупость, своё вопиющее бессердечие. Не сумасшедшие те, которые выходят за стариков и потом у всех на глазах обманывают их. Я видел, видел, как ты обнимал её!

Астров. Да-с, обнимал-с, а тебе вот. *(Делает нос.)*

Войницкий *(глядя на дверь)*. Нет, сумасшедшая земля, которая ещё держит вас!

Астров. Ну, и глупо.

Войницкий. Что ж, я – сумасшедший, невменяем, я имею право говорить глупости.

Астров. Стара штука. Ты не сумасшедший, а просто чудак. Шут гороховый. Прежде и я всякого чудака считал больным, ненормальным, а теперь я такого мнения, что нормальное состояние человека – это быть чудаком. Ты вполне нормален.

Войницкий *(закрывает лицо руками)*. Стыдно! Если бы ты знал, как мне стыдно! Это острое чувство стыда не может сравниться ни с какою болью. *(С тоской.)* Невыносимо! *(Склоняется к столу.)* Что мне делать? Что мне делать?

Астров. Ничего.

Войницкий. Дай мне чего-нибудь! О, боже мой… Мне сорок семь лет; если, положим, я проживу до шестидесяти, то мне остаётся ещё тринадцать. Долго! Как я проживу эти тринадцать лет? Что буду делать, чем наполню их? О, понимаешь… *(судорожно жмёт Астрову руку)* понимаешь, если бы можно было прожить остаток жизни как-нибудь по-новому. Проснуться бы в ясное, тихое утро и почувствовать, что жить ты начал снова, что всё прошлое забыто, рассеялось, как дым. *(Плачет.)* Начать новую жизнь… Подскажи мне, как начать… с чего начать…

Астров *(с досадой)*. Э, ну тебя! Какая ещё там новая жизнь! Наше положение, твоё и моё, безнадёжно.

Войницкий. Да?

Астров. Я убеждён в этом.

Войницкий. Дай мне чего-нибудь… *(Показывая на сердце.)* Жжёт здесь.

Астров *(кричит сердито)*. Перестань! *(Смягчившись.)* Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и так безвкусно, – те, быть может, найдут средство, как быть счастливыми, а мы… У нас с тобою только одна надежда и есть. Надежда, что когда мы будем почивать в своих гробах, то нас посетят видения, быть может, даже приятные. *(Вздохнув.)* Да, брат. Во всём уезде было только два порядочных, интеллигентных человека: я да ты. Но в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас; она своими гнилыми испарениями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, как все. *(Живо.)* Но ты мне зубов не заговаривай, однако. Ты отдай то, что взял у меня.

Войницкий. Я у тебя ничего не брал.

Астров. Ты взял у меня из дорожной аптеки баночку с морфием.

Пауза.

Послушай, если тебе во что бы то ни стало хочется покончить с собою, то ступай в лес и застрелись там. Морфий же отдай, а то пойдут разговоры, догадки, подумают, что это я тебе дал… С меня же довольно и того, что мне придётся вскрывать тебя… Ты думаешь, это интересно?

Входит Соня.

Войницкий. Оставь меня!

Астров *(Соне)*. Софья Александровна, ваш дядя утащил из моей аптеки баночку с морфием и не отдаёт. Скажите ему, что это… не умно, наконец. Да и некогда мне. Мне пора ехать.

Соня. Дядя Ваня, ты взял морфий?

Пауза.

Астров. Он взял. Я в этом уверен.

Соня. Отдай! Зачем ты нас пугаешь? *(Нежно.)* Отдай, дядя Ваня! Я, быть может, несчастна не меньше твоего, однако же не прихожу в отчаяние. Я терплю и буду терпеть, пока жизнь моя не окончится сама собою… Терпи и ты.

Пауза.

Отдай! *(Целует ему руки.)* Дорогой, славный дядя, милый, отдай! *(Плачет.)* Ты добрый, ты пожалеешь нас и отдашь. Терпи, дядя! Терпи!

Войницкий *(достаёт из стола баночку и подаёт её Астрову)*. На, возьми! *(Соне.)* Но надо скорее работать, скорее делать что-нибудь, а то не могу… не могу…

Соня. Да, да, работать. Как только проводим наших, сядем работать… *(Нервно перебирает на столе бумаги.)* У нас всё запущено.

Астров (*кладёт баночку в аптеку и затягивает ремни)*. Теперь можно и в путь.

Елена Андреевна *(входит)*. Иван Петрович, вы здесь? Мы сейчас уезжаем… Идите к Александру, он хочет что-то сказать вам.

Соня. Иди, дядя Ваня. *(Берёт Войницкого под руку.)* Пойдём. Папа и ты должны помириться. Это необходимо.

Соня и Войницкий уходят.

Елена Андреевна. Я уезжаю. *(Подаёт Астрову руку.)* Прощайте.

Астров. Уже?

Елена Андреевна. Лошади уже поданы.
Астров. Прощайте.
Елена Андреевна. Сегодня вы обещали мне, что уедете отсюда.
Астров. Я помню. Сейчас уеду.
Пауза.
Испугались? *(Берёт её за руку.)* Разве это так страшно?
Елена Андреевна. Да.
Астров. А то остались бы! А? Завтра в лесничестве…
Елена Андреевна. Нет… Уже решено… И потому я гляжу на вас так храбро, что уже решён отъезд… Я об одном вас прошу: думайте обо мне лучше. Мне хочется, чтобы вы меня уважали.
Астров. Э! *(Жест нетерпения.)* Останьтесь, прошу вас. Сознайтесь, делать вам на этом свете нечего, цели жизни у вас никакой, занять вам своего внимания нечем, и, рано или поздно, всё равно поддадитесь чувству, – это неизбежно. Так уж лучше это не в Харькове и не где-нибудь в Курске, а здесь, на лоне природы… Поэтично по крайней мере, даже осень красива… Здесь есть лесничество, полуразрушенные усадьбы во вкусе Тургенева…
Елена Андреевна. Какой вы смешной… Я сердита на вас, но все же… буду вспоминать о вас с удовольствием. Вы интересный, оригинальный человек. Больше мы с вами уже никогда не увидимся, а потому – зачем скрывать? Я даже увлеклась вами немножко. Ну, давайте пожмём друг другу руки и разойдёмся друзьями. Не поминайте лихом.
Астров *(пожал руку)*. Да, уезжайте… *(В раздумье.)* Как будто бы вы и хороший, душевный человек, но как будто бы и что-то странное во всём вашем существе. Вот вы приехали сюда с мужем, и все, которые здесь работали, копошились, создавали что-то, должны были побросать свои дела и всё лето заниматься только подагрой вашего мужа и вами. Оба – он и вы – заразили всех нас вашею праздностью. Я увлёкся, целый месяц ничего не делал, а в это время люди болели, в лесах моих, лесных порослях, мужики пасли свой скот… Итак, куда бы ни ступили вы и ваш муж, всюду вы вносите разрушение… Я шучу, конечно, но всё же… странно, и я убежден, что если бы вы остались, то опустошение произошло бы громадное. И я бы погиб, да и вам бы… несдобровать. Ну, уезжайте. Finita la comedia! [50]
Елена Андреевна *(берёт с его стола карандаш и быстро прячет)*. Этот карандаш я беру себе на память.
Астров. Как-то странно… Были знакомы и вдруг почему-то… никогда уже больше не увидимся. Так и всё на свете… Пока здесь никого нет, пока дядя Ваня не вошёл с букетом, позвольте мне… поцеловать вас… На прощанье… Да? *(Целует её в щёку.)* Ну, вот… и прекрасно.
Елена Андреевна. Желаю вам всего хорошего. *(Оглянувшись.)* Куда ни шло, раз в жизни! *(Обнимает его порывисто, и оба тотчас же быстро отходят друг от друга.)* Надо уезжать.

[50] Комедия окончена! (ит.)

Астров. Уезжайте поскорее. Если лошади поданы, то отправляйтесь.

Елена Андреевна. Сюда идут, кажется.

Оба прислушиваются.

Астров. Finita!

Входят Серебряков, Войницкий, Мария Васильевна с книгой, Телегин и Соня.

Серебряков *(Войницкому)*. Кто старое помянет, тому глаз вон. После того, что случилось, в эти несколько часов я так много пережил и столько передумал, что, кажется, мог бы написать в назидание потомству целый трактат о том, как надо жить. Я охотно принимаю твои извинения и сам прошу извинить меня. Прощай! *(Целуется с Войницким три раза.)*

Войницкий. Ты будешь аккуратно получать то же, что получал и раньше. Всё будет по-старому.

Елена Андреевна обнимает Соню.

Серебряков *(целует у Марии Васильевны руку)*. Maman…

Мария Васильевна *(целуя его)*. Александр, снимитесь опять и пришлите мне вашу фотографию. Вы знаете, как вы мне дороги.

Телегин. Прощайте, ваше превосходительство! Нас не забывайте!

Серебряков *(поцеловав дочь)*. Прощай… Все прощайте! *(Подавая руку Астрову.)* Благодарю вас за приятное общество… Я уважаю ваш образ мыслей, ваши увлечения, порывы, но позвольте старику внести в мой прощальный привет только одно замечание: надо, господа, дело делать! Надо дело делать! *(Общий поклон.)* Всего хорошего! *(Уходит.)*

За ним идут Мария Васильевна и Соня.

Войницкий *(крепко целует руку у Елены Андреевны)*. Прощайте… Простите… Никогда больше не увидимся.

Елена Андреевна *(растроганная)*. Прощайте, голубчик. *(Целует его в голову и уходит.)*

Астров *(Телегину)*. Скажи там, Вафля, чтобы заодно, кстати, подавали и мне лошадей.

Телегин. Слушаю, дружочек. *(Уходит.)*

Остаются только Астров и Войницкий.

Астров *(убирает со стола краски и прячет их в чемодан)*. Что же ты не идёшь проводить?

Войницкий. Пусть уезжают, а я… я не могу. Мне тяжело. Надо поскорей занять себя чем-нибудь… Работать, работать! *(Роется в бумагах на столе.)*

Пауза; слышны звонки.

Астров. Уехали. Профессор рад небось! Его теперь сюда и калачом не заманишь.

Марина *(входит)*. Уехали. *(Садится в кресло и вяжет чулок.)*

Соня *(входит)*. Уехали. *(Утирает глаза.)* Дай бог, благополучно. *(Дяде.)* Ну, дядя Ваня, давай делать что-нибудь.

Войницкий. Работать, работать…

Соня. Давно, давно уже мы не сидели вместе за этим столом. *(Зажигает на столе лампу.)* Чернил, кажется, нет… *(Берёт чернильницу, идёт к шкапу и налива-*

ет чернил.) А мне грустно, что они уехали.

Мария Васильевна *(медленно входит)*. Уехали! *(Садится и погружается в чтение.)*

Соня *(садится за стол и перелистывает конторскую книгу)*. Напишем, дядя Ваня, прежде всего счета. У нас страшно запущено. Сегодня опять присылали за счётом. Пиши. Ты пиши один счёт, я – другой…

Войницкий *(пишет)*. «Счёт… господину…»

Оба пишут молча.

Марина *(зевает)*. Баиньки захотелось…

Астров. Тишина. Перья скрипят, сверчок кричит. Тепло, уютно… Не хочется уезжать отсюда.

Слышны бубенчики.

Вот подают лошадей… Остаётся, стало быть, проститься с вами, друзья мои, проститься со своим столом и – айда! *(Укладывает картограммы в папку.)*

Марина. И чего засуетился? Сидел бы.

Астров. Нельзя.

Войницкий *(пишет)*. «И старого долга осталось два семьдесят пять…»

Входит работник.

Работник. Михаил Львович, лошади поданы.

Астров. Слышал. *(Подаёт ему аптечку, чемодан и папку.)* Вот, возьми это. Гляди, чтобы не помять папку.

Работник. Слушаю. *(Уходит.)*

Астров. Ну-с… *(Идёт проститься.)*

Соня. Когда же мы увидимся?

Астров. Не раньше лета, должно быть. Зимой едва ли… Само собою, если случится что, то дайте знать – приеду. *(Пожимает руки.)* Спасибо за хлеб, за соль, за ласку… одним словом, за всё. *(Идёт к няне и целует её в голову.)* Прощай, старая.

Марина. Так и уедешь без чаю?

Астров. Не хочу, нянька.

Марина уходит.

(После паузы.) Моя пристяжная что-то захромала. Вчера ещё заметил, когда Петрушка водил поить.

Войницкий. Перековать надо.

Астров. Придётся в Рождественном заехать к кузнецу. Не миновать. *(Подходит к карте Африки и смотрит на неё.)* А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища – страшное дело! <…>

Войницкий *(пишет)*. «2-го февраля масла постного 20 фунтов… 16-го февраля опять масла постного 20 фунтов… Гречневой крупы…»

Пауза. Слышны бубенчики.

Марина. Уехал.

Пауза.

Соня *(возвращается, ставит свечу на стол)*. Уехал…

Войницкий *(сосчитал на счётах и записывает)*. Итого… пятнадцать… двадцать пять…

Соня садится и пишет.

Марина *(зевает)*. Ох, грехи наши…

Телегин входит на цыпочках, садится у двери и тихо настраивает гитару.

Войницкий *(Соне, проведя рукой по её волосам)*. Дитя моё, как мне тяжело! О, если б ты знала, как мне тяжело!

Соня. Что же делать, надо жить!

Пауза.

Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживём длинный, длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлёт нам судьба; будем трудиться для других и теперь и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрём и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Бог сжалится над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой – и отдохнём. Я верую, дядя, я верую горячо, страстно… *(Становится перед ним на колени и кладёт голову на его руки; утомлённым голосом.)* Мы отдохнём!

Телегин тихо играет на гитаре.

Мы отдохнём! Мы услышим ангелов, мы увидим всё небо в алмазах, мы увидим, как всё зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую… *(Вытирает ему платком слёзы.)* Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь… *(Сквозь слёзы.)* Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди… Мы отдохнём… *(Обнимает его.)* Мы отдохнём!

Стучит сторож.

Телегин тихо наигрывает; Мария Васильевна пишет на полях брошюры; Марина вяжет чулок.

Мы отдохнём!

Занавес медленно опускается

ГЛОССАРИЙ

Драма – литературный (драматический) жанр, получивший особое распространение в литературе XVIII-XIX веков, постепенно вытеснив другой жанр драматургии – трагедию, противопоставив ему преимущественно бытовой сюжет и более приближенную к обыденной реальности стилистику. Драма воспроизводит внешний мир – взаимоотношения между людьми, их поступки, возникающие конфликты. Драма имеет диалогическую форму. Для драматических произведений характерны остроконфликтные ситуации, побуждающие персонаж к словесно-физическому действию. Драма изображает, как правило, частную жизнь человека и социальные конфликты. В XIX в. получила развитие реалистическая драма в творчестве А. Островского, А. Чехова и др.

ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА

Напишите эссе «В чём заключается новаторство Чехова-драматурга?»

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

После Пушкина и Лермонтова русская поэзия переживала заметный спад. Хотя и появились новые таланты – Плещеев, Майков, Полонский, Григорьев и др., всё же поэтическое слово уже не имело прежнего авторитета и резонанса, особенно по сравнению с выдающимися достижениями прозы. Журналы почти перестали печатать стихи. В 50-60-е годы XIX века в России сложилась так называемая «школа чистого искусства». На самом деле – это условное название ряда эстетических представлений и концепций, общий внешний признак которых – утверждение самоценности художественного творчества, независимости искусства от политики, общественных требований, воспитательных задач.

Поэты этого направления концентрировали своё внимание на категории прекрасного и философского в жизни и старались не затрагивать в своих произведениях «наболевшие» темы политики и социальных конфликтов. Крупнейшими представителями «чистого искусства» были Ф.И. Тютчев и А.А. Фет.

Однако начавшийся общественный подъём захватывал и будоражил поэтов, общество ждало от поэзии активного участия в поисках новых форм и содержания, новых вдохновений для воплощения сложных переживаний личности. И вскоре поэзия вновь заговорила ярким и проникновенным языком, реагируя на новый подъём общественного движения. Возрождение мощного поэтического слова во многом обязано энергичному влиянию Тургенева и Некрасова.

Постепенно русская поэзия стала выходить на новые рубежи, художественно ярко и глубоко осмысливая современность. Не угасало в поэзии и народное начало, нашедшее отражение не только в поэзии Некрасова и авторов-демократов, но и в творчестве Тютчева, Фета, Ап. Григорьева, Полонского, А.К. Толстого, оставивших заметный след в русской поэзии XIX века.

Поэтически близка к А. Фету поэзия Аполлона Николаевича Майкова, который в оценках жизни ориентирован на античность. В.Г. Белинский восхищался талантом поэта: «...Его поэзия всегда картина, блещущая всею истиною черт и красок природы». Некоторые стихотворения Майкова, по мнению Белинского, не уступают пушкинским. Но выбранный поэтом жанр, считал критик, не созвучен современности и далёк от неё. Сборник стихотворений Майкова «Очерки Рима» в известной мере оправдал предсказания великого критика.

Майков находит высокую поэзию в, казалось бы, привычных для глаз картинах. Каждый пейзаж поэта полон незамысловатой красоты и прелести.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон – даль голубая видна...
Хочется в поле, в широкое поле,
Где шествуя, сыплет цветами весна!

В послепушкинской период, в середине XIX века русская поэзия пополнилась поэтическим опытом известного в ту пору поэта и критика Аполлона Александровича Григорьева. Его лирический герой – горожанин, «мечты романтической натура», гибнущий в пошлом и корыстном окружении, которое вызывает в нём резкий протест. Неразрешимость внутреннего конфликта порождает настроение мрачного скептицизма и отчаяния. А.А. Григорьев вводит в русскую поэзию надрывный цыганский романс, оттеняющий тоску человека, который разуверился в прекрасных иллюзиях и не находит счастья.

В последние десятилетия XIX века читатель с большим интересом знакомится с лирикой Якова Петровича Полонского, проникнутой подлинным гуманизмом. По своему социальному положению и психологическому облику он ощущал своё родство с разночинцами. Поэтому ему были созвучны мысли и чувства простого труженика, близки его заботы и проблемы. Так, в лирику Полонского входят крестьянки («Жницы»), бескрайние степные пространства («Дорога»), нищие, беглые каторжники, скромные девушки-разночинки. В старом доме с завешенным окном затворницей тоскует «чудо-девушка», мечтающая стать вольной птицей, но она не властна над собственной судьбой:

И тихо слёзы капали – И ветер занавескою
И поцелуй звучал – Тревожно колыхал.

В отличие от Полонского, сознание которого пропитано духом и настроениями демократов-разночинцев, общественная позиция Алексея Константиновича Толстого противоречива. В жизни он не видел гармонии, а лишь – косность, скуку, духовную пустоту. Отворачиваясь от грубой действительности, А.К. Толстой идеализировал Древнюю Русь времён Киева и Новгорода.

Главная тема поэта – природа и любовь. Современная Толстому действительность и государственное устройство не вызывали у него добрых чувств. Обращаясь к истории, поэт противопоставлял серую современность яркому и героическому прошлому, воспевая цельную личность, способную на яркие поступки. Он занимает особое место в литературной жизни России. Толстой не примыкал ни к какому лагерю.

Романтизация старины наложила отпечаток на пейзажную лирику Толстого. В природе он видит не только красоту, но и образ родины («Колокольчики мои...», «Дождя отшумевшего капли...»).

Поэт широко вводит в свои произведения фольклорные мотивы. Отличительная особенность поэзии А.К. Толстого – искренний, интимный тон, открытость лирического голоса, деликатность в изображении сокровенных уголков души человека.

На закате XIX века русская поэзия, переживая взлёты и спады, узнала и другие новые имена; сложившуюся в ней вековую художественную традицию молодая поэтическая поросль свято чтила и берегла, внося свой посильный вклад в русское словесное искусство.

ГЛОССАРИЙ

«Чистое искусство» (или «искусство ради искусства») – теория, утверждающая свободу искусства от влияния социальных проблем и получившая распространение в русской литературе в 60-80-х годах XIX века.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ
1803-1873

В наш век отчаянных сомнений,
В наш век, неверием больной,
Когда всё гуще сходят тени
На одичалый мир земной...

Ф.И. Тютчев

Поэт Фёдор Иванович Тютчев творчески сложился в пушкинскую эпоху. Его стихи имели успех у широкого читателя. Однако после опубликования небольшой подборки стихотворений в журнале «Современник» за 1836 год Тютчев надолго умолк. И только в 50-е годы тютчевская поэзия вновь пришла к читателю благодаря усилиям Некрасова, который в статье о русской поэзии сказал веское слово о таланте Тютчева и опубликовал ряд его великолепных стихов. А через некоторое время в качестве приложения к «Современнику» был опубликован сборник стихов поэта.

Дарование Тютчева с особой силой сказалось в лирических и лирико-философских описаниях природы, любви, человека и его сущности. Тютчев всегда и во всём своём творчестве проявлял себя как поэт-философ, поэт-мыслитель: он весь во власти раздумий о мятущемся и страждущем человечестве, о мироздании. В стихотворении «Наш век» он пишет:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвётся из ночной тени
И, свет, обретши, ропщет и бунтует.

Особенностью лирики Тютчева является тождество между внешним и внутренним в природе и человеке. Поэт воспринимает природу целостно, как живой организм в вечном движении. В основе тютчевского романтизма лежит признание жизни как борьбы противоположных начал. Поэтому его привлекает природа в катастрофическом состоянии, борьба стихийных, светлых и тёмных сил.

Борьба вечного и преходящего понята Тютчевым как закон движения, универсальный для всех событий и явлений без исключения: исторических, природных, общественных, психологических.

У Тютчева даже, казалось бы, обычная путевая зарисовка вечернего пейзажа даёт пищу для философских размышлений о многоликости и тайнах круговорота светлого и тёмного в природе. Например, в стихотворении «Песок сыпучий по колени...» сумерки первоначально воспринимаются вполне прозаически, – как момент обычный при смене дня на ночь, с сопутствующим этому моменту состоянием грусти и печали:

Мы едем – поздно – меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий...
Какие грустные места!

И неожиданно заключительные строки обогащают пейзаж философским содержанием:

Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!

Время (сменяемость дня и ночи) обретает новый смысл. Речь идёт уже не просто об угасании этого дня и наступлении этой ночи, а о формах вечности, о всеобщем законе, о пугающем мире, о трагической встрече человека лицом к лицу с неведомым и непостижимым. И предчувствие этой встречи тревожит человека. На этом фоне восклицание «Какие грустные места!» осознаётся переломным психологическим моментом, грустным предчувствием роковых перемен.

В 60-70-е годы принципы поэтики Тютчева при всей их устойчивости всё же дополнились новым качеством. Поэт всегда чувствовал себя неуютно в неудовлетворяющей его современности. Он – романтик – мечтал о яркой, интенсивной духовной жизни. Поэтому он пристально вглядывается в русскую действительность, стремится постичь её сущность. Сочувствуя всей душой страданиям народа, с тревогой взирая на стихийные и непредсказуемые взлёты и спады в общественном движении России, Тютчев философски размышляет о своей прекрасной Родине:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Тема поэта и поэзии раскрывается Тютчевым специфически: поэт, по мнению автора, должен всегда быть в центре событий и только этой «сопричастностью» к великому может увековечить себя:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир

Идея быстротечности времени, рассуждения о жизни и смерти, о счастье человека являются доминирующими мотивами стихов Тютчева, подчёркивая глубину и многосторонность его поэзии:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовётся, –

И нам сочувствие даётся,
Как нам даётся благодать.

И.С. Тургенев считал, что отношение к Тютчеву – показатель вкуса читателя, его способности воспринимать подлинно прекрасное.

Лирика Тютчева по праву вошла в золотой фонд русской поэзии. Она насыщена философскими мыслями и отличается совершенством формы. Интерес к исследованию человеческой души сделал лирику Тютчева бессмертной.

ФОНТАН

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной –
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осуждён.
О смертной мысли водомёт,
О водомёт неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятёт?
Как жадно к небу рвёшься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты…

1836

О, КАК УБИЙСТВЕННО МЫ ЛЮБИМ

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!
Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя…
Год не прошёл – спроси и сведай,
Что уцелело от нея?
Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слёзы
Горячей влагою своей.
Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Её волшебны взоры, речи
И смех младенческо-живой?
И что ж теперь? И где ж всё это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолётным гостем он!
Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь её она легла!
Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В её душевной глубине
Ей оставались вспоминанья…
Но изменили и оне.
И на земле ей дико стало,
Очарование ушло…
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе её цвело.
И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слёз!
О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

1851

КАК ХОРОШО ТЫ, О МОРЕ НОЧНОЕ

Как хорошо ты, о море ночное, –
Здесь лучезарно, там сизо-темно…
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно…
На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром…
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звёзды глядят с высоты.
В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою-
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою…

1865

К. Б. («Я ВСТРЕТИЛ ВАС – И ВСЁ БЫЛОЕ…»)

Я встретил вас – и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло…
Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенётся в нас, –
Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты…
Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, –
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне…
Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, –
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

1870

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Познакомьтесь с поэтическими произведениями Ф.И. Тютчева, определите, к каким видам лирики относятся стихотворения.
2. В чём своеобразие любовной лирики Тютчева? Обоснуйте ответ.
3. Какие выразительно-изобразительные средства использует поэт? Проанализируйте понравившееся вам стихотворение.

ГЛОССАРИЙ

Анафора (единоначатие) – повтор слова или группы слов в начале нескольких стихов, строф, фраз.
Метафора – вид тропа, перенесение свойств или признаков одного предмета на другой по принципу сходства.
Сравнение – троп, в котором происходит уподобление одного предмета или явления другому по какому-либо общему для них признаку. Цель сравнения – выявить в объекте сравнения новые, важные, преимущественные для субъекта высказывания свойства.

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ
1820-1892

Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

А.А. Фет

Афанасий Афанасьевич Фет – известный русский поэт, переводчик, лирик, автор мемуаров, член-корреспондент Академии наук Петербурга. По словам Л.Н. Толстого, Фет проявил «лирическую дерзость, свойство великих поэтов». Он сумел открыть в духовном мире людей то, чего до него никто не подмечал.

В биографии Афанасия Фета множество загадок и тайн, которые до сих пор будоражат умы учёных и историков. Например, обстоятельства рождения великого гения, воспевавшего красоту природы и человеческих чувств, подобны сфинксовой загадке.

А.А. Фет родился в деревне Новосёлки Орловской губернии. До 14 лет он носил фамилию отца – богатого помещика Афанасия Шеншина. Как выяснилось позже, брак Шеншина с Шарлоттой Фет был незаконным в России, поскольку они обвенчались только после рождения сына, что православная церковь категорически не принимала. Из-за этого юношу лишили привилегий потомственного дворянина. Он стал носить фамилию первого мужа матери – Иоганна Фета.

Начальное образование получил дома. В основном грамоту и азбуку ему преподавали не профессиональные педагоги, а камердинеры, повара, дворовые, семинаристы. Но больше всего знаний Фет впитал из окружающей природы, крестьянского уклада и сельского быта. В 14 лет мальчика отправили в немецкую школу-пансионат. Именно там он полюбил стихи Александра Пушкина. В 1837 году юный Фет приехал в Москву, где продолжил обучение в пансионе.

В 1838 году Фет поступил на юридический факультет Московского университета, но вскоре перешёл на историко-филологический, где начал писать стихи, которые заинтересовали однокурсников. В 1840 году вышел первый сборник стихов Фета «Лирический пантеон». Он был опубликован под инициалами «А.Ф.». В него вошли баллады и элегии, идиллии и эпитафии. Сборник получил высокую оценку критиков и поэтов. Через год стихи Фета уже регулярно печатал журнал Н. Погодина «Москвитянин», а позднее журнал «Отечественные записки», в котором за год вышло 85 фетовских стихотворений.

Фет достиг совершенства в изображении едва уловимых переживаний человека, чувствующего своё единство с природой («Я пришёл к тебе с приветом»).

В лирике Фета раскрывается духовный мир человека, глубоко и бесстрашно думающего о вечных вопросах бытия:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идёт, и плачет, уходя.

Стихи поэта необычайно музыкальны, и на них многие крупнейшие русские композиторы написали великолепные романсы: «На заре ты её не буди...» (А. Варламов), «Я тебе ничего не скажу...» (П. Чайковский) и др. Фет сказал о себе:

Я понял те слёзы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки.
Где слышишь не песни, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастью не будет конца.

В лирике Фета немаловажную роль играет тема любви. Создание прекрасных стихов о любви объясняется не только великим даром и особым талантом поэта. В случае с Фетом оно имеет реальное отражение в жизни.

Вдохновением для поэта была его любовь к дочери помещика Марии Лазич. Насколько их любовь была высока и огромна, настолько и трагична. Мария Лазич знала, что Фет никогда не женится на ней, её смерть была темна и загадочна, можно даже предполагать, что это было самоубийство. Чувство вины постоянно преследовало Фета на протяжении всей его жизни, современники отмечали холодность, даже некоторую жестокость Фета в жизни. И, может быть, всё же переживания о потере своей любимой нашли отражение в другом мире Фета – мире лирических переживаний, настроений, чувств, воплощённых в стихотворениях. Фет ощущал себя в другом бытии, мире поэзии, где он не одинок, а рядом с любимым человеком. Они снова вместе, и никто не сможет их разлучить.

И хоть жизнь без тебя
Суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой,
Нас нельзя разлучить.

Поэт всё время ощущает духовную близость со своей любимой, о чём свидетельствуют стихотворения.

Ты отстрадала, я ещё страдаю.
В тиши и мраке таинственной ночи.

Любовная лирика поэта наполнена не только чувством надежды и упования, она также глубоко трагична. Чувство любви – это не только радость, накопленная трепетными воспоминаниями, но и любовь, которая несёт душевные муки и страдания.

Например, стихотворение «На заре ты её не буди» наполнено различным смыслом. Вначале вроде бы показан тихий, спокойный сон девушки, но уже потом появляется какое-то напряжение.

И подушка её горяча,
И горяч утомительный сон.

Поэзия Фета – это плод его любовных переживаний и воспоминаний, которому он отдал всё, что испытал, пережил, потерял.

Фету чужд гражданский пафос, в своих суждениях он предстаёт как крайний индивидуалист, противник радикально-демократических идей. Но как художник он выразил ту правду душевных движений, ту жажду красоты и гармонии, которые во все времена были присущи мыслящим и тонко чувствующим людям и всегда высоко ими ценились.

ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ

Снова птицы летят издалёка
К берегам, расторгающим лёд,
Солнце тёплое ходит высоко
И душистого ландыша ждёт.
Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.
Но сойдёмся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

1848

***

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нём дрожали,
Как и сердца у нас за песнию твоей.
Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.
И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь.
Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

1877

ЕЩЁ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! На всём какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!
Какая ночь! Все звёзды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.
Берёзы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд её убор.
Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной – и последней, может быть.

1857

***

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.
Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдёт,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветёт.
И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной… я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

1885

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Подготовьте устное сообщение «Поэзия Фета – сама природа, зеркально глядящая через человеческую душу…».

2. Сравните стихотворения Ф.И. Тютчева и А.А. Фета. Что общего в их поэзии и чем они отличаются? Аргументируйте ответ.

УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII-XIX ВЕКОВ

При дворе хорезмского ханства, образовавшегося в XVII веке, развиваются традиционные формы придворной поэзии: торжественные оды и газели, восхваляющие ханов (поэты Вафои, Яхия, Равнак). Наиболее видные поэты в Хорезмском ханстве появляются в конце XVIII и в начале XIX вв.

Среди них выделялось имя передового по своим взглядам придворного поэта Шермухаммада Муниса (1778-1829), оставившего после себя не только множество стихотворений, но и исторические произведения.

Во второй половине XVIII в. в Фергане образуется самостоятельное Кокандское ханство, достигшее наивысшего развития при Алимхане и его сыне Умархане (ум. в 1822 г.). При дворе Умархана, известного как поэт Амир, было собрано около 70 поэтов и литераторов, зачастую писавших на узбекском и таджикском языках. Впервые в истории узбекской литературы появляются имена женщин-поэтесс Махзуны, Увайси и Надиры. Наряду с общепринятой тематикой придворной поэзии (восхваления государя и вельмож, мистические мотивы, любовная лирика и т.д.), начинает развиваться демократическое направление. К примеру, поэт Гульхани, в прошлом истопник и банщик, за сатирический дар приближённый к дворцу, не отступая от сложившихся художественных традиций, высмеивал в своих произведениях образ жизни верхушки кокандской знати.

В XIX в. обостряются раздоры между двумя ханствами (Хива, Коканд) и Бухарским эмиратом, что приводит к их ослаблению и делает лёгкой добычей царской России. В узбекской литературе этого периода усиливается демократическая и просветительская направленность. Мощное демократическое звено в узбекской литературе на рубеже XIX-XX столетий представляла талантливейшая группа поэтов и писателей – Мукими, Фуркат, Завки, Увайси, Аваз Отар и другие мастера художественного слова.

СОВЕТУЕМ ПОСЕТИТЬ

Государственный музей литературы имени Алишера Навои – одно из крупных научно-просветительских учреждений Узбекистана, основан в 1939 году. Именно здесь хранятся памятники литературного наследия узбекского народа.

Фонд музея располагает более 17000 экспонатами – произведениями искусства, археологическими памятниками, рукописями, документами, фильмами, отражающими многовековую историю узбекской культуры и литературы. Кроме того, здесь собраны более 65000 документов о жизни и деятельности писателей нашей страны.

МУХАММАД РИЗА АГАХИ
1809-1874

Ни к какому человеку, месту ли не будь привязан,
Ведь людей неисчислимо, край земли нам не заказан.
М.Р. Агахи

Мухаммад Риза Агахи – талантливый поэт, историк и переводчик. Его творчество занимает особое место в истории узбекской литературы и культуры.

Агахи родился в кишлаке Кият недалеко от города Хивы в знатной семье мираба (распределителя воды). Рано лишившись отца, Мухаммад Риза воспитывался у дяди – известного поэта Муниса Хорезми, автора исторического труда «Райский сад счастья», который не только обучал его грамоте, но и сыграл большую роль в формировании мировоззрения и выборе творческого пути Агахи.

В дальнейшем продолжил учебу в одном из медресе столицы Хивинского ханства, где прилагал все усилия к изучению арабского и персидского языков. Он с большим интересом отдаётся чтению книг и приобретению знаний, изучает произведения восточных классиков – Навои, Физули, Бедиля и других.

После смерти дяди должность мираба, передававшаяся по наследству, перешла к Агахи. В краю, где земледелие основано на искусственном орошении, деятельность мираба была довольно сложной и ответственной. Однако Агахи всё-таки находил время для научных и литературных занятий.

Агахи составил диван «Амулет влюблённых» («Талисман влюблённых»), куда он включил лирические стихи из своих сборников, тщательно редактируя ранние произведения. Газели поэта весьма разнообразны. В одних воспевается чистая любовь, в других – идеи суфизма, в третьих – личные переживания.

В его стихах на узбекском и таджикском языках звучат гражданские мотивы – недовольство действительностью, осуждение лицемерия. Во многих произведениях Агахи отражены беды и невзгоды простого народа.

Да обрушится купол презренного неба! Ужели
Мало бед мы от злого вращенья его претерпели?
Все навыворот из-за неверного круговорота:
Правдолюб – угнетён, душегуб – пребывает в веселье.
(Перевод Р. Морана)

Автор исторических трудов «Рияз уд-давла» («Сады благополучия»), «Зубдат ут-таварих» («Сливки летописей»), «Джами ул-вакиати султани» («Собрание султанских событий»), «Гульшани давлат» («Цветник счастья») и «Шахид ул-икбал» («Свидетель счастья»). В этих сочинениях повествуется о событиях истории Хорезма с 1825 по 1872 год.

Узбекская литература в XIX веке развивалась в тесном контакте с таджикской, азербайджанской, туркменской и другими литературами. Чтение вслух среди простых людей «Шах-наме» Фирдоуси, увлечение поэзией Бедиля, множество тахмисов (подражаний) на газели Физули – всё это составляет специфические черты узбекской литературы данного периода. Переводы, традиция двуязычия – это стороны сложного процесса взаимосвязей и взаимовлияния литератур.

Мухаммад Риза Агахи прославился поэтическими переводами на узбекский язык сочинений Низами, Дехлеви, Саади, Джами и др. В области перевода Агахи был подлинным новатором. Его переводческие принципы близки принципам художественного перевода нашего времени. Он перевёл на узбекский язык более 20 исторических и художественных произведений классиков Востока (в том числе «Гулистан» Саади).

Поэт творил в 19 жанрах классической поэзии, среди которых предпочтение отдавалось газели, мухаммасам, хронограмме[51]. Агахи является автором 33 хронограмм, состоящих из 586 полустиший. В хронограммах поэта нашли свое отражение 22 исторических события. Большая часть хронограмм написана на персидском языке, две узбекские хронограммы включены в часть дивана «Ашъори фарси» под названием «Хронограммы». К сожалению, хронограммы Мухаммада Риза Агахи пока ещё не переведены на русский язык.

Агахи известен как тонкий лирик, талантливый последователь поэтической школы Алишера Навои. Большая искренность и высокая художественность – вот те качества, которыми в основном характеризуется лирика поэта. Его стихи, насыщенные большим смыслом, отличающиеся мелодичностью, затрагивающие самые нежные и сокровенные чувства души человека, до сих пор с любовью читаются и исполняются народом.

Лирическое наследие поэта, одинаково мастерски творившего и на узбекском, и на персидском языках, заслуживает внимания и в наши дни, активно изучается учёными разных стран мира. Вышло несколько изданий его произведений на узбекском языке. Лучшие стихи переведены на русский язык.

Газели

Всё, что ни есть в саду, встревожила весна,
Всё ждёт тебя, лишась терпения и сна.
От ревности к тебе грудь разрывает роза,
Изранена, стоит ревнивая она.
И голый кипарис дрожит под ветром ныне,
Печален от того, что зрит, как ты стройна.
Спит гиацинт, во сне твои он видит кудри;
Что он влюблён в тебя, в том не его вина.
Любуется нарцис сегодня не собою,

[51] ***Хронограмма в литературе*** – это сентенция или стих, отдельные буквы которого выражают своим числовым значением известную дату, в то время как смысл всей фразы намекает на данное событие.

Он понял, что не он – красива ты одна.
Подснежник ждёт тебя, свои он листья стелит
На влажную тропу, где ты ступить должна.
Тоскуя о тебе, стеная дни и ночи,
Печален соловей и горлинка больна.
И ты не тяготись, в саду весеннем мною
И роза от шипа сокрыться не вольна.
Когда ты с Агахи, увидеть он способен,
Что в цветнике весна, что в небесах луна.

* * *

Не раскрывайся пред глупцом, ему вверяя слово:
Не человек он, лишь поймёт душа людская слово.
Оно алмаз в сердцах людей, и неразумной твари
Не должен ты его дарить, зря унижая слово.
Как знать скотине, что в жмыхе и сене вкус находит,
Какая это у людей вещь дорогая – слово?!
Чтобы тупица понял речь – и красноречья мало,
Напрасно кровью изойдёшь, в крови купая слово.
Как невозможно звуком слов влиять на наковальню,
Так и для каменных сердец игра пустая – слово.
Не расточай своих речей скупцу и скопидому,
Со щедрым в разговор вступай, сказать желая слово.
Не трать и слов на дурака: себе цены не зная,
Не может он, конечно, знать, цена какая слову.
Не может пользы он извлечь из рассуждений умных,
И только навредит себе, перевирая слово.
Ты и завистника минуй: возможно ль человеку
Шайтана переубедить, лишь повторяя слово?
Над словом сжалься: не толкуй ты с неучем бесстыжим,
Ведь с отвращеньем от него сбежит, стеная, слово!
Что ты ни скажешь, Агахи, – невежда не услышит,
Пусть даже в ухо затрубит сильней карная слово.

Рубаи

Мне в спутники, Аллах, ты ниспослал страданье,
Слезами день и ночь плачу желаниям дань я,
Содей, чтобы мой дух страданья побеждал,
И чтоб мой разум был сильнее, чем желанья.

* * *

О ты, мудрец, кому наука покорилась,
Ты знаньем поделись со мною, сделай милость.
Я из последних сил за мудростью пришёл,
Чтобы в меня она вошла и укрепилась.

* * *

Открой уста, чтоб сладко говорить,
Вернее жемчуга нанизывать на нить.
Не страшно, что меня убить лишь словом можешь,
Ведь можешь ты потом лишь словом оживить.

* * *

Не переделаешь людей дурного нрава,
Зловещих, как сова, чья незавидна слава!
Так, ядовитый ствол ты хоть живой водою
Усердно поливай, плоды его – отрава.

* * *

С тех пор как мы в немилости у неба,
Учёный у невежды просит хлеба.
А если б мир устроен был разумно,
То не мудрец – невежда жил в нужде бы.

* * *

Слова людские – море; смысл речей –
Жемчужина среди его зыбей.
То море может в сердце поместиться,
Но где сердца – сосуды для морей?

* * *

Как ни выхаживай – сорняк цветком не станет,
Как галку ни учи, а соловьём не станет.
Сто добрых сделай дел плохому человеку,
Он отвечать тебе добром на них добром не станет.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Обратите внимание на разнообразие цветов и растений в первой газели. Какие ассоциации они вызывают у вас? Как вы думаете, с чем это связано?
2. Проанализируйте текст газели. Укажите художественные средства выразительности языка, подтвердив их примерами.
3. Внимательно прочитайте рубаи Агахи. Что хотел сказать поэт? Какие стороны жизни волнуют автора?
4. Какое из четверостиший вам показалось наиболее интересным? Выучите его наизусть.

МУХАММАД АМИНХОДЖА МУКИМИ
1851-1903

Кто сердцем справедлив – меня поймёт.

Мукими

Талантливый поэт Мухаммад Аминходжа Мукими [52] – автор острых сатирических стихов и лирических песен, внёс свой посильный вклад в развитие реалистического направления узбекской литературы.

Лирика Мукими формировалась в традициях восточной поэзии – Навои, Лютфи, Джами. Последнего он считал своим учителем. Под его влиянием Мукими осваивает богатейшие способы и приемы традиционной восточной лирики, учится требованиям и правилам арабо-персидской поэтики (аруз), пишет подражания классикам, создает свои назиры – своеобразные ответы в стихах на вопросы, заданные в других произведениях, сочиняет загадки-хронограммы и т.п.

В 70-е годы Мукими – уже признанный мастер газели – слагал стихи, снискавшие ему известность и признание любителей изящной словесности. Рисуя живые, правдивые образы и реалистически жизненные обстоятельства, правдивые и понятные читателю ситуации, он обогатил узбекскую классическую лирику новыми ритмами, речевой мелодикой, новыми поэтическими образами, социально звучащим содержанием – сочувствием к человеку, простому и мудрому. Поэт воспевает любовь, высокие нравственные человеческие чувства, обычные земные человеческие радости.

Лирика Мукими характеризуется жанровым многообразием – газель, мухаммас, рубаи и др. И каждое стихотворение любого жанра отмечено яркими художественными достоинствами.

В газелях Мукими воспевает красоту возлюбленной, вышучивает её ветреность и коварство, а также мучения влюбленного, отвергнутого ею. Его газели завоевали широкую и прочную популярность. Свои газели Мукими писал в песенном ключе, а народные хафизы и песенники клали их на музыку и распевали на празднествах, в чайханах. И в наши дни эти произведения входят в эстрадное искусство Узбекистана как народные песни.

В газелях поэта порой находим удачные попытки внести нечто новое, приближающее поэзию к реальной жизни, в традиционные темы, обычно наполненные отвлеченными, абстрактными образами. В его газели «Влюбилась Фергана» речь идёт не только о влюбленности поэта – сама Фергана представлена влюбленной в девушку-красавицу:

Не только я в тебя влюблён – влюбилась Фергана.
Влюбилась Индия в тебя, и Мекка влюблена.

Говоря о любимой, Мукими использовал очень часто пусть традиционные, но яркие эпитеты и сравнения («роза на пиру», «светильник щёк», «как мотылёк»...).

Но в отличие от предшественников, Мукими свою лирику наполнил острыми социальными мотивами. Рассказывая о неразделённой любви, о жестокой и вероломной девушке, поэт часто обращает внимание на социальное неравенство, на то, что люди делятся на счастливых и несчастных, на богатых и бедных:

Богатство отдал бы тебе. Как жаль, что я бедняк!
И где же мне богатство взять? Жизнь за тебя отдам!

Социальные мотивы нередко несут в себе моральную оценку нравственной стоимости богатства и бедности, которая неизбежно присутствует в ощущениях и чувствах поэта на уровне личностного восприятия.

Когда к тебе приходит гость в халате золотом,
Зачем склонясь его встречать, влюблённого в себя?
Когда к тебе приходит гость в одежде бедняка,
Зачем тогда не замечать влюблённого в тебя?

Лирика Мукими во многом традиционна, но преисполнена светлого оптимизма и неподдельного возвышения искреннего чувства. Любовь в его стихах – не столько источник мучений, сколько чистый родник жизненно светлых и радостных ощущений, согревающих душу.

Источник духовных сил для поэта не только любовь, но и больше всего – искренняя дружба; она как весеннее жизнеутверждающее половодье, как святость человеческих отношений. Если для поэта любовь есть весеннее пробуждение, дар земной природы, то дружба нечто большее – «дар Божий», дар небес:

Опять весна, и зелен сад, цветы со всех сторон,
Друзья, пусть грянет полных чаш весёлый перезвон!
Святая дружба – дар небес, она – сердец бальзам.
Когда вокруг тебя друзья – ничем ты не стеснён.

Жизнелюбие поэта проявляется в воспевании земной жизни с её радостями и печалями, счастьем и неуемными страстями. Каждый человек должен быть счастлив, пребывая в непрерывном потоке благополучия, а зло на земле должно исчезнуть навсегда: Пусть тюльпан не увядает, не страдает никогда!

Пусть струна во время пира не смолкает никогда!
Пусть никто своей святыни не теряет никогда!
Пусть никто вдали от милой не пылает никогда!
Пусть, подобно мне, влюбленный не рыдает никогда!

---

[52] ***Мукими*** – в переводе означает «постоянство».

Поэзия Мукими чрезвычайно красочна, наполнена глубоким философским смыслом, пронизана мотивами светлого оптимизма, искреннего человеколюбия, она подкупает искренностью интонаций. Во всём этом проглядывают следы подлинного новаторства, что выводит Мукими-лирика в первые ряды крупнейших классиков узбекской поэзии.

Многие века стихотворная форма газель занимала ведущие позиции в восточной литературе. Поэты, создавая газели, использовали традиционные эпитеты, метафоры, сравнения и т.п., однако каждый из них – замечательных, мудрых и великих – имел такой неповторимый, узнаваемый оригинальный почерк, что его не спутаешь с кем-то другим. Именно в лирике раскрыли своё поистине огромное дарование такие всемирно признанные крупнейшие мастера художественного слова, как Хафиз, Саади, Навои, Физули.

Поэт Мукими, следуя великим традициям, заложенным этими замечательными мастерами изящной словесности, достиг значительных художественных высот; в изображении высоких человеческих чувств поэзия Мукими характеризуется лаконизмом, сочной отточенностью фраз, свежестью и мелодичностью поэтического языка, сближающей его стихи с народной узбекской песней.

Значительный след в истории узбекской литературы оставила сатира Мукими, отмеченная социальной остротой, отразившая демократическое мировосприятие художника. Его сатира злободневна, имеет точный адрес. Она обличает, высмеивает алчность, лихоимство, корыстолюбие той части власть имущих, чиновничества, которая запятнала себя плутовством, мздоимством, стяжательством, злоупотреблением своим социальным положением. Под огнём сатиры Мукими часто оказывались ненавистные ему местные и царские чиновники – «хранители» социальных и нравственных пороков. Не жаловал поэт и тех людей из духовного сословия, которые нарушали и попирали законы ислама, морально-нравственные требования шариата.

Сатирические произведения Мукими – «Землемеры», «Горе нашему краю», «Выборы», «Прошение хану от жителей селения Хафалак» – оказали большое влияние на развитие сатиры в узбекской литературе. Не меньшее значение имели произведения, обличавшие нечестивых торговцев и промышленников-заводчиков: «Сатира на Виктора-бая», «Вексель», «Пир», «Новоявленный бай», «Продавец чая»; колючее, ядовитое, острое сатирическое слово поэта доставало святош, ханжей («Святой», «Сын греха», «Порицание лягушкам» и др.). Имена ряда сатирических типов-образов, населяющих произведения Мукими, стали нарицательными. «Общественная значительность содержания, остроумие и меткость характеристики, живость и простота языка сатирических стихов Мукими, – писала исследователь его творчества А.А. Валитова, – сделали их популярными; они оказали огромное влияние на развитие сатиры в узбекской современной литературе».

Многие стихотворения поэта при его жизни включались в различные рукописные сборники (диваны), полностью состоящие из его стихов.

Своеобразна самооценка творчества Мукими. Сатирические стихотворения, наиболее зрелые на его взгляд (газель, обличающая взяточника, или мухаммас, ядовито высмеивающий пороки уездной администрации и т.п.), поэт сначала читал у себя дома или в кругу близких друзей. Удачные стихи затем переписывались

набело. Их несли другим слушателям, те, в свою очередь передавали другим, третьим. За короткое время такое стихотворение уже было размножено в десятки, а то и в сотни экземпляров. По утрам люди находили стихи Мукими наклеенными на воротах и стенах домов, а также в мечетях, торговых лавках.

Точность адресата в сатире Мукими особенно четко представлена в стихотворении «Землемеры». Чиновник-землемер – плут и взяточник глубоко осознавал свою безнаказанность и бесконтрольность своих действий; от него нередко зависела жизнь многих сотен дехкан, которые были бессильны перед его произволом. И он – этот кичливый, грозный плут – великолепно изображен поэтом:

Я ваш хоким – богач из богачей,
Добиться надо милости моей.
Дано мне право жечь, топтать, крушить.
Дано мне право головы рубить.
Я захочу – и покараю вас,
Я захочу – и обласкаю вас.

Так уж устроена была эта система, что над землемером не было никакого контроля, и никакой суд не мог призвать к порядку такого чиновника: он готов отмерить каждому клочок земли «под могилу». А тёмный, малообразованный дехканин самой жизнью приучен к тому, что в землемере он видит единственную и всесильную власть над собой, одолеть которую невозможно: ее благосклонность можно только купить. Слушая гнусную речь землемера, приехавшего в кишлак Хафалак, чтобы обогатиться, люди толкуют, спорят, судят меж собой: «Так не отделаешься, нужно дать, – И снова будет тишь и благодать».

Поэт-сатирик Мукими раскрывает истинные масштабы этого гнусного в своей сути явления, показывая, что землемер – далеко не единственный, кто беззастенчиво обирает крестьян, кто обогащается за счёт предоставления им по своей воле «тиши и благодати».

Будучи обостренно неравнодушным к жизни и особенно к жизни простых людей, гуманист Мукими – беспокойный правдоискатель, всегда уверенный, что носителей зла, недобрых, злых людей непременно постигнет святая кара, что возмездие неотвратимо в самых различных формах.

Эта его уверенность, его четкая позиция нашла наиболее прямолинейное отражение в стихотворении «Мингбаши»:

Ты, мингбаши мой, «правильно» живёшь –
Без взятки пальцем не пошевельнёшь,
Ты ласков с тем, кто хорошо одет,
Строг с оборванцем, что с него возьмёшь!
Ты только управитель волостной,
Что ж не по чину золото гребёшь?
Гияз – твой писарь – на тебя похож.
Ждёт не дождется, стонет Мукими:
«Скажи, когда ж ты, мингбаши, помрёшь?»

Поэтически одарённый, неравнодушный к жизни, к судьбе родного Узбекистана и его народа, поэт-протестант Мукими известен и как родоначальник нового жанра в узбекской литературе – жанра путевого очерка. Бедственное материальное положение вынуждало поэта в поисках заработка колесить по Ферганской долине и, естественно, глубоко познавать жизнь крестьян и ремесленников, богачей и бедняков, дервишей и священников, купцов и горожан, жизнь города и кишлака.

Такие поездки помогли поэту увидеть жизнь во всём её многообразии, получить представление об общественном движении в Туркестане. Богатые впечатления, накопленные в таких поездках, нашли поэтическое выражение в путевых очерках «Описание путешествий» («Саёхат-наме»), написанных в стихотворной форме «От Коканда до Шахимардана», «От Коканда да Ферганы». Автор любуется богатой природой родной страны, изображая нелегкую жизнь народа-труженика. В письмах к друзьям, написанных стихами и прозой, Мукими рассказывает о своих связях с передовыми людьми Туркестана, своем отношении к происходящему в стране, говорит о своих эстетических принципах и способах изображения правды жизни в художественном произведении. Его письма – начало эпистолярного жанра в узбекской литературе.

Мукими остался в памяти народной и в узбекской национальной культуре и как активный общественный деятель. В начальный период формирования рыночных отношений в Туркестане – в 80-е годы XIX века – активную роль играла национальная интеллигенция: поэты, учителя, ученые. Не остался в стороне от общественного движения и Мукими – основатель и самый активный участник литературного кружка, возникшего в эти годы в Коканде. Лучшие поэты входили в этот кружок – Нисбати, Мухайра, Завки, Фуркат и др. На его заседаниях читались новые стихи, устраивались поэтические состязания, как во времена Алишера Навои, обсуждались текущие проблемы общественной жизни страны и Коканда. Здесь, на заседаниях кружка, завязалась и окрепла дружба между великими поэтами второй половины XIX века – Мукими и Фуркатом.

Эмоционально-заряжённая, яркая поэзия Мукими, её острая сатирическая направленность против мздоимства, пошлости человека и общества, её верность гуманистическим традициям, высокое, подчёркнутое уважение к простым людям-труженикам снискали великому поэту любовь народную. Поэтическое творчество Мукими, во многом новаторское, оказало положительное влияние на развитие узбекской литературы на её пути к реализму.

Мукими открыл новые горизонты в узбекской поэзии, ранее далёкой от живой реальности, расширил границы придворно-феодальных традиций, направил поэзию по пути служения трудовому народу, выражения его идеалов.

Сатира Мукими клеймила произвол чиновников, жадность и гнёт власть имущих; его сатира наполнена духом социального протеста. Лирика Мукими вошла в золотой фонд узбекской поэзии, она находится в одном ряду с лучшими памятниками восточной классики.

Я ДАЛЕКО

Ты всех прекрасней: лик увидев твой,
Царица роза сделалась рабой.
Пока живу – твой образ предо мной,
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Твоим вниманьем сердце зажжено,
Горячей кровью, как тюльпан, полно,
Одной любовью занято оною
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Домой вернусь – не спросишь у меня:
Как ездилось, где я сходил с коня?
И вновь скитаюсь, образ твой храня, –
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Всем жителям земли признать пора,
Что пери – младшая твоя сестра.
О горе мне! Разлуки боль остра,
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Такой не сыщешь ни в одной стране.
Владычица, лишь по твоей вине
В народе басни ходят обо мне.
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Все юноши у ног твоих. Прими
Моленья каждодневные мои,
Но ты не хочешь знать о Мукими,
Я далеко, но сердцем я с тобой.

(Перевод Н. Ушакова)

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. В каких условиях развивалась узбекская литература на рубеже XVIII-XIX веков?
2. Назовите основные мотивы творчества Мукими.

СОВЕТУЕМ ПОСЕТИТЬ

Здание нынешнего Государственного музыкального театра драмы и комедии им. Мукими было построено в 1943 году. Театр был назван в честь Мухаммада Амин-ходжа Мукими (1850-1903) – узбекского поэта-просветителя.
Театр прославился такими спектаклями как «Алпамыш» (С. Абдуллаев; Т. Джалилов), «Фархад и Ширин» (К. Яшин; Ю. Раджабов, Г. Мушель), «Мукими» (С. Абдуллаев; Т. Ялилов, Г. Мушель), «Сурмахон» (Б. Рахмонов; Т. Ялилов, Л. Степанов), «Равшан и Зулхумор» (К. Яшин; Т. Ялилов) и др.

ЗАКИРДЖАН ХАЛМУХАММАД ФУРКАТ

1858-1909

От мук страданий не могу избавиться никак,
Печалюсь на чужбине я, влечёт к родным местам.

Фуркат

Фуркат – поэт и публицист – вместе с другими выдающимися поэтами второй половины XIX – начала XX века активно содействовал созданию литературы демократической направленности. Их усилиями крепла национальная литература, исповедуя те демократические идеи, которые выражали народные чаяния. Мукими, Ахмад Дониш, Завки, Камил Хорезми, Фуркат выражали протест против насилия и бесправия, стремление народа к свободе. Они были движимы мечтами и надеждами увидеть экономическое и культурное процветание родной страны, горячим желанием помочь ей побыстрее встать на путь прогресса во всех областях жизни. Поэзия Фурката насыщена социальными мотивами, наполнена глубоким лиризмом. В его газелях выражена восторженная любовь к жизни, к своему народу, к богатству родной природы. В своих произведениях он говорит о любви, дружбе, о наслаждении природой, искусством.

Многие газели Фурката переложены на музыку. Они воспринимаются как народные песни. Фуркат глубоко чувствует радость и красоту активной жизни. Для него любой труд, если он полезен людям, – дело благородное, достойное восхищения. Даже в тяжелом физическом труде он находит красоту и благородство:

Благородным ремеслом здесь рикши заняты –
Доход немалый получай, лишь ног не пожалей.

В узбекской литературе Фуркат был крупным публицистом. Он часто выступал со статьями в единственной тогда узбекской газете «Туркистон вилоятининг газетаси» («Газета Туркестанского края»). В своих статьях он доказывал необходимость роста экономики, развития культуры, науки и техники; предлагал изучать русский язык. Особое внимание он уделял проблемам просвещения. В школах, созданных по типу русских учебных заведений, он предлагал знакомить детей с мировой культурой, в том числе и с русской.

В переводе с арабского языка имя Фуркат означает «разлука». Будущий поэт родился в семье мелкого торговца-ремесленника, учился в старометодной школе в Коканде, затем в медресе, изучал арабский, персидский языки, классическую поэзию Востока. Он рано познакомился с классиками восточного Средневековья.

В медресе он начал писать первые стихотворения. Однако из-за тяжелого материального положения в 17 лет он вынужден был оставить занятия, работал приказчиком и одновременно занимался творчеством.

В мае 1889 года он переехал в Ташкент и поселился в медресе Кукельдаш, где

прожил два года и создал свои самые лучшие поэтические и публицистические произведения, которые были пропитаны совершенно новыми в узбекской литературе идеями и образами. Он интересуется проблемами театра, музыки, науки.

В таких произведениях, как «Гимназия», «О науке», «О театре», «О музыкальном собрании», «О назначении поэта и возвышенности поэзии», «О выставке», «Рояль» и др., он выступает как передовой поэт-новатор. В стихотворении «О науке» Фуркат с восхищением говорит о техническом прогрессе, о Среднеазиатской железной дороге, об электричестве, высоко оценивает преимущества телеграфа, строительство хлопкоочистительных заводов.

В этих произведениях Фуркат делится своими впечатлениями, представляет свои наблюдения, взвешенно их оценивает, воспевает все прогрессивное. В стихотворении «Гимназия» он пытается осмыслить, оценить и сопоставить систему обучения в гимназии с методикой обучения в мактабах и медресе. Поэт рассказывает об опытах, проводимых в гимназиях, одобряет распорядок дня в них, способствующий хорошему обучению и активному отдыху учащихся, что, в свою очередь, сказывается на успеваемости, на работоспособности, на овладении знаниями. Поэт с возмущением говорит о том уходящем в безвозвратное прошлое, что противоречило прогрессивным веяниям. Он осуждает тех, кто

Людей достойных гнали от себя.
С невеждою дружили и глупцом.
Учёных не умели уважать,
Им не хотели следовать ни в чём.

Ташкентский период творчества Фурката (1889-1891) – это плодотворный путь к конкретике, к доступным читателю формам изображения реальной многогранной и много-проблемной действительности. Знаменательно то, что в ташкентский период жизни окончательно завершилось формирование мировоззрения поэта.

В 1891 году Фуркат на какое-то время выезжает в Самарканд, оттуда – за границу. Он побывал в Турции, Греции, Болгарии, Египте, Саудовской Аравии. Некоторое время живет в Мекке.

Весной 1892 года он прибыл в Бомбей, где знакомится с культурой Индии. Он был поражен величием города:

В Египте был, в Стамбуле был, Болгарию прошёл,
Немало видел городов – Бомбей из всех крупней.
Рядам торговым нет конца, потерян лавкам счёт,
Шумят базары, и нигде торговли нет бойчей.
Красивы площади, вокруг сады и цветники,
Я вижу множество домов в семь-восемь этажей.

Поэт посещает Кашмир, Кашгар. Затем он переезжает в Синьцзянскую провинцию Китая, поселяется в Яркенде, где и скончался в 1909 году.

Разнообразно и богато творческое наследие Фурката. Он сочинял лирические газели в традициях лучших поэтов Востока, эпистолярную лирику, в которой раскрывал свои переживания по злободневным проблемам жизни, смело и ори-

гинально излагал свои мысли о сущности бытия. Особыми художественными достоинствами отмечены его письма-стихотворения, адресованные друзьям – поэтам Мукими и Завки, с которыми он сдружился ещё в Коканде в литературном кружке и вместе с которыми открывал новые страницы в узбекской литературе – публицистике, эпистолярной лирике, любовной лирике, в жанре письма-стихотворения. Новаторством Фурката явилась публицистическая, репортажная манера в поэзии, а также введение в поэзию иностранных слов.

Поэзия Фурката широко популярна, она и сегодня продолжает радовать многочисленных читателей.

Развитие узбекской литературы в начале XX века отражает сложнейшую общественную и политическую обстановку Туркестана того времени. Это было время коренной перестройки жизненного уклада народа, социальных ориентиров, формирования нового мышления.

Для раннего периода развития новой узбекской литературы характерны идеология и мировоззрение джадидского движения. Слово «джадид» в переводе на русский язык означает «новый». Главная цель, которая стояла в начальный период перед джадидами, – это массовое просвещение, которое неминуемо, как они считали, приведет к улучшению жизни простого народа.

В дальнейшем учение джадидизма наряду с идеями просветительства ставило перед собой целью решение назревших общественных, политических, экономических, религиозных, национальных и правовых проблем. В частности, джадиды считали, что для улучшения жизни человека нужно не только сделать его образованным, но и обеспечить ему независимость, свободу и благополучие. Помимо того, наиболее радикальная часть джадидского движения, выдвигая революционные идеи, заявляла, что право на свободу и цивилизованную жизнь необходимо завоевывать. Практически все основоположники новой узбекской литературы начинали свою литературную и общественную деятельность в русле этого, безусловно, прогрессивного для того времени движения. Такие представители новой узбекской литературы, как Бехбуди, Абдулла Авлони, Абдулла Кадыри, Хамза, Чулпон, Фитрат не скрывали своей принадлежности к джадидизму.

Для узбекской литературы наступало время тяжёлых испытаний, поисков, потерь и приобретений. Некоторые литературоведы называют этот период «джадидским, или просветительским этапом» в истории новейшей узбекской литературы.

ПОСЛАНИЕ ИЗ КОКАНДА

Волей неба здесь, в Коканде, мирно жизнь моя течёт.
Наслаждаюсь я довольством, отдыхаю от забот.
Получил от вас недавно Ахмеджан-мулла письмо,
Счастлив я, что в нем, средь прочих, я помянут в свой черёд.
Каждой вашей тонкой мыслью упивался я в письме.
Испытавший наслажденья благодарность нынче шлёт.
Если о моих занятьях спросите, скажу, что я,
Возвратясь домой из Сима, в стороне от всех забот.
Скоро месяц с Махдумханом я и вечером и днём,
Я его сопровождаю, слов его вкушаю мёд.

Но когда в глаза гляжу я, для которых свет померк, –
Сам я болен, жалом острым жалость сердце мне сосёт.
Я пирушки покидаю и бегу со стоном прочь,
Как певец, который хочет в песне горю дать исход.
Пожил я в Янги-Кургане, каждый день себе твердил:
«В кишлаке невыносимо! На душе тяжелый гнёт.
Зной томит меня, а сердцу – одиноко и темно.
Человека нет, который помыслы мои поймёт!»
Махдумхан сказал мне: «Долго Мукими здесь проживал,
Не посетовал ни разу он на здешний обиход!»
Я ответил: «Вероятно, было по сердцу ему,
У меня же ни терпенья, ни любви не достаёт!»
Так шутливую беседу мы закончили. Тогда
По делам я прибыл в город, тот, где Махдумхан живёт.
«Будете писать, – сказал он, – пожелайте Мукими
Больше счастья...» Потому-то потерял словам я счёт.
А у пери луноликой нынче в милости Фуркат,
Тайн прелестных я хранитель, сердца нежного оплот.

(Перевод Ю. Нейман)

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Каковы основные темы творчества Фурката? Обоснуйте ответ примерами из стихотворений.

2. Прочитайте внимательно стихи Фурката. О чём говорит поэт? Дайте аргументированный ответ.

ГЛОССАРИЙ

Аруз (аруд) – квантитативная система стихосложения, основанная на чередовании долгих и кратких слогов, возникшая в арабской поэзии и получившая распространение в персидской и тюркской поэзии.

Бейт – двустишие в поэзии народов Востока, выражает законченную мысль; может быть отдельным стихом, может создавать рубаи, газели, касыды и другие формы восточной лирики. Бейт – минимальная строфическая единица тюркской и персидской поэзии. В переводе с арабского означает «дом».

Касыда (касида) – твёрдая поэтическая форма восточной поэзии. Название происходит от арабского корня, означающего «направляться к цели». Особенности касыды: большой объем (до 200 бейтов), однозвучная рифмовка (по типу «aa ba ca da...») и композиция из пяти частей: лирическое вступление (насиб), описание чего-либо (васф), путешествие поэта (рахиль), восхваление (касд), самовосхваление (фахр).

Масневи (масневий) (араб. – сдвоенное) – 1) жанровая форма в арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных литературах; поэма большого объема, написанная двустишиями. 2) Стихотворная форма в восточной поэтике, двустишие с отдельной рифмой. Форма масневи характерна для эпической поэзии; в лирических же стихотворениях употребляется монорим, т.е. одна рифма на все стихотворение.

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

Критический реализм в XIX столетии становится ведущим художественным направлением в западноевропейской литературе.

«Критическим» его называют за то, что ему присуще аналитическое начало (реалисты в своих произведениях исследуют жизнь общества и человека), а «классическим», потому что именно в XIX веке формируются основные его черты.

По определению известного русского литературоведа В.М. Жирмунского, «классический реализм XIX века представляет литературное направление, возникшее после французской революции в условиях зрелого развития европейского буржуазного общества, сделавшего возможным правдивое критическое изображение современной общественной жизни в социально типических лицах и обстоятельствах».

Критические реалисты, пользуясь методом художественного анализа, стремятся дойти до истоков возникновения социального зла. Поэтому они создают картины, являющиеся обвинительным приговором буржуазному строю. Таков объективный смысл их творчества, может быть, иногда и не вполне совпадающий с субъективными целями тех или иных авторов.

Писатели критического реализма не ограничиваются внешним описанием поступков человека, они стремятся показать их психологическую и – главное – социальную обусловленность. Принцип социальности, требующий изображения индивида в единстве со средой, лежит в основе эстетики реалистического искусства, материалистической по своему характеру. И это естественно. Только прослеживая социальную обусловленность мыслей и переживаний своих героев, писатель реалист сможет успешно осуществить свою исследовательскую работу и проникнуть до «невидимых оснований» общества.

Критический реализм ознаменовался широким распространением повествовательных поэтических родов и видов. Если в эпоху Байрона, Шелли, Жуковского, Мицкевича ведущую роль играла лирика, поэма, то в годы формирования реалистической литературы стихи стали постепенно вытесняться прозой. Установка критических реалистов на исследование действительности, на полноту ее изображения приводили к утверждению и господству в литературе «прозаических» жанров – рассказа, повести и особенно романа.

Французская литература критического реализма дала миру имена таких писателей, как Ф. Стендаль, О. де Бальзак и других, произведения которых дают глубокий анализ современной авторам действительности. Наибольшую популярность из всех эпических жанров в это время приобретает роман. Этот жанр позволяет писателю с наибольшей полнотой обнажить все стороны общества и показать причины возникновения социального зла.

Критический реализм в Англии

Расцвет английского критического реализма относится к 1830-40-м годам XIX века. В английской литературе этого периода популярность завоевывает жанр романа – реалистический роман соединял в себе лучшие достижения просветительского романа, открытия романтиков и опыт создания исторического романа (В. Скотт). Создаются лучшие произведения английского критического реализма: «Приключения Оливера Твиста», «Домби и сын» и др. Ч. Диккенса, «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея, «Джейн Эйр», «Шерли» Ш. Бронте, «Мэри Бартон» Э. Гаскелл. Хотя Англия, вступив в новую фазу развития, завоевала ведущее положение на международной арене в промышленности и торговле, положение народных масс противоречило официальной версии о «всеобщем процветании».

В традиционную для английского романа сюжетную схему – история жизни героя (ср. заголовки «Приключения Оливера Твиста», «Жизнь и приключения Николаса Никольби») – Диккенс вложил большое социальное содержание. Изображая жизнь одного героя, он старался подчеркнуть в ней то, что типично для судеб «миллионов обездоленных».

Демократизм, гуманистические идеалы, мечта о лучшем будущем, обращение к сокровищнице национального языка и искусства – всё это проявления народности Диккенса. Именно поэтому так глубока любовь к нему английского народа, именно поэтому так близок и дорог он народам других стран.

К концу XIX века критический реализм развивается не только в литературах Европы, но и США, России, других стран мира. Типологически сходные условия, которые определяют всемирный масштаб критического реализма, в свою очередь определяются мировым развитием капиталистических отношений и присущих им противоречий.

Заметим, что наивысшего расцвета критический реализм достиг в русской литературе, которая во второй половине века, в период начавшегося кризиса буржуазной идеологии и культуры на Западе, выдвинулась на первое место в мире.

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС
1812-1870

Пусть у тебя будет сердце, которое никогда не ожесточится, и характер, который никогда не испортится, и прикосновение, которое никогда не ранит.

Ч. Диккенс

Выдающийся английский писатель Чарльз Джон Хаффем Диккенс родился в многодетной семье чиновника Королевского флота. Детство романиста было очень тяжелым, бедным и голодным, так как родители с трудом могли обеспечить 8 детей. Когда Чарльзу исполнилось двенадцать лет, его отец разоряется и оказывается в долговой тюрьме, а будущий писатель – на фабрике, производящей сапожную ваксу. Со временем семье всё же получилось освободиться от долгов за счет наследства, но при этом Чарльз продолжает работу на фабрике по настоянию матери. Этот факт оказывает негативное влияние на отношение Диккенса к женскому полу на всю оставшуюся жизнь.

В 1827 году Диккенс успешно оканчивает Веллингтонскую академию и получает должность в адвокатской конторе. В течение года он старательно осваивает стенографию и уходит в свободное репортерство. А в 1830 году его приглашают в известную редакцию «Монинг Хроникал» где начинается стремительный карьерный рост. Читатели с большим интересом изучали заметки начинающего писателя. В этом же году сердце молодого Чарльза покорила Мария Биднелл, образ которой запечатлен в «Дэвиде Копперфилде» в лице Доры. Но богатая семья не признала малоизвестного романиста и отношения не получили продолжения. Однако спустя много лет при встрече с Марией наступает полное разочарование, что подталкивает его к написанию «Крошки Доррит» и созданию образа спившейся и охладевшей невесты. В 1836 году Чарльз женится на Кэтрин Хогарт, которая стала верной спутницей на протяжении многих лет. В браке появилось 10 детей.

Творческая биография писателя берет свое начало с репортерских очерков Диккенса, затем переросших в настоящее литературное мастерство в виде нравоописательного прозаического цикла «Очерки Боза».

Литература стала смыслом его жизни. Порой великий писатель работал до полного изнеможения. Своим творчеством он создал особый мир, где всегда побеждало добро. Постоянное преувеличение присутствует во всех романах. Интриги, душевная боль, сложные психологические проблемы постоянно встречаются в его произведениях.

Творчество Диккенса относят к вершинам реализма, но в его романах отразились и сентиментальное, и сказочное начала. Самые знаменитые романы Диккенса: «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Приключения Оливера Твиста», «Николас Никльби», «Дэвид Копперфилд», «Холодный дом», «Повесть о двух городах», «Наш общий друг», «Большие надежды», «Тайна Эдвина Друда».

Активная общественная и литературная жизнь писателя обрывается в пятидесятивосьмилетнем возрасте по причине произошедшего инсульта.

«Приключения Оливера Твиста»

Одно из самых известных произведений Диккенса, вызвавшее широкий общественный резонанс, в английском обществе того времени – роман «Приключения Оливера Твиста» (1838).

Это история сироты, родившегося в работном доме и жившего в трущобах Лондона. Мать мальчика умирает при родах. Оливер встречает на своём пути низость и благородство, людей преступных и добропорядочных. Жестокая судьба отступает перед его искренним стремлением к честной жизни.

На страницах романа запечатлены картины жизни английского общества XIX века во всем их живом великолепии и безобразии. Широкая социальная картина от работных домов и криминальных притонов лондонского дна до общества богатых и по-диккенсовски добросердечных буржуа-благодетелей.

В этом романе Ч. Диккенс выступает как гуманист, утверждая силу добра в человеке. Писатель делает акцент на том, что как бы ни были суровы жизненные обстоятельства, добрый и честный человек всегда будет вознаграждён за свою стойкость и внутреннюю силу.

Вначале Диккенс намеревался создать реалистическую картину лишь преступного Лондона, показать «жалкую действительность» воровских притонов беднейших кварталов английской столицы. Но в процессе работы первоначальный замысел значительно расширился. В романе отображены различные стороны современной английской жизни, ставятся важные и актуальные проблемы.

Автор показывает, что зло проникает во все уголки Англии, более всего оно распространено среди тех, кого общество обрекло на нищету, рабство, страдания. Самыми мрачными страницами в романе выглядят те, которые посвящены работным домам.

Писатель вводит в свое произведение значительное число персонажей, старается глубоко раскрыть их внутренний мир. Особое значение в «Приключениях Оливера Твиста» приобретают социальные мотивировки поведения людей, обусловившие те или иные черты их характеров.

Подобно романтикам, Диккенс делит героев на «положительных» и «отрицательных», воплощение добра и носителей пороков. При этом принципом, положенным в основу такого деления, становится моральная норма. Поэтому в одну группу («злых») попадают сын богатых родителей, сводный брат Оливера Эдуард Лифорд (Монкс), глава воровской шайки Феджин и его сообщник Сайкс, бидл Бамбл, надзирательница работного дома миссис Корни, занимающаяся воспитанием сирот миссис Манн и др.

К другой группе («добрых») писателем отнесены мистер Браунлоу, сестра матери главного героя Роз Флеминг, Гарри Мейли и его мать, сам Оливер Твист. Эти персонажи нарисованы в традициях просветительской литературы, то есть в них подчёркнуты неистребимая природная доброта, порядочность, честность.

Определяющим принципом группировки характеров как в этом, так и во всех последующих романах Диккенса, является не место, которое занимает тот или иной из персонажей на общественной лестнице, а отношение каждого из них к окружающим его людям.

В повествовательной линии романа сильны дидактические элементы, вернее, нравственно-морализаторские, которые составляют неотъемлемую часть произведения и часто обретают в тексте несколько шутливую или же грустную тональность.

Образ Оливера наделяется Диккенсом романтической исключительностью: вопреки влиянию среды мальчик неукоснительно стремится к добру даже тогда, когда он не сломленный нотациями и побоями попечителей работного дома, не научившийся покорности в доме своего «воспитателя» – гробовщика, попадает в воровскую шайку Фейджина.

Диккенс не допускает нравственного падения мальчика, которого спасает счастливая случайность – встреча с мистером Браунлоу, вырывающим его из царства зла и переносящим в круг честных, добропорядочных и состоятельных людей. В финале произведения выясняется, что герой является незаконнорожденным, но зато долгожданным сыном Эдвина Лифорда, которому отец завещал достаточно значительное наследство. Усыновленный мистером Браунлоу мальчик обретает новую семью.

Однако, как бы важен ни был для писателя идейный тезис, который он пытается доказать через нравоучительный рассказ о борьбе и конечном торжестве маленького Оливера, Диккенс как критический реалист обнаруживает мощь своего мастерства и дарования в изображении широкого социального фона, на котором проходит тяжелое детство героя. Иными словами, сила Диккенса как реалиста появляется не в обрисовке главного героя и его истории, а в изображении того социального фона, на котором развертывается и благополучно завершается история мальчика-сироты.

В «Оливере Твисте» окончательно определился почерк Диккенса как художника-реалиста, созрел сложный комплекс его стиля. Стиль Диккенса построен на переплетении и противоречивом взаимопроникновении юмора и дидактики, документальной передачи типических явлений и приподнятого морализирования.

Роман вызвал широкий общественный резонанс. После его выхода прошел ряд скандальных разбирательств в работных домах Лондона, которые, по сути, были полутюремными заведениями, где нещадно использовался детский труд.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛИВЕРА ТВИСТА

(Фрагменты)

Глава I

повествует о месте, где родился Оливер Твист, и обстоятельствах, сопутствовавших его рождению

Среди общественных зданий в некоем городе, который по многим причинам благоразумнее будет не называть и которому я не дам никакого вымышленного наименования, находится здание, издавна встречающееся почти во всех городах, больших и малых, именно – работный дом [53]. И в этом работном доме родился, –

[53] ***Работный дом*** – дом призрения (приют) для бедняков в Англии. Нарисованная Диккенсом в романе картина реалистически воспроизводит организацию и порядки английских работных домов с их тюремным режимом.

я могу себя не утруждать указанием дня и числа, так как это не имеет никакого значения для читателя, во всяком случае на данной стадии повествования, – родился смертный, чьё имя предшествует началу этой главы.

Когда приходский врач [54] ввёл его в сей мир печали и скорбей, долгое время казалось весьма сомнительным, выживет ли ребёнок, чтобы получить какое бы то ни было имя; по всей вероятности, эти мемуары никогда не вышли бы в свет, а если бы вышли, то заняли бы не более двух-трёх страниц и благодаря этому бесценному качеству являли бы собою самый краткий и правдивый образец биографии из всех сохранившихся в литературе любого века или любой страны.

Хотя я не склонен утверждать, что рождение в работном доме само по себе самая счастливая и завидная участь, какая может выпасть на долю человека, тем не менее я полагаю, что при данных условиях это было наилучшим для Оливера Твиста. Потому что весьма трудно было добиться, чтобы Оливер Твист взял на себя заботу о своём дыхании, а это занятие хлопотливое, хотя обычай сделал его необходимым для нашего безболезненного существования. В течение некоторого времени он лежал, задыхающийся, на шерстяном матрасике, находясь в неустойчивом равновесии между этим миром и грядущим и решительно склоняясь в пользу последнего. Если бы на протяжении этого короткого промежутка времени Оливер был окружён заботливыми бабушками, встревоженными тётками, опытными сиделками и премудрыми докторами, он неизбежно и, несомненно был бы загублен. Но так как никого поблизости не было, кроме нищей старухи, у которой голова затуманилась от непривычной порции пива, и приходского врача, исполнявшего свои обязанности по договору, Оливер и Природа вдвоём выиграли битву. В результате Оливер после недолгой борьбы вздохнул, чихнул и возвестил обитателям работного дома о новом бремени, ложившемся на приход, испустив такой громкий вопль, какой только можно было ожидать от младенца мужского пола, который три с четвертью минуты назад получил сей весьма полезный дар – голос.

Как только Оливер обнаружил это первое доказательство надлежащей и свободной деятельности своих лёгких, лоскутное одеяло, небрежно брошенное на железную кровать, зашевелилось, бледное лицо молодой женщины приподнялось с подушки и слабый голос невнятно произнёс:

– Дайте мне посмотреть на ребёнка – и умереть.

Врач сидел у камина, согревая и потирая ладони. Когда заговорила молодая женщина, он встал и, подойдя к изголовью, сказал ласковее, чем можно было от него ждать:

– Ну, вам ещё рано говорить о смерти!

– Конечно, боже избавь! – вмешалась сиделка, торопливо засовывая в карман зелёную бутылку, содержимое которой она с явным удовольствием смаковала в углу комнаты. – Боже избавь! Вот когда она проживёт столько, сколько прожила я, сэр, да произведёт на свет тринадцать ребят, и из них останутся в живых двое, да и те будут с нею в работном доме, вот тогда она образумится и не будет принимать всё близко к сердцу!.. Подумайте, милая, о том, что значит быть матерью! Какой у вас милый ребёночек!

---

[54] ***Приходский врач*** – врач, состоящий на службе в «приходе». В Англии раньше приходом назывался район.

По-видимому, эта утешительная перспектива материнства не произвела надлежащего впечатления. Больная покачала головой и протянула руку к ребёнку.

Доктор передал его в её объятия. Она страстно прижалась холодными, бледными губами к его лбу, провела рукой по лицу, дико осмотрелась вокруг, вздрогнула, откинулась назад… и умерла. Ей растирали грудь, руки и виски, но сердце остановилось навеки. Что-то говорили о надежде и успокоении. Но этого она давно уже не ведала.

– Всё кончено, миссис Тингами! – сказал, наконец, врач.

– Да, всё кончено. Ах, бедняжка! – подтвердила сиделка, подхватывая пробку от зелёной бутылки, упавшую на подушку, когда она наклонилась, чтобы взять ребенка. – Бедняжка!

– Вам незачем посылать за мной, если ребёнок будет кричать, – сказал врач, медленно натягивая перчатки. – Очень возможно, что он окажется беспокойным. В таком случае дайте ему жидкой кашки. – Он надел шляпу, направился к двери и, приостановившись у кровати, добавил:

– Миловидная женщина… Откуда она пришла?

– Её принесли сюда вчера вечером, – ответила старуха, – по распоряжению надзирателя. Её нашли лежащей на улице. Она пришла издалека, башмаки у неё совсем истоптаны, но откуда и куда она шла – никто не знает.

Врач наклонился к покойнице и поднял её левую руку.

– Старая история, – сказал он, покачивая головой. – Нет обручального кольца… Ну, спокойной ночи!

Достойный медик отправился обедать, а сиделка, ещё раз приложившись к зелёной бутылке, уселась на низкий стул у камина и принялась облачать младенца.

Каким превосходным доказательством могущества одеяния явился юный Оливер Твист! Закутанный в одеяло, которое было доселе единственным его покровом, он мог быть сыном дворянина и сыном нищего; самый родовитый человек едва ли смог бы определить подобающее ему место в обществе. Но теперь, когда его облачили в старую коленкоровую рубашонку, пожелтевшую от времени, он был отмечен и снабжён ярлыком и сразу занял своё место – приходского ребёнка, сироты из работного дома, смиренного колодного бедняка, проходящего свой жизненный путь под градом ударов и пощёчин, презираемого всеми и нигде не встречающего жалости.

Оливер громко кричал. Если бы мог он знать, что он сирота, оставленный на милосердное попечение церковных старост и надзирателей, быть может, он кричал бы ещё громче.

Глава IV

Оливеру предложили другое место, и он впервые выступает на жизненном поприще

Если молодому человеку из аристократической семьи не могут обеспечить выгодной должности по завещанию, дарственной или купчей, то его принято отправлять в плавание. Подражая столь мудрому и спасительному примеру, члены совета

принялись обсуждать, уместно ли будет спровадить Оливера Твиста на какое-нибудь маленькое торговое судно, отправляющееся в превосходный, гибельный для здоровья порт. Это казалось наилучшим из всего, что только можно было с ним сделать: как-нибудь после обеда шкипер, находясь в игривом расположении духа, по всей вероятности, засечёт его до смерти или проломит ему череп железным ломом; и та и другая забава являются, как многим известно, излюбленным и повседневным развлечением джентльменов этого рода. Чем дольше члены совета рассматривали данный случай с упомянутой точки зрения, тем больше разнообразных преимуществ открывалось им в задуманном плане; и они пришли к решению, что единственный способ облагодетельствовать Оливера – безотлагательно отправить его в плавание.

Мистера Бамбла послали предварительно навести справки с целью отыскать какого-нибудь капитана, которому нужен кают-юнга, не имеющий друзей, и Бамбл возвращался в работный дом сообщить о результатах своей миссии, как вдруг встретил у ворот мистера Сауербери, приходского гробовщика.

Мистер Сауербери был высоким, сухощавым, ширококостным человеком, в поношенном чёрном костюме, в заштопанных бумажных чулках тоже чёрного цвета и таких же башмаках, физиономия его не была от природы предназначена для улыбки, но, в общем, ему не была чужда профессиональная весёлость. Походка у него была эластичная, а лицо выражало искреннее удовольствие, когда он подошёл к мистеру Бамблу и сердечно пожал ему руку.

– Я снял мерку с двух женщин, умерших сегодня ночью, мистер Бамбл, – сказал гробовщик.

– Вы сколотите себе состояние, мистер Сауербери, – отозвался бидл, запуская большой и указательный пальцы в протянутую ему гробовщиком табакерку; это была искусно сделанная маленькая модель гроба. – Уверяю вас, вы сколотите себе состояние, мистер Сауербери! – повторил мистер Бамбл, дружески похлопав гробовщика тростью по плечу.

– Вы полагаете? – сказал гробовщик таким тоном, как будто он и признавал, и оспаривал возможность такого события. – Приходский совет назначил очень низкую цену, мистер Бамбл.

– Да и гробы невелики… – ответил бидл, позволив себе улыбнуться не больше, чем это подобало важному должностному лицу.

Мистера Сауербери это очень позабавило, что было вполне понятно, и он смеялся долго и неудержимо.

– Ну, что же, мистер Бамбл, – произнёс он наконец, – нельзя отрицать, что с тех пор, как введена новая система питания, гробы стали чуточку поуже и пониже, чем в былые времена. Но должны же мы получать какую-то прибыль, мистер Бамбл! Сухое, выдержанное дерево стоит недёшево, сэр, а железные ручки пересылают по каналу из Бирмингема.

– Так-то оно так, – сказал мистер Бамбл, – каждое ремесло требует затрат. Конечно, дозволительно получать честный барыш.

– Разумеется! – подтвердил гробовщик. – И если я не получаю барыша на той или другой статье, ну что ж, к конце концов я своё наверстаю, хи-хи-хи!

– Вот именно, – сказал мистер Бамбл.

– Однако я должен сказать… – продолжал гробовщик, возвращаясь к размышлениям, прерванным бидлом, – однако я должен сказать, мистер Бамбл, что есть одно немаловажное затруднение. Видите ли, чаще всего умирают люди тучные. Те, что были лучше обеспечены и много лет платили налоги, чахнут в первую очередь, когда попадают в работный дом. И разрешите вам сказать, мистер Бамбл, что три-четыре дюйма, превышающие норму, – нешуточная потеря, в особенности если приходится содержать семью, сэр.

Так как мистер Сауербери произнёс эти слова с негодованием – вполне простительным – обиженного человека и так как мистер Бамбл почувствовал, что в них кроется нечто, предосудительное для чести прихода, сей последний джентльмен почёл нужным заговорить о другом. Мысли его были заняты главным образом Оливером Твистом, и о нём-то он и заговорил.

– Кстати, – сказал мистер Бамбл, – не знаете ли вы кого-нибудь, кому бы нужен был мальчик? Приходский ученик, который в настоящее время является обузой, я бы сказал – жерновом на шее прихода… Выгодные условия, мистер Сауербери, выгодные условия.

С этими словами мистер Бамбл коснулся тростью объявления, висевшего над его головой, и три раза отчётливо ударил по словам «пять фунтов», которые были напечатаны гигантскими буквами романским шрифтом.

– Ах, бог ты мой! – воскликнул гробовщик, схватив мистера Бамбла за обшитый золотым галуном лацкан его шинели. – Да ведь об этом-то я и хотел с вами поговорить! Знаете ли… Боже мой, какая красивая пуговица, мистер Бамбл! Я до сей поры не обращал на неё внимания.

– Да, мне кажется, что она недурна, – промолвил бидл, горделиво бросив взгляд на большие бронзовые пуговицы, украшавшие его шинель. – Штамп тот же, что и на приходской печати: добрый самаритянин, врачующий больного и немощного. Приходский совет преподнёс мне эту шинель на Новый год, мистер Сауербери. Помню, я впервые надел её, чтобы присутствовать на следствии о том разорившемся торговце, который умер в полночь у подъезда.

– Припоминаю, – сказал гробовщик. – Присяжные вынесли решение: «Умер от холода и отсутствия самого необходимого для поддержания жизни», не правда ли?

Мистер Бамбл кивнул головой.

– И они как будто вынесли специальный вердикт, – продолжал гробовщик, – присовокупив, что если бы чиновник по надзору за бедными… [59]

– Вздор! Чепуха! – перебил бидл. – Если бы совет прислушивался к тем глупостям, какие говорят эти невежды присяжные, у него было бы дела по горло.

– Истинная правда, – согласился гробовщик, – по горло.

– Присяжные, – продолжал мистер Бамбл, крепко сжимая трость, ибо такая была у него привычка, когда он сердился, – присяжные – это невежественные, пошлые, жалкие негодяи!

– Верно, – подтвердил гробовщик.

– В философии и политической экономии они смыслят вот сколько! – сказал бидл, презрительно щёлкнув пальцами.

– Именно так, – подтвердил гробовщик.

– Я их презираю! – сказал бидл, весь побагровев.

– Я тоже, – присовокупил гробовщик.

– И мне бы только хотелось, чтобы эти независимые присяжные попали к нам в дом на одну-две недельки, – сказал бидл. – Правила и порядок, введённые советом, быстро бы их усмирили.

– Оставим-ка их в покое, – сказал гробовщик.

С этими словами он одобрительно улыбнулся, чтобы умерить нарастающий гнев вознегодовавшего приходского служителя.

Мистер Бамбл снял треуголку, вынул из тульи носовой платок – он разозлился, и пот выступил у него на лбу, – вытер лоб, снова надел треуголку и, повернувшись к гробовщику, сказал более спокойным тоном:

– Ну, так как же насчёт мальчика?

– О, знаете ли, мистер Бамбл, – отозвался гробовщик, – я плачу немалый налог в пользу бедных.

– Гм! – сказал мистер Бамбл. – А дальше что?

– А вот что, – ответил гробовщик, – я думал, что если я столько плачу в пользу бедных, то, стало быть, имею право извлечь из них как можно больше, мистер Бамбл. И… и… кажется, я сам возьму этого мальчика.

Мистер Бамбл схватил гробовщика под руку и повёл его в дом. Мистер Сауербери в течение пяти минут договаривался с членами совета, и было решено, что Оливер отправится к нему в тот же вечер «на пробу». Применительно к приходскому ученику это означало следующее: если хозяин после короткого испытания убедится, что может, не слишком заботясь о питании мальчика, заставить его изрядно работать, он вправе оставить его у себя на определённый срок и распоряжаться им по своему усмотрению.

Когда маленького Оливера привели в тот вечер к «джентльменам» и объявили ему, что он сегодня же поступает в услужение к гробовщику, а если он вздумает пожаловаться на своё положение или когда-нибудь вернуться в приход, его отправят в плавание либо прошибут ему голову, – Оливер выказал так мало волнения, что все единогласно признали его закоснелым юным негодяем и приказали мистеру Бамблу немедленно его увести.

Вполне естественно, что члены совета должны были скорее, чем кто-либо другой, прийти в величайшее и добродетельное изумление и ужас при малейших признаках бесчувственности со стороны кого бы то ни было, но в данном случае они несколько заблуждались. Дело в том, что Оливер отнюдь не был бесчувственным; пожалуй, он даже отличался чрезмерной чувствительностью, а в результате дурного обращения был близок к тому, чтобы стать тупым и угрюмым до конца жизни. В полном молчании он принял известие о своём назначении, забрал своё имущество – его не очень трудно было нести, так как оно помещалось в пакете из обёрточной бумаги, имевшем полфута длины, полфута ширины и три дюйма толщины, – надвинул шапку на глаза и, уцепившись за обшлаг мистера Бамбла, отправился с этим должностным лицом к месту новых терзаний.

Сначала мистер Бамбл вёл Оливера, не обращая на него внимания и не делая никаких замечаний, ибо бидл высоко держал голову, как и подобает бидлу, а

так как день был ветреный, маленького Оливера совершенно скрывали полы шинели мистера Бамбла, которые развевались и обнажали во всей красе жилет с лацканами и короткие коричневые плюшевые штаны. Но, приблизившись к месту назначения, мистер Бамбл счёл нужным взглянуть вниз и убедиться, что мальчик находится в должном виде, готовый предстать перед новым хозяином; так он и поступил, скроив надлежащую мину, милостивую и покровительственную.

– Оливер! – сказал мистер Бамбл.

– Да, сэр? – тихим, дрожащим голосом отозвался Оливер.

– Сдвиньте шапку на лоб, сэр, и поднимите голову!

Хотя Оливер тотчас же исполнил приказание и свободной рукой быстро провёл по глазам, но когда он поднял их на своего проводника, в них блестели слезинки. Мистер Бамбл сурово посмотрел на Оливера, но у того слезинка скатилась по щеке. За ней последовала ещё и ещё одна. Ребёнок сделал неимоверное усилие, но оно ни к чему не привело. Вырвав у мистера Бамбла свою руку, он обеими руками закрыл лицо и заплакал, а слёзы просачивались между подбородком и костлявыми пальцами.

– Вот как! – воскликнул мистер Бамбл, останавливаясь и бросая на своего питомца злобный взгляд. – Вот как! Из всех неблагодарных, испорченных мальчишек, каких мне случалось видеть, ты, Оливер, самый…

– Нет, нет, сэр! – всхлипывая, воскликнул Оливер, цепляясь за руку, которая держала хорошо знакомую ему трость. – Нет, нет, сэр! Я исправлюсь, право же, я исправлюсь, сэр! Я ещё очень маленький, сэр, и такой… такой…

– Какой – такой? – с изумлением спросил мистер Бамбл.

– Такой одинокий, сэр. Очень одинокий! – воскликнул ребёнок. – Все меня ненавидят. О сэр, пожалуйста, не сердитесь на меня!

Мальчик прижал руку к сердцу и со слезами, вызванными неподдельным горем, посмотрел в лицо спутнику.

Мистер Бамбл с некоторым удивлением встретил жалобный и беспомощный взгляд Оливера, раза три-четыре хрипло откашлялся и, пробормотав что-то об этом «надоедливом кашле», приказал Оливеру осушить слёзы и быть хорошим мальчиком. Затем он снова взял его за руку и молча продолжал путь.

Когда вошёл мистер Бамбл, гробовщик, только что закрывший ставни в лавке, делал какие-то записи в приходно-расходной книге при свете унылой свечи, весьма здесь уместной.

– Эге! – сказал гробовщик, оторвавшись от книги и не дописав слово. – Это вы! Бамбл?

– Я самый, мистер Сауербери, – отозвался бидл. – Ну вот! Я вам привёл мальчика.

Оливер поклонился.

– Так это и есть тот самый мальчик? – спросил гробовщик, подняв над головой свечу, чтобы лучше рассмотреть Оливера. – Миссис Сауербери, будь так добра, зайди сюда на минутку, дорогая моя.

Из маленькой комнатки позади лавки вышла миссис Сауербери. Это была невысокая, тощая, высохшая женщина с ехидным лицом.

– Милая моя, – почтительно сказал мистер Сауербери, – это тот самый мальчик из работного дома, о котором я тебе говорил.

Оливер снова поклонился.

– Ах, боже мой! – воскликнула жена гробовщика. – Какой он маленький!

– Да, он, пожалуй, мал ростом, – согласился мистер Бамбл, посматривая на Оливера так, словно тот был виноват, что не дорос. – Он и в самом деле маленький. Этого нельзя отрицать. Но он подрастёт, миссис Сауербери, он подрастёт.

– Да что и говорить! – с раздражением отозвалась эта леди. – Подрастёт на наших хлебах. Я никакой выгоды не вижу от приходских детей: их содержание обходится дороже, чем они сами того стоят. Но мужчины всегда думают, что они всё знают лучше нас… Ну, ступай вниз, мешок с костями!

С этими словами жена гробовщика открыла боковую дверь и вытолкнула Оливера на крутую лестницу, ведущую в каменный подвал, сырой и тёмный, служивший преддверием угольного погреба и носивший название кухни; здесь сидела девушка, грязно одетая, в стоптанных башмаках и дырявых синих шерстяных чулках.

– Шарлотт, – сказала миссис Сауербери, спустившаяся вслед за Оливером, – дайте этому мальчику остатки холодного мяса, которые отложены для Трипа. Трип с утра не приходил домой и может обойтись без них. Надеюсь, мальчик не настолько привередлив, чтобы отказываться от них… Верно, мальчик?

У Оливера глаза засверкали при слове «мясо», он задрожал от желания съесть его и дал утвердительный ответ, после чего перед ним поставили тарелку с объедками.

Хотел бы я, чтобы какой-нибудь откормленный философ, в чьём желудке мясо и вино превращаются в желчь, чья кровь холодна как лёд, а сердце железное, – хотел бы я, чтобы он посмотрел, как Оливер Твист набросился на изысканные яства, которыми пренебрегла бы собака! Хотел бы я, чтобы он был свидетелем того, с какой жадностью Оливер, терзаемый страшным голодом, разрывал куски мяса! Ещё больше мне хотелось бы увидеть, как этот философ с таким же наслаждением поедает такое же блюдо.

– Ну что? – спросила жена гробовщика, когда Оливер покончил со своим ужином; она следила за ним в безмолвном ужасе, с тревогой предвидя, какой будет у него аппетит. – Кончил?

Не видя поблизости ничего съедобного, Оливер ответил утвердительно.

– Ну так ступай за мной, – сказала миссис Сауербери, взяв грязную, тускло горевшую лампу и поднимаясь по лестнице. – Твоя постель под прилавком. Надеюсь, ты можешь спать среди гробов? А впрочем, это не важно – можешь или нет, потому что больше тебе спать негде. Иди! Не оставаться же мне здесь всю ночь!

Оливер больше не мешкал и покорно пошёл за своей новой хозяйкой.

(Перевод А. Кривцовой, Е. Ланн)

ВАЛЬТЕР СКОТТ
1771-1832

Если люди не научатся помогать друг другу, то род человеческий исчезнет с лица земли.

В. Скотт

Вальтер Скотт – знаменитый английский романист. Родился в столице Шотландии городе Эдинбурге. Происходил из древнего шотландского рода. Будущий писатель рос среди строго монархических и религиозных традиций, а живописные горы Шотландии, её развалины и исторические памятники рано пробудили в его впечатлительной душе поэтические и исторические интересы.

Избрав своею специальностью форму исторического романа, он показал себя столь оригинальным и талантливым в этом, малоразработанном тогда литературном жанре, что сочинения его стали предметом подражания писателей всех стран, а имя его – известным всему миру.

Хотя Вальтера Скотта с рождения мучило слабое здоровье, а также плохое зрение, работал он весьма продуктивно и успевал создавать как минимум две книги за год. Всего мастер пера за свою жизнь успел сочинить 28 романов, а также множество баллад и повестей, критических статей и других творческих работ.

Вальтера Скотта называют отцом английской литературы, ведь этот гениальный писатель стал одним из первых, кто придумал жанр исторического романа. Рукописи одаренного мастера пера повлияли на многих писателей XIX и XX веков.

Произведения писателя, такие как «Пуритане» (1816), «Айвенго» (1819), «Аббат» (1820), «Квентин Дорвард» (1823), «Талисман» (1825), «Жизнь Наполеона Бонапарта» (1827) и многие другие стали настольной библией для писателей последующих лет. Например, на эти рукописи опирались Шарлотта Бронте, Артур Конан Дойл, Байрон, Джейн Остин другие именитые литературные деятели.

«Айвенго» – первый и один из лучших романов Вальтера Скотта. Этот роман не только принес славу писателю, но и является очень интересным к прочтению, даже спустя столько лет от его написания. Автор переносит нас в то время, когда пришел конец подвигам, и ему на замену пришло время подлости, но все еще есть люди, для которых честь – не просто слово.

Жизнь и быт Англии XII столетия раскрыты путем введения в роман разнообразных типов и характеров. Здесь действуют, борются, радуются или страдают десятки людей, каждый из которых типичен для своего класса и рода занятий.

Достоинство исторического романа Скотта в том, что писатель сумел в нем впервые и довольно убедительно показать взаимосвязь частной жизни и исторических событий.

В. Скотт никогда не ставил личность над обществом, подчеркивал зависимость судьбы отдельного человека от хода развития истории. Действие в романе «Айвенго» происходит в конце XII века. Перед читателем предстаёт реалистиче-

ская картина жестоких средневековых феодальных порядков и нравов. И хотя образ короля Ричарда несколько идеализирован, реалистично выглядят в романе представители народа и его вожаки.

«Айвенго» – многоплановый остросюжетный роман со множеством действующих лиц, представляющих различные социальные прослойки общества того времени. В романе, наряду с известными историческими личностями, действуют вымышленные персонажи. Историческую достоверность событиям, происходящим в романе, придают описания быта, убранства и обстановки жилищ, одежды, использование в языке героев архаизмов и фольклорных оборотов. Повествование писатель ведёт неспешно, очень подробно, до мельчайших деталей описывая привычки, внешность и поступки героев. Ричард Львиное Сердце, к примеру, появляется в романе как Чёрный рыцарь, но его тайна раскрывается только в конце.

Гуманистическое содержание романа, трезвость политического мироощущения Скотта проступают и в изображении рыцарей и рыцарства. Писатель с любовью прибегает к геральдике, даёт понятие о рыцарском этикете, традициях, словом сознательно создаёт весь необходимый внешний колорит эпохи, никогда не теряя при этом способности трезво и логически оценивать происходящее.

Главный герой романа Айвенго в любой ситуации поступает согласно чувству долга, хранит верность своей возлюбленной Ровене. Он помогает ростовщику Исааку, уступив ему место у очага, побеждает в нескольких поединках рыцарей-храмовников, спасает красавицу Ревекку, не изменяя рыцарским понятиям чести и долга.

Вымышленный персонаж романа Айвенго представлен в романе как идеальный романтический герой. Но и исторический персонаж романа, король Ричард Львиное Сердце, появившийся в облике Чёрного рыцаря, писателем тоже наделяется чертами идеального рыцаря, романтического героя. Реальный Ричард Львиное Сердце, как историческая личность, вовсе не был романтическим героем, но Вальтер Скотт чуточку погрешил исторической правдой ради правды художественной.

Завершается роман полной победой добра над злом. В результате Ричард сохранил королевский трон и заслужил добрую память потомков, Айвенго – руку и сердце возлюбленной, Ревекка – свободу и чистую совесть.

АЙВЕНГО

(Фрагменты)

Глава XIII

Как только было произнесено имя Айвенго, оно стало передаваться из уст в уста со всею быстротой, какую могло сообщить усердие одних и любопытство других. Очень скоро оно достигло слуха принца Джона, лицо его омрачилось, когда он услышал эту новость, затем, оглянувшись вокруг, сказал с пренебрежительным видом:

– Что вы думаете, господа, а в особенности вы, сэр приор, о рассуждениях учёных относительно не зависящих от нас симпатий и антипатий? Недаром я сразу почувствовал неприязнь к этому молодцу, хотя и не подозревал, что под его доспехами скрывается любимчик моего брата.

– Фрон де Беф, пожалуй, должен будет возвратить своё поместье Айвенго, – сказал де Браси, который, с честью выполнив свои обязанности на турнире, успел снять щит и шлем и присоединиться к свите принца.

– Да, – молвил Вальдемар Фиц Урс, – этот воин, вероятно, потребует обратно замок и поместье, пожалованные ему Ричардом, а потом благодаря великодушию вашего высочества перешедшие во владение Фрон де Бефа.

– Фрон де Беф, – возразил принц Джон, – скорее способен поглотить ещё три таких поместья, как поместье Айвенго, чем вернуть обратно хоть одно. Впрочем, я полагаю, что никто из вас не станет отрицать моего права раздавать ленные поместья тем верным слугам, которые сомкнулись вокруг меня и готовы нести воинскую службу не так, как те бродяги, которые скитаются по чужим странам и не способны ни охранять отечество, ни показать нам свою преданность.

Окружающие были лично заинтересованы в этом вопросе, и потому никто и не подумал оспаривать мнимые права принца.

– Щедрый принц! Вот истинно благородный властелин: он принимает на себя труд вознаграждать своих преданных сторонников!

Таковы были слова, раздавшиеся среди приближённых принца; каждый из них сам надеялся поживиться за счёт любимцев и сторонников короля Ричарда, а многие уже преуспели в этом.

Аббат Эймер присоединился к общему мнению, заметив только, что «благословенный Иерусалим» нельзя, собственно, причислять к чужим странам, ибо он есть наш общий отец, отец всех христиан.

– Однако я не вижу, – продолжал аббат, – какое отношение имеет рыцарь Айвенго к Иерусалиму? Насколько мне известно, крестоносцы под начальством Ричарда не бывали дальше Аскалона, который, как всем ведомо, есть город филистимлян и не может пользоваться привилегиями священного города.

Вальдемар, ходивший из любопытства взглянуть на Айвенго, воротился в ложу принца.

– Этот храбрец, – сказал он, – вряд ли наделает много хлопот вашему высочеству, а Фрон де Беф может спокойно владеть своими поместьями: рыцарь очень серьёзно ранен.

– Какова бы ни была его судьба, он всё таки победитель нынешнего дня, – сказал принц Джон, – и, будь он самым опасным из наших врагов или самым верным из друзей нашего брата – что почти одно и то же, – следует залечить его раны; наш собственный врач подаст ему помощь.

При этих словах коварная улыбка появилась на губах принца. Вальдемар поспешил ответить, что Айвенго уже унесён с ристалища и находится на попечении друзей.

– Мне было грустно смотреть, – продолжал он, – на печаль королевы любви и красоты: ей предстояло царствовать всего один день, да и тот по милости этого происшествия превратился в день скорби. Я вообще не такой человек, чтобы женская печаль могла меня растрогать, но эта леди Ровена с таким достоинством сдерживала свою скорбь, что о ней можно было догадываться лишь по её стиснутым рукам и сухим глазам, смотревшим на бездыханное тело у её ног.

– Кто эта леди Ровена, о которой столько говорят? – спросил принц Джон.

– Она богатейшая наследница знатного саксонского рода, – отвечал аббат Эймер, – роза красоты и бесценная жемчужина, прекраснейшая из тысячи, зерно ладана, благовонная мирра.

– Мы утешим её скорбь, – сказал принц Джон, – и заодно улучшим её род, выдав замуж за норманна. Она, должно быть, несовершеннолетняя, а следовательно, мы имеем королевское право располагать её рукой. Что ты на это скажешь, де Браси? Не желаешь ли получить землю и доходы, сочетавшись браком с саксонкой, по примеру соратников Завоевателя?

– Если земли окажутся мне по вкусу, невеста мне наверняка понравится, и я буду крайне признателен вашему высочеству за это доброе дело, – отвечал де Браси. – Оно с избытком покроет все обещания, данные вашему верному слуге и вассалу.

– Мы этого не забудем, – сказал принц Джон. – А чтобы не терять даром времени, вели нашему сенешалю распорядиться, чтобы на сегодняшнем вечернем пиру была эта леди Ровена. Пригласите также и того мужлана – её опекуна, да и саксонского быка, которого Чёрный Рыцарь свалил нынче на турнире. Да, Бигот, – продолжал принц, обращаясь к своему сенешалю, – постарайся передать им наше вторичное приглашение в такой учтивой форме, чтобы польстить их саксонской гордости и лишить их возможности отказать нам ещё раз. Хотя, клянусь костями Бекета, оказывать им любезность – всё равно что метать бисер перед свиньями.

Сказав это, принц Джон собрался уже подать сигнал к отбытию с ристалища, когда ему вручили маленькую записку.

– Откуда? – спросил принц, оглянувшись на подателя.

– Из за границы, государь, но не знаю откуда, – отвечал слуга, – это письмо привёз сюда француз, который говорит, что скакал день и ночь, чтобы вручить его вашему высочеству.

Принц Джон внимательно посмотрел на адрес, потом на печать, скреплявшую шёлковую нить, которой была обмотана свёрнутая записка: на печати были изображены три лилии. Принц с явным волнением развернул письмо и, когда прочёл его, встревожился ещё сильнее. Записка гласила:

«Будьте осторожны – дьявол спущен с цепи».

Принц побледнел как смерть, сначала потупился, потом поднял глаза к небу, как человек, только что узнавший, что он приговорён к смерти. Оправившись от первого потрясения, он отвёл в сторону Вальдемара Фиц Урса и де Браси и дал им поочередно прочесть записку.

– Это значит, – сказал он упавшим голосом, – что брат мой Ричард получил свободу.

– Быть может, это ложная тревога или поддельное письмо? – спросил де Браси.

– Нет, это подлинный почерк и печать самого короля Франции, – возразил принц Джон.

– В таком случае, – предложил Фиц Урс, – пора нашей партии сосредоточиться в каком нибудь сборном месте, например, в Йорке. Через несколько дней, наверное, будет уже слишком поздно. Вашему высочеству следует прекратить эти забавы.

– Однако, – сказал де Браси, – нельзя распустить простолюдинов и йоменов без обещанных состязаний.

– Ну что ж, – сказал Вальдемар, – ещё далеко до ночи, пускай стрелки выпустят в цель несколько десятков стрел, а потом можно присудить приз. Тогда всё, что принц обещал этому стаду саксонских рабов, будет выполнено с избытком.

– Спасибо, Вальдемар, – сказал принц. – Между прочим, ты мне напомнил, что я должен ещё отплатить тому дерзкому простолюдину, который осмелился вчера оскорбить нашу особу. Пускай и вечерний пир пройдёт своим чередом, как было назначено сначала. Даже если это – последний час моей власти, я посвящу его мщению и удовольствиям: пусть новые заботы приходят завтра.

Вскоре звуки труб вновь собрали зрителей, начавших было расходиться. Вслед за тем было объявлено, что принц Джон ввиду неотложных дел вынужден отменить завтрашний праздник. Тем не менее ему не хотелось бы отпускать добрых йоменов, не испытав их искусства и ловкости. Поэтому он соблаговолил распорядиться, чтобы назначенное на завтра состязание в стрельбе из луков состоялось теперь же, до захода солнца. Наилучшему стрелку полагается приз: рог в серебряной оправе и шёлковая перевязь с великолепной вышивкой и медальоном святого Губерта, покровителя охоты.

Сначала более тридцати йоменов явились на состязание. Среди них были и королевские лесничие из Нидвуда и Чарнвуда. Но когда стрелки поняли, с кем им придётся мериться силами, человек двадцать сразу же отказались от своего намерения, так как никому не хотелось идти на заведомый проигрыш. В те времена каждый искусный стрелок был хорошо известен во всей округе, и все состязавшиеся знали, чего они могут ждать друг от друга, вроде того, как в наши дни известны каждому любителю спорта приметы и свойства лошади, которая бежала на скачках в Ньюмаркете.

Однако и после этого в списке соперников значилось восемь йоменов. Желая поближе рассмотреть этих отборных стрелков, принц Джон спустился на арену. Некоторые из них носили форму королевских стрелков. Удовлетворив своё любопытство, он огляделся вокруг, отыскивая ненавистного ему йомена. Оказалось, что тот спокойно стоит там же, где вчера.

– Эй, молодец! – сказал принц Джон. – Я так и думал, что ты только нахальный хвастун, а не настоящий стрелок! Я вижу, ты не решаешься выступить рядом с этими ребятами.

– Прошу извинить, сэр, – отвечал йомен, – у меня есть другая причина, чтобы воздержаться от стрельбы, а не боязнь поражения.

– Какая же именно? – осведомился принц Джон. Сам не зная почему, он испытывал мучительный интерес к этому человеку.

– Я не знаю, – отвечал йомен, – та ли у них мишень, что у меня, привыкли ли они к ней, как я? И ещё потому, что сомневаюсь, будет ли приятно вашей светлости, если и третий приз достанется человеку, невольно заслужившему ваше неудовольствие.

Принц Джон покраснел и спросил:

– Как тебя зовут?

– Локсли, – ответил йомен.

– Ну, Локсли, – продолжал принц, – ты непременно примешь участие в состя-

зании после того, как эти йомены покажут своё искусство. Если выиграешь приз, я надбавлю тебе двадцать червонцев, но если проиграешь, с тебя сдерут твой зелёный кафтан и прогонят с арены кнутом, как наглого болтуна.

– А что, если я не захочу стрелять на таких условиях? – сказал йомен. – Ваша милость – человек могущественный, что и говорить! У вас большая стража, так что содрать с меня одежду и отстегать легко, но принудить меня натянуть лук и выстрелить нельзя.

– Если ты откажешься от моего предложения, начальник стражи сломает твой лук и стрелы и выгонит тебя отсюда, как малодушного труса.

– Вы не по совести ставите мне условия, гордый принц, – сказал йомен. – Принуждаете меня к соперничеству с лучшими стрелками Лестера и Стаффордшира, а в случае неудачи грозите мне таким позором. Но я повинуюсь вашему желанию.

– Воины, присматривать за ним хорошенько! – сказал принц Джон. – Он уже струсил, а я не хочу, чтобы он уклонился от испытания. А вы, друзья, стреляйте смелее. Жареный олень и бочонок вина приготовлены для вас вон в той палатке. После вручения приза вы можете подкрепить свои силы.

Мишень установили в верхнем конце южного проезда на ристалище. Участники состязания должны были поочередно становиться на нижнем конце проезда; отсюда до мишени было достаточное расстояние для стрельбы из лука, что называлось «на ветер». Очередь устанавливалась по жребию, каждый стрелок должен был выпустить по три стрелы. Состязанием заведовал старшина низшего звания, носивший титул «старшина игр», так как маршалы турнира считали для себя унизительным руководить забавами йоменов.

Выступая один за другим, стрелки уверенно посылали в цель свои стрелы. Из двадцати четырёх стрел десять вонзились в мишень, а остальные расположились так близко от неё, что попадание можно было считать хорошим. Из десяти стрел, попавших в мишень, две вонзились во внутренний круг, и обе принадлежали Губерту – лесничему, состоявшему на службе у Мальвуазена. Его и признали победителем.

– Ну что же, Локсли? – со злой усмешкой сказал принц Джон, обращаясь к смелому йомену. – Хочешь ты помериться с Губертом или предпочитаешь сразу отдать свой лук и колчан?

– Коли иначе нельзя, – сказал Локсли, – я не прочь попытать счастья. Только с одним условием: если я дважды попаду в цель Губерта, он должен будет стрелять в ту цель, которую я выберу.

– Это справедливое требование, – сказал принц Джон, – и мы на него согласны. Губерт, если ты побьёшь этого хвастуна, я насыплю тебе полный рог серебра.

– Человек может сделать только то, что в его силах, – отвечал Губерт. – Мой дедушка отлично стрелял из лука в битве при Гастингсе, и я надеюсь, что не посрамлю его памяти.

Первую мишень сняли и поставили другую такую же. Губерт, как победивший на предварительном состязании, стрелял первым. Он долго целился, прикидывая глазом расстояние, и в то же время держал лук натянутым, наложив стрелу на тетиву. Наконец он ступил шаг вперёд и, вытянув левую руку так, что середина или прицел лука пришёлся вровень с лицом, оттянул тетиву вплоть до самого уха. Стрела засвистела в воздухе и вонзилась в круг, но не в центр мишени.

– Вы не приняли в расчёт ветра, Губерт, – сказал его соперник, натягивая свой лук, – а то вы попали бы ещё лучше.

С этими словами Локсли стал на назначенное место и спустил стрелу с беспечным видом, почти не целясь. Его стрела вонзилась в мишень на два дюйма ближе к центру, чем у Губерта.

– Клянусь небом, – сказал принц Джон Губерту, – тебя стоит повесить, если ты потерпишь, чтобы этот негодяй тебя превзошёл в стрельбе.

Но у Губерта на все случаи был только один ответ.

– Да хоть повесьте меня, ваше высочество, – сказал он, – человек может сделать только то, что в его силах. А вот мой дедушка важно стрелял из лука…

– Чёрт побери твоего деда и всё его потомство! – прервал его принц Джон. – Стреляй, бездельник, да хорошенько, а не то тебе будет плохо!

Понукаемый таким образом, Губерт снова стал на место и, помня совет своего соперника, принял в расчёт только что поднявшийся слабый ветерок, прицелился и выстрелил так удачно, что попал в самую середину мишени.

– Ай да Губерт! Ай да Губерт! – закричала толпа, которая гораздо более сочувствовала известному ей стрелку, чем незнакомцу. – В самую серёдку! В самую серёдку! Да здравствует Губерт!

– Лучше этого выстрела тебе не удастся сделать, Локсли, – сказал принц со злорадной улыбкой.

– Ну ка, я подшибу его стрелу, – отвечал Локсли и, прицелившись, расщепил торчащую в мишени стрелу Губерта. Зрители, теснившиеся вокруг, были так потрясены этим чудом искусства, что даже не выражали своего изумления обычными в таких случаях возгласами.

– Это, должно быть, не человек, а дьявол! – шептали друг другу йомены. – С тех пор как в Англии согнули первый лук, такого стрелка ещё не видывали.

– Теперь, – сказал Локсли, – разрешите мне, ваша милость, поставить такую мишень, какая в обычае у нас в северной области, и прошу пострелять по ней любого доблестного йомена, который хочет заслужить улыбку своей красотки.

С этими словами он направился за пределы ограды, но, оглянувшись, прибавил:

– Если угодно, пошлите со мной стражу. Мне нужно срезать ветку с ближайшей ивы.

Принц Джон подал было знак сторожам следовать за ним. Но со всех сторон раздались крики: «Позор, позор!» – и принцу пришлось отменить своё оскорбительное распоряжение.

Через минуту Локсли воротился и принёс прямой прут толщиной в палец и футов в шесть длиной. Он принялся сдирать с него кору, говоря, что предлагать хорошему охотнику стрелять по такой широченной мишени, какая была поставлена раньше, – значит насмехаться над ним. У него на родине всякий сказал бы, что тогда уж лучше сделать мишенью круглый стол короля Артура, вокруг которого умещалось шестьдесят человек.

– У нас, – говорил он, – семилетний ребёнок попадает тупой стрелой в такую мишень.

Потом он степенным шагом перешел на противоположный конец ристалища,

воткнул ивовый прут отвесно в землю и сказал:

– А вот если кто попадёт в эту палку за сто ярдов, того я назову достойным носить лук и стрелы в присутствии короля, будь это сам славный Ричард.

– Мой дед, – сказал Губерт, – изрядно стрелял из лука в битве при Гастингсе, но в такие мишени не стреливал, да и я не стану. Коли этот йомен подшибёт такую тростинку, я охотно уступлю первенство ему или, скорее, тому бесу, что носит его куртку, потому что человек не может так стрелять. Человек может сделать только то, что в его силах. Я не стану стрелять, раз сам знаю, что наверняка промахнусь. Ведь это всё равно что стрелять в остриё ножа, или в соломинку, или в солнечный луч… Эта белая чёрточка так тонка, что я и разглядеть то её не могу.

– Трусливый пёс! – воскликнул принц Джон. – Ну, Локсли, плут, стреляй хоть ты, и, если попадёшь в такую цель, я скажу, что ты первый человек, которому это удалось. Нечего хвастать своим превосходством, пока оно не подтверждено делом.

– Я сделаю то, что в моих силах, – отвечал Локсли. – Большего от человека нельзя требовать, как говорит Губерт.

Сказав это, он снова взялся за лук, но предварительно переменил тетиву, находя, что она недостаточно кругла и успела немного перетереться от двух предыдущих выстрелов. На этот раз он прицеливался гораздо тщательнее, и толпа народа, затаив дыхание, ждала, что будет. Стрелок оправдал общую уверенность в его искусстве: стрела расщепила ивовый прут, в который была направлена. Последовал взрыв восторженных восклицаний. Сам принц Джон позабыл на минуту свою неприязнь к Локсли, так он был поражён его ловкостью.

– Вот тебе двадцать золотых, – сказал принц, – и охотничий рог. Ты честно заслужил приз. Мы дадим тебе пятьдесят золотых, если ты согласишься носить нашу форму и поступить к нам на службу телохранителем. Ещё никогда ни у кого не было такой сильной руки и верного глаза, как у тебя.

– Простите меня, благородный принц, – сказал Локсли. – Я дал обет, что если когда либо поступлю на службу, то не иначе, как к царственному брату вашего высочества, королю Ричарду. Эти двадцать золотых я предоставляю Губерту: он сегодня стрелял

из лука ничуть не хуже, чем его покойный дед в битве при Гастингсе. Если бы Губерт из скромности не отказался от состязания, он бы так же попал в прутик, как и я.

Губерт покачал головой и неохотно принял щедрый подарок незнакомца. Вслед за тем Локсли, желая поскорее избегнуть общего внимания, смешался с толпой и больше не показывался.

Быть может, победоносный стрелок не ускользнул бы так легко от принца, если бы принц Джон не был в эту минуту занят гораздо более важными и тревожными мыслями. Подав знак к окончанию состязаний, он подозвал своего камергера и приказал ему немедленно скакать в Ашби и разыскать там еврея Исаака.

– Скажи этой собаке, – сказал он, – чтобы он сегодня же, до солнечного заката, непременно прислал мне две тысячи крон. Он знает, какое я дам обеспечение, но ты всё таки покажи ему этот перстень, чтобы он не сомневался, что ты от меня. Остальную сумму пусть он доставит мне в Йорк не позже, чем через шесть дней. Если он не исполнит этого, я с него голову сниму. Поглядывай повнимательнее, не пропусти его невзначай по дороге – этот поганый нечестивец ещё сегодня щеголял перед нами своими краденными нарядами.

Сказав это, принц сел на коня и поехал в Ашби, а после этого стали расходиться и все остальные зрители.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Почему «Айвенго» называют историческим романом, если главный герой – вымышленный персонаж, а не историческая личность? Примерами из текста подтвердите свой ответ.
2. Какие этнографические детали органически вошли в сюжет романа?
3. Как вы думаете, допустим ли художественный вымысел в историческом произведении, основанном на конкретных фактах и событиях прошлого?
4. Сколько сюжетных линий в романе? Какая сцена романа представляется вам самой важной для развития действия?
5. Назовите исторические произведения русских и зарубежных писателей. Что общего вы находите в них?

Художественный фильм «Айвенго»

ГЛОССАРИЙ

Исторический роман – художественное произведение, построенное на историческом сюжете, который отображает в художественной форме некую эпоху, период истории. Некоторые исследователи указывают на исторические рамки – не ранее семидесяти пяти лет до написания текста (жизнь трёх поколений). Повествование в таком произведении ведётся на фоне исторических событий.

Баллада – лиро-эпический жанр литературы, повествовательная песня с драматическим развитием сюжета, основой которого является необычный случай. В основе баллады – необыкновенная история, отражающая сущностные моменты взаимоотношений человека и общества, людей между собой, важнейшие черты человека.

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК
1799-1850

Признавшись в своей слабости, человек становится сильнее.

О. де Бальзак

Оноре де Бальзак – один из самых известных писателей-реалистов Франции. Он стал основоположником реализма в европейской литературе. Его считают своим учителем такие классики мировой литературы, как Эмиль Золя, Чарльз Диккенс, Федор Достоевский, Уильям Фолкнер. Биография Бальзака может быть интересна современным читателем, так как его путь к успеху был тернист и сложен, но он не отступился от своей мечты стать писателем.

Оноре увлекся литературой. Он запоем читал сочинения Руссо, Монтескье, Гольбаха. Даже после поступления в Парижскую школу права Оноре не оставил мечты стать писателем.

С 1823 года Бальзак начал писать. Первые его романы написаны в духе романтизма. Сам автор считал их неудачными и пытался о них не вспоминать.

Первый роман Бальзака, имевший шумный успех и выдвинувший его из среды других начинающих писателей, был «Физиология брака» (1829). С этих пор слава его растёт непрерывно. Плодовитость и неутомимая энергия его поистине изумительны. В том же году он напечатал ещё 4 романа, в следующем – 11 («Тридцатилетняя женщина», «Гобсек», «Шагреневая кожа» и др.); в 1831 – 8, в том числе «Сельский врач». Теперь он работает еще более, чем прежде, с необыкновенной тщательностью отделывая свои произведения, по нескольку раз переделывая написанное. Бальзак был настоящим трудоголиком. Он работал по 15 часов в сутки и публиковал по 5-6 романов за год. Постепенно к нему начала приходить слава. В 1845 году писатель был награждён орденом Почётного легиона.

Оноре де Бальзак умер 18 августа 1850 года, на 52-м году жизни. Похоронили писателя со всеми возможными почестями. Известно, что его гроб во время похорон поочередно несли все выдающиеся литераторы Франции того времени. На кладбище Пер-Лашез Виктор Гюго в своем вдохновенном надгробном слове говорил о Бальзаке: «Все его книги образуют одну книгу, живую, блистательную, глубокую, где живет и движется страшная, жуткая и вместе с тем реальная наша современность».

Полное собрание сочинений Бальзака было издано им самим в 1842 под общим заглавием «Человеческая комедия», с предисловием, где он так определяет свою задачу: «дать историю и в то же время критику общества, исследование его недугов и рассмотрение его начал».

«Человеческая комедия» – цикл произведений гениального француза, который стал достоянием сокровищницы мировой художественной культуры. Бальзак включил в него все романы, написанные им за двадцатилетнюю творческую карьеру.

Уникальность этого проекта в том, что каждая составляющая цикла является самостоятельным литературным произведением, и одновременно с этим – «Человеческая комедия» есть единое художественное целое. Этот труд стал самой амбициозной литературной задумкой XIX века, где полноценно и многогранно воплотилась основная цель писателя: реалистично воспроизвести черты грандиозного облика своего века, очень точно и правдиво изображая характерных его представителей.

Бальзак неслучайно называет свой цикл «Человеческой комедией», смысловая и идейная аналогия с «Божественной комедией» Данте налицо. Но если Данте погружает своего читателя в мир мёртвых, то Оноре де Бальзак, показывая мир живых, делает акцент на реалистическом методе трактовки современной действительности. Считается, что само название возникло как бы в оппозиции к «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Произведение состоит из трёх частей: «Этюды о нравах», «Философские этюды», «Аналитические этюды». Центральное место занимают «Этюды о нравах», которые Бальзак разделил на «сцены» частной, провинциальной, парижской, политической, военной и сельской жизни. Жанры «Человеческой комедии» – роман, новелла, повесть с элементами новеллы.

Реализация невиданного дотоле замысла потребовала огромного количества персонажей, их в «Человеческой комедии» более двух тысяч. И читатель узнаёт о каждом из них все необходимое: их происхождение, родителей (а порою даже и дальних предков), родственников, друзей и врагов, прежние и настоящие доходы и занятия, точные адреса, обстановку квартир, содержимое гардеробов и даже имена портных, у которых сшиты костюмы.

История бальзаковских героев, как правило, не кончается в финале того или иного произведения. Переходя в другие романы, повести, новеллы, они продолжают жить, испытывая взлеты или падения, надежды или разочарования, радости или мучения, так как живо общество, органическими частицами которого они являются.

Цель «Человеческой комедии», какой она виделась Бальзаку, много шире и глубже, чем простое изображение современного писателю общества. Бальзака всегда волновала мысль о едином строении Вселенной. Если в начале романа «Златорогая девушка» (1834-1835 гг.) он изображает один за другим все круги «ада, именуемого Парижем», то во всей «Комедии» стремится создать такую же целостную картину французского общества. Этих разнообразных людей в «Человеческой комедии», по убеждению самого Бальзака, должно было действовать «не меньше тысячи»; в бальзаковских романах присутствуют и реальные исторические лица, и фигуры вымышленные.

Единство создаваемого им художественного мира Бальзак очень рано (с 1834 г.) начал подкреплять с помощью «возвращающихся персонажей»: так, банкир Нусинген действует в 31 произведении «Человеческой комедии», врач Бьяншон – в 29, денди и политик де Марсе – в 27, «покоритель Парижа» Растиньяк – в 25. Внося правку в произведения, написанные в начале 1830-х гг., Бальзак задним числом вводил в них персонажей, созданных позже и действующих в других произведениях.

«Отец Горио»

Роман «Отец Горио» (1834) является составной частью авторского прозаического цикла под названием «Человеческая комедия». Роман имел большой читательский успех. Это, пожалуй, самый главный роман Бальзака. И потому, что здесь впервые встречаются несколько десятков персонажей, которые затем будут путешествовать по страницам «Человеческой комедии». Именно в этом создается завязка последующих событий, так как в центре сюжета мы видим типичную для писателя история утраченных иллюзий юности.

Три тематические линии переплетаются, сосуществуют и развиваются в романе. Первая – тема преданного отцовства – старый Горио, который все отдал двум своим дочкам и умер в нищете одиноким. Но и на краю страшной бездны отец Горио продолжает наивно верить в то, что купить можно все – даже любовь своих дочерей. Эта вера напрочь затмевает любые понятия о человеческом достоинстве, о котором, впрочем, Горио не имеет ни малейшего представления. Между тем полученное воспитание и плебейская сущность избалованных девиц, помноженные на растленные нравы «века золота», возомнившего себя «золотым веком», предопределили их дальнейшую судьбу. Деньги отца открыли им двери светских салонов, и вскоре старшая дочь Горио – Анастази – стала графиней де Ресто, а младшая – Дельфина – баронессой Нусинген. Как только дочери Горио «приобщились» к аристократическому обществу, буржуазное происхождение отца стало их шокировать.

Вторая – тема честолюбия – студент-провинциал Эжен Растиньяк, используя связи, постепенно входит в высший «парижский мир». Третья – тема философии преступления – беглый каторжник Вотрен ставит под сомнение добродетельную мораль общества и отстаивает право сильной личности пренебрегать законом.

Первая сюжетная линия связана с темой власти денег над человеком. Она отражена и в повести «Гобсек», и в романе «Евгения Гранде» и др. Некоторые критики даже утверждают, что именно эта тема и является главной для писателя. Хотя Бальзак считал основной линией «Отца Горио» историю Растиньяка. Однако борьба героя с самим собой была уже не такой и ожесточенной. Это произведение условно можно отнести к жанру «воспитательный роман», но воспитание здесь происходит не в том значении, которое придавало этому жанру 18 столетии – век Разума, а в смысле потери иллюзий, вхождение в мир лицемерия и жестокости. Победа аморального мира над Растиньяком была легкой: каждый раз, когда его соблазняли аристократическим обедом или новым модным нарядом, он забывал о своих намерениях быть трудолюбивым и честным, достичь всего собственными силами и трудом. Поэтому, по мнению автора, зло, которое уничтожает человека, кроется в нем самом, в его сердце, в его душе, когда человек ошибся и поставил материальное благополучие выше собственной совести.

ОТЕЦ ГОРИО

(Фрагменты)

Папаша Горио, старик лет шестидесяти девяти, поселился у г-жи Воке в 1813 году, когда отошёл от дел. Первоначально он снял квартиру, позднее занятую г-жой Кутюр, и вносил тысячу двести франков за полный пансион, словно платить на сто франков больше или меньше было для него безделицей. Г-жа Воке подновила три комнаты этой квартиры, получив от Горио вперед некоторую сумму для покрытия расходов, будто бы произведённых на дрянную обстановку и отделку: на жёлтые коленкоровые занавески, лакированные, обитые трипом кресла, на кое-какую подмазку клеевой краской и обои, отвергнутые даже кабаками городских предместий. Быть может, именно потому, что папаша Горио, в ту пору именуемый почтительно господин Горио, поймался на эту удочку, проявив такую легкомысленную щедрость, на него стали смотреть, как на дурака, ничего не смыслящего в практических делах. Горио привёз с собой хороший запас платья, великолепный подбор вещей, входящих в обиход богатого купца, который бросил торговать, но не отказывает себе ни в чём. Вдова Воке залюбовалась на полторы дюжины рубашек из полуголландского полотна, особенно приметных своей добротностью благодаря тому, что вермишельщик закалывал их мягкое жабо двумя булавками, соединёнными цепочкой, а в каждую булавку был вправлен крупный бриллиант. Обычно он одевался в василькового цвета фрак, ежедневно менял пикейный белый жилет, под которым колыхалось выпуклое грушевидное брюшко, шевеля золотую массивную цепочку с брелоками. В табакерку, тоже золотую, был вделан медальон, где хранились чьи-то волосы, и это придавало Горио вид человека, повинного в любовных похождениях. Когда хозяйка обозвала его «старым волокитой», на его губах мелькнула веселая улыбка мещанина, польщённого в своей страстишке. Его «шкапики» (так выражался он по-простецки) были полны столовым серебром. У вдовы глаза так и горели, когда она любезно помогала ему распаковывать и размещать серебряные с позолотой ложки для рагу и для разливания супа, судки, приборы, соусники, блюда, сервизы для завтрака, – словом, вещи более или менее красивые, достаточно увесистые, с которыми он не хотел расстаться. Эти подарки напоминали ему о торжественных событиях его семейной жизни.

– Вот, – сказал он г-же Воке, вынимая блюдо и большую чашку с крышкой в виде двух целующихся горлинок, – это первый подарок моей жены в годовщину нашей свадьбы. Бедняжка! Она истратила на это все свои девичьи сбережения. И я, сударыня, скорее соглашусь рыть собственными ногтями землю, чем расстаться с этим. Благодаря бога, я в остаток дней своих ещё попью утром кофейку из этой чашки. Жаловаться мне не приходится, у меня есть кусок хлеба, и надолго.

В довершение всего г-жа Воке заметила своим сорочьим глазом облигации государственного казначейства, которые, по приблизительным расчётам, могли давать этому замечательному Горио тысяч восемь-десять дохода в год. С того дня вдова Воке, в девицах де Конфлан, уже достигшая сорока восьми лет от роду, но признававшая из них только тридцать девять, составила свой

план. Несмотря на то, что внутренние углы век у Горио вывернулись, распухли и слезились, так что ему довольно часто приходилось их вытирать, она находила его наружность приятной и вполне приличной. К тому же его мясистые, выпуклые икры и длинный широкий нос предвещали такие скрытые достоинства, которыми вдова, как видно, очень дорожила, да их вдобавок подтверждало лунообразное, наивно простоватое лицо папаши Горио. Он представлялся ей крепышом, способным вложить всю душу в чувство. Волосы его, расчёсанные на два «крылышка» и с самого утра напудренные парикмахером Политехнической школы, приходившим на дом, вырисовывались пятью фестонами на низком лбу, красиво окаймляя его лицо. Правда, он был слегка мужиковат, но так подтянут, так обильно брал табак из табакерки и нюхал с такой уверенностью в возможность и впредь сколько угодно наполнять её макубой [68], что в день переезда Горио, вечером, когда Воке улеглась в постель, она, как куропатка, обернутая шпиком, румянилась на огне желанья проститься с саваном Воке и возродиться женою Горио. Выйти замуж, продать пансион, пойди рука об руку с этим лучшим представителем заточного мещанства, стать именитой дамой в своем квартале, собирать пожертвования на бедных, выезжать по воскресеньям в Шуази, Суази и Жантильи; ходить в театр, когда захочешь, брать ложу, а не дожидаться контрамарок, даримых кое-кем из пансионеров в июле месяце, – всё это Эльдорадо [69] парижских пошленьких семейных жизней стало её мечтой. Она не поверяла никому, что у неё есть сорок тысяч франков, накопленных по грошу. Разумеется, в смысле состояния она себя считала приличной партией.

«А в остальном я вполне стою старикана», – подумала она и повернулась на другой бок, будто удостоверяясь в наличии своих прелестей, оставлявших глубокий отпечаток на перине, как в этом убеждалась по утрам толстуха Сильвия.

С этого дня в течение трёх месяцев вдова Воке пользовалась услугами парикмахера г-на Горио и сделала кое-какие затраты на туалет, оправдывая их тем, что ведь нужно придать дому достойный вид, в соответствии с почтенными особами, посещавшими пансион. Она всячески старалась изменить состав пансионеров и всюду трезвонила о своём намерении пускать отныне лишь людей, отменных во всех смыслах. Стоило постороннему лицу явиться к ней, она сейчас же начинала похваляться, что г-н Горио – один из самых именитых и уважаемых купцов во всем Париже, а вот оказал ей предпочтение. Г-жа Воке распространила специальные проспекты, где в заголовке значилось: «ДОМ ВОКЕ». И дальше говорилось, что «это самый старинный и самый уважаемый семейный пансион Латинского квартала, из пансиона открывается наиприятнейший вид (с четвёртого этажа!) на долину Гобеленовой мануфактуры, есть миленький сад, а в конце его простирается липовая аллея». Упоминалось об уединённости и хорошем воздухе. Этот проспект привёл к ней графиню де л'Амбермениль, женщину тридцати шести лет, ждавшую окончания дела о пенсии,

---

[68] ***Макуба*** – высокосортный табак, вывозимый из Макубы (о-в Мартиника).

[69] ***Эльдорадо*** – легендарная страна с огромными запасами золота, якобы находящаяся в Южной Америке и открытая испанскими авантюристами в XVI в. Название «Эльдорадо» стало символом баснословного богатства.

которая ей полагалась как вдове генерала, павшего на полях битвы. Г-жа Воке улучшила свой стол, почти шесть месяцев отапливала общие комнаты и столь добросовестно сдержала обещания проспекта, что доложила ещё своих. В результате графиня, называя г-жу Воке дорогим другом, обещала переманить к ней из квартала Марэ [70] баронессу де Вомерланд и вдову полковника графа Пикуазо, двух своих приятельниц, доживавших срок в пансионе более дорогом, чем «Дом Воке». Впрочем, эти дамы будут иметь большой достаток, когда военные канцелярии закончат их дела.

– Но канцелярии всё тянут без конца, – говорила она.

После обеда обе вдовы уединялись в комнате самой Воке, занимались там болтовней, попивая черносмородинную наливку и вкушая лакомства, предназначенные только для хозяйки. Графиня де л'Амбермениль очень одобряла виды хозяйки на Горио, виды отличные, о которых, кстати сказать, она догадалась с первого же дня, и находила, что Горио – мужчина первый сорт.

– Ах, дорогая! – говорила ей вдова Воке. – Этот мужчина свеж, как яблочко, прекрасно сохранился и ещё способен доставить женщине много приятного.

Графиня великодушно дала кое-какие указания г-же Воке по поводу её наряда, несоответствовавшего притязаниям вдовы.

– Надо вас привести в боевую готовность, – сказала она ей.

После долгих вычислений обе вдовы отправились в Пале-Рояль и в Деревянной галлерее купили шляпку с перьями и чепчик. Графиня увлекла свою подругу в магазин «Маленькая Жанета», где они выбрали платье и шарф. Когда это боевое снаряжение пустили в дело и вдовушка явилась во всеоружии, она была поразительно похожа на вывеску «Беф а ля мод» [71]. Тем не менее сама она нашла в себе такую выгодную перемену, что сочла себя обязанной графине и преподнесла ей шляпку в двадцать франков, хотя и не отличалась тароватостью. Правду говоря, она рассчитывала потребовать от графини одной услуги, а именно – выспросить Горио и показать её, Воке, в хорошем свете. Графиня де л'Амбермениль весьма по-дружески взялась за это дело, начала обхаживать старого вермишельщика и, наконец, добилась беседы с ним; но в этом деле она руководилась желаньем соблазнить вермишельщика лично для себя; когда же все покушения её натолкнулись на застенчивость, если не сказать – отпор, папаши Горио, графиня возмутилась неотёсанностью старика и вышла.

– Ангел мой, от такого человека вам ничем не поживиться! – сказала она своей подруге. – Он недоверчив до смешного; это дурак, скотина, скряга, и, кроме неприятности, ждать от него нечего.

Между графиней де л'Амбермениль и г-ном Горио произошло нечто такое, после чего графиня не пожелала даже оставаться с ним под одной кровлей. На

---

[70] ***Марэ*** – квартал Парижа, застроенный в XVIII в. особняками крупных чиновников; после буржуазной революции XVIII в. получил торгово-промышленный характер и был заселен по преимуществу ремесленным и торговым людом.

[71] ***«Беф а ля мод»*** – буквально: «говядина, приготовленная по моде», мясное блюдо; на вывеске одного из парижских ресторанов, носившего это название, был нарисован бык в модной дамской шляпке и в шали.

другой же день она уехала, забыв при этом уплатить за полгода своего пребывания в пансионе и оставив после себя хлам, оценённый в пять франков. Как ни ретиво взялась за розыски г-жа Воке, ей не удалось получить в Париже никакой справки о графине де л'Амбермениль. Она часто вспоминала об этом печальном происшествии, плакалась на свою чрезмерную доверчивость, хотя была недоверчивее кошки; но в этом отношении г-жа Воке имела сходство со многими людьми, которые не доверяют своим близким и отдаются в руки первого встречного, – странное психологическое явление, но оно факт, и его корни нетрудно отыскать в самой человеческой душе. Быть может, некоторые люди не в состоянии ничем снискать расположение тех, с кем они живут, и, обнаружив перед ними всю пустоту своей души, чувствуют, что окружающие втайне выносят им заслуженно суровый приговор; но в то же время такие люди испытывают непреодолимую потребность слышать похвалы себе, – а как раз этого не слышно, или же их снедает страстное желанье показать в себе достоинства, каких на самом деле у них нет, и ради этого они стремятся завоевать любовь или уважение людей им посторонних, рискуя пасть когда-нибудь и в их глазах. Наконец есть личности, своекорыстные по самой их природе: ни близким, ни друзьям они не делают добра по той причине, что это только долг; а если они оказывают услуги незнакомым, они тем самым поднимают себе цену; поэтому чем ближе стоит к ним человек, тем меньше они его любят; чем дальше он от них, тем больше их старанье услужить. И, несомненно, в г-же Воке соединились обе эти натуры, по самому существу своему мелкие, лживые и гадкие.

– Будь я тогда здесь, – говаривал Вотрен, – с вами не приключилось бы такой напасти. Я бы вывел эту пройдоху на свежую воду. Их штучки мне знакомы.

Как все ограниченные люди, г-жа Воке обычно не выходила из круга самих событий и не вдавалась в их причины. Свои ошибки она охотно валила на других. Когда её постиг этот убыток, то для неё первопричиной такого злоключенья оказался честный вермишельщик; с той поры у неё, как говорила она, раскрылись на него глаза. Уразумев всю тщету своих заигрываний и своих затрат на благолепие, она без долгих дум нашла причину этой неудачи. Она заметила, что Горио имел, по выражению её, свои замашки. Словом, он показал ей, что её любовно лелеемые надежды покоились на химерической основе и от такого человека ей ничем не поживиться, как энергично выразилась графиня, видимо, знаток в этих делах. В своей неприязни г-жа Воке, конечно, зашла гораздо далее, чем в дружбе. Сила её ненависти соответствовала не былой любви, а обманутой надежде. Человеческое сердце делает передышки при подъёме на высоты добрых чувств, но на крутом уклоне злобных чувств задерживается редко. Однако Горио был всё-таки её жильцом, а следовательно, вдвое пришлось тушить вспышки оскорблённого самолюбия, сдерживать вздохи, вызванные таким разочарованием, и подавлять жажду мести, подобно монаху, который вынужден терпеть обиды от игумена. Души мелкие достигают удовлетворения своих чувств, дурных или хороших, бесконечным рядом мелочных поступков. Вдова, пустив в ход всё женское коварство, стала

изобретать тайные гонения на свою жертву. Для начала она урезала всё лишнее, что было ею введено в общий стол.

– Никаких корнишонов, никаких анчоусов: от них один убыток! – объявила она Сильвии в то утро, когда решила вернуться к прежней своей программе.

Господин Горио был человек скромных потребностей, и скопидомство, неизбежное для тех, кто сам создаёт себе богатство, вошло у него уже в привычку. Суп, варёная говядина, какое-нибудь блюдо из овощей всегда были и остались излюбленным его обедом. Поэтому задача извести такого нахлебника, ущемляя его вкусы, оказалась нелегким делом для г-жи Воке. В отчаянии, что ей пришлось столкнуться с неуязвимым человеком, она стала выказывать неуважение к нему, тем самым внушая свою неприязнь к Горио другим пансионерам, а те ради забавы способствовали её мести.

К концу первого года вдова дошла до такой степени подозрительности, что задавала себе вопрос: отчего этот купец, при его доходе в семь-восемь тысяч ливров, с его превосходным столовым серебром и красивыми, как у содержанки, драгоценностями, всё-таки жил у неё и, несоразмерно с состоянием, так скупо тратился на свой пансион? В течение большей части первого года Горио нередко, раз или два в неделю, обедал в другом месте, затем мало-помалу стал обедать вне пансиона только два раза в месяц. Отлучки г-на Горио удачно совпадали с выгодами г-жи Воке, а когда жилец начал всё чаще и чаще обедать дома, такая исправность не могла не вызвать неудовольствия хозяйки. Эти перемены были приписаны не только денежному оскудению Горио, но и его желанию насолить своей хозяйке. Гнуснейшая привычка карликовых умов приписывать своё духовное убожество другим. К несчастью, к концу второго года Горио оправдал все пересуды в отношении себя, попросив г-жу Воке перевести его на третий этаж и сбавить плату за пансион до девятисот франков. Ему пришлось так строго экономить, что он перестал топить зимою. Вдова Воке потребовала, чтобы ей было заплачено вперед, на что и получила согласие г-на Горио, которого всё же с той поры стала звать «папаша Горио».

О причинах этого падения строили догадки все кому не лень. Дело трудное. Как говорила лжеграфиня, папаша Горио был скрытен, себе на уме. По логике людей пустоголовых, всегда болтливых, потому что, кроме пустяков, им нечего сказать, всякий, кто не болтает о своих делах, очевидно, занимается зловредными делами. Так «именитый купец» превратился в мазурика, а «волокита» – в старого шута. Папаша Горио то оказывался человеком, который забегал на биржу и там, по энергичному выражению финансового языка, пощипывал на ренте, после того, как разорился на большой игре, – такова была версия Вотрена, поселившегося тогда в «Доме Воке»; а то он был одним из мелких игроков, что каждый вечер ставят на счастье и выигрывают франков десять. То из него делали шпиона тайной полиции, – но, по уверению Вотрена, Горио был недостаточно хитер, чтобы достигнуть этого. Кроме того, папаша Горио был также скрягой, ссужившим под высокие проценты на короткий срок, и лотерейным игроком, игравшим на «сквозной» номер. Он превращался в какое-то весьма таинственное порождение бесчестья, немощи, порока. Однако же, как ни были

гнусны его пороки или поведение, неприязнь к нему не доходила до того, чтобы его изгнать: за пансион-то он платил. К тому же от него была и польза: каждый, высмеивая или задирая его, изливал своё хорошее или дурное настроение.

Мнение г-жи Воке казалось наиболее правдоподобным и получило общее признание. По её словам, этот «хорошо сохранившийся и свежий, как яблочко, мужчина, ещё способный доставить женщине много приятного», был просто-напросто распутник со странными наклонностями. И вот какими фактами обосновала г-жа Воке эту клевету.

Несколько месяцев спустя после отъезда разорительной графини, сумевшей просуществовать полгода за счёт хозяйки, г-жа Воке однажды утром, ещё не встав с постели, услышала на лестнице шуршанье шёлкового платья и лёгкие шаги молодой, изящной женщины, проскользнувшей к Горио в заранее растворённую дверь. Толстуха Сильвия сейчас же пришла сказать своей хозяйке, что некая девица, чересчур красивая, чтобы быть честной, одетая, как божество, в прюнелевых ботинках, совсем не запылённых, скользнула, точно угорь, с улицы к ней на кухню и спросила, где квартирует господин Горио. Вдова Воке вместе с кухаркой стали подслушивать и уловили кое-какие нежные слова, сказанные во время этого довольно продолжительного посещения. Когда же г-н Горио вышел проводить свою даму, толстуха Сильвия надела на руку корзинку, как будто бы отправилась на рынок, и пошла следом за любовной парочкой.

– Сударыня, – сказала она вернувшись, – а, надо быть, господин Горио богат чертовски, коли ничего не жалеет для своих красоток. Верите ли, на углу Эстрапады [72] стоял роскошный экипаж, и в этот экипаж села она!

Во время обеда г-жа Воке пошла задёрнуть занавеску, чтобы папаше Горио солнце не било в глаза.

– Господин Горио, вас любят красотки, – смотрите, как солнышко с вами играет. Чёрт возьми, у вас есть вкус, она прехорошенькая, – сказала вдова, намекая на его гостью.

– Это моя дочь, – ответил Горио с гордостью, которую нахлебники сочли просто самодовольством старика, соблюдавшего внешние приличия.

Спустя месяц со времени первого визита к Горио – последовал второй. Его дочь, которая была у него первый раз в простом утреннем платье, теперь явилась после обеда, в выездном наряде. Нахлебники, болтавшие в гостиной, имели случай полюбоваться на красивую, изящную блондинку с тонкой талией, слишком изысканную для дочери какого-то папаши Горио.

– Да их две! – заявила, не узнав её, толстуха Сильвия.

Через несколько дней другая девица, высокая, хорошо сложенная брюнетка с живым взглядом, спросила г-на Горио.

– Да их три! – воскликнула Сильвия.

Вторая дочь навестила отца тоже утром, а несколько дней спустя приехала вечером в карете, одетая в бальный туалет.

– Целых четыре! – воскликнули г-жа Воке с толстухой Сильвией, не заметив

---

[72] ***Прадо*** – парижское здание, предназначенное для увеселительных целей.

в этой важной даме никакого сходства с просто одетой девицей, приходившей в первый раз утром.

Горио ещё платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в «Доме Воке». Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к её особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку «старый кот». Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходившую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить её дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

– Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? – съязвила г-жа Воке.

– Только две дочери, – ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио ещё больше сократил свои траты, перейдя на четвёртый этаж и ограничив расход на своё содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос – грязно-серый с зелёным оттенком. Его физиономия, становясь под гнётом тайных горестей день ото дня всё печальнее, казалась самой удручённой из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио – это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос – следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое бельё, он заменил его бельём из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности – всё ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фраком, со всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио всё худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвёртого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юною улыбкою на лице, радовавший прохожих своим весёлым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! – теперь они потухли, выцвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим – жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго ста-

рались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Как-то вечером, по окончании обеда, когда вдова Воке насмешливо спросила Горио: «Что ж это ваши дочки перестали навещать вас?» – ставя этим под сомнение его отцовство, папаша Горио вздрогнул так, словно хозяйка кольнула его железным остриём.

– Иногда они заходят, – ответил он взволнованным голосом.

– Ах, вот как! Иногда вы их ещё видаете? – воскликнули студенты. Браво, папаша Горио!

Старик уже не слышал насмешек, вызванных его ответом: он снова впал в задумчивость, а те, кто наблюдал его поверхностно, считали её старческим отупением, говоря, что он выжил из ума. Если бы они знали Горио близко, то, может быть, вопрос о состоянии его, душевном и физическом, заинтересовал бы их, хотя для них он был почти неразрешим. Навести справки о том, занимался ли Горио в действительности торговлей мучным товаром и каковы были размеры его богатства, конечно, не представляло затруднений, но люди старые, чьё любопытство он мог бы пробудить, не выходили за пределы своего квартала и жили в пансионе, как устрицы, приросшие к своей скале. Что же касается до остальных, то стоило им выйти с улицы Нев-Сент-Женевьев, и сейчас же стремительность парижской жизни уносила воспоминанье о бедном старике, предмете их глумлений. В понятии беспечных юношей и этих ограниченных людей такая горькая нужда, такое тупоумие папаши Горио не вязались ни с каким богатством, ни с какой дееспособностью. О женщинах, которых он выдавал за своих дочерей, каждый держался мнения г-жи Воке, которая с непререкаемой логикой старух, привыкших в часы вечерней болтовни судачить о чём угодно, говорила:

– Будь у папаши Горио дочери так же богаты, как были с виду дамы, приходившие к нему, разве стал бы он жить у меня в доме, на четвёртом этаже, за сорок пять франков в месяц и ходить как нищий?

* * *

Растиньяк ушёл около пяти часов утра, когда г-жа де Босеан уже села в дорожную карету и простилась с ним в слезах, доказывавших, что и самые высокопоставленные люди подчинены законам чувства и знают в жизни горе, хотя есть личности, которые, чтобы угодить толпе, стараются доказать обратное. В холодную, ненастную погоду Эжен пешком вернулся в «Дом Воке». Его образование завершалось.

– Нам не спасти беднягу Горио, – сказал Бьяншон, когда Эжен вошёл к своему соседу.

– Друг мой, слушай, – обратился к нему Эжен, взглянув на спавшего старика, – иди к той скромной цели, которой ты ограничил свои желания. Я попал в ад и в нём останусь. Всему плохому, что будут говорить тебе о высшем свете, верь! Нет Ювенала, который был бы в силах изобразить всю его мерзость, прикрытую золотом и драгоценными камнями.

На следующий день, часов около двух, Растиньяка разбудил Бьяншон: ему было необходимо выйти из дому, и он просил Эжена побыть с папашей Горио, так как состояние больного сильно ухудшилось за утро.

– Старичку осталось жить дня два, а может быть, только часов шесть, сказал медик, – и всё-таки нельзя прекращать борьбу с болезнью. Надо будет применять лечение, которое стоит недёшево. Конечно, мы останемся сиделками при старике, но у меня самого нет ни одного су. Я вывернул все его карманы, перерыл все шкапы, а в итоге – ноль. Я спрашивал его, когда он был в сознании, и получил ответ, что у него нет ни лиара. Сколько у тебя?

– У меня осталось двадцать франков, – ответил Растиньяк, – но я пойду сыграю на них и выиграю.

– А если проиграешь?

– Потребую денег от его зятьёв и дочерей.

– А если не дадут? – спросил Бьяншон. – Впрочем, сейчас самое нужное не добывать деньги, а обложить ему ноги горячими горчичниками, от ступней до половины ляжек. Если он начнёт кричать, значит есть надежда. Как ставить горчичники, ты знаешь. Да и Кристоф тебе поможет. А я пойду к аптекарю и поручусь, что будет уплачено за все лекарства, которые нам придётся забирать. Жаль, что беднягу нельзя перенести в нашу больницу, там ему было бы лучше. Ну, идём, я всё объясню тебе на месте, а ты не отлучайся, пока я не вернусь.

Молодые люди вошли в комнату, где лежал старик. Взглянув на его искажённое болью, бледное, резко осунувшееся лицо, Растиньяк ужаснулся такой перемене.

– Ну, как, папа? – спросил он, наклоняясь над постелью.

Горио поднял тусклые глаза и очень внимательно посмотрел на Эжена, но не узнал его. Студент не выдержал, и слёзы выступили на его глазах.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Роман «Отец Горио» вошёл в «Человеческую комедию». Почему именно так писатель назвал свой цикл?

2. Как вы можете объяснить такую безудержную любовь отца к своим дочерям? Обоснуйте свой ответ примерами из текста.

3. Определите основную тему произведения. Сколько сюжетных линий в романе?

Тенденции развития русской и узбекской литературы начала XX века

Рубеж XIX и XX веков в русской литературе – время зарождения и становления новых художественных систем, появление которых было вызвано кардинальными сдвигами в мироощущении людей и радикальным переосмыслением в обществе взаимоотношений человека и мира.

Этот небольшой по протяжённости отрезок времени оказался насыщенным событиями эпохального масштаба (войны, революции), что наложило особую печать на эстетическое сознание и литературное творчество. Смещаются ориентиры и ценности, казавшиеся незыблемыми, меняется самосознание творческой интеллигенции. Начинается напряжённый поиск эстетических идеалов, соответствующих новому мироощущению, приведший к появлению многочисленных литературных школ, групп и направлений.

Тем самым, конец классического девятнадцатого и начало нового двадцатого века стали временем яркого расцвета русской культуры, ее «серебряным веком» («золотым веком» называли пушкинскую пору). Понятие «Серебряный век», возникшее в конце XIX века, стало со временем одним из традиционных определений литературы конца XIX – начала XX вв.

Можно с полным основанием утверждать, что литературное движение начала XX века в России явление чрезвычайно сложное, остроконфликтное, но и единое в основе своей, поскольку все направления русского искусства того времени развивались в общей социальной и культурной атмосфере и по-своему отвечали на одни и те же трудные вопросы, выдвинутые временем.

Так, например, идеей неприятия окружающего мира проникнуты не только произведения В. Маяковского или М. Горького, видевших выход из кризиса в социальных преобразованиях, но и стихи одного из родоначальников русского символизма Д. Мережковского:

Так жизнь ничтожеством страшна,
И даже не борьбой, не мукой,
А только бесконечной скукой
И тихим ужасом полна...

Острейшие социальные и социально-экономические конфликты, вызванные неудачами в Первой мировой войне, поставили страну на грань катастрофы и привели к Февральской, а затем и к Октябрьской революциям 1917 года. В результате всего этого страна превратилась в принципиально новое государственное образование.

Последующие десятилетия XX века для России были наполнены трагиче-

скими событиями — войнами, массовыми репрессиями, тяжкими экологическими последствиями бездуховного и безответственного отношения человечества к природе, ощущением неустойчивости и трагичности мира, разладом в умах и душах.

Выдающиеся русские философы-идеалисты рубежа XIX-XX вв. В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и другие видели спасение мира от гибели в духовном совершенствовании человека, следовании идеям красоты, Вечной Женственности, добра. В центре их исследований были духовный мир человека, жизнь и смерть, любовь, совесть, судьба, прозрение, заблуждение. Они выступали против насилия, террора и других гибельных путей развития общества.

На рубеже XIX-XX веков в русской литературе сосуществовали и развивались различные художественные течения. В начале века творили крупнейшие прозаики русского реализма Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко. Писатели более молодого поколения, тяготевшие к реализму, объединились вокруг организованного М. Горьким издательства «Знание». Здесь печатали свои произведения И. Бунин, И. Шмелев, В. Вересаев, Н. Гарин-Михайловский, А. Куприн и др. Они опирались на лучшие традиции русской литературы XIX века, ее гуманистический пафос. Однако атмосфера духовного поиска, новые философские учения, модернистские течения оказали также существенное влияние на их художественное творчество.

Напряженная и тревожная общественная и идеологическая атмосфера в России начала XX века привела к смене эстетических ориентиров в литературно-художественной среде, создала почву для развития модернизма в его различных проявлениях: литературе, театральном искусстве, живописи и музыке. Модернизм – разветвленное философско-эстетическое движение в искусстве, отразившее кризис общества и сознания человека, проявившее себя в новых, отличных от реализма, идеях и способах изображения действительности, форме произведений. Его основными течениями в поэзии стали символизм, акмеизм, футуризм, имажинизм, а в живописи импрессионизм и экспрессионизм. Их творческий опыт оказал влияние на развитие русской прозы.

Наиболее последовательно воплощали в своем творчестве реалистические принципы изображения действительности Бунин и Куприн. В произведениях Бунина («Деревня», «Суходол», «Господин из Сан-Франциско» и др.) реалистически конкретный образ мира, философская глубина обобщений соединились с пластически-чувственным образным рядом, эпическая повествовательность – с лиризмом, раскрывавшим потрясён-ное сознание человека новой эпохи. В прозе Куприна («Молох», «Олеся», «Поединок» и др.) традиции классического реализма обогащались опытом «новой литературы» с её приёмами символизации изображаемого.

К началу XX века Туркестанский край находился в составе Российской империи, хотя формально на его территории и существовало два самостоятельных государства. События же, происшедшие в октябре 1917 года, не привели, как ожидалось, к коренным и стремительным преобразованиям в судьбах народов Узбекистана и всего региона, хотя определенные позитивные изменения, естественно, происходили.

В двадцатые годы ответом на многочисленные политические, экономические и культурные угрозы и вызовы возникло широчайшее общественное движение за культурное возрождение, национальное освобождение, вплоть до политической и экономической независимости. Этот социально-общественный и культурно-интеллектуальный подъем в Туркестанском крае в 20-х годах XX века называется джадидизмом.

Джадидизм объединял в своих рядах, в основном, молодую узбекскую интеллигенцию, которая стремилась к нововведениям. Джадиды открывали новые современные школы по образцу развитых стран мира, призывали изучать иностранные языки и культуру, боролись с отсталыми, консервативными взглядами. Вместе с тем, они призывали использовать то лучше, что есть в узбекской культуре, высоко ценили прогрессивные тенденции поэтов-классиков, стремились широко распространить произведения лучших поэтов прошлого.

Мощное демократическое звено в узбекской литературе на рубеже XIX-XX столетий представляла талантливейшая группа поэтов и писателей – Мукими, Фуркат, Аваз Отар, Фитрат, Чулпан и другие мастера художественного слова, которые сыграли исключительную роль в становлении всей последующей узбекской литературы новейшего периода.

Их произведения были во многом новаторскими и послужили основой для формирования нового демократического направления узбекской литературы. Они впервые создали остросатирические и юмористические произведения, пользовавшиеся популярностью и не потерявшие своей актуальности и по сей день.

В истории узбекской литературы были писатели, которые своим творчеством подняли ее на небывалую высоту. Их произведения до сих пор считаются важной вехой в развитии отечественной литературы. Одним из них таких писателей был Абдурауф Фитрат, проживший удивительно насыщенную жизнь, полную событий, взлетов и падений.

Среди писателей рассматриваемого периода особо выделяется писатель Абдулхамид Сулейман, подписывавший свои произведения тахаллусом [73] Чулпан, что в переводе означает «утренняя звезда». Это была довольно одаренная личность, которая оставила заметный след в истории отечественной литературы.

В этот период активно стала развиваться культура и литература прогрессивного движения, которые во многом были новаторскими и повлияли на развитие всей последующей узбекской литературы XX века.

[73] ***Тахаллус*** – литературное имя, псевдоним.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КУПРИН
1870-1938

Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире! Никакие жизненные удобства, расчёты и компромиссы не должны её касаться.

А.И. Куприн

Александр Иванович Куприн – крупнейший мастер реалистической прозы начала XX века. Современники называли его «русским Мопассаном». С детства в характере Куприна, человека неуемного темперамента, проявились качества, в значительной мере повлиявшие на его жизнь и творчество: энергичность, склонность к риску, интерес к странствиям и приключениям, ко всему экзотическому, поиск возвышенно-романтического в жизни, неисчерпаемая сила фантазии и воображения.

А.И. Куприн родился в захолустном городке Наровчате Пензенской губернии. Своего отца, мелкого чиновника, умершего, когда мальчику был всего год, Куприн не помнил. В 1874 году мать, происходившая из древнего рода татарских князей, переехала в Москву, где прошло детство и отрочество будущего писателя.

Творческой деятельности Куприна предшествовали годы пребывания в Разумовском сиротском пансионе, военной гимназии, кадетском корпусе, в Александровском военном училище, четыре года офицерской службы в захолустном гарнизоне.

После отставки он много странствовал по России, впитывал жизненные впечатления, которые затем станут основой его будущих произведений. В автобиографии Куприн упоминает множество перепробованных им профессий: он был репортёром, поэтом, фельетонистом, грузчиком, землемером, певчим, управляющим при постройке дома, разводил табак, служил в технической конторе, выступал на сцене, рыбачил с черноморскими рыбаками, изучал зубоврачебное дело и т.д.

Между тем житейская необходимость всё более соединялась у Куприна с желанием глубже познать мир и людей. Им двигали, как он сам вспоминает, «безмерная жадность к жизни и нестерпимое любопытство».

В своих произведениях Куприн воссоздал быт и нравы всех социальных пластов русского общества конца XIX начала XX столетий, вывел галерею запоминающихся человеческих типов. Продолжая демократические и гуманистические традиции русской литературы, особенно Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, Куприн был чуток к современности, к её актуальным проблемам.

Все свои наиболее значительные произведения Куприн создал в предреволюционный период. Большой общественный резонанс вызвала повесть «Молох» (1896), в которой была актуально заявлена тема становления русского капитализма периода так называемого первоначального накопления с его принципом «прибыль превыше всего», сделавшая это произведение этапным не только для Куприна, но и для литературы рубежа веков.

В конце 1890-х – начале 1900-х гг. А. Куприн пишет ряд известных повестей и рассказов, в которых миру городской технической цивилизации противопоставлен мир свободной, нестесненной стихии.

Это цикл «Полесских рассказов» и примыкающая к нему повесть «Олеся» (1898), «Листригоны» (1907–1911), «В цирке» (1902), «Гамбринус» (1907). Естественная красота в произведениях Куприна выступает как средство обличения жестокой действительности, где эта красота гибнет. В пронзительно печальной повести «Олеся» писатель рисует поэтический образ девушки, выросшей в избе старой «колдуньи», в стороне от людей и вне обычных норм крестьянской семьи. Любовь Олеси к случайно заехавшему в глухую лесную деревушку интеллигенту Ивану Тимофеевичу – это свободное, простое и сильное чувство, без оглядки и обязательств, среди высоких сосен, окрашенных багровым отблеском догорающей зари. История девушки завершается трагическим финалом: в привольную жизнь Олеси вторгаются и корыстные расчеты деревенских чиновников, и суеверия темных крестьян. Избитая и осмеянная, Олеся вынуждена с Мануйлихой бежать из лесного гнезда.

В небольшой по объему повести писатель убедительно показал, как человеческие предрассудки, невежество и бездушие становятся причиной гибели большого чувства. Повесть «Олеся» – это приговор человеческой косности и агрессивному невежеству.

Начало 1900-х гг. было временем расцвета таланта писателя и его наибольшего успеха у читающей публики. Всероссийскую славу и европейскую известность Куприну принесла повесть «Поединок» (1905). На фоне позорного поражения царской армии в русско-японский войне и событий первой русской революции «Поединок» прозвучал остросоциально, обнажив причины катастрофы.

Своевременность и общественная значимость произведения заключалась в том, что писатель правдиво и ярко показал внутреннее разложение царской армии, деградацию некогда элитной части русского общества – офицерства.

Герой повести «Поединок» – молодой поручик Ромашов показан в процессе духовного роста, постепенного прозрения, освобождаясь из-под власти консервативно-традиционных понятий и представлений своего круга. По мере того, как рассеиваются ложные иллюзии, Ромашов начинает размышлять о порочности армейских порядков, о несправедливости всего строя существующих общественных отношений. У него возникает чувство одиночества, страстное отрицание нечеловечески грязной, дикой жизни. Куприн рисует, как в условиях произвола и бесправия даже хорошие люди теряют не только подлинное представление о чести, но и человеческий облик.

В повести проходит целый ряд эпизодов солдатской муштры, уроков «словесности», подготовки к смотру, когда офицеры особенно жестоко бьют солдат, разбивают барабанные перепонки, ударами валят с ног, заставляют «веселиться» изнемогающих от жары, задерганных людей. Судьба солдат волнует Ромашова. Сцену встречи Ромашова с замученным Хлебниковым, пытавшимся броситься под поезд, и их откровенный разговор критика справедливо относила к одной из лучших сцен в русской литературе. Офицер признаёт в солдате друга, забывая о сословных преградах между ними.

Смертельная дуэль Ромашова с офицером Николаевым является как бы следствием нарастающего конфликта героя с военно-офицерской кастой. Повод для дуэли связан с любовью героя к Александре Петровне Николаевой (Шурочке). Чтобы обеспечить успешную карьеру мужу, Шурочка подавляет в себе лучшие человеческие чувства и просит Ромашова не уклоняться от дуэли, ибо это повредит её мужу, который намерен поступить в академию. Она лжёт горячо любящему её Ромашову, что никто не будет ранен, что она обо всём договорилась с мужем, и дуэль – чистая формальность. Корысть и вероломство Шурочки обрекают Ромашова на смерть.

«Поединок» стал необыкновенно популярным в России и вскоре был переведен на европейские языки. После чтения глав из «Поединка» на одном из собраний к Куприну подошёл морской офицер и горячо поблагодарил автора за правдивый и талантливый рассказ об армейской жизни и за его позицию противника войн, сословных предрассудков и бесчеловечности.

Вскоре вся Россия узнает имя офицера лейтенанта Шмидта, возглавившего восстание на крейсере «Очаков». Куприн принял личное участие в спасении восьмерых матросов на берегу от расправы полиции.

Ценным в творчестве Куприна была его верность реалистическим традициям в то смутное время, когда кругом пышным и ядовитым цветом расцветало декадентство, словесная и образная вычурность и псевдоноваторство.

В 1900-е гг. опубликовано несколько ставших знаменитыми рассказов, в том числе два шедевра: повести «Суламифь» (1908) – о неистовой страсти библейской красавицы и царя Соломона – и «Гранатовый браслет» (1911) – о безнадёжной любви мелкого чиновника Желткова к княгине Вере Шеиной.

Рассказ «Гранатовый браслет» – подтверждение тому, что Куприну хотелось найти в реальной жизни людей, «одержимых» высоким чувством любви, пусть даже безответной, способных подняться над пошлостью и серостью обывательской жизни. Писатель воспевает возвышенную любовь, противопоставляя её вражде, недоверию, предрассудкам и равнодушию, царящим в обществе. Устами своего героя генерала Аносова Куприн говорит: «Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире! Никакие жизненные удобства, расчёты и компромиссы не должны её касаться». Любовь, по мысли автора «Гранатового браслета», должна основываться на возвышенных чувствах и стремиться к идеалу.

Именно такой была любовь Желткова. Мелкий чиновник, одинокий и робкий мечтатель, влюбляется в молодую светскую даму, представительницу высшего сословия. Письма влюбленного служат предметом насмешек и издевательств со стороны членов семейства и близких княгини. Не воспринимает их всерьёз и сама княгиня Вера Николаевна. А присланный влюбленным подарок – гранатовый браслет – вызывает бурю негодования. Окружающие княгиню люди считают бедного телеграфиста ненормальным, маньяком. И только всё тот же генерал Аносов догадывается об истинных мотивах столь рискованных поступков неизвестного влюблённого: «А – почём знать? Может быть, твой жизненный путь, Верочка, пересекла именно такая любовь, о которой грезят женщины и на которую больше не способны мужчины».

Вся жизнь Желткова подчинена любви страстной, испепеляющей, которую он готов унести с собой в потусторонний мир. Смерть не страшит героя, любовь, переполняющая его, сильнее смерти. Он благодарен той, которая вызвала в его сердце это прекрасное чувство, возвысившее его, маленького человека, над огромным суетным миром, миром несправедливости и равнодушия. Именно поэтому, добровольно уходя и жизни, он благодарит ее, благословляет свою возлюбленную: «Да святится имя Твое». Эти слова звучат рефреном в последней части рассказа. Ушёл из жизни человек, но не ушла любовь. Под проникновенные звуки бетховенской сонаты, которая была, по словам Желткова, созвучна его душевному состоянию, героиня испытывает смятение от догадки и сознания, что ей дано было на одно мгновение соприкоснуться с редким по глубине и чистоте чувству любви, и смутное сожаление о том, что она прошла мимо, почти не заметив этой встречи.

Для своего рассказа Куприн использовал реальные события, но они были весьма прозаичны. Мелкий чиновник влюбился в аристократку и стал засыпать её вычурными и безграмотными письмами. Прислал ей дорогой браслет, но испугавшись суда за растрату казённых денег, покончил с собой. Эту печальную историю Куприн силой своего таланта преобразил в великий гимн прекрасному чувству любви!

В 1919 г. Куприн покидает Россию вместе с отступающей Белой армией, уезжает вначале в Эстонию, затем Финляндию, а в июле 1920 г. перебирается с семьёй в Париж. В эмиграции Куприн занимается редакторской деятельностью в литературных журналах «Отечество» и «Иллюстрированная Россия».

К этому же периоду принадлежит пронизанный ностальгическими воспоминаниями о проведённой в Москве молодости и подернутый романтической дымкой роман «Юнкера» (1928-1932), где «выведен многогранный образ прежней Москвы, воспринимаемой как центр духовной жизни России» конца XIX в.

Будучи уже смертельно больным, в мае 1937 г. Куприн возвращается в Россию. 25 августа 1938 г. писатель скончался в Ленинграде (ныне – Санкт-Петербург).

ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ

(Фрагменты)

V

Против ожидания, вечер был так тих и тёпел, что свечи на террасе и в столовой горели неподвижными огнями. За обедом всех потешал князь Василий Львович. У него была необыкновенная и очень своеобразная способность рассказывать. Он брал в основу рассказа истинный эпизод, где главным действующим лицом являлся кто-нибудь из присутствующих или общих знакомых, но так сгущал краски и при этом говорил с таким серьёзным лицом и таким деловым тоном, что слушатели надрывались от смеха. Сегодня он рассказывал о неудавшейся женитьбе Николая Николаевича на одной богатой и красивой даме. В основе было только то, что муж дамы не хотел давать ей развода. Но у князя правда чудесно переплелась с вымыслом. Серьёзного, всегда несколько чопорного Николая он заставил ночью бежать по улице в одних чулках, с башмаками под мышкой. Где-то на углу молодого

человека задержал городовой, и только после длинного и бурного объяснения Николаю удалось доказать, что он товарищ прокурора, а не ночной грабитель. Свадьба, по словам рассказчика, чуть-чуть было не состоялась, но в самую критическую минуту отчаянная банда лжесвидетелей, участвовавших в деле, вдруг забастовала, требуя прибавки к заработной плате. Николай из скупости (он и в самом деле был скуповат), а также будучи принципиальным противником стачек и забастовок, наотрез отказался платить лишнее, ссылаясь на определённую статью закона, подтверждённую мнением кассационного департамента. Тогда рассерженные лжесвидетели на известный вопрос: «Не знает ли кто-нибудь из присутствующих поводов, препятствующих совершению брака?» – хором ответили: «Да, знаем. Всё показанное нами на суде под присягой – сплошная ложь, к которой нас принудил угрозами и насилием господин прокурор. А про мужа этой дамы мы, как осведомлённые лица, можем сказать только, что это самый почтенный человек на свете, целомудренный, как Иосиф, и ангельской доброты».

Напав на нить брачных историй, князь Василий не пощадил и Густава Ивановича Фриессе, мужа Анны, рассказав, что он на другой день после свадьбы явился требовать при помощи полиции выселения новобрачной из родительского дома, как не имеющую отдельного паспорта, и водворения её на место проживания законного мужа. Верного в этом анекдоте было только то, что в первые дни замужней жизни Анна должна была безотлучно находиться около захворавшей матери, так как Вера спешно уехала к себе на юг, а бедный Густав Иванович предавался унынию и отчаянию.

Все смеялись. Улыбалась и Анна своими прищуренными глазами. Густав Иванович хохотал громко и восторженно, и его худое, гладко обтянутое блестящей кожей лицо, с прилизанными жидкими, светлыми волосами, с ввалившимися глазными орбитами, походило на череп, обнажавший в смехе прескверные зубы. Он до сих пор обожал Анну, как и в первый день супружества, всегда старался сесть около неё, незаметно притронуться к ней и ухаживал за нею так влюбленно и самодовольно, что часто становилось за него и жалко и неловко.

Перед тем как вставать из-за стола, Вера Николаевна машинально пересчитала гостей. Оказалось – тринадцать. Она была суеверна и подумала про себя: «Вот это нехорошо! Как мне раньше не пришло в голову посчитать? И Вася виноват – ничего не сказал по телефону».

Когда у Шеиных или у Фриессе собирались близкие знакомые, то после обеда обыкновенно играли в покер, так как обе сестры до смешного любили азартные игры. В обоих домах даже выработались на этот счёт свои правила: всем играющим раздавались поровну костяные жетончики определённой цены, и игра длилась до тех пор, пока все костяшки не переходили в одни руки, – тогда игра на этот вечер прекращалась, как бы партнёры ни настаивали на продолжении. Брать из кассы второй раз жетоны строго запрещалось. Такие суровые законы были выведены из практики, для обуздания княгини Веры и Анны Николаевны, которые в азарте не знали никакого удержу. Общий проигрыш редко достигал ста-двухсот рублей.

Сели за покер и на этот раз. Вера, не принимавшая участия в игре, хотела вый-

ти на террасу, где накрывали к чаю, но вдруг её с несколько таинственным видом вызвала из гостиной горничная.

– Что такое, Даша? – с неудовольствием спросила княгиня Вера, проходя в свой маленький кабинет, рядом со спальней. – Что у вас за глупый вид? И что такое вы вертите в руках?

Даша положила на стол небольшой квадратный предмет, завёрнутый аккуратно в белую бумагу и тщательно перевязанный розовой ленточкой.

– Я, ей-богу, не виновата, ваше сиятельство, – залепетала она, вспыхнув румянцем от обиды. – Он пришел и сказал…

– Кто такой – он?

– Красная шапка, ваше сиятельство… посыльный…

– И что же?

– Пришел на кухню и положил вот это на стол. «Передайте, говорит, вашей барыне. Но только, говорит, в ихние собственные руки». Я спрашиваю: от кого? А он говорит: «Здесь все обозначено». И с теми словами убежал.

– Подите и догоните его.

– Никак не догонишь, ваше сиятельство. Он приходил в середине обеда, я только вас не решалась обеспокоить, ваше сиятельство. Полчаса времени будет.

– Ну хорошо, идите.

Она разрезала ножницами ленту и бросила в корзину вместе с бумагой, на которой был написан её адрес. Под бумагой оказался небольшой ювелирный футляр красного плюша, видимо, только что из магазина. Вера подняла крышечку, подбитую бледно-голубым шёлком, и увидела втиснутый в чёрный бархат овальный золотой браслет, а внутри его бережно сложенную красивым восьмиугольником записку. Она быстро развернула бумажку. Почерк показался ей знакомым, но, как настоящая женщина, она сейчас же отложила записку в сторону, чтобы посмотреть на браслет.

Он был золотой, низкопробный, очень толстый, но дутый и с наружной стороны весь сплошь покрытый небольшими старинными, плохо отшлифованными гранатами. Но зато посредине браслета возвышались, окружая какой-то странный маленький зелёный камешек, пять прекрасных гранатов-кабошонов, каждый величиной с горошину. Когда Вера случайным движением удачно повернула браслет перед огнём электрической лампочки, то в них, глубоко под их гладкой яйцевидной поверхностью, вдруг загорелись прелестные густо-красные живые огни.

«Точно кровь!» – подумала с неожиданной тревогой Вера.

Потом она вспомнила о письме и развернула его. Она прочитала следующие строки, написанные мелко, великолепно-каллиграфическим почерком:

«Ваше Сиятельство,
Глубокоуважаемая Княгиня
Вера Николаевна!

Почтительно поздравляя Вас с светлым и радостным днём Вашего Ангела, я осмеливаюсь препроводить Вам моё скромное верноподданническое подношение».

«Ах, это – тот!» – с неудовольствием подумала Вера. Но, однако, дочитала письмо…

«Я бы никогда не позволил себе преподнести Вам что-либо, выбранное мною лично: для этого у меня нет ни права, ни тонкого вкуса и – признаюсь – ни денег. Впрочем, полагаю, что и на всём свете не найдется сокровища, достойного украсить Вас.

Но этот браслет принадлежал ещё моей прабабке, а последняя, по времени, его носила моя покойная матушка. Посередине, между большими камнями, Вы увидите один зелёный. Это весьма редкий сорт граната – зелёный гранат. По старинному преданию, сохранившемуся в нашей семье, он имеет свойство сообщать дар предвидения носящим его женщинам и отгоняет от них тяжёлые мысли, мужчин же охраняет от насильственной смерти.

Все камни с точностью перенесены сюда со старого серебряного браслета, и Вы можете быть уверены, что до Вас никто ещё этого браслета не надевал.

Вы можете сейчас же выбросить эту смешную игрушку или подарить её кому-нибудь, но я буду счастлив и тем, что к ней прикасались Ваши руки.

Умоляю Вас не гневаться на меня. Я краснею при воспоминании о моей дерзости семь лет тому назад, когда Вам, барышне, я осмеливался писать глупые и дикие письма и даже ожидать ответа на них. Теперь во мне осталось только благоговение, вечное преклонение и рабская преданность. Я умею теперь только желать ежеминутно Вам счастья и радоваться, если Вы счастливы. Я мысленно кланяюсь до земли мебели, на которой Вы сидите, паркету, по которому Вы ходите, деревьям, которые Вы мимоходом трогаете, прислуге, с которой Вы говорите. У меня нет даже зависти ни к людям, ни к вещам.

Ещё раз прошу прощения, что обеспокоил Вас длинным, ненужным письмом.

Ваш до смерти и после смерти покорный слуга.

Г.С.Ж. ».

«Показать Васе или не показать? И если показать – то когда? Сейчас или после гостей? Нет, уж лучше после – теперь не только этот несчастный будет смешон, но и я вместе с ним».

Так раздумывала княгиня Вера и не могла отвести глаз от пяти алых кровавых огней, дрожавших внутри пяти гранатов.

X

Заплёванная лестница пахла мышами, кошками, керосином и стиркой. Перед шестым этажом князь Василий Львович остановился.

– Подожди немножко, – сказал он шурину. – Дай я отдышусь. Ах, Коля, не следовало бы этого делать…

Они поднялись ещё на два марша. На лестничной площадке было так темно, что Николай Николаевич должен был два раза зажигать спички, пока не разглядел номера квартиры.

На его звонок отворила дверь полная, седая, сероглазая женщина в очках, с немного согнутым вперёд, видимо, от какой-то болезни, туловищем.

– Господин Желтков дома? – спросил Николай Николаевич.

Женщина тревожно забегала глазами от глаз одного мужчины к глазам другого и обратно. Приличная внешность обоих, должно быть, успокоила её.

– Дома, прошу, – сказала она, открывая дверь. – Первая дверь налево.

Булат-Тугановский постучал три раза коротко и решительно. Какой-то шорох послышался внутри. Он ещё раз постучал.

– Войдите, – отозвался слабый голос.

Комната была очень низка, но очень широка и длинна, почти квадратной формы. Два круглых окна, совсем похожих на пароходные иллюминаторы, еле-еле её освещали. Да и вся она была похожа на кают-компанию грузового парохода. Вдоль одной стены стояла узенькая кровать, вдоль другой очень большой и широкий диван, покрытый истрёпанным прекрасным текинским ковром, посередине – стол, накрытый цветной малороссийской скатертью.

Лица хозяина сначала не было видно: он стоял спиною к свету и в замешательстве потирал руки. Он был высок ростом, худощав, с длинными пушистыми, мягкими волосами.

– Если не ошибаюсь, господин Желтков? – спросил высокомерно Николай Николаевич.

– Желтков. Очень приятно. Позвольте представиться.

Он сделал по направлению к Тугановскому два шага с протянутой рукой. Но в тот же момент, точно не замечая его приветствия, Николай Николаевич обернулся всем телом к Шеину.

– Я тебе говорил, что мы не ошиблись.

Худые, нервные пальцы Желткова забегали по борту коричневого короткого пиджачка, застёгивая и расстёгивая пуговицы. Наконец он с трудом произнёс, указывая на диван и неловко кланяясь:

– Прошу покорно. Садитесь.

Теперь он стал весь виден: очень бледный, с нежным девичьим лицом, с голубыми глазами и упрямым детским подбородком с ямочкой посредине; лет ему, должно быть, было около тридцати, тридцати пяти.

– Благодарю вас, — сказал просто князь Шеин, разглядывавший его очень внимательно.

– Merci, – коротко ответил Николай Николаевич. И оба остались стоять. – Мы к вам всего только на несколько минут. Это – князь Василий Львович Шеин, губернский предводитель дворянства. Моя фамилия – Мирза-Булат-Тугановский. Я – товарищ прокурора. Дело, о котором мы будем иметь честь говорить с вами, одинаково касается и князя и меня, или, вернее, супруги князя, а моей сестры.

Желтков, совершенно растерявшись, опустился вдруг на диван и пролепетал омертвевшими губами: «Прошу, господа, садиться». Но, должно быть, вспомнил, что уже безуспешно предлагал то же самое раньше, вскочил, подбежал к окну, теребя волосы, и вернулся обратно на прежнее место. И опять его дрожащие руки забегали, теребя пуговицы, щипля светлые рыжеватые усы, трогая без нужды лицо.

– Я к вашим услугам, ваше сиятельство, – произнёс он глухо, глядя на Василия Львовича умоляющими глазами.

Но Шеин промолчал. Заговорил Николай Николаевич.

– Во-первых, позвольте возвратить вам вашу вещь, – сказал он и, достав из кармана красный футляр, аккуратно положил его на стол. – Она, конечно, делает честь вашему вкусу, но мы очень просили бы вас, чтобы такие сюрпризы больше не повторялись.

– Простите… Я сам знаю, что очень виноват, – прошептал Желтков, глядя вниз, на пол, и краснея. – Может быть, позволите стаканчик чаю?

– Видите ли, господин Желтков, – продолжал Николай Николаевич, как будто не расслышав последних слов Желткова. – Я очень рад, что нашёл в вас порядочного человека, джентльмена, способного понимать с полуслова. И я думаю, что мы договоримся сразу. Ведь, если я не ошибаюсь, вы преследуете княгиню Веру Николаевну уже около семи-восьми лет?

– Да, – ответил Желтков тихо и опустил ресницы благоговейно.

– И мы до сих пор не принимали против вас никаких мер, хотя – согласитесь – это не только можно было бы, а даже и нужно было сделать. Не правда ли?

– Да.

– Да. Но последним вашим поступком, именно присылкой этого вот самого гранатового браслета, вы переступили те границы, где кончается наше терпение. Понимаете? – кончается. Я от вас не скрою, что первой нашей мыслью было – обратиться к помощи власти, но мы не сделали этого, и я очень рад, что не сделали, потому что – повторяю – я сразу угадал в вас благородного человека.

– Простите. Как вы сказали? – спросил вдруг внимательно Желтков и рассмеялся. – Вы хотели обратиться к власти?.. Именно так вы сказали?

Он положил руки в карманы, сел удобно в угол дивана, достал портсигар и спички и закурил.

– Итак, вы сказали, что вы хотели прибегнуть к помощи власти?.. Вы меня извините, князь, что я сижу? – обратился он к Шеину. – Ну-с, дальше?

Князь придвинул стул к столу и сел. Он, не отрываясь, глядел с недоумением и жадным, серьёзным любопытством в лицо этого странного человека.

– Видите ли, милый мой, эта мера от вас никогда не уйдет, – с лёгкой наглостью продолжал Николай Николаевич. – Врываться в чужое семейство…

– Виноват, я вас перебью…

– Нет, виноват, теперь уж я вас перебью… – почти закричал прокурор.

– Как вам угодно. Говорите. Я слушаю. Но у меня есть несколько слов для князя Василия Львовича.

И, не обращая больше внимания на Тугановского, он сказал:

– Сейчас настала самая тяжёлая минута в моей жизни. И я должен, князь, говорить с вами вне всяких условностей… Вы меня выслушаете?

– Слушаю, – сказал Шеин. – Ах, Коля, да помолчи ты, – сказал он нетерпеливо, заметив гневный жест Тугановского. – Говорите.

Желтков в продолжение нескольких секунд ловил ртом воздух, точно задыхаясь, и вдруг покатился, как с обрыва. Говорил он одними челюстями, губы у него были белые и не двигались, как у мёртвого.

– Трудно выговорить такую… фразу… что я люблю вашу жену. Но семь лет без-

надёжной и вежливой любви дают мне право на это. Я соглашаюсь, что вначале, когда Вера Николаевна была ещё барышней, я писал ей глупые письма и даже ждал на них ответа. Я соглашаюсь с тем, что мой последний поступок, именно посылка браслета, была ещё большей глупостью. Но… вот я вам прямо гляжу в глаза и чувствую, что вы меня поймёте. Я знаю, что не в силах разлюбить её никогда… Скажите, князь… предположим, что вам это неприятно… скажите, – что бы вы сделали для того, чтоб оборвать это чувство? Выслать меня в другой город, как сказал Николай Николаевич? Всё равно и там так же я буду любить Веру Николаевну, как здесь. Заключить меня в тюрьму? Но и там я найду способ дать ей знать о моём существовании. Остаётся только одно – смерть… Вы хотите, я приму её в какой угодно форме.

– Мы вместо дела разводим какую-то мелодекламацию, – сказал Николай Николаевич, надевая шляпу. – Вопрос очень короток: вам предлагают одно из двух: либо вы совершенно отказываетесь от преследования княгини Веры Николаевны, либо, если на это вы не согласитесь, мы примем меры, которые нам позволят наше положение, знакомство и так далее.

Но Желтков даже не поглядел на него, хотя и слышал его слова. Он обратился к князю Василию Львовичу и спросил:

– Вы позволите мне отлучиться на десять минут? Я от вас не скрою, что пойду говорить по телефону с княгиней Верой Николаевной. Уверяю вас, что всё, что возможно будет вам передать, я передам.

– Идите, – сказал Шеин.

Когда Василий Львович и Тугановский остались вдвоём, то Николай Николаевич сразу набросился на своего шурина.

– Так нельзя, – кричал он, делая вид, что бросает правой рукой на землю от груди какой-то невидимый предмет. – Так положительно нельзя. Я тебя предупреждал, что всю деловую часть разговора я беру на себя. А ты раскис и позволил ему распространяться о своих чувствах. Я бы это сделал в двух словах.

– Подожди, – сказал князь Василий Львович, – сейчас всё это объяснится. Главное, это то, что я вижу его лицо, и я чувствую, что этот человек не способен обманывать и лгать заведомо. И правда, подумай, Коля, разве он виноват в любви и разве можно управлять таким чувством, как любовь, – чувством, которое до сих пор ещё не нашло себе истолкователя. – Подумав, князь сказал:

– Мне жалко этого человека. И мне не только что жалко, но вот я чувствую, что присутствую при какой-то громадной трагедии души, и я не могу здесь паясничать.

– Это декадентство, — сказал Николай Николаевич.

Через десять минут Желтков вернулся. Глаза его блестели и были глубоки, как будто наполнены непролитыми слезами. И видно было, что он совсем забыл о светских приличиях, о том, кому где надо сидеть, и перестал держать себя джентльменом. И опять с больной, нервной чуткостью это понял князь Шеин.

– Я готов, – сказал он, – и завтра вы обо мне ничего не услышите. Я как будто бы умер для вас. Но одно условие – это я вам говорю, князь Василий Львович, – видите ли, я растратил казённые деньги, и мне как-никак приходится из этого

города бежать. Вы позволите мне написать ещё последнее письмо княгине Вере Николаевне?

– Нет. Если кончил, так кончил. Никаких писем, – закричал Николай Николаевич.

– Хорошо, пишите, – сказал Шеин.

– Вот и всё, – произнёс, надменно улыбаясь, Желтков. – Вы обо мне более не услышите и, конечно, больше никогда меня не увидите. Княгиня Вера Николаевна совсем не хотела со мной говорить. Когда я её спросил, можно ли мне остаться в городе, чтобы хотя изредка её видеть, конечно не показываясь ей на глаза, она ответила: «Ах, если бы вы знали, как мне надоела вся эта история. Пожалуйста, прекратите её как можно скорее». И вот я прекращаю всю эту историю. Кажется, я сделал всё, что мог?

Вечером, приехав на дачу, Василий Львович передал жене очень точно все подробности свидания с Желтковым. Он как будто бы чувствовал себя обязанным сделать это.

Вера хотя была встревожена, но не удивилась и не пришла в замешательство. Ночью, когда муж пришел к ней в постель, она вдруг сказала ему, повернувшись к стене:

– Оставь меня, – я знаю, что этот человек убьёт себя.

XI

Княгиня Вера Николаевна никогда не читала газет, потому что, во-первых, они ей пачкали руки, а во-вторых, она никогда не могла разобраться в том языке, которым нынче пишут.

Но судьба заставила её развернуть как раз тот лист и натолкнуться на тот столбец, где было напечатано:

«Загадочная смерть. Вчера вечером, около семи часов, покончил жизнь самоубийством чиновник контрольной палаты Г.С. Желтков. Судя по данным следствия, смерть покойного произошла по причине растраты казённых денег. Так, по крайней мере, самоубийца упоминает в своём письме. Ввиду того что показаниями свидетелей установлена в этом акте его личная воля, решено не отправлять труп в анатомический театр».

Вера думала про себя:

«Почему я это предчувствовала? Именно этот трагический исход? И что это было: любовь или сумасшествие?»

Целый день она ходила по цветнику и по фруктовому саду. Беспокойство, которое росло в ней с минуты на минуту, как будто не давало ей сидеть на месте. И все её мысли были прикованы к тому неведомому человеку, которого она никогда не видела и вряд ли когда-нибудь увидит, к этому смешному Пе Пе Же.

«Почём знать, может быть, твой жизненный путь пересекла настоящая, самоотверженная, истинная любовь», – вспомнились ей слова Аносова.

В шесть часов пришёл почтальон. На этот раз Вера Николаевна узнала почерк Желткова и с нежностью, которой она в себе не ожидала, развернула письмо.

Желтков писал так:

«Я не виноват, Вера Николаевна, что богу было угодно послать, мне, как громадное счастье, любовь к Вам. Случилось так, что меня не интересует в жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о будущем счастье людей – для меня вся жизнь заключается только в Вас. Я теперь чувствую, что каким-то неудобным клином врезался в Вашу жизнь. Если можете, простите меня за это. Сегодня я уезжаю и никогда не вернусь, и ничто Вам обо мне не напомнит.

Я бесконечно благодарен Вам только за то, что Вы существуете. Я проверял себя – это не болезнь, не маниакальная идея – это любовь, которою богу было угодно за что-то меня вознаградить.

Пусть я был смешон в Ваших глазах и в глазах Вашего брата, Николая Николаевича. Уходя, я в восторге говорю: «Да святится имя Твое».

Восемь лет тому назад я увидел Вас в цирке в ложе, и тогда же в первую секунду я сказал себе: я её люблю потому, что на свете нет ничего похожего на неё, нет ничего лучше, нет ни зверя, ни растения, ни звезды, ни человека прекраснее Вас и нежнее. В Вас как будто бы воплотилась вся красота земли…

Подумайте, что мне нужно было делать? Убежать в другой город? Всё равно сердце было всегда около Вас, у Ваших ног, каждое мгновение дня заполнено Вами, мыслью о Вас, мечтами о Вас… сладким бредом. Я очень стыжусь и мысленно краснею за мой дурацкий браслет, – ну, что же? – ошибка. Воображаю, какое он впечатление произвёл на Ваших гостей.

Через десять минут я уеду, я успею только наклеить марку и опустить письмо в почтовый ящик, чтобы не поручать этого никому другому. Вы это письмо сожгите. Я вот сейчас затопил печку и сжигаю всё самое дорогое, что было у меня в жизни: ваш платок, который, я признаюсь, украл. Вы его забыли на стуле на балу в Благородном собрании. Вашу записку, – о, как я её целовал, – ею Вы запретили мне писать Вам. Программу художественной выставки, которую Вы однажды держали в руке и потом забыли на стуле при выходе… Кончено. Я всё отрезал, но всё-таки думаю и даже уверен, что Вы обо мне вспомните. Если Вы обо мне вспомните, то… я знаю, что Вы очень музыкальны, я Вас видел чаще всего на бетховенских квартетах, – так вот, если Вы обо мне вспомните, то сыграйте или прикажите сыграть сонату D-dur, № 2, op. 2.

Я не знаю, как мне кончить письмо. От глубины души благодарю Вас за то, что Вы были моей единственной радостью в жизни, единственным утешением, единой мыслью. Дай бог Вам счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожит Вашу прекрасную душу. Целую Ваши руки.

Г.С.Ж.»

Она пришла к мужу с покрасневшими от слёз глазами и вздутыми губами и, показав письмо, сказала:

– Я ничего от тебя не хочу скрывать, но я чувствую, что в нашу жизнь вмешалось что-то ужасное. Вероятно, вы с Николаем Николаевичем сделали что-нибудь не так, как нужно.

Князь Шеин внимательно прочёл письмо, аккуратно сложил его и, долго помолчав, сказал:

– Я не сомневаюсь в искренности этого человека, и даже больше, я не смею разбираться в его чувствах к тебе.

– Он умер? – спросила Вера.

– Да, умер, я скажу, что он любил тебя, а вовсе не был сумасшедшим. Я не сводил с него глаз и видел каждое его движение, каждое изменение его лица. И для него не существовало жизни без тебя. Мне казалось, что я присутствую при громадном страдании, от которого люди умирают, и даже почти понял, что передо мною мёртвый человек. Понимаешь, Вера, я не знал, как себя держать, что мне делать…

– Вот что, Васенька, – перебила его Вера Николаевна, – тебе не будет больно, если я поеду в город и погляжу на него?

– Нет, нет, Вера, пожалуйста, прошу тебя. Я сам поехал бы, но только Николай испортил мне всё дело. Я боюсь, что буду чувствовать себя принуждённым.

XIII

Вера Николаевна вернулась домой поздно вечером и была рада, что не застала дома ни мужа, ни брата.

Зато её дожидалась пианистка Женни Рейтер, и, взволнованная тем, что она видела и слышала, Вера кинулась к ней и, целуя её прекрасные большие руки, закричала:

– Женни, милая, прошу тебя, сыграй для меня что-нибудь, – и сейчас же вышла из комнаты в цветник и села на скамейку.

Она почти ни одной секунды не сомневалась в том, что Женни сыграет то самое место из Второй сонаты, о котором просил этот мертвец с смешной фамилией Желтков.

Так оно и было. Она узнала с первых аккордов это исключительное, единственное по глубине произведение. И душа её как будто бы раздвоилась. Она единовременно думала о том, что мимо неё прошла большая любовь, которая повторяется только один раз в тысячу лет. Вспомнила слова генерала Аносова и спросила себя: почему этот человек заставил её слушать именно это бетховенское произведение, и ещё против её желания? И в уме её слагались слова. Они так совпадали в её мысли с музыкой, что это были как будто бы куплеты, которые кончались словами: «Да святится имя Твое».

«Вот сейчас я вам покажу в нежных звуках жизнь, которая покорно и радостно обрекла себя на мучения, страдания и смерть. Ни жалобы, ни упрека, ни боли самолюбия я не знал. Я перед тобою – одна молитва: «Да святится имя Твое».

Да, я предвижу страдание, кровь и смерть. И думаю, что трудно расстаться телу с душой, но, Прекрасная, хвала тебе, страстная хвала и тихая любовь. «Да святится имя Твое».

Вспоминаю каждый твой шаг, улыбку, взгляд, звук твоей походки. Сладкой грустью, тихой, прекрасной грустью обвеяны мои последние воспоминания. Но я не причиню тебе горя. Я ухожу один, молча, так угодно было богу и судьбе. «Да святится имя Твое».

В предсмертный печальный час я молюсь только тебе. Жизнь могла бы быть

прекрасной и для меня. Не ропщи, бедное сердце, не ропщи. В душе я призываю смерть, но в сердце полон хвалы тебе: «Да святится имя Твое».

Ты, ты и люди, которые окружали тебя, все вы не знаете, как ты была прекрасна. Бьют часы. Время. И, умирая, я в скорбный час расставания с жизнью всё-таки пою – слава Тебе.

Вот она идёт, всё усмиряющая смерть, а я говорю – слава Тебе!..»

Княгиня Вера обняла ствол акации, прижалась к нему и плакала. Дерево мягко сотрясалось. Налетел лёгкий ветер и, точно сочувствуя ей, зашелестел листьями. Острее запахли звезды табака... И в это время удивительная музыка, будто бы подчиняясь её горю, продолжала:

«Успокойся, дорогая, успокойся, успокойся. Ты обо мне помнишь? Помнишь? Ты ведь моя единая и последняя любовь. Успокойся, я с тобой. Подумай обо мне, и я буду с тобой, потому что мы с тобой любили друг друга только одно мгновение, но навеки. Ты обо мне помнишь? Помнишь? Помнишь? Вот я чувствую твои слёзы. Успокойся. Мне спать так сладко, сладко, сладко».

Женни Рейтер вышла из комнаты, уже кончив играть, и увидала княгиню Веру, сидящую на скамейке всю в слезах.

– Что с тобой? – спросила пианистка.

Вера, с глазами, блестящими от слез, беспокойно, взволнованно стала целовать ей лицо, губы, глаза и говорила:

– Нет, нет, – он меня простил теперь. Всё хорошо.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Как вы относитесь к высказыванию одного из героев рассказа: «Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире!»?

2. Считаете ли вы, что образ генерала Аносова и его воспоминания очень важны? Какое отношение к содержанию имеют его рассказы из своего прошлого?

3. Почему Веру Николаевну насторожило число гостей? Найдите ответ в тексте и объясните свою точку зрения.

4. Какая фраза была заключительной в предсмертной записке Желткова? Что она означает?

5. Что такое любовь в вашем понимании? Какое впечатление произвела на вас история безответной любви?

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

А.И. Куприн «Олеся»
А.И. Куприн «Поединок»

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН
1870-1953

Человеческое счастье в том, чтобы ничего не желать для себя. Душа успокаивается и начинает находить хорошее там, где совсем этого не ожидала.

И.А. Бунин

Иван Алексеевич Бунин – первый русский лауреат Нобелевской премии, присуждённой ему в 1933 году с формулировкой «за строгий артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе типичный русский характер».

Родился И.А. Бунин в Воронеже в семье обедневшего потомственного дворянина. В 1874 году семья Буниных переезжает на хутор Бутырки Орловской губернии. Грамоте его обучали дома по «Одиссее» Гомера, затем отдали в Елецкую гимназию, занятия в которой были прерваны из-за неуплаты за обучение. Пробелы в образовании были устранены на уроках, которые давал ему старший брат Юлий.

Бунин рано начал писать стихи. Первые стихотворения «Над могилой Надсона» и «Нищий», были опубликованы в газете «Родина», когда их автору исполнилось 17 лет.

Впечатлительный, выросший в окружении прекрасной природы средней полосы России с ее лесами, реками и озерами, Иван Бунин использовал в своей поэзии ее неброские, но с массой оттенков живые, свежие краски. Его лирика ассоциативна, а мотивы в ней вечные – о родине, о таинствах любви и смерти, о слитности человека и природы в живой, взаимодополняющей гармонии.

Стихи Бунина появлялись в газетах и журналах, а затем часть из них была издана в приложении к газете «Орловский вестник» под заглавием «Стихотворения 1887–1891 годов». Семь лет упорного и плодотворного труда над словом увенчались изданием в 1898 году сборника стихов «Под открытым небом».

А спустя три года последовал сборник «Листопад», принесший признание читателей и критики, и награду Академии наук – Пушкинскую премию. Философские раздумья о жизни и смерти, добре и зле, счастье и печали, об обретении любви и утратах нашли отражение в его стихотворениях и поэме «Листопад».

Поэзия Бунина музыкальна, ритмически разнообразна и эмоциональна, она подкупает искренностью и глубиной чувств.

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Иван Бунин не только блестящий лирик, он известен и как крупнейший прозаик. Особое место в его прозе занимает рассказ. И здесь он поистине непревзойденный мастер. Причем его поэтический опыт придал особую музыкаль-

ность бунинской прозе с ее лирико-философской направленностью. С первыми его рассказами – «Два странника» и «Нефедка» читатели познакомились в 1887 году на страницах газеты «Родина». Воспитанный в дворянской семье, детские годы проведший в дворянской усадьбе среди ее обитателей и природы, наблюдательный и впечатлительный, он передает все увиденное и тонко подмеченное в рассказах «Вести с Родины», «Танька», «На край света». Первый сборник, вышедший в 1897 году, был озаглавлен «На край света и другие рассказы».

Иван Бунин работает в газете «Орловский вестник», живёт в столице, в деревне, он активный участник кружка «Среда». Его дружба с А.П. Чеховым способствовала развитию таланта рассказчика.

С 1900 по 1910 год Бунин пишет повести и рассказы, которые войдут в так называемый «деревенский» цикл. Писатель ставил перед собой задачу отобразить все события, происходящие в России в начале XX века, и хотел показать русский народ таким, какой он есть, не идеализируя и не смягчая обстоятельства и не обходя «острые углы». В качестве материала для психологического анализа была выбрана деревенская жизнь, хорошо знакомая писателю.

В 1900 году он создает рассказ «Антоновские яблоки». Начало задает тон всему повествованию «Помню раннее, свежее, тихое утро... помню большой, весь золотой подсохший и поредевший сад, помню клиновые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести».

Слово «помню» является ключевым и передает состояние сознания невосполнимой потери привычного с детства уклада благополучных дворянских усадеб с их спокойной, размеренной жизнью, с азартной охотой и сытным столом. Но главное отличие усадеб – это яблоки, их всегда подают первыми: «яблоки – «антоновские», «бель-барыня», «боровинка», «плодовитка». Яблоки – это символический образ, как русский костюм, как и барская мебель из красного дерева. Барские дома всегда окружали сады, создавая необходимую связь человека с природой. Но время таких усадеб уходит, и писатель с грустью замечает: «Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб… Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства». Любовь к родине писатель выразит в финале рассказа мыслью о том, что в каждом замшелом уголке России сохраняются национальные традиции.

В 1910 году он публикует повесть «Деревня», а через пару лет выходит сборник его произведений «Суходол», свидетельствующие о глубоких переживаниях автора за будущее его Родины.

Разразившаяся вскоре война обострила видение мира писателя, и не случайно основной, ведущей темой для него становится тема жизни и смерти, размышления о назначении человека на земле. Иван Бунин – мастер малой лирико-философской прозы – сборник «Чаша жизни», рассказ «Господин из Сан-Франциско» (1915) и другие прозаические произведения малых форм, яркое подтверждают это.

Тема жизни и смерти, непредсказуемости судьбы постоянно волнует писателя. Безымянный герой рассказа «Господин из Сан-Франциско», довольно состоятельный человек, отправляется в престижное и дорогостоящее путешествие

по Старому свету. Перед деньгами господина открываются все двери. Прислуга носит его чемоданы, исполняет все желания. «Атлантида» – настоящий плавучий отель, комфортабельный рай для сливок общества. Господин, проживающий в Сан-Франциско, щедр с прислугой и взамен надеется на её заботливость. Он, как и все прочие, полагал, что это для него гремит музыка, именно его приветствует командир, лишь он один нужен мальчишкам, рекламирующим различные услуги.

Океанский пароход со значимым названием «Атлантида», на котором плывёт безымянный миллионер, воспринимается символом общества. И в то же время на ум приходит Атлантида – затонувший мифический континент, погибшая цивилизации, не устоявшая перед натиском стихии. Безбрежный океан за бортом парохода – символ стихии, природы, противостоящей цивилизации. Весь пароход – громадный отель, ярмарка тщеславия с набором удовольствий, услуг вроде предоставления «грелок для согревания желудков». Это конвейер услуг, демонстрация достатка и престижа. Писатель рассчитывал, что у читателей сразу же возникнут и ассоциации с погибшим в 1912 году «Титаником».

Фуникулёр доставляет семейство господина на вершину горы острова Капри, где они и снимают номер в очередном отеле «люкс». В тихой гостиничной читальне господина из Сан-Франциско внезапно настигает смерть.

Смерть героя не обрела признака трагедии, более того, она вообще осталась как бы за пределами внимания окружающих. Ни единое лицо не омрачилось печалью, даже повествователь не сменил манеру изложения событий, как будто некому и незачем страдать. Мир равнодушен к человеку, и этот господин из толпы не исключение.

Ужасна в итоге не сама по себе смерть данного героя, а, по сути дела, вся его предшествующая жизнь, не жизнь, а существование. В рассказе говорится о том, что герой, нажив богатство, чековую книжку, этой поездкой в пятьдесят восемь лет «только что приступал к жизни». Но выяснилось, что весь предшествующий опыт, сам тип поведения в том же Сан-Франциско, а проще говоря, в обезбоженном муравейнике наживы, никакой настоящей жизни господина не подготовил. Он ничего не знает, кроме погони за деньгами, он выпал... в никуда. Смысл рассказа не только в разоблачении буржуазного порядка, смысл этот более сложен: человек попадает в замкнутый, порочный круг, когда средства подменяют цель – жизнь.

Финал рассказа мрачен. О западне для человека, убивающей его задолго до смерти, говорит фантастическая подробность. Неожиданно возникает в рассказе условный Дьявол, что следит со скал Гибралтара за кораблём: «Бесчисленные огненные глаза корабля были за снегом едва видны Дьяволу, следившему со скал Гибралтара, с каменистых ворот двух миров, за уходившим в ночь и вьюгу кораблем. Дьявол был громаден, как утёс, но громаден был и корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового человека со старым сердцем», – заключает Бунин.

Бунин стал испытывать острейшую тревогу от власти мещанских стандартов, жёстких норм «счастья», «успеха», утверждавшихся и в России, и во всём мире но-

выми хозяевами жизни. Он видел, что жизнь превращается в механическое функционирование.

Однако Бунин отчётливо осознавал, что всё – и уже сколотившие капитал, и ещё рвущиеся к деньгам – пленники золотой клетки, нового футляра, рабы одиночества. Господство идеи хищнического преуспевания превращает народ в безликую толпу, в сыпучий песок без истории, без чувства родины.

Произведения «Чаша жизни», «Братья», «Грамматика любви», «Господин из Сан-Франциско», «Лёгкое дыхание», «Последняя весна», «Последняя осень» – психологические эксперименты автора в условиях, когда герой как бы случайно «выдаёт» свои глубоко затаённые мысли и желания. Бунин вёл дневник с января 1918 по июнь 1919 года, который послужил основанием публицистического произведения «Окаянные дни».

В феврале 1920 года, в возрасте 49 лет писатель отплывает из Одессы на пароходе «Спарта». В марте того же года он прибывает в Париж. Теперь его жизненный и творческий пути будут связаны с Францией, с белоэмиграцией. В Париже он возглавит Союз русских литераторов и журналистов.

Здесь Бунин за короткий период издаёт много стихотворений, овеянных меланхолией и ностальгией, в том числе такие, как «Прекрасен твой венок из огненного мака», «Где, ты, звезда моя заветная, венец небесной красоты?», «Мечты любви моей весенней», «Петух на церковном кресте».

Чувством неприкаянности пронизана каждая строка поэта:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо,
Как бьётся сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наёмный дом,
С своей уж ветхою котомкой!

В эмиграции увидели свет «Роза Иерихона», «Митина Любовь». Сборники рассказов «Солнечный удар», «Божье дерево», в 1930 году – роман «Жизнь Арсеньева». Писатель показал в ней сложный психологический процесс самопознания главного героя, начиная с поры его детства, отрочества, юности в окружении близких ему людей: родителей, сестёр, братьев, друзей и знакомых. В романе художественно ярко поведана история любви Арсеньева и Лики. Роман «Жизнь Арсеньева» принёс писателю небывалый успех.

Его произведение «Освобождение Толстого» (1937) критика рассматривает как философско-художественное завещание писателя.

С 1937 по 1944 год из-под его пера выходит целый ряд рассказов, объединённых в сборник под названием «Тёмные аллеи». Писатель углубил мотив сборника словами: «Неужели вы ещё не знаете, что любовь и смерть связаны неразрывно?».

В последние годы жизни Бунин работал над книгой «Воспоминания», выступал с чтением отдельных глав, но приступы астмы мешали ему писать. В 1953 году Иван Алексеевич Бунин скончался и был похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем.

ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

(Фрагменты)

Горе тебе, Вавилон, город крепкий.
Апокалипсис

Господин из Сан-Франциско – имени его ни в Неаполе, ни на Капри никто не запомнил – ехал в Старый Свет на целых два года, с женой и дочерью, единственно ради развлечения.

Он был твёрдо уверен, что имеет полное право на отдых, на удовольствие, на путешествие долгое и комфортабельное, и мало ли ещё на что. Для такой уверенности у него был тот резон, что, во-первых, он был богат, а во-вторых, только что приступал к жизни, несмотря на свои пятьдесят восемь лет. До этой поры он не жил, а лишь существовал, правда очень недурно, но всё же возлагая все надежды на будущее. Он работал не покладая рук, – китайцы, которых он выписывал к себе на работы целыми тысячами, хорошо знали, что это значит! – и, наконец, увидел, что сделано уже много, что он почти сравнялся с теми, кого некогда взял себе за образец, и решил передохнуть. Люди, к которым принадлежал он, имели обычай начинать наслаждения жизнью с поездки в Европу, в Индию, в Египет. Положил и он поступить так же. Конечно, он хотел вознаградить за годы труда прежде всего себя; однако рад был и за жену с дочерью. Жена его никогда не отличалась особой впечатлительностью, но ведь все пожилые американки страстные путешественницы. А что до дочери, девушки на возрасте и слегка болезненной, то для неё путешествие было прямо необходимо – не говоря уже о пользе для здоровья, разве не бывает в путешествиях счастливых встреч? Тут иной раз сидишь за столом или рассматриваешь фрески рядом с миллиардером.

Маршрут был выработан господином из Сан-Франциско обширный. В декабре и январе он надеялся наслаждаться солнцем Южной Италии, памятниками древности, тарантеллой, серенадами бродячих певцов и тем, что люди в его годы чувствуют особенно тонко, – любовью молоденьких неаполитанок, пусть даже и не совсем бескорыстной, карнавал он думал провести в Ницце, в Монте-Карло, куда в эту пору стекается самое отборное общество, – то самое, от которого зависят все блага цивилизации: и фасон смокингов, и прочность тронов, и объявление войн, и благосостояние отелей, – где одни с азартом предаются автомобильным и парусным гонкам, другие рулетке, третьи тому, что принято называть флиртом, а четвёртые – стрельбе в голубей, которые очень красиво взвиваются из садков над изумрудным газоном, на фоне моря цвета незабудок, и тотчас же стукаются белыми комочками о землю; начало марта он хотел посвятить Флоренции, к страстям господним приехать в Рим, чтобы слушать там

Miserere[74]; входили в его планы и Венеция, и Париж, и бой быков в Севилье, и купанье на английских островах, и Афины, и Константинополь, и Палестина, и Египет, и даже Япония, – разумеется, уже на обратном пути… И всё пошло сперва отлично.

Был конец ноября, до самого Гибралтара пришлось плыть то в ледяной мгле, то среди бури с мокрым снегом; но плыли вполне благополучно.

Пассажиров было много, пароход – знаменитая «Атлантида» – был похож на громадный отель со всеми удобствами, – с ночным баром, с восточными банями, с собственной газетой, – и жизнь на нём протекала весьма размеренно: вставали рано, при трубных звуках, резко раздававшихся по коридорам ещё в тот сумрачный час, когда так медленно и неприветливо светало над серо-зелёной водяной пустыней, тяжело волновавшейся в тумане; накинув фланелевые пижамы, пили кофе, шоколад, какао; затем садились в мраморные ванны, делали гимнастику, возбуждая аппетит и хорошее самочувствие, совершали дневные туалеты и шли к первому завтраку; до одиннадцати часов полагалось бодро гулять по палубам, дыша холодной свежестью океана, или играть в шеффль-борд и другие игры для нового возбуждения аппетита, а в одиннадцать – подкрепляться бутербродами с бульоном; подкрепившись, с удовольствием читали газету и спокойно ждали второго завтрака, ещё более питательного и разнообразного, чем первый; следующие два часа посвящались отдыху; все палубы были заставлены тогда лонгшезами, на которых путешественники лежали, укрывшись пледами, глядя на облачное небо и на пенистые бугры, мелькавшие за бортом, или сладко задремывая; в пятом часу их, освежённых и повеселевших, поили крепким душистым чаем с печеньями; в семь повещали трубными сигналами о том, что составляло главнейшую цель всего этого существования, венец его… И тут господин из Сан-Франциско, потирая от прилива жизненных сил руки, спешил в свою богатую люкс-кабину – одеваться.

По вечерам этажи «Атлантиды» зияли во мраке как бы огненными несметными глазами, и великое множество слуг работало в поварских, судомойнях и винных подвалах. Океан, ходивший за стенами, был страшен, но о нём не думали, твёрдо веря во власть над ним командира, рыжего человека чудовищной величины и грузности, всегда как бы сонного, похожего в своём мундире, с широкими золотыми нашивками на огромного идола и очень редко появлявшегося на люди из своих таинственных покоев; на баке поминутно взвывала с адской мрачностью и взвизгивала с неистовой злобой сирена, но немногие из обедающих слышали сирену – её заглушали звуки прекрасного струнного оркестра, изысканно и неустанно игравшего в мраморной двусветной зале, устланной бархатными коврами, празднично залитой огнями, переполненной декольтированными дамами и мужчинами во фраках и смокингах, стройными лакеями и почтительными метрдотелями, среди которых один, тот, что принимал заказы только на вина, ходил даже с цепью на шее, как какой-нибудь лорд-мэр. Смокинг и крахмальное бельё очень молодили господина из Сан-Франциско. Сухой,

[74] ***«Смилуйся»*** – католическая молитва (лат.).

невысокий, неладно скроенный, но крепко сшитый, расчищенный до глянца и в меру оживлённый, он сидел в золотисто-жемчужном сиянии этого чертога за бутылкой янтарного иоганисберга, за бокалами и бокальчиками тончайшего стекла, за кудрявым букетом гиацинтов. Нечто монгольское было в его желтоватом лице с подстриженными серебряными усами, золотыми пломбами блестели его крупные зубы, старой слоновой костью – крепкая лысая голова. Богато, но по годам была одета его жена, женщина крупная, широкая и спокойная; сложно, но легко и прозрачно, с невинной откровенностью – дочь, высокая, тонкая, с великолепными волосами, прелестно убранными, с ароматическим от фиалковых лепёшечек дыханием и с нежнейшими розовыми прыщиками возле губ и между лопаток, чуть припудренных… Обед длился больше часа, а после обеда открывались в бальной зале танцы, во время которых мужчины, – в том числе, конечно, и господин из Сан-Франциско, – задрав ноги, решали на основании последних биржевых новостей судьбы народов, до малиновой красноты накуривались гаванскими сигарами и напивались ликёрами в баре, где служили негры в красных камзолах, с белками, похожими на облупленные крутые яйца.

Океан с гулом ходил за стеной чёрными горами, вьюга крепко свистала в отяжелевших снастях, пароход весь дрожал, одолевая и её, и эти горы, – точно плугом разваливая на стороны их зыбкие, то и дело вскипавшие и высоко взвивавшиеся пенистыми хвостами громады, – в смертной тоске стенала удушаемая туманом сирена, мерзли от стужи и шалели от непосильного напряжения внимания вахтенные на своей вышке, мрачным и знойным недрам преисподней, её последнему, девятому кругу была подобна подводная утроба парохода, – та, где глухо гоготали исполинские топки, пожиравшие своими раскалёнными зевами груды каменного угля, с грохотом ввергаемого в них облитыми едким, грязным потом и по пояс голыми людьми, багровыми от пламени; а тут, в баре, беззаботно закидывали ноги на ручки кресел, цедили коньяк и ликёры, плавали в волнах пряного дыма, в танцевальной зале всё сияло и изливало свет, тепло и радость, пары то крутились в вальсах, то изгибались в танго – и музыка настойчиво, в какой-то сладостно-бесстыдной печали молила всё об одном, всё о том же… Был среди этой блестящей толпы некий великий богач, бритый, длинный, похожий на прелата, в старомодном фраке, был знаменитый испанский писатель, была всесветная красавица, была изящная влюблённая пара, за которой все с любопытством следили и которая не скрывала своего счастья: он танцевал только с ней, и всё выходило у них так тонко, очаровательно, что только один командир знал, что эта пара нанята Ллойдом играть в любовь за хорошие деньги и уже давно плавает то на одном, то на другом корабле.

В Гибралтаре всех обрадовало солнце, было похоже на раннюю весну; на борту «Атлантиды» появился новый пассажир, возбудивший к себе общий интерес, – наследный принц одного азиатского государства, путешествовавший инкогнито, человек маленький, весь деревянный, широколицый, узкоглазый, в золотых очках, слегка неприятный – тем, что крупные чёрные усы сквозили у него, как у мёртвого, в общем же милый, простой и скромный. В Средиземном море снова пахнуло зимой, шла крупная и цветистая, как хвост павлина,

волна, которую, при ярком блеске и совершенно чистом небе, развела весело и бешено летевшая навстречу трамонтана. Потом, на вторые сутки, небо стало бледнеть, горизонт затуманился: близилась земля, показались Иския, Капри, в бинокль уже виден был кусками сахара насыпанный у подножия чего-то сизого Неаполь… Многие леди и джентльмены уже надели лёгкие, мехом вверх, шубки; безответные, всегда шёпотом говорящие бои – китайцы, кривоногие подростки со смоляными косами до пят и с девичьими густыми ресницами, исподволь вытаскивали к лестницам пледы, трости, чемоданы, несессеры… Дочь господина из Сан-Франциско стояла на палубе рядом с принцем, вчера вечером, по счастливой случайности, представленным ей, и делала вид, что пристально смотрит вдаль, куда он указывал ей, что-то объясняя, что-то торопливо и негромко рассказывая; он по росту казался среди других мальчиком, он был совсем не хорош собой и странен – очки, котелок, английское пальто, а волосы редких усов точно конские, смуглая тонкая кожа на плоском лице точно натянута и как будто слегка лакирована, – но девушка слушала его и от волнения не понимала, что он ей говорит; сердце её билось от непонятного восторга перед ним: всё, всё в нём было не такое, как у прочих, – его сухие руки, его чистая кожа, под которой текла древняя царская кровь, даже его европейская, совсем простая, но как будто особенно опрятная одежда таили в себе неизъяснимое очарование. А сам господин из Сан-Франциско, в серых гетрах на лакированных ботинках, все поглядывал на стоявшую возле него знаменитую красавицу, высокую, удивительного сложения блондинку с разрисованными по последней парижской моде глазами, державшую на серебряной цепочке крохотную, гнутую, облезлую собачку и всё разговаривавшую с нею. И дочь, в какой-то смутной неловкости, старалась не замечать его.

Он был довольно щедр в пути и потому вполне верил в заботливость всех тех, что кормили и поили его, с утра до вечера служили ему, предупреждая его малейшее желание, охраняли его чистоту и покой, таскали его вещи, звали для него носильщиков, доставляли его сундуки в гостиницы. <…>

Господин и госпожа из Сан-Франциско стали по утрам ссориться; дочь их то ходила бледная, с головной болью, то оживала, всем восхищалась и была тогда и мила и прекрасна: прекрасны были те нежные, сложные чувства, что пробудила в ней встреча с некрасивым человеком, в котором текла необычная кровь, ибо ведь в конце-то концов, может быть, и не важно, что именно пробуждает девичью душу – деньги ли, слава ли, знатность ли рода… Все уверяли, что совсем не то в Сорренто, на Капри – там и теплей, и солнечней, и лимоны цветут, и нравы честнее, и вино натуральней. И вот семья из Сан-Франциско решила отправиться со всеми своими сундуками на Капри, с тем, чтобы, осмотрев его, походив по камням на месте дворцов Тиверия, побывав в сказочных пещерах Лазурного грота и послушав абруццских волынщиков, целый месяц бродящих перед рождеством по острову и поющих хвалы деве Марии, поселиться в Сорренто.

В день отъезда, – очень памятный для семьи из Сан-Франциско! – даже и с утра не было солнца. Тяжёлый туман до самого основания скрывал Везувий, низко серел над свинцовой зыбью моря. Капри совсем не было видно – точно

его никогда и не существовало на свете. И маленький пароходик, направившийся к нему, так валяло со стороны на сторону, что семья из Сан-Франциско пластом лежала на диванах в жалкой кают-компании этого пароходика, закутав ноги пледами и закрыв от дурноты глаза. Миссис страдала, как она думала, больше всех; её несколько раз одолевало, ей казалось, что она умирает, а горничная, прибегавшая к ней с тазиком, – уже многие годы изо дня в день качавшаяся на этих волнах и в зной и в стужу и всё-таки неутомимая, – только смеялась.

Мисс была ужасно бледна и держала в зубах ломтик лимона. Мистер, лежавший на спине, в широком пальто и большом картузе, не разжимал челюстей всю дорогу; лицо его стало тёмным, усы белыми, голова тяжко болела: последние дни благодаря дурной погоде он пил по вечерам слишком много и слишком много любовался «живыми картинами» в некоторых притонах. А дождь сёк в дребезжащие стекла, на диваны с них текло, ветер с воем ломил в мачты и порою, вместе с налетавшей волной, клал пароходик совсем набок, и тогда с грохотом катилось что-то внизу. <…>

Через десять минут семья из Сан-Франциско сошла в большую барку, через пятнадцать ступила на камни набережной, а затем села в светлый вагончик и с жужжанием потянулась вверх по откосу, среди кольев на виноградниках, полуразвалившихся каменных оград и мокрых, корявых, прикрытых кое-где соломенными навесами апельсиновых деревьев, с блеском оранжевых плодов и толстой глянцевитой листвы скользивших вниз, под гору, мимо открытых окон вагончика… Сладко пахнет в Италии земля после дождя, и свой, особый запах есть у каждого её острова!

Остров Капри был сыр и тёмен в этот вечер. Но тут он на минуту ожил, кое-где осветился. На верху горы, на площадке фуникулёра, уже опять стояла толпа тех, на обязанности которых лежало достойно принять господина из Сан-Франциско. Были и другие приезжие, но не заслуживающие внимания, – несколько русских, поселившихся на Капри, неряшливых и рассеянных, в очках, с бородами, с поднятыми воротниками стареньких пальтишек, и компания длинноногих, круглоголовых немецких юношей в тирольских костюмах и с холщовыми сумками за плечами, не нуждающихся ни в чьих услугах, всюду чувствующих себя как дома и совсем не щедрых на траты. Господин же из Сан-Франциско, спокойно сторонившийся и от тех и от других, был сразу замечен. Ему и его дамам торопливо помогли выйти, перед ним побежали вперёд, указывая дорогу, его снова окружили мальчишки и те дюжие каприйские бабы, что носят на головах чемоданы и сундуки порядочных туристов. <…>

Вежливо и изысканно поклонившийся хозяин, отменно элегантный молодой человек, встретивший их, на мгновение поразил господина из Сан-Франциско: взглянув на него, господин из Сан-Франциско вдруг вспомнил, что нынче ночью, среди прочей путаницы, осаждавшей его во сне, он видел именно этого джентльмена, точь-в-точь такого же, как этот, в той же визитке с круглыми полами и с той же зеркально причёсанной головою.

Удивлённый, он даже чуть было не приостановился. Но как в душе его уже

давным-давно не осталось ни даже горчичного семени каких-либо так называемых мистических чувств, то тотчас же и померкло его удивление: шутя сказал он об этом странном совпадении сна и действительности жене и дочери, проходя по коридору отеля. Дочь, однако, с тревогой взглянула на него в эту минуту: сердце её вдруг сжала тоска, чувство страшного одиночества на этом чужом, тёмном острове…

Только что отбыла гостившая на Капри высокая особа – Рейс XVII. И гостям из Сан-Франциско отвели те самые апартаменты, что занимал он. К ним приставили самую красивую и умелую горничную, бельгийку, с тонкой и твёрдой от корсета талией и в крахмальном чепчике в виде маленькой зубчатой короны, самого видного из лакеев, угольно-чёрного, огнеглазого сицилийца, и самого расторопного коридорного, маленького и полного Луиджи, много переменившего подобных мест на своём веку. А через минуту в дверь комнаты господина из Сан-Франциско легонько стукнул француз метрдотель, явившийся, чтобы узнать, будут ли господа приезжие обедать, и в случае утвердительного ответа, в котором, впрочем, не было сомнения, доложить, что сегодня лангуст, ростбиф, спаржа, фазаны и так далее. Пол ещё ходил под господином из Сан-Франциско, – так закачал его этот дрянной итальянский пароходишко, – но он не спеша, собственноручно, хотя с непривычки и не совсем ловко, закрыл хлопнувшее при входе метрдотеля окно, из которого пахнуло запахом дальней кухни и мокрых цветов в саду, и с неторопливой отчётливостью ответил, что обедать они будут, что столик для них должен быть поставлен подальше от дверей, в самой глубине залы, что пить они будут вино местное, и каждому его слову метрдотель поддакивал в самых разнообразных интонациях, имевших, однако, только тот смысл, что нет и не может быть сомнения в правоте желаний господина из Сан-Франциско и что всё будет исполнено в точности. Напоследок он склонил голову и деликатно спросил:

– Всё, сэр?

И, получив в ответ медлительное «yes» [75], прибавил, что сегодня у них в вестибюле тарантелла – танцуют Кармелла и Джузеппе, известные всей Италии и всему миру туристов».

– Я видел её на открытках, – сказал господин из Сан-Франциско ничего не выражающим голосом. – А этот Джузеппе – её муж?

– Двоюродный брат, сэр, – ответил метрдотель.

И помедлив, что-то подумав, но ничего не сказав, господин из Сан-Франциско отпустил его кивком головы.

А затем он снова стал точно к венцу готовиться: повсюду зажёг электричество, наполнил все зеркала отражением света и блеска, мебели и раскрытых сундуков, стал бриться, мыться и поминутно звонить, в то время как по всему коридору неслись и перебивали его другие нетерпеливые звонки – из комнат его жены и дочери. И Луиджи, в своём красном переднике, с лёгкостью, свойственной многим толстякам, делая гримасы ужаса, до слёз смешившие горнич-

[75] Да (англ.).

ных, пробегавших мимо с кафельными вёдрами в руках, кубарем катился на звонок и, стукнув в дверь костяшками, с притворной робостью, с доведённой до идиотизма почтительностью спрашивал:

– На sonato, signore? [76] И из-за двери слышался неспешный и скрипучий, обидно вежливый голос:

– Yes, come in… [77] Что чувствовал, что думал господин из Сан-Франциско в этот столь знаменательный для него вечер? Он, как всякий испытавший качку, только очень хотел есть, с наслаждением мечтал о первой ложке супа, о первом глотке вина и совершал привычное дело туалета даже в некотором возбуждении, не оставлявшем времени для чувств и размышлений.

Выбрившись, вымывшись, ладно вставив несколько зубов, он, стоя перед зеркалами, смочил и придрал щётками в серебряной оправе остатки жемчужных волос вокруг смугло-жёлтого черепа, натянул на крепкое старческое тело с полнеющей от усиленного питания талией кремовое шёлковое трико, а на сухие ноги с плоскими ступнями – чёрные шёлковые чулки и бальные туфли, приседая, привёл в порядок высоко подтянутые шёлковыми помочами чёрные брюки и белоснежную, с выпятившейся грудью рубашку, вправил в блестящие манжеты запонки и стал мучиться с ловлей под твёрдым воротничком запонки шейной. Пол ещё качался под ним, кончикам пальцев было очень больно, запонка порой крепко кусала дряблую кожицу в углублении под кадыком, но он был настойчив и, наконец, с сияющими от напряжения глазами, весь сизый от сдавившего ему горло не в меру тугого воротничка, таки доделал дело – и в изнеможении присел перед трюмо, весь отражаясь в нём и повторяясь в других зеркалах.

– О, это ужасно! – пробормотал он, опуская крепкую лысую голову и не стараясь понять, не думая, что именно ужасно, потом привычно и внимательно оглядел свои короткие, с подагрическими затвердениями на суставах пальцы, их крупные и выпуклые ногти миндального цвета и повторил с убеждением:

– Это ужасно…

Но тут зычно, точно в языческом храме, загудел по всему дому второй гонг. И, поспешно встав с места, господин из Сан-Франциско ещё больше стянул воротничок галстуком, а живот открытым жилетом, надел смокинг, выправил манжеты, ещё раз оглядел себя в зеркале. «Эта Кармелла, смуглая, с наигранными глазами, похожая на мулатку, в цветистом наряде, где преобладает оранжевый цвет, пляшет, должно быть, необыкновенно», – подумал он. И, бодро выйдя из своей комнаты и подойдя по ковру к соседней, жениной, громко спросил, скоро ли они?

– Через пять минут! – звонко и уже весело отозвался из-за двери девичий голос.

– Отлично, – сказал господин из Сан-Франциско.

И не спеша пошёл по коридорам и по лестницам, устланным красными

---

[76] Вы звонили, синьор! (итал.).

[77] Да, входите (англ.).

коврами, вниз, отыскивая читальню. Встречные слуги жались от него к стене, а он шёл, как бы не замечая их. Запоздавшая к обеду старуха, уже сутулая, с молочными волосами, но декольтированная, в светло-сером шёлковом платье, поспешала изо всех сил, но смешно, по-куриному, и он легко обогнал её. Возле стеклянных дверей столовой, где уже все были в сборе и начали есть, он остановился перед столиком, загромождённым коробками сигар и египетских папирос, взял большую маниллу и кинул на столик три лиры; на зимней веранде мимоходом глянул в открытое окно: из темноты повеяло на него нежным воздухом, померещилась верхушка старой пальмы, раскинувшая по звёздам свои вайи, казавшиеся гигантскими, донёсся отдалённый ровный шум моря… В читальне, уютной, тихой и светлой только над столами, стоя шуршал газетами какой-то седой немец, похожий на Ибсена, в серебряных круглых очках и с сумасшедшими, изумлёнными глазами. Холодно осмотрев его, господин из Сан-Франциско сел в глубокое кожаное кресло в углу, возле лампы под зелёным колпаком, надел пенсне и, дернув головой от душившего его воротничка, весь закрылся газетным листом. Он быстро пробежал заглавие некоторых статей, прочёл несколько строк о никогда не прекращающейся балканской войне, привычным жестом перевернул газету, – как вдруг строчки вспыхнули перед ним стеклянным блеском, шея его напружилась, глаза выпучились, пенсне слетело с носа… Он рванулся вперёд, хотел глотнуть воздуха – и дико захрипел; нижняя челюсть его отпала, осветив весь рот золотом пломб, голова завалилась на плечо и замоталась, грудь рубашки выпятилась коробом – и всё тело, извиваясь, задирая ковёр каблуками, поползло на пол, отчаянно борясь с кем-то.

Не будь в читальне немца, быстро и ловко сумели бы в гостинице замять это ужасное происшествие, мгновенно, задними ходами, умчали бы за ноги и за голову господина из Сан-Франциско куда подальше – и ни единая душа из гостей не узнала бы, что натворил он. Но немец вырвался из читальни с криком, он всполошил весь дом, всю столовую и многие вскакивали из-за еды, опрокидывая стулья, многие, бледнея, бежали к читальне, на всех языках раздавалось: «Что, что случилось?» – и никто не отвечал толком, никто не понимал ничего, так как люди и до сих пор еще больше всего дивятся и ни за что не хотят верить смерти. Хозяин метался от одного гостя к другому, пытаясь задержать бегущих и успокоить их поспешными заверениями, что это так, пустяк, маленький обморок с одним господином из Сан-Франциско… Но никто его не слушал, многие видели, как лакеи и коридорные срывали с этого господина галстук, жилет, измятый смокинг и даже зачем-то бальные башмаки с чёрных шёлковых ног с плоскими ступнями. А он ещё бился. Он настойчиво боролся со смертью, ни за что не хотел поддаться ей, так неожиданно и грубо навалившейся на него. Он мотал головой, хрипел, как зарезанный, закатил глаза, как пьяный… Когда его торопливо внесли и положили на кровать в сорок третий номер, – самый маленький, самый плохой, самый сырой и холодный, в конце нижнего коридора, – прибежала его дочь, с распущенными волосами, в распахнувшемся капотике, с обнажённой грудью, поднятой корсетом, потом большая, тяжёлая и уже совсем наряженная к обеду жена, у которой рот был круглый от ужаса… Но тут он уже и головой перестал мотать.

Через четверть часа в отеле всё кое-как пришло в порядок. Но вечер был непоправимо испорчен. Некоторые, возвратясь в столовую, дообедали, но молча, с обиженными лицами, меж тем как хозяин подходил то к тому, то к другому, в бессильном и приличном раздражении пожимая плечами, чувствуя себя без вины виноватым, всех уверяя, что он отлично понимает, «как это неприятно», и давая слово, что он примет «все зависящие от него меры» к устранению неприятности; тарантеллу пришлось отменить, лишнее электричество потушили, большинство гостей ушло в пивную, и стало так тихо, что чётко слышался стук часов в вестибюле, где только один попугай деревянно бормотал что-то возясь перед сном в своей клетке, ухитряясь заснуть с нелепо задранной на верхний шесток лапой… Господин из Сан-Франциско лежал на дешёвой железной кровати, под грубыми шерстяными одеялами, на которые с потолка тускло светил один рожок. Пузырь со льдом свисал на его мокрый и холодный лоб. Сизое, уже мёртвое лицо постепенно стыло, хриплое клокотанье, вырывавшееся из открытого рта, «освещённого отблеском золота, слабело. Это хрипел уже не господин из Сан-Франциско, – его больше не было, – а кто-то другой. Жена, дочь, доктор, прислуга стояли и глядели на него. Вдруг то, чего они ждали и боялись, совершилось – хрип оборвался. И медленно, медленно, на глазах у всех, потекла бледность по лицу умершего, и черты его стали утончаться, светлеть, – красотой, уже давно подобавшей ему.

Вошёл хозяин. «Gia e morto» [78], – сказал ему шёпотом доктор. Хозяин с бесстрастным лицом пожал плечами. Миссис, у которой тихо катились по щекам слёзы, подошла к нему и робко сказала, что теперь надо перенести покойного в его комнату.

– О нет, мадам, – поспешно, корректно, но уже без всякой любезности, и не по-английски, а по-французски возразил хозяин, которому совсем не интересны были те пустяки, что могли оставить теперь в его кассе приезжие из Сан-Франциско. – Это совершенно невозможно, мадам, – сказал он и прибавил в пояснение, что он очень ценит эти апартаменты, что если бы он исполнил её желание, то всему Капри стало бы известно об этом и туристы начали бы избегать их.

Мисс, всё время странно смотревшая на него, села на стул и, зажав рот платком, зарыдала. У миссис слёзы сразу высохли, лицо вспыхнуло. Она подняла тон, стала требовать, говоря на своём языке и всё ещё не веря, что уважение к ним окончательно потеряно. Хозяин с вежливым достоинством осадил её: если мадам не нравятся порядки отеля, он не смеет её задерживать; и твёрдо заявил, что тело должно быть вывезено сегодня же на рассвете, что полиции уже дано знать, что представитель её сейчас явится и исполнит необходимые формальности… Можно ли достать на Капри хотя бы простой готовый гроб, спрашивает мадам? К сожалению, нет, ни в каком случае, а сделать никто не успеет. Придётся поступить как-нибудь иначе… Содовую английскую воду, например, он получает в больших и длинных ящиках… перегородки из такого ящика можно вынуть…

---

[78] Уже умер (итал.).

Ночью весь отель спал. Открыли окно в сорок третьем номере, – оно выходило в угол сада, где под высокой каменной стеной, утыканной по гребню битым стеклом, рос чахлый банан, – потушили электричество, заперли дверь на ключ и ушли. Мёртвый остался в темноте, синие звёзды глядели на него с неба, сверчок с грустной беззаботностью запел в стене… В тускло освещённом коридоре сидели на подоконнике две горничные, что-то штопая. Вошёл Луиджи с кучей платья на руке, в туфлях.

– Pronto? [79] – озабоченно спросил он звонким шёпотом, указывая глазами на страшную дверь в конце коридора. И легонько помотал свободной рукой в ту сторону. – Partenza! [80] – шёпотом крикнул он, как бы провожая поезд, то, что обычно кричат в Италии на станциях при отправлении поездов, – и горничные, давясь беззвучным смехом, упали головами на плечи друг другу.

Потом он, мягко подпрыгивая, подбежал к самой двери, чуть стукнул в неё и, склонив голову набок, вполголоса, почтительнейше спросил:

– Íà sonato, signore?

И, сдавив горло, выдвинув нижнюю челюсть, скрипуче, медлительно и печально ответил сам себе, как бы из-за двери:

– Yes, come in…

А на рассвете, когда побелело за окном сорок третьего номера и влажный ветер зашуршал рваной листвой банана, когда поднялось и раскинулось над островом Капри голубое утреннее небо и озолотилась против солнца, восходящего за далекими синими горами Италии, чистая и чёткая вершина Монте-Соляро, когда пошли на работу каменщики, поправлявшие на острове тропинки для туристов, – принесли к сорок третьему номеру длинный ящик из-под содовой воды. Вскоре он стал очень тяжёл – и крепко давил колени младшего портье, который шибко повёз его на одноконном извозчике по белому шоссе, взад и вперёд извивавшемуся по склонам Капри, среди каменных оград и виноградников, всё вниз и вниз, до самого моря. <…> И через десять минут пароходик снова зашумел водой и снова побежал к Сорренто, к Кастелламаре, навсегда увозя от Капри семью из Сан-Франциско… И на острове снова водворились мир и покой. <…>

Тело же мёртвого старика из Сан-Франциско возвращалось домой, в могилу, на берега Нового Света. Испытав много унижений, много человеческого невнимания, с неделю пространствовав из одного портового пакгауза в другой, оно снова попало, наконец, на тот же самый знаменитый корабль, на котором так ещё недавно, с таким почётом везли его в Старый Свет. Но теперь уже скрывали его от живых – глубоко спустили в просмолённом гробе в чёрный трюм.

И опять, опять пошёл корабль в свой далекий морской путь. Ночью плыл он мимо острова Капри, и печальны были его огни, медленно скрывавшиеся в тёмном море, для того, кто смотрел на них с острова. Но там, на корабле, в светлых, сияющих люстрами и мрамором залах, был, как обычно, людный бал в эту ночь.

---

[79] Готово?

[80] Отправление (итал.).

Был он и на другую и на третью ночь – опять среди бешеной вьюги, проносившейся над гудевшим, как погребальная месса, и ходившим траурными от серебряной пены горами океаном. Бесчисленные огненные глаза корабля были за снегом едва видны Дьяволу, следившему со скал Гибралтара, с каменистых ворот двух миров, за уходившим в ночь и вьюгу кораблём. Дьявол был громаден, как утёс, но ещё громаднее его был корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем. Вьюга билась в его снасти и широкогорлые трубы, побелевшие от снега, но он был стоек, твёрд, величав и страшен. На самой верхней крыше его одиноко высились среди снежных вихрей те уютные, слабо освещённые покои, где, погружённый в чуткую и тревожную дремоту, надо всем кораблём восседал его грузный водитель, похожий на языческого идола. Он слышал тяжкие завывания и яростные взвизгивания сирены, удушаемой бурей, но успокаивал себя близостью того, в конечном итоге для него самого непонятного, что было за его стеною: той большой как бы бронированной каюты, что то и дело наполнялась таинственным гулом, трепетом и сухим треском синих огней, вспыхивавших и разрывавшихся вокруг бледнолицего телеграфиста с металлическим полуобручем на голове. В самом низу, в подводной утробе «Атлантиды», тускло блистали сталью, сипели паром и сочились кипятком и маслом тысячепудовые громады котлов и всяческих других машин, той кухни, раскаляемой исподу адскими топками, в которой варилось движение корабля, – клокотали страшные в своей сосредоточенности силы, передававшиеся в самый киль его, в бесконечно длинное подземелье, в круглый туннель, слабо озарённый электричеством, где медленно, с подавляющей человеческую душу неукоснительностью, вращался в своём маслениcтом ложе исполинский вал, точно живое чудовище, протянувшееся в этом туннеле, похожем на жерло. А средина «Атлантиды», столовые и бальные залы её изливали свет и радость, гудели говором нарядной толпы, благоухали свежими цветами, пели струнным оркестром. И опять мучительно извивалась и порою судорожно сталкивалась среди этой толпы, среди блеска огней, шелков, бриллиантов и обнажённых женских плеч, тонкая и гибкая пара нанятых влюблённых: грешно скромная, хорошенькая девушка с опущенными ресницами, с невинной причёской и рослый молодой человек с чёрными, как бы приклеенными волосами, бледный от пудры, в изящнейшей лакированной обуви, в узком, с длинными фалдами, фраке – красавец, похожий на огромную пиявку. И никто не знал ни того, что уже давно наскучило этой паре притворно мучиться своей блаженной мукой под бесстыдно-грустную музыку, ни того, что стоит гроб глубоко, глубоко под ними, на дне темного трюма, в соседстве с мрачными и знойными недрами корабля, тяжко одолевающего мрак, океан, вьюгу...

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Обратите внимание на эпиграф к рассказу. Как вы думаете, почему Бунин выбрал именно его?
2. Почему главный герой лишён имени? Обоснуйте свой ответ.
3. Как меняется отношение общества, слуг к семье этого человека?
4. Почему так много места Бунин отводит описанию сил природы? Аргументируйте свой ответ.
5. Найдите в тексте образы-символы. Какой конкретный и общий смысл они имеют в рассказе?
6. Напишите эссе «Символическая картина человеческой жизни в рассказе «Господин из Сан-Франциско».
7. Подготовьтесь к участию в проектной деятельности по русской литературе начала XX века.

ГЛОССАРИЙ

Композиция – это построение, расположение и взаимосвязь всех частей, эпизодов произведения в таком порядке, в котором задумал автор для достижения определённого смысла. Композиция художественного произведения состоит из элементов, которые создают художественное целое. Элементом композиции называют один отрезок или эпизод произведения, который несёт единый смысл – одну точку зрения на происходящее, одну мысль.

Кульминация (от лат. culmen «вершина») – наиболее напряжённый, решающий, переломный момент в развитии действия во взаимоотношениях, столкновениях литературных героев или между героем и обстоятельствами. В кульминации раскрывается острота конфликта, описанного в сюжете произведения.

Художественное своеобразие – неповторимые черты и свойства литературного произведения, придающие ему индивидуальность и непохожесть на другие произведения. Оно проявляется в индивидуально-авторской трактовке общих с другими произведениями тем, мотивов, проблем, характеров и т.п. Художественное своеобразие проявляется в способах создания образа, способах выражения авторской позиции, в композиционных особенностях, в характерных свойствах изображённого мира, в организации художественной речи.

Символ – это некое понятие, состоящее из двух частей. Первая из них – созданный автором образ. Вторая часть представляет собой его толкование, обозначение. Следовательно, символ в литературе – это самостоятельный художественный образ, который воплощает в себе какую-либо идею.

АБДУРАУФ ФИТРАТ
1886-1938

Человек по воле Корана – высшее существо, он может управлять землёй и небом, преобразовывать их.

Фитрат

Одним из основоположников и ярких представителей джадидского движения в Бухаре являлся поэт, писатель, публицист, драматург и учёный Абдурауф Фитрат.

В истории узбекской литературы чрезвычайно богатое и разнообразное творчество Фитрата занимает особое место. Активный общественный деятель, он прожил сложную, во многом противоречивую жизнь. Первые стихи написал под тахаллусом Мижмар («жаровня»), а позже стал подписывать свои произведения литературным именем Фитрат («созидающий»), с которым не расставался до конца жизни.

Абдурауф Фитрат родился в славной своими историческими памятниками архитектуры и высокой культурой Бухаре в семье образованных людей. Его родители уделяли много внимания воспитанию сына, создали необходимые условия для получения им всестороннего образования. Он учился в медресе Мир Араб – известном и авторитетном в Туркестане учебном заведении. Затем продолжил образование в Стамбульском университете, где проучился с 1909 по 1913 годы. Он возвращается в Туркестан полным творческих замыслов, пишет стихи, увлекается журналистикой, политической работой, интересуется историей восточного музыкального искусства.

Многие стихи Фитрата исполнены глубокого патриотического чувства, искренней преданности своему отечеству:

Мечта священного Турана,
Не уходи, постой, не покидай!
Останься со мной,
В глазах моих, в сердце моём, в совести моей.

В аллегорической форме поэт выражает своё негативное отношение к тем социально-политическим и философским катаклизмам, что довелось пережить Туркестану на рубеже XIX-XX веков:

Не уходи, родина моя!
Туран родной, лишиться тебя –
Смерть для меня, умереть за тебя –
Жизнь для меня.

Поэт не скупится на эпитеты и метафоры, раскрывая свои национальные чувства, свою священную любовь к родине, для которой «воскрес, для тебя буду жить».

Фитрат рассматривает Туркестан как свою родину, хотя он родился в славной Бухаре. Узбекскую землю с её древним и великим Самаркандом он определяет как «прибежище моё, святыня моя, надежда моя». В стихотворениях «Великому тюркскому племени», «Восток», «Планета Марс», «Разыскивая могилу Бехбуди», «Наставление», «Ночь» он воспевает родовые корни туранского народа, поэтически осмысливает историческую судьбу своей страны, негативно оценивает завоевательную политику царского самодержавия, временного правительства России, осуждает интервенцию западных государств, оплакивая разруху в своей стране, в которой трудно разобраться, где правда, где ложь.

Оказавшись в политической круговерти и будучи неравнодушным к судьбе Туркестана и к жизни его народов, Фитрат свои смятенные чувства выражает в стихах, открыто и мучительно переживает крушение своих надежд:

Рыдайте, мои обездоленные мечты,
Я так же, как и вы, несчастен...
Мои мечты, мои надежды... похоронены.

Фитрат считает, что эта безумная, непонятная жизнь «подрубила корни» его «существования». Февральская революция принесла лишь временное успокоение души. Его приглашают занять пост главного редактора газеты «Хуррият» в Самарканде. Согласие на сотрудничество в газете даёт и друг Фитрата – поэт и журналист Махмуд-ходжа Бехбуди, сыгравший заметную роль в развитии просвещения в Туркестане.

Но работа в газете «Хуррият» всё же не главное в жизни Фитрата. Хотя сделано здесь было очень много. Он часто выступал с критическими материалами, высмеивая невежество, хамство, особо остро ополчался против коррупции, лицемерия, грубости и жадности чиновников. Видимо, это сыграло негативную роль в его судьбе. Когда возникла Бухарская Народная Советская Республика (БНСР), Фитрат стал работать в правительстве новой Бухары, занимал ответственные должности – назир [81] по иностранным делам, назир народного образования, был вице-президентом Совета назиров. То было время высокого творческого взлёта.

В Туркестане полыхало мощное национально-освободительное движение за освобождение из-под гнёта российского самодержавия. Как сын своего народа, представитель национальной интеллигенции, Фитрат также оказывается в потоке этого движения. В стихотворениях этого периода он восхваляет феодально-патриархальное устройство страны до завоевания её российским самодержавием, резко осуждает белогвардейское движение. Душа поэта озабочена и такими проблемами, как голод, разруха, бессмысленное кровопролитие. Революционная действительность со всеми её социальными, политическими вывихами представляется Фитрату беспросветным кошмаром, чёрной ночью. Он реагирует на самые острые политические конфликты, выступает против искусственного

образования «кокандской автономии», лидеры которой стремились к созданию своего самостоятельного, суверенного государства – Кокандской республики.

Фитрат придерживался той позиции, что наиболее зрелое, испытанное временем государственное устройство на Востоке – феодально-патриархальное, и потому другие формы государственности он не признавал.

Это был тяжелый период ломки, перестройки мировоззрения поэта. В это время Фитрат в своих стихах оплакивает рухнувшие мечты. «Я так же, как и вы, несчастен», – признаётся он в стихотворении «Ночь».

В творчестве Фитрата отразились не только его настроения, но и особенности той критики, которая, с одной стороны, подогревала пессимизм поэта, восхваляя его печальные, сумеречные интонации, с другой – остро осуждала состояние человеческой неустроенности, выражала боязнь «туманных представлений» о несчастном будущем народа Турана. Многие пессимистические стихотворения с элементами идеализации феодального прошлого вошли в сборник «Молодые узбекские поэты», авторами которого были Фитрат, Чулпан, Эльбек, Бату. Этот сборник высоко оценили те критики, которые всячески выражали и воспевали идеи национально-освободительной борьбы против русского царизма и борьбы за возрождение древних традиций мусульманской литературы.

Широко известен Фитрат и как драматург, его перу принадлежат около пятнадцати пьес, часть которых составляют исторические драмы и трагедии.

В 1918 году Фитрат пишет историческую пьесу «Гробница Тимура», представляя своего героя личностью неординарной, человеком, обладавшим огромной социально-политической силой, духовным богатством и прозорливостью. Враждебно настроенный к Октябрьскому перевороту, он идёт к мавзолею Владыки мира, завоевателя вселенной, который создал великое государство Тимуридов. «Владыка мой, сын угнетённого и ограбленного, израненного тюркского народа, – говорит он, – пришёл к тебе просить о помощи!.. Воспрянь, владыка мой!.. Мудрейший из мудрейших».

В этой пьесе наиболее полно отразилось мировоззрение Фитрата, который всё ещё «рыдает» о былой жизни – до оккупации Турана царским самодержавием.

В драме «Истинная любовь», написанной Фитратом в Ташкенте в 1920 году, речь идет о национально-освободительном движении индийцев против английских колонизаторов. Автор увязывает это движение с идеей защиты мусульманства от посягательств «цивилизованного» Запада на духовные и культурные ценности стран Востока.

Драматургия Фитрата («Гробница Тимура», «Истинная любовь», «Индийские повстанцы» и др.) овеяна духом романтического пессимизма и чувством неодолимой безысходности. Многие его лирические стихотворения, созданные в этот период, тяжелой грустью ложатся на сердце читателя.

Особо следует отметить две пьесы Фитрата, сохранившиеся полностью, – «Абдулфаизхон» (1924) и «Арслон» (1925).

Действие пьесы «Абдулфаизхон» разворачивается в XVIII веке в Бухаре. Главный герой Абдулфаизхон – глупый и трусливый хан. Для того чтобы сохранить

---

[81] ***Назир*** – министр.

за собой власть, он последовательно уничтожает всех своих родственников и близких к престолу людей. Таким образом, Абдулфаизхон ослабляет государство и вскоре иранский шах разоряет и подчиняет себе Бухарский эмират.

Фитрат показывает, как насилие, трусость и нелюбовь к своей Родине приводят к трагедии целого народа, государства. Философский вывод, к которому приводит читателя автор, в единении народа, в преданности и любви к Родине. В противном случае любую страну ждёт физический и нравственный крах.

В драме «Арслон» автор показал жизнь народа в эпоху Бухарского эмирата. Она пронизана высоким гуманизмом простых людей.

Перу Фитрата принадлежит также повесть «Судный день» и целый ряд рассказов. К сожалению, многие прозаические произведения писателя до сих пор не переведены на русский язык.

Творческая смелость и политические убеждения трагически отразились на судьбе Фитрата. На июньском пленуме ЦК Бухарской компартии в 1923 году деятельность Фитрата была сурово осуждена, что и привело к выводу его из состава Бухарского правительства и высылке из Бухары. Фитрат уходит с политической арены и занимается педагогикой, научной работой. Живёт и трудится в Москве, в Лазаревском институте востоковедения, а с середины 20-х годов работает в Самарканде в Педагогической академии. Здесь он изучает историю узбекской национальной музыки. В 1928 году он создаёт Научно-исследовательский институт музыки и хореографии, некоторое время возглавляя это научное учреждение.

В институте тогда работали многие крупные музыканты-инструменталисты и певцы из разных регионов Узбекистана. В доме Фитрата на бульваре им. М. Горького часто устраивались творческие вечера с участием музыкантов, поэтов, писателей, деятелей культуры – всего цвета узбекской интеллигенции, где в полемике обсуждались актуальные проблемы художественного творчества. В этой плодотворной обстановке Фитрат создаёт крупный научный труд по истории музыки – книгу «Узбекская классическая музыка и её история» («Узбек классик мусикаси ва унинг тарихи») на узбекском языке в арабской графике.

Трагична судьба этой книги, как и судьба её автора. Она пережила запреты, глухое непонимание чиновников. Книга в середине 30-х годов была изъята из научного оборота и «выступила» одним из дополнительных «свидетелей» против Фитрата, обвинённого во всех смертных грехах – в пантюркизме, в панисламизме, национализме.

Сейчас эта книга Фитрата обрела своё «гражданство» и является значительной историко-музыкальной ценностью; её содержание и поныне не утратило своей научной значимости. Один из влиятельнейших критиков того времени Вадуд Махмуд рассматривал молодого Фитрата как «преобразователя прозаического языка новой узбекской литературы», а в поэзии, говорил он, кроме Фитрата «нет другого человека, которого можно было поставить рядом с Чулпаном» – влиятельнейшим и талантливейшим узбекским поэтом нового времени.

В 1910-1911 гг. выходит в свет крупное произведение Фитрата на языке фарси. Оно называлось «Рассказы индийского путешественника». В отличие от «Спора бухарского мударриса», «Рассказы индийского путешественника» лишены резко национального подхода к национальным проблемам. Общий смысл рассказов, на

наш взгляд, таков: существует социальное деление бухарского общества на «учёных», «правящих», и «жителей»; не всё то свято, чему оказывается всеобщее поклонение, – шариат должен настаивать на том, чтобы не молились никому, кроме Бога; законоведение обязано претерпевать изменения, а юстиция – быть свободной от коррупции; народу необходимо пребывать в устойчивости и единстве; цивилизованное врачевание не противоречит исламу; собственность, в том числе личная, неприкасаемая для других; ростовщичество по отношению к неимущим безнравственно; мирская жизнь отличается от религиозной, может допускать активную торговлю; расцвет торговли обеспечит расцвет нации и т.д. Следует отметить, что «Рассказы» написаны простым, доступным для народа языком.

Книга «Рассказы индийского путешественника» – это не только политический трактат, но и увлекательное чтение, отражающее талант писателя. Книгу издал в 1913 году Бехбуди, считающийся признанным основателем туркестанского джадидизма.

Всё произведение пронизано прошлым Бухары, за которое автор испытывает огромную гордость, и настоящим, вызывающим стыд за взяточничество на всех уровнях, бедственное положение народа, за плохое состояние образования и многое другое. Конечно же, устами путешественника говорит сам Фитрат, как бы со стороны увидевший неприглядный быт и жизнь бухарцев, косность и невежество представителей духовенства, неправильно толкующих шариат и в целом исламские нормы поведения, что отрицательно влияло на все сферы жизни.

Рисуя образ молодого бухарца, собеседника индийского путешественника, Фитрат делает намёк на растущую молодую поросль Бухары, выражая надежду, что она будет способна изменить общество.

Автор «Рассказов индийского путешественника» выбрал необычный писательский подход. Он пишет от лица индийского путешественника. Зачем? Разве рассказ индуса более достоверен, чем рассказ узбека? Или автор сам пожелал остаться неизвестным? Может быть, выступать с критикой в отношении государства – это привилегия одних лишь иностранцев? В подобном стиле в XVIII веке сочинил свои знаменитые «Персидские письма» Шарль Монтескье. По замыслу этого французского автора, двое персидских вельмож путешествуют по Франции и обсуждают политику, экономику и культуру тогдашней эпохи. Самое интересное заключается в том, что имя одного из этих вымышленных персидских персонажей – Узбек.

Можно строить догадки о том, что Фитрату была знакома эта книга и что именно она вдохновила его на мысль аналогичным образом написать о своих соотечественниках и даже обратить их внимание на собственные недостатки. Ведь Фитрат относился к поколению молодых людей, которые хотели реформировать свою страну, причём не по чьей-то шаблонной подсказке, а по собственным идеям в сочетании с инициативными предложениями других стран.

Творчество замечательного писателя, общественного деятеля навсегда осталось в памяти народной. Яркое свидетельство тому – одно из первых постановлений независимой Республики Узбекистан от 25 сентября 1991 года, в котором Абдурауфу Фитрату за выдающиеся заслуги в развитии узбекской литературы была присуждена Государственная премия в области литературы имени Алишера Навои.

РАССКАЗЫ ИНДИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

(Бухара, как она есть)

(Фрагменты)

Предисловие

Несколько лет тому назад я встретил одного из жителей Бухары и спросил его про этот город; он наговорил столько похвал, что с того момента я стал считать посещение этого города для меня положительно необходимым и обязательным. В этом году мне представился благоприятный случай, и я поспешил привести в исполнение свой план. В дороге ничего, достойного упоминания, я не видел и, в конце концов, прибыл в этот город. Несколько месяцев я изучал Бухару и бухарцев и познакомился с большинством их дел. С полным прискорбием я могу сказать: бухарцы не одни принимают участие в общем упадке мусульманского мира, они тащат за собой в долину беспечности и другие мусульманские племена. Прежде чем начать разбор и описание этого путешествия, я хочу познакомить уважаемых читателей вкратце с тем мнением, которое я составил о Бухаре и бухарцах.

Все жители Бухары могут быть разделены на три категории: учёные, правящие и жители. Теперь я кратко расскажу о каждой из них.

Учёные (улемы)

Известно, что в древние времена Бухара давала много знаменитых учёных людей; ежедневно Буали, Фараби, Мухаммад ибн Измаил Бухарский и Улугбек «гоняли других по площади соревнования и поэтому благородную свою славу вешали на уши людей всего света»; около двухсот лет уже прошло, как бухарцы сбавили цену своей учёности. После прибытия Мирза-хана Ширазского бухарские учёные стали заниматься только чтением написанных на полях книг объяснений слов. Мало-помалу они дошли в этих бесполезных занятиях до того, что совершенно забыли о названиях полезных наук. Прочие туркестанцы, получившие своё образование тоже в Бухаре, совместно с бухарцами упали в бездну глупости и нерадения. Следствием этого было то, что светлая звезда небес цивилизации, блестящая страница книги человечества, то есть Туркестан, очутился в таком положении, о котором стыдно беседовать не только с друзьями, но и недругами. Эти люди, которые ныне не имеют понятия об истинных науках, 20 лет учатся сами, 20 следующих лет учат других и только после этого достигают должности муфтия; тут, считая арабские книги трудными, они вынуждены приняться за занятия по шариатским книгам, написанным по-персидски. Вот они заняли уже высокое и священное положение в Бухаре! Эта публика, решив, что дела Божьи должны зависеть от её мнения и цели, толкует стихи Корана в том смысле, как ей захочется, и самостоятельно сплетает предания. Так, в своём месте я подробно напишу о том, как сами они совершают преступления, всякого рода притеснения и проступки и всегда готовы подвести под наказание несчастного простолюдина, назвав его за незначительную вину «кафиром» (неверным). Они делают все бухарские вакуфы, вопреки вакуфным условиям, лакомым куском для себя; а бедные жители, не имеющие никакого понятия о науках, всё, что имеют, жертвуют им на учеников.

Правящие (эмиры)

Эта возмутительная партия, исключительно благодаря помощи слепого счастья достигнув разных должностей правления, с полным усердием попирает ногами имущество, жизнь, достоинство, честь и покой несчастных жителей. Общий состав этих могущественных (!) управителей пополняется из людей двух сословий, ни в кои времена не пользовавшихся ничьим доверием: первое – это необразованные сыновья правителей, во время пребывания своего отца у власти проводившие свою жизнь в различного рода глупостях и гадких поступках; их не коснулись никакие человеческие добродетели, даже они подчас неграмотны; вторые – это лавочники и торговцы, признающие за единственное благо обоих миров наиполнейшее наполнение своего желудка, а учение чему-либо считающие совершенно излишними обязанностями для людей. Многие из них очень странными способами достигают высоких административных постов.

Все эти милые люди никогда не видали школы, никогда не слышали о законах управления. Они не знакомы с правилами и обычаями отдачи приказаний! Как прогрессирует нация? Как управляется их область? Как пополняется государственная казна! Всё это им совершенно неинтересно! Какие обязанности управителя по отношению к населению? Какая у жителей перед правителем? Положительно ни о чём подобном они не слыхали! Как только они получают в управление какую-нибудь область, то, считая указ Эмира об этом квитанцией на адский огонь или разрушительной грамотой на грабёж, отправляются со всеми своими подчинёнными и друзьями в ту землю подобно войску несчастья и берут у несчастных жителей всё, что захочет их душа, и в казну Эмира дают тоже только то, что сами пожелают. И никто не спрашивает у них о причинах такого моря поборов и капли передачи в эмирскую казну.

Жители

Эти несчастные никакой вины не имеют, они готовы ко всему; только один есть недостаток, это – «они не знают». Теперь удобно присоединить описание их положения к своей теме и начинать повествование.

* * *

Выйдя из вагона в Кагане, я положил свой багаж на фаэтон, сел сам и отправился в город Бухару. По дороге мои вещи осмотрели сборщики пошлины. Вскоре я подъехал к воротам города, и экипаж остановился; я спросил:

– Что такое?

Кто-то ответил:

– После заката солнца прошло четыре часа, поэтому ворота города заперли и никого не пускают входить. Я сошёл с экипажа и увидел, что много других людей, очевидно своевременно не попавших в город, окружили какого-то человека и просят его открыть ворота, а тот упорно сопротивляется. В это время раздался громкий крик: «Дайте дорогу!» Люди миршаба, оттеснив народ, очистили дорогу и открыли ворота города; вижу, что два-три армянина на своём экипаже въехали в город, и ворота снова закрылись. Я подошёл к привратнику и сказал ему:

– Брат! Армян ты пропустил, ничего не спросив, почему же нас, мусульман, не пропускаешь? Привратник, ничего мне не ответив, ушёл в другую сторону. Снова послышался громкий голос: «Дайте дорогу!» Отогнав опять народ, открыли ворота и пропустили несколько повозок с евреями. Я очень был огорчён этим обстоятельством и громким голосом произнёс:

– О, господи! Чем провинились последователи Магомета?!

Один молодой человек с симпатичным, интеллигентным и умным лицом, подойдя ко мне сзади, ответил:

– Своей глупостью!

В этот момент открыли городские ворота, и один из тех армян, которые первыми проехали в город, выйдя из них, стал громко звать кого-то, как будто человека; вдруг откуда-то прибежала собака и стала ласкаться к армянину. Я догадался, что собака эта принадлежит армянину и осталась вне города; на пути хозяин заметил это и возвратился, чтобы впустить собаку в город. Взяв её, армянин ушёл, и ворота за ним снова закрыли.

Терпение мое истощилось, и я, оставив всех там, ушёл и в великом сокрушении уснул в уголке какой-то чайханы. Проснувшись рано утром и подняв голову, я увидел множество спящих вокруг меня людей и догадался, что в эту ночь никого не впустили внутрь города. Совершив омовение и намаз, я сел на повозку, положил свои вещи и сказал извозчику:

– Я впервые приехал в этот город и ничего не знаю; отвези меня в какой-нибудь караван-сарай.

Он ответил: «Хорошо», – и поехал.

Мы доехали до середины базара, и мой экипаж остановился; я, полагая, что мы приехали к месту назначения, взял свой багаж и стал сходить с повозки. Извозчик сказал:

– Мы ещё не приехали!

– Так почему же ты остановился?

– Потому что навстречу тоже едут арбы. Я сошёл с фаэтона и вижу, что две-три ломовые арбы и несколько фаэтонов съехались в одном месте; против них стоят тоже несколько арб; дорога очень узкая и трудно разъехаться. Я спросил извозчика:

– Что же нужно делать?

– Нужно подать назад в какую-нибудь сторону до более широкого места все арбы.

– В которой же стороне есть широкая дорога?

– И в этой, и в другой стороне есть.

– Почему же стоящие против нас не осадят назад?

– Важничают!

– Тогда вы подвиньтесь назад!

– А нам разве нельзя поважничать?

– Ну вот! Вы важничаете, и они важничают, а мы-то что должны делать?

– Посидите немного.

В это время поднялся сильный крик и гвалт; я, сказав: «Будь, что будет – надо посмотреть» и, оставив извозчика, прошёл вперёд и вижу, что два арбакеша, которые нечаянно встретились друг с другом, бранят один другого не-

приличными словами. Вдруг один из них, соскочив со своей арбы, бросился к другому и начал колотить его по голове; этот тоже спрыгнул с повозки и принялся бить того по лицу и голове обоими кулаками; все прочие извозчики и арбакеши бросились на помощь им с каждой стороны. В одно мгновение базар собрался вокруг них и поднялся крик: «Держи, бей!» Зрители с каждой стороны, попадая под ноги сражающимся, кричали ещё сильнее. Я спросил у одного человека, стоявшего около меня:

– Брат, где люди управителя, чтобы разнять их?

Тот, удивлённый моим вопросом, отвечал:

– Какое дело до этого людям управителя?

– Ну, в таком случае, если людям управителя нет здесь дела, то я попробую убраться отсюда.

* * *

Да! У нас есть и библиотеки! Но где же книги?! Все книги из этих библиотек взяли для чтения эти же учёные и присвоили их; опустошив же их помещения, имеющие свой ежегодный вакуф, отдают какому-нибудь сыну казия или муфтия, который ещё не удостоен звания мударриса, то есть не имеет образования. Этот почтенный господин обращает в свою пользу годовой доход этой библиотеки, а само помещение сдаёт какому-нибудь бедному студенту на следующих условиях: во-первых, студент обязан постоянно давать уроки этому необразованному субъекту, чтобы в конце концов было признано за ним умение читать лекции и его назначили бы мударрисом, и, во-вторых, служить ему круглые сутки.

У нас есть по крайней мере 300 начальных школ, но все они стали бесполезными учреждениями в руках необразованных учителей. О, Господи! Сколь удивительна эта страна! Ныне умные люди всего света для уничтожения воровства, невежества, дурных поступков и бедности учреждают школы, и когда в их городе открывается школа, то они в великой гордости готовы до неба добросить шапки радости. Мы же имеем более трёхсот начальных школ, а наши ребятишки в школах этих учатся лишь воровать, безобразничать и нищенствовать.

Имеем специальные школы для обучения чтению Корана; но во всей Бухаре нет ни одного человека, который не произносил бы священного слова «Аллах» или «Авах» или «Аблах». Наконец, это общество учёных, которое захватило в свои руки все пути к нашему благоденствию и повергло в пламя несчастья благополучие нашего существования, какие может дать нам знания? А вот какие:

из области законоведения: всякий, кто во время омовения высморкается пальцами своей левой руки или будет мыть ноги не с правой стороны, будет в продолжение семидесяти тысяч лет гореть в аду; всякий, кто хотя бы один раз не сделает приветствие кому-нибудь из улемов, будет кафиром; всякий, кто пройдет хотя один раз по той улице, которой когда-нибудь коснулась нога улема, без счёта его грехов и без мучений будет пропущен в рай;

из области верований: на четвёртом небе есть некий ангел, у которого семьдесят тысяч голов, у каждой головы семьдесят тысяч ртов, в каждом рту семьдесят тысяч языков и каждый язык может говорить на семидесяти тысячах наречий!

О, не знающий Бога!! Ты, проживая постоянно в Бухаре, ничего не знаешь о Самарканде; как же ты можешь рассказывать что-нибудь о четвёртом небе!! Увы!! Где мусульманская вера! Где эти прекрасные речи!! Где деревня и где деревья?!!

О, бедный народ! Все твои законные права отняты; ты тоже теперь приверженец узурпаторов! Кровь твою сосут, имущество твоё пустили по ветру, под фундамент чести твоей и репутации подложили огонь, а ты не знаешь этого! Не только не знаешь и не понимаешь, но даже то общество знающих людей, которые, правильно поняв свою задачу, весьма ревностно принялись за улучшение твоего положения, желая из этих грандиозных зданий и огромных сумм, которые оставили твои предки для охраны твоей репутации, вновь извлекать пользу для тебя самого, – ты их называешь кафирами!! Горе, горе!!

Я достоверно знаю, что наш Эмир постоянно заботится об облегчении участи народа и о благоустройстве страны; но известно всем также и то, что ни у одного вельможи не видели знания и справедливого отношения ни к кому из… народа. Да, Эмир наш справедлив, но большая часть из слуг его никогда не слыхала о справедливости. Вот поэтому-то наше государство и пришло в такой упадок и никогда не поднимется, если останутся такие порядки!

Нужно, чтобы каждый правитель считал бы себя слугою, во-первых, государства, во-вторых, народа и, в-третьих, государя…

На мой взгляд, здесь виноваты как власть имущие, так и простой народ. Допустим, что жители… на самом деле, как бараны, но уподобляться баранам некрасиво и гадко для людей. Люди должны всегда оставаться людьми, а не делаться животными. Бог говорит в Коране: «Мы приравняли каждого человека в добрых делах ко всем людям» и в другом месте: «Всевышний назначил вас повелителями всего, что есть на земле и на небе».

(Перевод с персидского А.Н. Кондратьева).

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Подготовьте устное сообщение о творчестве Фитрата. В каких жанрах были написаны его наиболее известные произведения?

2. Что вы узнали из книги Фитрата «Рассказы индийского путешественника»?

3. Подготовьтесь к участию в проектной работе по произведениям «Хождение за три моря Афанасия Никитина», «Бабур-наме» и «Рассказы индийского путешественника».

АБДУЛХАМИД СУЛЕЙМАН УГЛИ ЧУЛПАН
1897-1938

Я путник, далёкой дорогой иду,
Свершенье надежд лишь в пути обрету.

Чулпан

Многогранно дарование общественного деятеля и мастера художественной словесности Абдулхамида Чулпана, сыгравшего заметную роль в развитии всей узбекской литературы. И, пожалуй, нелегко найти в национальном словесном искусстве хоть один жанр, в котором он не оставил бы своего творческого следа. Поэт, прозаик, драматург, переводчик, публицист, литературный критик – весь его идейно-творческий путь овеян лаврами славы и трагизма.

Абдулхамид Чулпан – явление двух веков. Безмятежное детство проходило в конце XIX века, а начало нового – XX столетия отмечено первыми пробами художественного пера. Первые стихотворения Чулпана родились, когда ему не ис-полнилось еще и шестнадцати лет. Но уже и тогда он пытался понять то, что происходит в его стране, в родном Андижане – беспокойном, мятежном городе, пропитанном духом национально-освободительных идей.

Прогрессивно настроенные люди из числа туркестанской интеллигенции считали, что просветительство – единственно верный путь к всесторонним преобразованиям жизни, экономики и культуры в крае. В городах стали возникать школы, где изучались в основном светские науки, а также русский язык. К примеру, в 1884 году в доме купца Саид-Азимбая была организована первая русско-туземная школа для жителей Ташкента. И это было серьезным шагом в решении просветительских проблем. Ведь через каких-то полтора года русско-туземные школы получили официальный статус – государственный. А с января 1911 года число таких школ в Туркестане выросло до 89. Срок обучения в школе – четыре года. Здесь учащиеся осваивали азы математики, обучались различным ремеслам, русскому языку, учили шариат.

Наряду с русско-туземной школой появляется и другое просветительское движение, направленное против внедрения в народе русской культуры, против «всего того, что могло бы поколебать влияние ислама, являющегося опорой власти ханов, беков, баев, подорвать основы мусульманства». Это «просветительское» движение организовали джадиды. По утверждению историка Г.А. Хидоятова, «внешне оно было направлено против русско-туземных школ, которые расценивались как проводники русификации, и в противовес им выдвигалась программа создания «новометодных школ», в которых главными предметами были тюркский язык и теология». В таких непростых социально-политических условиях формировалось и мировоззрение Чулпана.

Родился Чулпан в городе Андижане в семье узбекских интеллигентов. Отец Чулпана был человеком высокого интеллекта, знал великую цену образования, был активным участником просветительского движения.

Закончив школу, Абдулхамид продолжил образование в медресе Андижана и

Ташкента. Он глубоко познает восточную философию, классическую поэзию, изучает историю, логику, литературу.

Русским языком он овладел, когда еще учился в русско-туземной школе. Значительную роль в формировании личности Чулпана, его миропонимания сыграло творчество известнейших просветителей Бехбуди и Авлони. Он свободно в подлиннике читает произведения Пушкина и Лермонтова, Саади и Хафиза, Достоевского и Фирдоуси, Льва Толстого и Руми, Омара Хайама и других писателей и поэтов Востока и Запада.

Чулпан становится одним из образованнейших людей Туркестана. Первые художественные опыты Чулпана публиковались в газете «Садои Туркестон»: стихотворение «Родственникам туркестанцам», рассказ «Доктор Мухаммадиёр» и статья «Что такое литература?» Уже в этих произведениях четко обозначилось острое осознание им особенностей нового времени, поисков новых форм выражения и отображения бурлящей действительности.

Чулпан пробует свои силы и в драматургии. В 1917 году он работает над драмой «Халил-искусник», а затем создает пьесу «Яркиной». Опыт оказался настолько удачным, что пьесы получили широкое признание зрителя и в литературных кругах. Пьеса «Яркиной» долгие годы не сходит с театральных подмостков Туркестана.

Драматургия и, естественно, театр в начале XX века в Туркестане служили активными проводниками идей джадидизма (1910-1917), так как большая часть узбекского народа была неграмотной и потому вся печатная продукция – книги, журналы, газеты – была недоступна пониманию людей, не умевших читать и писать. А театр с его устной речью и зрительными эффектами вполне компенсировал этот недостаток и был эффективным проводником социально-политических идей в сознание населения. Театр высмеивал человеческие пороки – жадность, корысть, безнравственность «падких на деньги» чиновников, а также устаревшие бытовые и свадебные обряды, изобличал ханжество, стяжательство.

События 1917 года Чулпан встретил в Оренбурге, уже вполне сформировавшейся личностью. Вскоре он возвратился в Ташкент. Жизнь здесь активная, побуждает к творчеству. Чулпан пишет стихи, увлекается журналистикой, много публикуется, работает в государственном учреждении – Туркестанско-российском телеграфном агентстве (сокращённо – ТуркРосТА). Он восторженно воспринимает свержение царского самодержавия, рассматривая этот факт как один из важных результатов в национально-освободительном движении народа Туркестана, давно мечтающего о независимой государственности и свободном, самостоятельном развитии своей страны. Освобождение от царского гнета Чулпан и многие другие литераторы рассматривали как естественный исторический процесс борьбы народов, в том числе и узбеков за свою независимость. И это находит отражение в поэтическом творчестве молодых узбекских поэтов, опубликовавших свои произведения в сборнике «Молодые узбекские поэты». Здесь было тринадцать стихотворений Чулпана. Несколько позже он издает свои самостоятельные сборники стихов «Пробуждение», «Источники», «Утренние очарования». Этот период его жизни был удивительно насыщенным, творчески богатым. К поэту пришло признание широкого читателя и взыскательной критики.

В эти годы он пишет песни для музыкальных драматических произведений,

многие из которых посвящены женской судьбе. Одна из наиболее удачных песен о женской доле – «Я и другие» (1921), где молодая красавица рассказывает о своей нелёгкой жизни, полной горестей и печалей:

У меня есть крылья, но я привязана.
Нет сада, нет принца, но есть стена толстая,
Слова, как перламутр, мелодия, как свирель,
Но музыку слышат одни стены.
Кто-то на свадьбе, одинока я в неволе,
Принимают меня за существо.

В этом произведении, как и во многих других, Чулпан уходит от некоторых исторически устойчивых традиционных канонизированных форм восточной поэзии, которые использовались для передачи переживаний лирического героя. Одна из самых примечательных особенностей чулпановской поэзии состоит в том, что он «совершил революцию в узбекской поэзии, освободив ее от многовекового гнета традиционных классических форм» и тем самым «расширил и обогатил ее новыми образами и формами». В годы «новой эпохи» Чулпан усиленно работает над романом «Ночь и день», который завершает лишь в 1936 году.

Успехи молодого поэта и драматурга не давали покоя многим завистникам. Как справедливо пишет исследователь его художественного наследия М.О. Шарафутдинова, «многие пытались обвинить Чулпана в участии в контрреволюционных заговорах, якобы он был противником новой власти». Однако факты красноречиво опровергали клеветнические измышления завистников. Ведь хорошо известно, что Чулпан восторженно встретил новую власть. И принимал самое активное участие в создании и упрочении нового общества. Ему доверяют ответственную работу в газетах «Кизил байрок», «Туркестан», «Бухоро ахборот». Здесь он публикует разнообразные публицистические материалы – заметки, рецензии о режиссерском мастерстве, об актерском искусстве; печатает репортажи, статьи, направленные на ускоренное строительство нового общества. В это же время публикуются и стихотворения «Биринчи май», «Октябрь кизи», «Халк» и др.

В этот очень плодотворный творческий период выходят в свет сборники стихов «Пробуждение» (1922), «Источники» (1923), «Утренние очарования», сразу отозвавшиеся в читательских кругах залпом похвал и одобрений. Особенно тронули души читателей стихотворения сборника «Источники». В газете «Туркестон» в 1923 году критик Вадуд Махмуд, выражая всеобщее признание, писал: «Чулпан является новым узбекским поэтом. Поэтому в его сборнике «Источники» кипит сегодняшний дух, состояние и сознание узбекского народа. Здесь в полный голос звучит узбекский язык, узбекская мелодия... В сборнике плачут чувства, душевная боль и волнение узбеков».

Заслуживает внимания и любовная лирика Чулпана, представленная в сборнике «Мгновения любви». Следуя традициям классиков, прежде всего А. Навои («Любовь каландара»), поэт творчески переосмысливает тенденции реалистического описания человеческих чувств и отношений. В стихотворении «Мгновения

любви» героиня, которая сама «входит» в качестве традиционной красавицы, «сопровождается» традиционным воспеванием ее красоты, затем отделяется от классического образца, от поэтических аналогов, ибо из символической фигуры превращается в живого человека, оказываясь сама читательницей стихов лирического героя:

Ты видела ль гурий в пурпурных одеждах
И пери – моих вдохновенных созданий?
Ходила ли ты, оживляя вселенную,
По тропам с цветами моих страданий?

Уподобление пери остаётся только внешним, но утверждается жизненность земной любви. Традиционные фрагменты с пением цветов, плачем соловьев, стыдом за своё несовершенство перед подлинно красивым – всё это присутствует как поэтическая идеализация. Но за этим проступают реальные человеческие чувства и отношения. Лирический персонаж любит не поэтическим чувством-фантазией и книжными страстями, но и действительным чувством. И возлюбленная важна ему не только вдохновляющей аналогией с персонажами газелей, но и жизненной реальностью.

Чулпан использует классическое наследие как элемент романтизации и высокого стиля, которые преподносились как символическое выражение проблем духовной жизни человека. В творчестве Чулпана они становятся возвышенными сравнениями и метафорическим обрамлением реальной жизненной ситуации.

Заметное место в творчестве Чулпана занимает его переводческая и театральная деятельность: он переводит на узбекский язык ряд произведений русских и западноевропейских драматургов. Зритель знакомится с «Принцессой Турандот», с гоголевским «Ревизором». В его переводческом творчестве есть и такие шедевры великого Шекспира, как «Гамлет». Чулпан переводит на узбекский язык произведения Лахути («Путешествие по Европе»), Пушкина («Дубровский», «Борис Годунов»), М. Горького («Мать», «Егор Булычёв и другие»).

Жизнь, творчество и общественная деятельность выдающегося узбекского поэта, драматурга, публициста и переводчика Абдулхамида Чулпана довольно широко представлена в узбекском литературоведении и хорошо знакома узбекскому читателю, но, к сожалению, мало знакома читателю русскоязычному. Самое крупное переводное издание стихотворений поэта – сборник «Мгновения любви», – адресованное русскоязычному читателю, увидело свет лишь в 2019 году. В предисловии к сборнику, отмечая высокую значимость творческой и литературно-критической деятельности Чулпана, переводчик, известный узбекистанский поэт Николай Ильин, заметил: «Литературное наследие поэта важно и интересно как с точки зрения его неповторимого художественного «Я», так и в аспекте понимания его особой роли в развитии узбекской литературы в переломную эпоху начала XX века».

Говоря же обобщённо, поэтическое творчество Чулпана неотделимо от идей преобразования мира, его сердце билось в унисон с пульсом времени и было наполнено чувством глубокого беспокойства за судьбу узбекского народа.

ЛЮБОВЬ КАЛАНДАРА [82]

У любви дворец необъятен, в нём дорогу я потерял,
И застыв на пути опасном, я как будто бы камнем стал.
Мне открылись моря кокетства и обилье капризных волн,
Но того, что здесь ждёт погибель, в своей дерзости я не знал.

Странный мир, этот мир любовный, странен он, о мои друзья,
Для него я задаром отдал блага высшего бытия.
В цветнике того мира душу обольстила мне песнь соловья,
И в обилии слёз потоков захлебнулся страданьем я.

Каландаром бродя по свету, не встречая любви своей,
К старой хижине я вернулся, полный горести и скорбей,
Я был утра звездой – Чулпаном [83] – в небесах любви, о, друзья,
И звездою к земле скатился в ослепленье от солнца лучей.

(Перевод Н. Ильина)

МГНОВЕНИЯ ЛЮБВИ

Ты – повелительница красавиц,
Это в глазах у тебя я прочёл;
Прочёл, и судьбы моей будущей птице
Я мысленно клеть золотую возвёл.

Хотя и уставшие петь славословия,
Фиалки тебя восхвалять не кончали.
В тоске соловей, к ним ревнуя всё более,
Обиженный, долгими плакал ночами.

Смысл слов, что в глазах у тебя написан,
Когда б я поэт был, с рыданьем твердил,
И сердца все ту же давнишнюю рану
Жестокими строчками вновь бередил.

Ты видела ль гурий в пурпурных одеждах
И пери – моих вдохновенных созданий?
Ходила ли ты, оживляя вселенную,
По тропам с цветами моих страданий?

---

[82] ***Каландар*** – бродячий монах, дервиш.
[83] ***Чулпан*** – яркая утренняя звезда, Венера.

Звучит на пути твоём лист увядший,
Стихами, как музыкой, слух мой маня,
Когда же мне твой мелодический голос
Мне скажет, что ты полюбила меня?

(Перевод Н. Ильина)

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. В каких условиях развивалась узбекская литература на рубеже XIX-XX веков?
2. Что такое «джадидизм» и какова его роль в становлении и развитии узбекской литературы конца XIX – начала XX века?
3. В чём особенности драматургии Чулпана? Назовите основные темы его пьес.
4. Каковы основные темы творчества Чулпана? Обоснуйте ответ примерами из произведений.
5. Как вы оцениваете переводы стихотворений Чулпана, сделанные известным узбекистанским поэтом и переводчиком Николаем Ильиным (сборник «Мгновения любви»)? Какое из стихотворений вам понравилось особенно?

скачано с сайта www.idum.uz

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА

Учебник для 10 класса
школ общего среднего образования
с русским языком обучения

Художники
Ситора Алиева, Ихволиддин Салохутдинов

Редактор *Людмила Ким*

Технический редактор *Акмаль Сулейманов*

Художественный редактор *Сарвар Фармонов*

Дизайнер-верстальщик *Ольга Силенко*

Корректор *Заре Сардарян*

Разрешено в печать _____. Формат 60x84 1/8.
Гарнитура Arial. Размер шрифта 12. Офсетная печать.
Условный печатный лист _____. Учётно-издательский
лист _____. Тираж _____. Заказ № _____.

скачано с сайта www.idum.uz

Сведения о состоянии учебника, выданного в аренду

№	Имя, фамилия ученика	Учеб-ный год	Состояние учебника при получении	Подпись классного руково-дителя	Состояние учебника при сдаче	Подпись классного руково-дителя
1						
2						
3						
4						
5						
6						
7						

Таблица заполняется классным руководителем при передаче учебника в пользование и его возвращении в конце учебного года. При заполнении таблицы используются следующие оценочные критерии:

Новый учебник	Состояние учебника при первой передаче
Хорошо	Обложка цела, не оторвана от основной части книги. Все страницы в наличии, не порваны, на страницах нет записей и помарок
Удовлетво-рительно	Обложка не смята, слегка испачкана, края стёрты. Удовлетво-рительно восстановлен пользователем. Вырванные страницы восстановлены, но некоторые страницы исчерчены
Неудовлет-ворительно	Обложка испачкана, порвана, корешок оторван от основной части книги или совсем отсутствует. Страницы порваны, некоторых не хватает, имеющиеся исчерчены. Учебник к дальнейшему пользованию не пригоден, восстановить нельзя